НАТАН ГИМЕЛЬФАРБ

ЗАПИСКИ ОПАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИЗД-ВО «КИЕВ» «» НЬЮ-ЙОРК, 2000

Натан Гимельфарб
ЗАПИСКИ ОПАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА

NATAN GIMELFARB
NOTES OF A PERSECUTED DIRECTOR
Memories.

Copyright @ by N. Gimelfarb, 1999.
All Rights Reserved.
Printed in the United States of America.
Library of Congress Catalog Card Number: 99 94104.

Набор, вёрстка и техническая редакция
Семёна Смоляра.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В АМЕРИКЕ

Михаилу Натановичу Гимельфарбу - своему сыну,
рано ушедшему из жизни, эта книга посвящается.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

О моей жизни, начиная с далёкого детства, юности, страшном военном лихолетье, учёбе и работе написаны две предыдущие мои книги под общим названием «Записки опального директора». Писал я их уже в преклонном возрасте, когда разменял восьмой десяток. Потребность оставить потомкам своё жизнеописание возникла намного раньше, когда и сил было больше и память лучше, но времени для этого не нашлось. Всё оно, время, было службе отдано. Трудился, как заведенный, с пяти утра до поздней ночи. И всё мало казалось. Даже на седьмом десятке, когда сам Б-г велел уходить на покой, на отдых, всё откладывал выход на пенсию, находя в своё оправдание разные причины.

Были и другие обстоятельства, исключающие возможность издания мемуарной литературы в СССР для людей моего сословия, положения в обществе и взглядов на процессы и явления происходящие в стране. Наверное, так до конца жизни и не нашлось бы ни времени, ни условий для того, чтобы отчитаться перед потомками о прожитой жизни, если бы не внезапное решение покинуть Родину.

По понятным причинам в Америке ни работа моя, ни идеи мои оказались не нужными. Другая страна, другие порядки, другой язык. Тут знания даже молодых иммигрантов часто оказываются невостребованными. Вот и время оказалось свободным. Только теперь понял как плохо, когда его слишком много.

Казалось здесь, при неограниченной свободе человека в обществе открылась реальная возможность исполнить долг перед младшими поколениями нашей большой семьи. Но я долго всё ещё не решался приступить к непривычному для себя труду. Семидесятилетний юбилей стал последним звонком и предупреждением: откладывать дальше нельзя - будет поздно...

Приступив к работе всё боялся, что завершить её не удастся из-за нехватки сил и проблем со здоровьем. Поэтому торопился и писал в ритме, подобном трудовому на своей бывшей родине. К моему 75 летию удалось, наконец, окончить и издать своё жизнеописание. В нём всё о прожитых годах в Союзе до отъезда в Америку.

Когда книги, ещё пахнущие типографской краской, пришли в мой дом, я с облегчением вздохнул, считая что выполнил свой долг перед детьми и внуками. Им посвятил свой труд и тешился надеждой, что они от моёго повествования получат какую-то пользу.

Я, честно говоря, не очень надеялся на то, что мои «Записки» окажутся нужными кому-нибудь ещё, кроме моих родных, близких и друзей, что они вызовут интерес у незнакомого читателя. Вот почему воспоминания были изданы небольшим тиражом и о продолжении работы над мемуарами серьёзных намерений не было.

Какого же было моё удивление, когда после выхода из печати первых двух книг, я получил большое количество писем, звонков, отзывов из многих городов Америки, а также из России, Белоруссии и других республик моей бывшей родины.

Не скрою, было очень приятно читать и слышать добрые слова читателей. Были и отзывы специалистов. Особенно тронула рецензия журналистки Евгении Шейнман в Санкт-Петербургской газете «Народ мой» от 31 августа 1999-го года. Она для меня особенно ценна, потому что написана человеком, семья которого долгие довоенные годы прожила в родном мне местечке Красилов.

Радует большой интерес к «Запискам» работников мясомолочной промышленности, в которой я проработал без малого полстолетие. Головной НИИ в Москве, занимающийся наукой о мясе, заказал несколько десятков книг для распространения среди ученых и специалистов. Много отзывов пришло от коллег, с которыми вместе работал в этой мало почётной отрасли советской индустрии. Все они сочли повествование интересным и правдивым. Некоторые нашли в нём немало общего со своей жизнью, работой, творчеством.

До слёз тронули письма, написанные родственниками моих коллег, которых уже нет в живых или тех, что состарились, тяжело болеют и сами написать не смогли. Кое-кто помнит меня с их детства. Для других моё имя осталось в памяти из рассказов родителей. Третьим запомнились уличные сплетни обо мне, грязные антисемитские фельетоны и клеветнические пасквили в белорусских и центральных газетах. Отрадно, что свидетельства живых ещё участников тех событий не стыкуются с версиями, что фабриковались обо мне органами МВД Белоруссии.

Писем и отзывов много. Я старался ответить на них лично, но некоторым ещё не успел это сделать, за что прошу меня простить. Всем, кто мне написал, высказал своё мнение или выступил с рецензией выражаю свою искреннюю благодарность. Особенно тем, кто сделал критические замечания. Их авторам я более всего признателен. Отмеченные ошибки и недостатки признаю. Они не были умышленными. Подвела память, сказалось отсутствие опыта. Мечтаю исправить допущенные неточности и, если время и силы позволят, переиздать свои воспоминания. Такая необходимость вызвана ещё и неудовлетворённым на них спросом. Тираж разошёлся полностью в год издания и не все заказы оказались выполненными.

Особая моя благодарность за интерес к моему сочинению, заботу о его распространении, душевные слова и критические замечания бывшим коллегам по работе: доктору технических наук, А. Б. Лисицыну; заслуженному деятелю науки и техники РФ М. Л. Файвишевскому; бывшему главному специалисту Минского мясоперерабатывающего завода Н. Г. Каталиченко; доценту Одесского технологического института пищевой промышленности Т. Зыкиной; моему заместителю в бытность работы генеральным директором Могилевского ПО мясной промышленности П. С. Кожевой и ведущему специалисту этой фирмы Р. Д. Матвеевой; моим землякам из Белоруссии - заслуженному учителю республики Б. А Берлину и экономисту М. Л. Зингман; односельчанам - журналисту Е. Шейнман и пенсионеру Ф. Эйдельштейн; читателям из Вашингтона и Сиэтла - Э. Маринову и А. Русоник.

Многие читатели интересуются жизнью персонажей «Записок» в эмиграции и просят продолжить рассказ о них. Именно поэтому я взялся за продолжение своего повествования.

Надеюсь, дорогой читатель, что предлагаемая книга будет полезна тем, кто стремится понять и осмыслить наше прошлое, ушедший в историю 20-й век. Место и время действия - Америка последнего десятилетия уходящего столетия. Действующие лица: члены моей семьи, родственники, друзья, приятели, соседи. События, описанные в этом томе, касаются семейной хроники и иммигрантской жизни, вообще моему восприятию процессов и явлений происходящих здесь и в других регионах мира. Многие цифры и другие данные я черпал из публикаций в газетах и других периодических изданий.

В работе над книгой мне помогали мои родные и друзья, которые были первыми читателями и первыми советчиками. Сердечную свою благодарность хочу вновь выразить неизменному моему редактору Александру Шапиро, жене Анне Абрамовне, сыну Владимиру и его жене Рите, дочери Вере и её мужу Володе, внукам Илье, Дине и Наташе, внучке Алёнке и её мужу Виктору, моим друзьям Евгению Шусторовичу и Нелли Топорской.

Натан Гимельфарб

“Дайте мне этих уставших,

Дайте несчастных и бедных,
Дайте всех жаждущих
Вздохнуть свободно...”
...Строфы выведенные на
пьедестале Статуи Свободы.

Нью-Йорк нас встретил проливным дождём. Огромный воздушный корабль необыкновенно мягко коснулся земли и, постепенно снижая скорость, причалил к своей стоянке аэровокзала, которая здесь называется “Гейтом”. По широкому стационарному коридору, соединяющему “Боинг” с терминалом аэропорта, мы вышли в зал ожидания, где нас встретили агенты “Хиаса”, предлагавшие беженцам, прибывшим на постоянное место жительства, следовать за ними.

Подчиняясь этому призыву, мы примкнули к группе людей, в центре которой была уже немолодая женщина низкого роста с повязкой на руке. Она представилась Басей и на чистом русском, но с явно выраженным еврейским акцентом, велела не волноваться и слушаться её команды.

- Сверим часы, - скомандовала Бася, - Сейчас 4:45 по местному времени.

По моим часам, показывающим московское время, было уже за полночь и пришлось повернуть стрелки в обратную сторону на восемь часов. Оказалось, что мы вылетели из Шеннона и прилетели в Нью-Йорк почти в одно и то же время.

- Двигайтесь за мной, - вновь приказала Бася, - и быстрым шагом направилась в свободный от людей угол зала.

Здесь было спокойней, можно было присесть и освободиться от груза ручной клади. Не теряя времени, Бася произвела перекличку прибывших пассажиров по имеющемуся у неё списку, уточнила маршруты следования и приступила к оформлению долговых обязательств на заранее приобретенные билеты.

Чувствовалось, что процедура встречи здесь хорошо отработана. “Хиасу” заблаговременно известно кто и каким рейсом должен прибыть, что позволяет тщательно готовиться к приёму людей. Приятно было видеть, что нас здесь ждали и о нас заботятся. С ужасом подумали о том, что бы было, если бы не было такой организации, как “Хиас”.

Когда билеты были розданы и документы на возмещение их стоимости подписаны, Бася сопроводила нас в офис “Службы иммиграции и натурализации”, где мы оставили пакет с выездными документами и к нашим паспортам прикрепили “Белые карты”, дающие право на проживание в США. Все эти формальности были выполнены довольно чётко и не заняли много времени.

Более сложной оказалась процедура получения багажа и посадки на самолёт в Баффало. Нужно было, во-первых, отыскать свои тринадцать баулов среди огромного количества тюков, чемоданов, рюкзаков, выгруженных из нашего и других самолётов. Когда мы с этим, наконец, справились, следовало водрузить наш неподъёмный багаж на ручные тележки и доставить его по улице к другому терминалу, расположенному в полутора километрах от этого.

На каждого из членов нашей семьи, включая и маленькую Анечку, пришлось по загруженной до предела тяжёлой тележке. Дождь всё усиливался, и трудно сказать как бы мы справились с такой задачей, если бы, к большой нашей радости и удивлению, не услышали из-за ограды голоса, дожидавшихся нас Верочкиных друзей - Андрея и Розы, которым она перед отъездом сообщила по телефону о дне вылета из Минска. Они вместе работали в АСУ Мясомолпрома и раньше её прибыли в Америку, где уже успели устроиться недалеко от Нью-Йорка.

Их помощь была очень кстати, но и её оказалось недостаточно для такой трудной работы. Можно было поручить доставку багажа грузчикам, которые наперебой предлагали свои услуги, но на это нужны были деньги, которых было совсем мало. Трудно себе представить, чтобы мы делали здесь с теми ста долларами, которые в то время по советским законам разрешалось вывозить каждому человеку, выезжающему на постоянное место жительство в чужую страну, если бы не забота “Хиаса”. Всего нашего капитала, вывезенного из Союза, не хватило бы даже на оплату проезда до Баффало.

Не преодолев и половины расстояния, промокшие до костей под проливным дождём, и понукаемые Басей, угрожающей опозданием на самолёт, мы всё же были вынуждены прибегнуть к помощи носильщика, который потребовал за услуги 15 “баксов”. Сумма показалась нам страшно большой, но выхода не было и пришлось её выложить.

Когда мы оказались у багажной стойки, посадка на наш рейс уже заканчивалась и здесь нас ждала очередная неприятность. На шесть пассажиров можно было отправить только двенадцать баулов, а за лишний тринадцатый требовалось доплатить около ста долларов. Больше всех от непредвиденных расходов страдала жена, которая и здесь была “главным экономистом” семьи.

Но и на этом не закончились проблемы первого дня пребывания в Америке. Когда мы вошли в автобус, подвозящий пассажиров к самолёту, и уже попрощались с Андреем, Розой и представителем “Хиаса”, возникли сомнения, что наш самолёт вылетит

по расписанию. Об этом мы догадались не столько из объяснений водителя, сколько по выражению лиц пассажиров.

Выяснилось, что из-за технических неполадок вылет задерживается и, после получасового ожидания, нас отвезли обратно в терминал, где велели ждать очередного рейса, который должен был состояться через два часа. Больше всего беспокоило то, что встречающим нас в Баффало детям придётся ждать до часу ночи и они будут волноваться.

Наконец, объявили новую посадку. На сей раз проблем не возникло и мы заняли свои места в самолёте. Тут всё напоминало наш “Аэрофлот”. Нас угощали леденцами, прохладительными напитками и предлагали вечерний выпуск местной газеты. Но нам ничего больше и не нужно было, мы устали от многочасового перелёта через океан и волнений.

Далеко за полночь, когда самолёт произвёл посадку в Баффало, ещё на эскалаторе мы увидели встречающую нас семью Вовочки в полном составе. Прямо со ступенек двигающейся лестницы мы попали в их объятия. Больше всех от радости визжала Диночка, которой уже шёл тринадцатый год.

Думали что все проблемы уже позади, но на месте выдачи багажа не оказалось пяти наших баулов. Нас это очень огорчило, но работники аэропорта заверили, что багаж непременно разыщут и в течении одного-двух дней доставят по нашему домашнему адресу.

О последней неприятности мы узнали, когда уселись в автомобиль. На ветровом стекле висела штрафная квитанция на тридцать долларов за нарушение правил парковки. Для детей тогда это была большая утрата и Вовочка с грустью заметил:

-Эту потерю нам авиакомпания не возместит.

Автомобиль вышел на многополосное шоссе, освещённое фарами движущихся на большой скорости машин. Не прошло и четверти часа, как мы остановились на тихой зелёной улице с однотипными двухэтажными домами.

-Это ваше новое пристанище, - сказал Вовочка.

-Похоже на большую деревню, - выразила свои впечатления Наташка.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж и Вовочка вручил сестре ключи от её апартмента. Это была довольно просторная трёхкомнатная квартира со всем необходимым для жизни на первое время. Мебель была не новой, но в хорошем состоянии. Даже о кухонной утвари и занавесах на окна наши дети позаботились. И это

при том, что сами они еле концы с концами сводили, преодолевая бытовые, языковые и социальные проблемы.

В соседнем доме была точно такая же по размеру и расположению комнат квартира для нас с отдельной спальней для Полечки. В спальнях и гостиной стояла мебель, кухонные ящики были заполнены посудой, а в холодильнике находился приличный запас продуктов. Слёзы благодарности стояли в глазах женщин. Растрогали и меня дети своей заботой, добротой и вниманием.

Начиналась новая жизнь в неизвестной Америке.

2

Первые дни ушли на обустройство, постановку на учёт в службе социального обеспечения и Еврейском общественном центре и знакомство с районом проживания.

Всё это делалось с участием детей, которые всюду сопровождали нас. Им приходилось отпрашиваться для этого на работе, но иного выхода не было: их помощь была необходима во всём, да и по-английски мы не могли связать и двух слов.

На следующий, после нашего приезда, день, как только мы отоспались после трудной дороги, дети повезли нас в офис социального обеспечения. Услугами подобного заведения мне не раз приходилось пользоваться и раньше, на нашей бывшей родине, но ничего похожего я здесь не обнаружил. Хоть и тут было много людей, ожидающих приёма, и среди них немало пожилых и инвалидов, всё было на порядок выше.

Все наши заботы свелись к записи в книгу посетителей и заполнению довольно простой анкеты. В помещении было чисто и уютно. Устроились в удобных креслах в ожидании приёма. Не прошло и получаса, как мы были приглашены на беседу. Уже немолодая сотрудница была доброжелательна и вежлива. При помощи компьютера ей понадобилось не более пятнадцати минут для решения всех вопросов и оформления необходимых документов. Нам сказали, что скоро мы получим карточку “Social Security” с персональным номером, который здесь присваивается каждому человеку на всю жизнь, и решение о назначении пособия. Мы поражались тому, как быстро и чётко здесь решаются такие жизненно-важные вопросы.

После беседы сотрудница сопроводила нас к выходу, пожала каждому руку и дала свою визитную карточку. Невольно вспомнились мытарства и бюрократическая волокита при оформлении пенсии “у нас”, кислые физиономии чиновников, делающие одолжение уже только тем, что тратят на тебя время и разговаривают с тобой.

В тот же день побывали в “Джуиш Фемили Сервис”. Здесь нас приняли очень тепло и рассказали об истории и опыте работы этой организации. Она была создана в Баффало в конце шестидесятых годов с целью оказания помощи евреям-беженцам из Советского Союза. За это время в город прибыли сотни семей иммигрантов, которым оказана большая помощь в обустройстве на новом месте, изучении языка, поиске работы и постижении основ жизни в Америке. В Еврейском Центре действует несколько программ, согласно которым прибывающие обеспечиваются денежным пособием “на жизнь”, гарантированной оплатой стоимости жилья и продовольственными купонами до получения ими государственного пособия. Эти и другие услуги сервиса финансируются Еврейской Федерацией Баффало, местными спонсорами, а также Американским правительством.

Директором программы по адаптации русских эмигрантов на протяжении многих лет работала Гленда Катволодер - человек большой души, удивительной доброты и обаяния. Для обслуживания и оказания помощи беженцам из бывшего СССР “Центр” содержал в штате сотрудника, говорящего по-русски, который здесь называется кейсворкером.

На этой должности работала Лариса Рейн, свободно владеющая английским, хибру и русским языком. Она провела с нами “вводный инструктаж”, ознакомила с расписанием занятий, показала все помещения Еврейского Центра и выдала бесплатные членские билеты, дающие право в течении года пользоваться всеми благами “The Jewish Community Center of Greater Buffalo”, его плавательными бассейнами, сауной, спортивными залами, тренажёрами, библиотекой и многим другим.

Лариса выдала нам подборку книг по иудаизму, еврейским праздникам и традициям, кошерной кухне. Она также порекомендовала школы, где можно бесплатно обучаться английскому. Этим советом мы тут же воспользовались и направились в “International Institute”, который находится неподалеку, на одной из центральных улиц города.

Администратор нас встретил доброжелательно, зарегистрировал для прохождения теста и ознакомил с помещениями школы. Она размещалась в просторном двухэтажном особняке, оснащённом всем необходимым для учёбы и отдыха студентов. Было время летних каникул и до начала занятий оставалось ещё две недели, в течении которых следовало подготовиться к занятиям и решить транспортные проблемы (школа была в десяти милях от нашего дома).

Мы не переставали удивляться тому, как оперативно, без бюрократических проволочек здесь решаются непростые социальные и бытовые проблемы. За несколько часов нам удалось решить так много важных для нас вопросов!

День близился к концу. Хоть и была уже вторая половина августа, было ещё по-летнему тепло и не чувствовалось примет приближающейся осени. Листва на деревьях и трава на аккуратно подстриженных газонах сохранили свой ярко-зелёный цвет, на улицах и в скверах было много цветов. Мы проехали по центральным улицам города и погуляли по парку. Всё здесь было необычно и мало похожим на привычную картину наших городов. В Даунтауне (так тут называют центральную часть города) нас поразило множество высотных домов, которые, в отличие от московских, были самой разнообразной архитектуры. Больше всех понравился небоскрёб мерии (Сити-Холл), в котором размещаются управленческие службы городской администрации. Со смотровой площадки, находящейся на 30-ом этаже здания, можно было обозреть панораму Баффало.

От центральной площади лучами в разные стороны уходят главные магистрали, застроенные добротными зданиями повышенной этажности. Главная улица города - Мейн стрит в центре закрыта для движения автомобилей и по ней ходят поезда метро.

В ходе ознакомления с достопримечательностями Баффало дети рассказали кое-что из его истории. Городу уже около двухсот лет и, так как вся страна того же возраста, он, по американским масштабам, считается чуть ли не древним. До недавнего времени Баффало был одним из самых процветающих американских городов, крупным промышленным, торговым и культурным центром. В конце прошлого века был построен крупнейший в мире железнодорожный мост и первое в Америке высотное здание на стальных конструкциях. В городе проходили многие международные и американские выставки, в том числе и крупнейшая панамериканская 1901-го года. Здесь тогда был убит 25-й президент США В. Маккинли и вступил в должность (инаугурирован) 26-ой президент страны Теодор Рузвельт. В доме на Delavare Avenue находится музей инаугурации. Тут много и других музеев, библиотек, спортивных, зрелищных и учебных заведений, в том числе крупный штатный университет. Рядом с городом - великое чудо природы - Ниагарский водопад. Население Большого Баффало - около полутора миллионов, примерно столько же, как и в нашем столичном Минске.

В последнее время по ряду причин экологического и географического характера промышленное производство несколько снизилось, что сказалось на темпах развития

города, но и сейчас Баффало является важным экономическим, торговым и культурным центром страны.

-Так что не такая уже это деревня, как вам сначала показалось, - заключил свой рассказ Вовочка.

По улицам двигался нескончаемый поток автомобилей, разных по цвету и моделям. Такое обилие и разнообразие машин нам никогда раньше видеть не приходилось. Было среди них и много роскошных.

Заметно отличалась от нашей и городская публика. Среди людей разного цвета кожи белые не составляли большинство. Пёстрой была и одежда. Большинство мужчин и женщин, включая и пожилых, носили шорты, но немало было в костюмах и при галстуках. Так тут одеваются деловые люди и служащие учреждений, организаций, контор и банков, даже в жару.

На фасадах домов не видно было призывов экономить воду, тепло, электроэнергию, снижать себестоимость продукции и выполнять государственные планы, от чего они казались голыми и необычно чистыми.

Нельзя было заметить той суеты и спешки, которая присуща жителям крупных советских городов. На улицах, даже в центре, было мало людей. Здесь никто никуда не торопился и ни за чем не было очередей. Ярко оформленные витрины и пёстрые рекламы зазывали покупателей в магазины, кафе и рестораны. Во всём чувствовалось, что город живёт спокойной и размеренной жизнью.

Наступили сумерки, засветились уличные фонари и красочная иллюминация от чего город показался нам ещё живее, богаче и краше.

3

В первый выходной день дети повезли нас в супермаркет. Так здесь называются большие продовольственные магазины, где можно купить не только любые пищевые продукты, но и многие сопутствующие товары, включая кухонную утварь, косметику, цветы, всевозможные лекарства.

Изобилию товаров мы могли удивляться уже в первый день жизни в Америке, когда зашли в небольшой магазин, расположенный вблизи нашего дома. По нашим советским понятиям в нём было всё, что твоей душе угодно. И всё совершенно свободно, хорошего качества и в добротной упаковке. Никаких дефицитов, очередей, талонов, купонов, карточек покупателей, к чему мы так привыкли ТАМ и без чего не

представляли себе жизни. Но то, что мы увидели здесь, в супермаркете, превзошло все наши ожидания. Такое нам и во сне не снилось. Всё это больше походило не на магазин, а на выставку.

Вспомнились выставки достижений народного хозяйства, которые периодически устраивались в Белоруссии к юбилеям республики и её Коммунистической партии. Они проводились, обычно, в помещении Театра оперы и балета и на них лучшие предприятия пищевой индустрии демонстрировали свои возможности изготовления товаров народного потребления. Мне не раз приходилось организовывать показ колбасных изделий и копченостей нашего производства на таких выставках. К ним тщательно готовились, подбирался ассортимент, отрабатывалась выкладка товаров и оформление стендов. Со страхом и трепетом ожидали просмотра экспозиции руководителями партии и правительства во главе с Машеровым. Мы тогда очень старались и, как правило, получали высокую оценку руководства.

Но даже те выставочные стенды по внешнему виду изделий, их ассортименту и упаковке не могли бы сравниться с тем, что мы увидели здесь, в обычный день, в гастрономическом отделе обыкновенного местного супермаркета.

Ещё большее удивление вызвали фруктово-овощные ряды. Обилие и красота предлагаемых покупателю товаров ошеломляли. Что-то подобное мне приходилось видеть в павильонах Молдавии и Украины на ВДНХ СССР в Москве, но не в таком объёме и ассортименте. Некоторые дары природы, выставленные для продажи, нам раньше и видеть никогда не приходилось.

От всего этого дух захватывало и кружилась голова. Анечка, которая больше меня знала толк в этом деле и полжизни провела в очередях за дефицитами, долго не могла прийти в себя от увиденного. Наш семейный кормилец, ежедневно таскавшая на себе тяжеленные авоськи с продуктами, не могла поверить в то, что в продмаг можно войти без сумок и сеток, банок и бутылок, других видов тары и упаковки, что здесь тебе всё упакуют и сложат в тележку, а если будет угодно, то и домой отвезут. Единственное, что остаётся сделать, это выбрать товар по своему желанию и оплатить его стоимость. Покупателю здесь никто одолжение не делает. Ему здесь рады. Его благодарят за то, что он купил товар.

С непривычки мы набрали в тот день две полные тележки продуктов (одну для себя и Полечки, другую для Верочки и детей), и полные радости и счастья покинули сказочный чудо-магазин.

Больше всех всему новому радовалась Анечка маленькая. Ей уже исполнилось 8 лет, а мы по-прежнему называли её маленькой. Несмотря на то, что она, как и все мы, не знала языка и не могла ещё общаться со своими сверстниками, ей здесь всё было по душе: аккуратно подстриженные зелёные лужайки за домом, где не было табличек “По газонам не ходить” и можно было на травке в мячик поиграть; и заполненный до отказа необычно большой холодильник на кухне; и тостер, в котором зажаривали белый хлеб, от чего он становился хрустящим; разнообразные сериалы (пищевые диетические смеси разного состава и калорийности), которые были очень вкусны с молоком или соками; пепси-кола в больших пластмассовых бутылях; и, конечно, мороженое, которое можно было есть сколько угодно.

Но больше всего любила Анечка походы с бабушкой на гаражи-сейлы (небольшие базарчики по распродаже домашних вещей), где ей покупали игрушки и куклы, а также на торговую площадь (плазу) недалеко от нашего дома, где было много небольших магазинчиков, забитых разной всячиной.

На такие распродажи бабушка и сама охотно ходила, так как там за бесценок можно было купить различные хозяйственные товары, кухонную утварь и посуду, а вот на плазу она старалась ходить пореже из-за того, что платить там нужно было полную цену долларами, которых так не хватало.

Мне не раз приходилось слышать, как маленькая Анечка уговаривала бабушку:

- Пойдём на плазу, бабушка. Честное слово я ни о чём просить тебя не буду, мы только посмотрим и вернёмся домой.

К каким только ухищрениям не прибегала бабушка, чтобы отвлечь внучку от запретных мыслей. Ей это часто удавалось и Анечка на какое-то время забывала о магазинах, но чаще она вскоре вновь возвращалась к больной теме, умоляя сходить с ней на плазу хотя бы на полчасика, и добивалась своего.

Догадываясь, что причиной отказа бабушки ходить в магазины является отсутствие денег, она редко просила ей что-нибудь купить и довольствовалась просмотром детских книжек и игрушек, что разрешалось делать бесплатно. Игрушки здесь сказочно красивые. Такие ей раньше и видеть не приходилось. Некоторые книжки даже говорить умели и, хоть Анечка не понимала о чём они говорят, ей было интересно их слушать, она подолгу любовалась ими.

Со временем детская комната, отведенная ей и старшей сестре, стала походить на магазин игрушек. Особенно любила Анечка играть с куклами “Барби”, которых у неё собралась целая коллекция. Они были очень стройны, красивы и чем-то похожи на знаменитую артистку Мерилин Монро. На них были разнообразные модные туфельки и платья, воплощавшие современные фасоны. Ребёнка с трудом удавалось отправить погулять на улицу. Ей было хорошо с куклами, игрушками и книжками.

Наташка, которой в августе исполнилось семнадцать, восприняла Америку по-другому. Она меньше Анечки восторгалась обилию вкусной пищи, возможностью приобретения “шмоток” и скучала по родине. Ей не хватало оставленных там друзей и родных, она часто вспоминала Минск, своё медучилище, всё к чему привыкла в детстве и юности.

Но вот пришёл сентябрь и дети отправились в школу. Анечку определили в третий класс Elementary school, а Наташку - в одиннадцатый High school. Девочкам купили одежду и обувь, которую носят здесь школьники (совсем не похожую на нашу), необходимые учебные принадлежности и пособия. Больше всего волновались за язык. Учиться нужно было на английском, уровень которого был у них нулевой.

Вспомнился первый день учебного года на бывшей родине. Было очень приятно смотреть на детишек, отправляющихся ТАМ в школу первого сентября. Все они были в одинаковых нарядных платьицах и костюмчиках, с новыми ранцами за спиной и букетами цветов в руках. Зрелище - необыкновенно красивое.

Здесь всё по-другому. Нет школьной формы. Дети носят произвольную одежду по своему вкусу, которая совсем не кажется нарядной. От этого терялось ощущение праздника. И цветов было поменьше. Учебный год начинался не обязательно первого сентября, а в первую среду после праздника труда (Labor Day).

Зато родителям первоклашек не нужно самим отводить детей в школу. За ними, как и за всеми другими детьми школьного возраста, заезжают специальные автобусы. Это впечатляет больше, чем наша школьная форма.

Ещё большую радость принёс Анечке бесплатный школьный завтрак, который, по её словам, был обильным и очень вкусным. В восторге она была и от учительницы, мисс. Стивенс, которая занималась с ней отдельно и учила её английскому. В общем Анечка была всем довольна и школа ей очень понравилась.

Не замедлили сказаться и результаты учёбы в полюбившейся школе. Буквально на глазах расширялся словарный запас ребёнка. Не прошло и двух недель, как Анечка

уже могла как-то общаться со сверстниками во дворе и стала приносить хорошие оценки по большинству предметов. Чувствовалось, что новый язык ей интересен и его изучение доставляет радость и удовольствие.

Другое настроение было у Наташки, когда она пришла из школы после первого учебного дня. Хоть это и была лучшая High school района, её там ничего не радовало. Она была грустной и подавленной. Наша старшая внучка, которая с детства отличалась незаурядными способностями и была душой компании в школе и на улице, почувствовала себя здесь чужой и никому не нужной. Она была на год старше других одноклассников, что в этом возрасте весьма ощутимо, а главное, не могла общаться с ними из-за плохого английского. Не понимала она и учителей, что больше всего её угнетало.

Наташа не жаловалась и не плакала. Это было не в её характере. Она неохотно отвечала на наши вопросы и они только раздражали её. Когда я, пытаясь как-то успокоить внучку, стал советовать ей не принимать всё так близко к сердцу, она, со слезами на глазах, спросила не забыл ли я о своём обещании отправить её назад “домой”, когда она об этом попросит.

Тяжело было видеть, как страдала Наташа в эти первые дни. Мы старались не приставать к ней больше со своими расспросами и советами, надеясь, что лучшим лекарем для неё станет время.

Не обременяла её излишним вниманием и Верочка. Ей самой было тяжело: на её плечи свалилась масса проблем, которые надо было преодолеть; нужно было адаптироваться в новую жизнь.

Глядя на страдания Наташи, мы пришли к выводу, что не всем детям тут так легко и просто. Мы всё более убеждались в том, что некоторым из них, особенно в подростковом возрасте, здесь тяжелее, чем нам.

Но наша внучка оказалась бойцом и мужественно вступила в борьбу со свалившимися на неё проблемами. Она до поздней ночи засиживалась над учебниками, усердно старалась выполнять домашние задания и вскоре стали заметны сдвиги.

Как-то Наташка пришла из школы оживлённая и довольная. Она сама поделилась с нами первыми успехами. Учитель похвалил её за контрольную по математике, которую она сделала лучше других. По её словам, когда дело касалось цифр и формул, она чувствовала себя легко и свободно. Более того, она всё более убеждалась в

том, что уровень её знаний по физике, химии, математике значительно выше, чем у многих её одноклассников.

Теперь уже у нас на глазах были слёзы. Это была радость за любимую внучку, которая, наконец, поверила, что и здесь сможет идти в ногу со всеми, а может и опережать их.

Мы заметили, что Наташа стала ещё более усердно заниматься английским. Она много читала, пользуясь словарём, смотрела телевизор, слушала радио. После зимних каникул внучка доверительно сказала бабушке:

-Сегодня на уроках я впервые осознала, что стала понимать, почувствовала язык. В голове была полная ясность, мне вдруг всё стало понятно, я перестала переводить свои мысли с русского и стала думать по-английски.

В её настрое наступили долгожданные перемены.

5

Пошли в школу и взрослые члены нашей семьи, за исключением бабушки. Ей нужно было хотя бы первые несколько месяцев помочь Верочке по уходу за детьми, особенно за младшей внучкой.

International Institute находился в десяти милях от нашего дома и туда приходилось ездить автобусом и метро. На это тратилось много времени и денег. Чтобы попасть на занятия к девяти утра нужно было выйти из дома в половине восьмого. Полчаса шли пешком и около часа ехали городским транспортом. Но главное было не во времени, а в деньгах. Автобусный билет стоил два с половиной доллара. За такие деньги здесь можно было купить пять фунтов куриного мяса. Как тут было не вспомнить пятикопеечные билеты на нашей бывшей родине?

Но выбора не было. Английский нужен был всем, особенно Верочке, теперь единственному кормильцу своих детей, которая без него не могла и мечтать о работе. Да и нам, пожилым, нельзя было долго оставаться глухонемыми. Не могли же повсюду сопровождать нас дети, у которых было по горло своих дел на службе и дома.

Поначалу учёба давалась довольно легко. Так мне казалось, наверное, потому, что многим другим в нашем классе она давалась труднее. Сказывалась всё же разница в общеобразовательном уровне студентов. Некоторые из них уже второй год учились в первом классе, а учебный материал им давался труднее, чем мне. Через два месяца, по итогам очередного теста, меня перевели во второй класс, а после зимних каникул я

оказался в третьем классе. Мне тогда казалось, что вскоре я заговорю на английском и смогу понимать настоящих американцев. Хотелось верить в чудеса.

Вскоре оказалось, что это не так. И связано с возрастом и памятью. После каждого, даже небольшого перерыва в занятиях, я убеждался, что заученный запас слов теряется и всё нужно начинать сначала.

Наша учительница Айрен говорила:

-Чтобы научиться читать - нужно читать, чтобы научиться писать - нужно писать, чтобы научиться говорить - нужно говорить.

Это была истина. И если на уроках нас заставляли читать и писать, мы кое-чего достигали. Нам же больше всего нужно было заговорить, а этому нас и не учили. В классе было более двадцати учеников и за несколько часов школьных занятий невозможно было дать каждому что-то сказать. Мы могли рассказать как нас зовут, откуда мы приехали и какая сегодня погода. И даже это мы говорили с таким произношением, с такой интонацией, что американцам было трудно нас понять.

И всё же мы не сдавались, упорно стремясь чего-нибудь достичь. В школу ездили в любую погоду, старались не пропускать занятий и выполняли домашние задания.

Больше всех старалась Верочка. Она была моложе нас и результаты её были более весомыми. Начав учёбу с третьего класса, она уже через несколько месяцев перешла в другую школу с более интенсивной формой обучения, обеспечивающей возможность подготовки к поступлению в колледж или освоения трудовой квалификации.

Со второго семестра к учёбе приступила и Анечка. Несмотря на то, что она пропустила несколько месяцев, она довольно быстро достигла моего и Полечкиного уровня, а вскоре и опередила нас, особенно в умении объясниться по-английски. Может у неё способности другие были, а может смелости побольше, но когда нужно было что-то выяснить, о чём-то договориться по телефону, это непременно поручалось ей и нужно сказать, что с этими обязанностями она неплохо справлялась. Благодаря этому мы уже через несколько месяцев могли обходиться без посторонней помощи в магазине, у врача или при посещении любого учреждения.

Понемногу мы стали чуть-чуть понимать наших соседей по дому, научились читать специальную школьную газету на английском и стали даже слушать сводки погоды по телевизору. Чему-то мы все же в нашей школе научились.

Адаптация Вовы и Риты в американское общество имела свои особенности. В отличие от большинства еврейских беженцев из СССР, прибывших в годы “Перестройки” и развала советской системы, они не воспользовались щедростью государства и еврейской общины, не пошли по дороге “Вэлфера” - системе социальной помощи малоимущим (Social Security), введённой президентом Рузвельтом в годы Великой депрессии, а избрали свой путь врастания в новую жизнь.

Они не вняли стереотипному набору советов забыть о своём социальном статусе, о своих дипломах, знаниях, опыте, профессионализме и сесть на пособие, которое позволяет обеспечить сытую жизнь себе и детям, ради которых они сюда приехали.

“Каждый должен съесть причитающуюся ему норму дерьма”, - говорили им их друзья и знакомые.

Наши дети понимали, что избежать положенной им, как и всем другим русским евреям, “нормы” не удастся, что на избранном ими пути придется даже значительно перевыполнить её, но слушать советов не стали.

Они не смогли перечеркнуть то, что составляло прошлую жизнь, работу, которая увлекала и была сродни творчеству, не смирились с существовавшим статус-кво, которого придерживалось большинство. Вместо этого они стали искать работу.

Не было никакой надежды устроиться по специальности. Наши дипломы здесь не признаются, а без английского об этом не могло быть и речи, но они продолжали рассылать резюме по всей Америке, которые оставались безответными. Только благодаря упорству и воле им удалось найти подсобную работу, которая приносила небольшие средства для существования. Именно существования. Непривычный тяжёлый труд не доставлял радости и изматывал силы. С работы приходили смертельно усталые, но об отдыхе и думать не приходилось. Нужно было заниматься английским. Они учились в школе и дома, заполняя этим всё свободное от работы время и оставляя на сон только несколько часов. Благо, что Фаина Захаровна, которой уже было за семьдесят, ещё в состоянии была выполнять основную работу по дому и уходу за внуками.

Дни их ещё совсем молодой жизни (Вове недавно сорок исполнилось, а Рита на семь лет моложе мужа) уходили бездарно и безрадостно. Нарастал интеллектуальный голод. Отсутствовал важный компонент, который раньше одухотворял их, делая жизнь наполненной и богатой: они не читали книг, не ходили в кино, в театр, на концерты (на

это не хватало ни времени, ни денег). Телевизор смотрели только для того, чтобы учить английский. А главное, не было любимой творческой работы, приносившей радость и самоуважение. Порой казалось, что наступил предел, что больше нет сил, что так дальше жить невозможно. И всё же они не сошли с пути и не позволили себе расслабиться.

А ещё их преследовала вечная опасность потерять работу. Здесь никто не уверен в завтрашнем дне. Все боятся лишиться рабочего места. В профком или в партком, как это было у нас, с такой бедой не побежишь. Чтобы избежать этой опасности нужно было усердно работать. Здесь цениться тяжёлый и непривлекательный труд (hard work). Важно показать, что ты способен выполнять любую работу, в том числе и грязную, неблагодарную. Нужно подобострастно изгибаться перед своим хозяином, от которого ты целиком зависишь. Он в любую минуту может сказать: “Не нравится - убирайся, никто тебя не держит”.

В Америке работа даёт возможность жить безбедно. Проблема в том, чтобы её иметь, а если имеешь - не потерять. Освоив эти правила, наши дети старались руководствоваться ими. Они работали так, что работу меняли только по собственному желанию.

Их заветной целью стала мечта найти применение своим профессиональным знаниям, опыту и на пути к ней они не гнушались любого труда. К нашему приезду сын успел поработать в нескольких супермаркетах, где катал тележки, разгружал продукты из автомобилей и выполнял другие подсобные операции, затем стал паяльщиком и, наконец, “взяв” необходимый минимум английского был принят на инженерную позицию в фирму, занимающуюся керамикой и напылением - “Benchmark Ceramics Corporation”. Название было громким, а на самом деле здесь и не пахло производством. Это была полунаучная лаборатория, содержащаяся на деньги еврейского миллионера, который поверил в перспективу развития технологии керамики и мечтал на этом ещё более разбогатеть.

Предложенную Вове позицию никак нельзя было считать работой по специальности. Он был специалистом по упрочнению деталей машин. Такой была тема его кандидатской диссертации, этим он занимался в Академии наук, где разрабатывал методику и технологию процесса. В Союзе это было одним из перспективных направлений в науке. В этом деле наш сын достиг заметных успехов, стал автором нескольких научных трудов и десятков изобретений.

Что-то общее было только в напылении, которое использовалось и в технологии упрочнения металлов, но совсем мизерное, ибо керамика имела свои существенные отличия и особенности.

Не было оснований считать эту работу и постоянной, так как трудно было сказать, как долго будут финансироваться лабораторные исследования.

Хоть должность считалась и инженерной, зарплата была не намного выше прежней (учитывалось, наверное, что работу будет выполнять эмигрант из России).

Несмотря на это, Вова раздумывать не стал и с ходу принял новое предложение. Он был безмерно рад, что впервые в Америке были востребованы его знания.

Трудился сын самоотверженно, отдавая новому делу все силы и свободное время. После работы уходил в библиотеку, где подолгу засиживался над книгами по технологии производства керамики. Его усердие приносило определённые результаты, было замечено хозяином и, со временем, нашло своё отражение в повышении зарплаты.

И всё же не было того вдохновения, которое вызывала в нём работа с металлами. Он скучал по ней и продолжал её искать. Как оказалось, в Америке это направление в науке и производстве не имело такой перспективы, как в России и странах СНГ. Здесь при изготовлении машин использовался принцип равнопрочности деталей, соблюдение которого не требовало особых забот о продлении срока службы отдельных узлов. Весь агрегат должен отработать положенное ему время, после истечения которого дешевле купить новый, чем менять отдельные детали, которые будут выходить со строя почти одновременно.

Вопрос, конечно, спорный, так как удлинение срока службы узлов и в этом случае не перестаёт быть актуальным. Но такого значения, как в Союзе, где жизнь машины старались бесконечно продлевать путём замены запчастей, здесь этой проблеме не придают. Предприятий и организаций, занимающихся упрочнением деталей в США мало и спрос на такую работу не большой.

Вова продолжал рассылку резюме, но долго никаких предложений не поступало. В Баффало таких предприятий не было.

Наконец, в сентябре 1992-го, года было получено приглашение на интервью из одной фирмы штата Нью-Хемпшир. Это небольшой штат на северо-востоке

Америки, не отличающийся развитой экономикой, и более известный своими заповедниками и индустрией туризма.

Вопрос о возможном переезде на новое место долго дискутировался в семье Вовочки. Здесь они оба работали, жили в престижном районе, где снимали хорошую квартиру, дети учились в одной из лучших школ города. Немаловажным было и то, что прошёл только месяц со времени приезда родителей, семьи Верочки и тёти Поли, которые нуждались в их помощи и поддержке. Переезд был связан с ломкой уже устоявшейся жизни, а главное - трудно было судить о прочности и надёжности небольшой фирмы в далёком, неведомом крае.

И всё же, несмотря на все сомнения, было решено, что Вова должен поехать на интервью. Его желание вернуться к работе по специальности было таким большим, что ни у кого из нас не хватило сил остановить его в стремлении к этому. Он поехал в Нью-Хемпшир, успешно прошёл собеседования и дал согласие на предложенную ему работу, даже не оговорив какие-то предварительные условия.

До его отъезда оставалось всего пару недель и за это время он мало что успел сделать для своей семьи, которая оставалась пока в Баффало, и для нашего обустройства на новом месте. Единственное, что ему удалось, это подучить меня вождению современного автомобиля (я умел управлять только “Москвичом” с ручным управлением) и купить на всех нас подержанный “Нисан-Пульсар” шестилетнего возраста. Это была не бог весть какая техника, но по сравнению с “Москвичом” это был супермобиль. В нём было всё то о чём можно было только мечтать в Союзе, включая кондиционер, стереоприёмник и магнитофон, а главное - автоматическая коробка скоростей, что позволяло мне управлять машиной без участия левой ноги, коленный сустав которой был неподвижен. Мы были безмерно рады покупке. Она во многом изменила к лучшему нашу жизнь в огромном городе.

В начале октября Вовочка покинул Баффало, полный надежд на успех в любимой работе и счастливую жизнь на новом месте.

7

Накануне праздника еврейского нового года (Рош Хашана) Jewish Community Center пригласил нас принять участие в Дне памяти жертв Холокоста, который ежегодно отмечается еврейской общественностью города в это время.

Из диссидентской литературы я знал, что и в СССР, после смерти Сталина, стали отмечать день массового убийства евреев Киева, как символ памяти по миллионам погибших в годы Катастрофы. Именно Бабий Яр стал олицетворением советского государственного антисемитизма. Власти строго-настрого запрещали любую инициативу с целью увековечить память погибших, однако ежегодно к Бабьему Яру и другим местам массового захоронения жертв фашизма, стали приходить группы евреев, чтобы совершить поминальный обряд.

Обычно милиция только разгоняла тех, кто приносил цветы и молился на могилах, но случались и репрессии. Власть наказывала тех, кто не мог забыть о гибели тысяч своих соплеменников, утверждая, что там похоронены не только евреи, а и представители других национальностей.

Во время Хрущёвской оттепели Евгений Евтушенко написал своё знаменитое стихотворение “Бабий Яр”, на которое Дмитрий Шостакович сочинил музыку, потрясшую всех, кто помнил о Холокосте. Только в семидесятые годы разрешили установить памятник на месте захоронения, но и на нём не упоминалось о том, что в этом месте убиты и похоронены евреи.

Были установлены памятники и в других городах Украины и Белоруссии в местах массового убийства евреев. На монументе, поставленном, например, в Могилёве значилось, что он сооружён в память о десятках тысяч советских граждан, погибших от рук немецко-фашистских захватчиков во время Великой Отечественной войны.

В годы “Перестройки” в печати появились отдельные публикации об особых военизированных соединениях немецкой армии и полиции, которым было поручено физическое уничтожение еврейского населения, а также о лагерях смерти на территории Польши, Украины и Белоруссии. Но даже в период Горбачёвской “демократии и гласности” официально не отмечались Дни памяти жертв Холокоста.

Здесь память о Катастрофе европейского еврейства отмечается очень широко. Открыты музеи Холокоста и еврейской истории в Вашингтоне и Нью-Йорке, сооружены многочисленные памятники погибшим, сквер в центре Бруклина получил имя “Площадь Бабьего Яра”. Об этом мы узнали в первые же дни пребывания в Америке, чему были приятно удивлены.

Однако, то что мы увидели в День памяти в Баффало превзошло наши ожидания. В огромном спортивном зале Еврейского Центра собралось около полутора

тысяч людей, прибывших почтить память погибших. Вместительная площадь для парковки машин с трёх сторон здания не в состоянии была разместить автомобили людей, пожелавших участвовать в этом мероприятии. На дорогах, ведущих в Jewish Center, стояли регулировщики, предлагавшие водителям оставлять машины прямо на обочинах улиц.

Как мне рассказывали старожилы, такое множество людей сюда приходит только раз в год - в День памяти погибших в Катастрофе. Среди присутствующих были представители администрации города во главе с мэром и руководством округа Большого Баффало, руководители еврейских общественных и религиозных организаций. При входе в зал одевали кипу. Звучала траурная музыка. Зажгли поминальные свечи. Ребе произнёс кадыш. Слушали воспоминания чудом уцелевших жертв. Затем была музыка, песни, стихи, посвящённые трагедии европейского еврейства, исполненные школьниками Kadimah Shcool. Некоторые песни подхватывал и пел весь зал.

На площади, примыкающей к зданию культурного центра, у памятника евреям Баффало, погибшим в годы Второй мировой войны, состоялся митинг. Слушая речь мэра города, сопровождаемую негромкой траурной музыкой, каждый, наверное, вспоминал и своих павших близких и родных. В моей памяти вновь встали мои многочисленные родственники, умерщвлённые в Красиловском гетто, мои старшие братья, погибшие в прошедшей войне, моя младшая сестрёнка, чудом уцелевшая в оккупированном немцами Немирове. По щекам катились слёзы.

- Пусть ужасы Катастрофы никогда не повторятся! - были последние слова оратора на этом памятном митинге.

8

Когда прошла эйфория от изобилия товаров и услуг, радости встреч с детьми и внуками, первых приятных впечатлений об Америке и начались обыкновенные будни, мы столкнулись с теми же проблемами, какие бывают у всех, прибывающих сюда.

Не зря говорят, что для иммигранта внезапное переселение в другую страну - это прыжок в пропасть без парашюта. Мы оказались в ином мире, где всё непривычно, где нужно начинать новую жизнь. Кроме языкового и психологического барьера,

которые неизбежно приходится преодолевать всем, мы столкнулись с рядом специфических проблем.

Одной из них оказалась финансовая. Если большинству прибывающих сюда пожилых людей получаемого пособия вполне хватало на приличное питание, оплату жилья, бытовых услуг и другие расходы, то нам его оказалось явно недостаточно. И в этом мы были сами повинны. Всё дело в том, что мы не вняли советам наших детей и работников Еврейского Центра, рекомендовавших нам не включать в состав семьи сестру Полечку. Нас предупреждали, что в этом случае наш общий доход значительно уменьшится и нас будут сопровождать финансовые трудности. Это нам доказывали убедительными расчётами и настоятельно рекомендовали снимать отдельные квартиры. Мы же решительно от этого отказались и, пренебрегая цифрами, решили, что сестра моей жены Полечка будет жить с нами по крайней мере до тех пор, пока мы не получим отдельные субсидированные квартиры.

Такое решение приняли потому, что её доход по “Вэлферу” составлял только триста долларов в месяц, чего не хватало даже на самую дешёвую однокомнатную квартиру, не говоря уже о других расходах на жизнь. Для того, чтобы жить отдельно, Полечка должна была где-то подрабатывать, как это делали другие иммигранты, находящиеся на “Вэлфере”. Но она была в состоянии депрессии и думать не могла о какой-нибудь работе. Её знания и многолетний опыт учителя русского языка и литературы здесь не могли быть востребованы, а какую-нибудь подсобную работу она не могла выполнять по состоянию своего здоровья.

Мы поселились вместе в квартире с двумя спальнями за которую нужно было платить, с учётом стоимости коммунальных услуг, 550 долларов в месяц (невольно вспомнилась наша двадцатирублёвая квартплата за государственные квартиры ТАМ). Полечке дали отдельную комнату, за которую она платила треть этой суммы, а оставшиеся от пособия деньги могла использовать по своему усмотрению.

В результате Полина стала получать полностью назначенное ей пособие и продовольственные талоны (фудстемпы), а наш общий доход снизился примерно на двести долларов. Сокращения оказались настолько значительными, что этих денег нам стало не хватать на покрытие расходов на питание и другие нужды.

Когда Анечка, наш семейный экономист, обнаружила, что не может свести концы с концами, она ввела в доме режим строжайшей экономии и мы не в состоянии были ничем помочь дочери и внучкам, положение которых, после перехода на

“Вэлфер”, оказалось очень трудным. Получаемого ими пособия еле хватало на оплату квартиры и коммунальных услуг, которые были такими же, как и наши, а на другое денег не оставалось. Они, правда, не голодали, так как фудстемпов хватало на питание, но ничего другого они себе позволить не могли. Но ведь не хлебом единым жив человек, тем более молодая женщина с двумя девочками-подростками.

Нужно отдать должное Верочке и её детям. Они мужественно перенесли финансовые трудности и, когда убедились, что без приработка обойтись не могут, нашли работу. Наташка, которой уже пошёл восемнадцатый год, мыла посуду в ресторане и пошла разносить газеты, а Верочка нанялась домработницей. Она позабыла о своём высшем образовании, незаурядных способностях и прошлом социальном статусе, и не гнушалась никакой, порой самой трудной и грязной работы.

С болью в сердце смотрели мы тогда на своих детей, которые отважно пробивали себе дорогу к лучшей жизни. Иначе как героизмом, их труд и учёбу назвать было нельзя. После напряжённого учебного дня начинался не менее трудный рабочий день. Даже в выходные они не могли расслабиться и отдохнуть. Верочка все выходные работала, а Наташке в субботу и воскресенье до девяти утра нужно было с сумкой на плечах обойти пятьдесят домов на смежных улицах и доставить подписчикам свежие газеты, которые в выходные дни намного толще и тяжелее, чем в будни. Особенно трудной эта работа становилась зимой и осенью, когда дни покороче, идут дожди, дует холодный ветер, а мороз порой достигает 10-15 градусов по Цельсию.

Чего это стоило внучке мы могли убедиться сами, когда порой подменяли её, предоставляя ей возможность отдохнуть и отоспаться в выходной день. Не легче было и Верочке выполнять неприятную и трудную работу у чужих людей по найму.

Не сладко и нам тогда было с Анечкой. И не столько материально, сколько морально. Я по-прежнему вставал в пять утра, как привык делать всю свою жизнь, и в эти утренние часы, когда другие ещё спали, особенно болезненно чувствовал свою ненужность. Несмотря на преклонный возраст, я до самого отъезда в Америку работал и работа составляла главную часть жизни. Трудовое усердие и старания давали определённые результаты, получали признание и высокую оценку. Из-за недостатка времени, всегда преследовала мысль, что я чего-то не успел и что-то не доделал. Кроме основной работы, всегда было любимое хобби - техническое творчество, которое сопровождало меня всю жизнь. Именно ранним утром, до ухода на работу,

знакомился я с новыми публикациями по отраслевой технике и технологии, готовил статьи в научно-технические издания, писал заявки на патенты и изобретения, выполнял другую творческую работу. В эти часы, на свежую голову, легче решались сложные задачи, яснее были мысли. Теперь не было работы и жизнь стала какой-то пустой, никому не нужной, и от этого становилось мучительно больно. Я отчётливо понимал, что это не временное явление, что это навсегда, что той привычной жизни пришёл конец и потому, казалось, что моё существование здесь бессмысленно.

Анечка сопереживала вместе со мной. Всю нашу совместную жизнь у нас были общие интересы. Мы закончили один институт, имели одну специальность и работали всегда вместе, рядом. Она принимала живое участие не только в моих служебных делах, но и в творческой работе. Каким-то десятым чувством и присущей ей интуицией она часто находила нужное решение и единственный выход из, казалось, безвыходного положения. Мой верный и бессменный спутник жизни лучше других понимала мое нынешнее состояние и мы оба страдали.

Наши переживания перенеслись и на детей. Они их заранее предвидели. Вовочка поэтому и не настаивал на нашем отъезде, и не раз советовал хорошенько подумать перед тем, как принять окончательное решение. Теперь, когда их предположения подтвердились, они всячески пытались нам помочь, но это было не в их силах.

Трудно и очень непросто проходила наша адаптация в новом обществе.

9

В конце сентября нам впервые пришлось участвовать в еврейских праздниках. Торжества начались с празднования Рош-Хашана, нового 5753-го года, включали “Субботу Суббот” (Йом Кипур) - день всепрощения, Сукот - праздник собирания плодов и заканчивались Симхат-Торой, что с иврита переводится, как “Радость Торы”.

Так же, как не знали мы практически ничего об еврейской жизни, не имели мы и понятия об еврейских праздниках. В течении жизни трёх поколений евреев Советского Союза из нас успели вышибить всё, что в нас сохранилось от наших предков. Были оборваны связи с древней и богатой культурой, с освещённой веками традицией. Нас лишили даже собственного родного языка. Мы потеряли чувство солидарности с еврейством.

Вспомнились советские праздники. У нас было два больших праздника: Первое мая и День Октябрьской революции. Это были революционные праздники и их отмечали очень широко. В эти дни не работали, а часто их совмещали и с выходными днями и праздник продолжался три или четыре дня подряд. Улицы одевались в кумачовый наряд, украшались разноцветной иллюминацией, на фасады домов вывешивались портреты правящего партийного вождя, а на центральной площади, рядом с трибуной, монтировались огромные фотографии членов Политбюро.

В канун праздника проводились торжественные собрания парткомов и исполкомов всех уровней, а также на предприятиях, в организациях и в учебных заведениях. На них произносились речи, посвящённые торжеству и достигнутым успехам в соцстроительстве, работе и учёбе. Все они читались по бумажке и были однообразными и нудными. Зато, после торжественной части всегда были концерты, а после них проводилась “неофициальная” часть, где только начиналось веселье. В буфетах продавались дефицитные закуски и напитки, играла музыка, были танцы, звучали песни.

На предприятиях, где мне довелось работать, праздничные собрания проходили особенно торжественно, так как совмещались обычно с вручением Переходящих и Памятных знамён за достигнутые успехи в социалистическом соревновании. В них часто принимали участие секретари обкома и горкома партии, министр и другие почётные гости, которые, как правило, не отказывались и от участия в неофициальной части, сопровождаемой непременным застольем.

В праздничных шествиях, призванных демонстрировать монолитную сплочённость народа и его солидарность с политикой партии, участвовали десятки, а в крупных городах сотни тысяч людей, включая детей школьного возраста.

Формально участие в демонстрациях было добровольным, но тем, у кого не было желания в них участвовать, после этого не раз об этом напоминали лишением премиальных или иных поощрений, а некоторые, кто постоянно от этого отказывался, попадали в списки неблагонадёжных, из которых долго не могли выбраться. Те же, кто проявлял особое усердие и нёс ещё при этом портрет, знамя или транспарант, поощрялись морально и материально. Таким образом удавалось обеспечить массовое участие трудящихся и демонстрировать при этом единство партии и народа. В

годовщины Октябрьской революции проходили и военные парады, отражавшие силу и мощь армии, авиации и флота.

В праздничные дни устраивались народные гулянья и маёвки в пригородных лесопарках и других местах массового отдыха. Играли оркестры, устраивались игры и танцы, работали буфеты. Отличительной особенностью этих мероприятий была массовая пьянка. В отличие от других товаров водка никогда не была в дефиците. Она была в изобилии и каждый мог её заполучить по потребности. Вряд ли где-нибудь ещё так много пили, как у нас, особенно на торжествах.

Религиозные праздники властями ТАМ не признавались и эти дни всегда были рабочими. Это касалось всех религий, не говоря уже об иудейской.

Здесь же всё по-другому. Тут тоже есть государственные праздники. Главным из них является День Независимости, считающийся национальным праздником США. В этот день производятся праздничные салюты и не работают государственные учреждения и предприятия, но масштабы празднования не идут ни в какое сравнение с тем, например, как отмечаются религиозные праздники. Только теперь мы по-настоящему поняли, что значит полная свобода вероисповедания, которая формально признавалась и Конституцией СССР. Этой свободой тут одинаково могут пользоваться верующие любой конфессии. В дни праздников люди не работают столько, сколько это требуется нормами и традициями, и имеют возможность исполнять все полагающиеся религиозные обряды.

В полной мере такой возможностью обладают и евреи. К услугам верующих десятки синагог различных направлений иудаизма, обладающих добротными залами, учебными и методическими центрами, а также другими помещениями для выполнения специальных обрядов. Они в состоянии обеспечить надлежащий сервис в любое время, включая субботние дни. Однако во время больших еврейских праздников, когда в синагогу приходят практически все американские евреи, порой и этих довольно просторных залов не хватает и приходиться снимать на эти дни дополнительные помещения с более вместительными залами.

Вот и в том году синагога, членами который были наши дети, для праздничной молитвы в дни Рош Хашана и Йом Кипура сняла большой актовый зал вместимостью более тысячи человек, но и там мест не хватило, пришлось устанавливать дополнительные стулья в проходах и на балконе.

Мы были приглашены на праздник и у нас были именные места, указанные в билетах. Во всём ощущалась обстановка большого торжества. Нарядно выглядели просторное фойе и огромный зал, освещённые множеством богатых люстр. Люди были празднично одеты. Мужчины - в кипах. Все поздравляли друг друга с наступающим Новым годом. По оживлённому общению чувствовалось, что все здесь давно знакомы между собой и не впервые встречают праздник в такой обстановке.

Встретили и мы своих друзей-земляков. Это была семья Полаков, которая пришла сюда в полном составе. Родители, Леонид Моисеевич и Ханна Наумовна, дети, Эдик и Алина Пурижанские, внуки и многочисленные родственники. Они прибыли в Баффало раньше, успели устроиться, найти работу и во многом помогли нашим детям в трудное время освоения новой жизни.

Когда все уселись на своих местах, наступила торжественная тишина. Зажгли свечи и прочли праздничную благодарственную молитву. Служба совершалась в атмосфере святости и благочестия. Вдохновенно пел хазан - кантор общины. Многое, конечно, нам было не понятно из чтения, которое произносилось на иврите, но главный смысл праздника усвоили.

Мы поняли, что Рош Хашана - это еврейский Новый Год и день сотворения мира. Он празднуется как день, в котором определяются судьбы, когда праведным даруется в награду жизнь, а грешников приговаривают к смерти. Искренне раскаивающимся даётся десять дней для искупления грехов и свершения благотворительных деяний.

После вечерней службы Рита повезла нас домой, где был праздничный ужин с кошерным вином и традиционной халой, которую мы макали в мёд, выражая тем самым надежду на то, что новый 5754-ый год будет благополучным.

Надолго запомнился первый еврейский праздник на земле Америки. Он ни в чём не был похож на советские праздники, которые мы отмечали раньше.

10

Осень в том году была длиной и тёплой. Несмотря на то, что Баффало расположен на самом севере страны и граничит с холодной Канадой, в октябре и ноябре было много солнечных дней и даже ночью не было заморозков. Погода явно благоприятствовала нашему становлению на новом месте.

Еврейский Центр выдал нам сертификаты на приобретение мебели и мы смогли их обменять в мебельном магазине на комплекты спален для нас и для Верочки, кухонные столы со стульями и недорогие телевизоры. Новые знакомые наших детей (американские евреи) подарили несколько старых, но вполне приличных кресел и немного посуды.

На гаражах-сейлах - домашних распродажах ношеных вещей, бывшего в употреблении имущества и хозинвентаря, приобрели по дешёвке кое-что из одежды и обуви, кухонной утвари, бытовой техники и, можно сказать, совсем неплохо устроились в своих апартментах. Если ещё и квартплата была бы поменьше... совсем хорошо было бы.

Разумное дело - гараж-сейл. Удобно, выгодно и продавцам, и покупателям. Первые не выбрасывают на свалку ненужные им, но ещё вполне пригодные другим вещи, а вторые могут дёшево купить их. По душе пришлись они беднякам-эмигрантам. Больше всех в нашей семье, как я уже упоминал, их полюбили дети, особенно маленькая Анечка. Здесь она могла буквально за считанные центы купить необходимые ей школьные принадлежности, канцтовары и даже игрушки. Высоко оценили такую форму торговли и взрослые. Они охотно посещали уличные базарчики и редко уходили оттуда с пустыми руками. Мы всё удивлялись почему не додумались до этого на нашей бывшей родине. Там считали зазорным распродажу ненужных вещей у подъезда или во дворе собственного дома, а если бы кто-нибудь на это и решился, то его, наверное, посчитали бы спекулянтом и подвергли бы штрафу за нарушение правил советской торговли.

Несмотря на финансовые трудности, сопровождавшие нас в первое время, мы могли вполне прилично питаться. Этому в большой мере способствовали природные способности Анечки экономно расходовать деньги. Она довольно быстро освоила азы американской торговли и покупала нужные продукты по необыкновенно низким ценам. Не зная ещё английского, она умудрялась как-то находить в газетах и журналах купоны на удешевление стоимости продуктов и предметов сангигиены. В итоге, к удивлению родственников и знакомых, ей удавалось сберечь немалые средства.

Понемногу стали привыкать к здешней пище. В первые дни дети настойчиво просили НАШЕГО чёрного хлеба с вологодским или крестьянским маслом, полукопчённой колбасы с русской горчицей, кефира или ряженки, а то и хвост

селедки с квашеной капустой. Нельзя сказать, что всего этого здесь нет или что оно хуже нашего. Здесь есть всё, что твоей душе угодно. Просто оно другое, непривычное.

Хлеба и булок, например, тут такое множество, что в первое время глаза разбегались и трудно было остановить свой выбор на определённом виде выпечки. Здешний хлеб, в отличие от нашего, продаётся обычно в упаковке и при том разнообразной и красочной. Только вкус у него другой. Наташка его метко назвала паралоновым. Он действительно мягкий, как паралон, и не черствеет. Как потом оказалось, в этих отличиях есть положительные особенности, а некоторые сорта хлеба даже вкуснее нашего, но мы ещё долго скучали за СВОИМ.

Хватало здесь и колбас разных и, в отличие от наших, они здесь продавались без всякой очереди, но они не такие, как наши. Нет, к примеру, Одесской, Таллиннской или Минской колбасы со шпиком. Из полукопчёных есть Польская, но она совсем не похожа на нашу и не пахнет чесноком. Какими-то пресными поначалу казались и варёные сорта колбас. Может быть поэтому, а может и потому, что кроме колбасы, здесь была масса других вкусных продуктов, она у нас большим спросом не пользовалась и покупали мы её в значительно меньших количествах, чем ТАМ.

Только позднее мы разобрались в причинах существенных отличий в технологии колбасного производства и ассортименте выпускаемых здесь изделий. Оказалось, что продукты с большим содержанием жира просто никто не покупает и потому здесь почти не производится колбаса со шпиком. Если шпик и применяется, то в небольших количествах, мелкой крошкой и только в отдельных сырокопченых колбасах типа “Салями”, которые по вкусу ничуть не уступают аналогичным нашим изделиям. Другие же сорта, как правило, производятся из частей мясной туши, которые не представляют ценности для продажи, как натуральное мясо.

Мы с Анечкой, как специалисты мясной промышленности, по достоинству оценили особенности здешней технологии и признали её рациональной и экономически выгодной.

Говядина и свинина высоких сортов, без которых хозяйки не представляли себе там приличного семейного обеда, здесь оказались для нас недоступными по цене. Фунт (454 г.) такого мяса стоит здесь более трёх долларов, а на такие деньги можно было купить другие продукты для трёхразового питания всей семьи. Вспомнились наши цены. Там килограмм мяса (более двух фунтов) стоил в магазине всего два рубля. По такой цене мясокомбинат покупал скот у колхозов и совхозов. Из него

получали в два раза меньше мяса и субпродуктов. Переработка скота требовала тепла и электроэнергии, расходов на содержание зданий и амортизацию оборудования, на зарплату работникам, а готовый продукт продавался по цене живого веса скота. Такой была государственная цена, а убытки возмещались из бюджета.

Здесь же цены образуются, исходя из затрат на производство товара и потому не могут сравниваться с нашими. Чем дешевле себестоимость, тем ниже продажная цена. В этом легко было убедиться на примере стоимости мяса птицы. Паунд куриного мяса стоит в несколько раз дешевле говядины или свинины, а по вкусовым качествам и пищевой ценности оно ничуть не хуже, если не лучше других видов мяса. В это поначалу и поверить было трудно. За минимальную часовую зарплату здесь можно купить десять паундов курятины. У нас, к сравнению, часовой зарплаты не хватило бы и на один паунд. Куриное мясо было самым дорогим, считалось диетическим продуктом и его к обеду позволяли себе далеко не каждый день.

Мы легко отвыкли здесь от говядины и свинины и с удовольствием перешли на курятину, которая была нам по карману и совсем не надоедала.

Непохожими на наши оказались и прилавки с молочными продуктами. Кефира, подобно нашему, здесь в обычных магазинах нет, но зато есть огромное множество разнообразных йогуртов, о которых мы и понятия не имели раньше. Они изготовляются из обезжиренного или маложирного молока с применением различных фруктово-ягодных добавок, повышающих их пищевую ценность, как продуктов диетического назначения, и придающих им приятный специфический вкус. Всем нам, особенно детям, йогурты очень понравились и мы скоро поняли, что с ними можно и забыть об отсутствии здесь нашего кефира, ряженки и других кисломолочных продуктов с большим содержанием жира.

Нет здесь нашего 2,5 процентного или 3-х процентного молока. Такой жирности молочные продукты у американцев тоже спросом не пользуется. Тут чаще покупают однопроцентное или вовсе обезжиренное молоко “Skimmilk”, которое у нас называли сывороткой, и часто сливали в канализацию. Мы полностью обезжиренное молоко так и не научились пить, но к нежирному однопроцентному быстро привыкли и о цельном вскоре забыли.

Ещё одной особенностью здешнего молока является то, что оно не является особо скоропортящимся продуктом. Благодаря применению консервантов молоко может храниться довольно долго. Его продают не в бумажных пакетах или

стеклянных бутылках, а в пластмассовых ёмкостях по полгаллона (около двух литров) или галлону (3,78 литра). Нередко мы покупали по несколько галлонов молока, которое стояло в нашем домашнем холодильнике по две недели и не портилось. Эту особенность технологии производства цельного молока мы также оценили по достоинству и признали весьма рациональной.

Без чего нам действительно было трудно обойтись, это без нашего творога. Здесь продают большое разнообразие различных видов творога разной жирности, со многими добавками, в удобной и красочной упаковке, однако трудно найти такой, к которому мы привыкли. Но и эта проблема оказалась легко решаемой. Наши женщины научились сами делать творог в домашних условиях, который ничем не отличается, а порой бывает даже вкусней того, который мы покупали в магазинах ТАМ.

Таким же образом освоили производство кислой капусты домашнего посола, малосольных огурцов по нашей технологии и других квашений, от которых было трудно отвыкнуть.

Селёдки, в привычном для нас виде, в супермаркетах обычно не бывает. Она здесь не является продуктом широкого потребления и большим спросом не пользуется. Отдельные любители селёдки могут купить маринованную сельдь, расфасованную в баночки разной формы и ёмкости. По вкусу она заметно отличается от натуральной селёдки, которая у нас продавалась на развес в упаковке покупателя. Со временем мы усвоили, что при наличии нежно солёной сёмги и другой деликатесной рыбы, без селёдки вполне можно обойтись. Если же кому-то сильно хочется, то её можно найти в закусочных отделах специализированных магазинов “Премьер-ликёр”. Что касается меня лично, то баночная селёдка, изготовленная по здешней технологии, мне очень понравилась и она стала для меня деликатесным продуктом.

В первые же дни пребывания в Америке мы высоко оценили достоинства некоторых здешних продуктов широкого потребления. Всем нам, особенно детям, очень понравились пицца, хатдоги, гамбургеры, различные сериалы и, конечно, непревзойдённые напитки пепси-кола и кока-кола, пользующиеся мировой славой.

Словом, с питанием проблем оказалось намного меньше, чем с языком, который нам, особенно старшему поколению, давался чрезвычайно трудно. К

изобилию вкусной, хорошей и разнообразной пищи привыкнуть оказалось совсем несложно.

Полечка нуждалась в диетических продуктах и потому питалась отдельно. Получаемых ею по вэлферу фудстемпов вполне хватало на достаточное и разнообразное питание. Нам на двоих купонов выделялось меньше, чем ей одной, но благодаря экономному и рациональному использованию, их почти хватало и наш стол здесь был намного богаче, чем в Могилёве.

Пользуясь бесплатным абонементом, мы часто посещали плавательный бассейн, библиотеку и кошерную столовую джуишцентра, где можно было недорого и довольно вкусно пообедать.

После приобретения автомобиля и получения Верочкой и мной американских прав на вождение, заметно снизились наши транспортные расходы. Утром мы втроём ездили в школу, а после обеда совершали покупки и занимались другими хозяйственно-бытовыми делами. Можно было только удивляться тому, как быстро научилась управлять автомобилем наша дочь. Она раньше нас поняла, что жить без машины здесь невозможно и задача освоения техники вождения стала для неё первоочередной. Успешному её решению, конечно, способствовали отличные дороги и автоматическое переключение скоростей у здешних машин, чего до нашего отъезда не было ТАМ.

Ездила Верочка с удовольствием и не давала мне сесть за руль до тех пор, пока не выпал первый снег и дороги стали скользкими. Только тогда, когда её, из-за отсутствия опыта, развернуло несколько раз в обратную сторону, что вполне могло кончиться плачевными последствиями, она поняла, что с этим шутить опасно, и в плохую погоду молча садилась на пассажирское сидение.

Поначалу казалось, что одной машины нам вполне хватит, но со временем, когда Наташка устроилась на работу в ресторан, который был в нескольких милях от нашего дома, и на работу пошла Верочка, мы поняли, что без второй машины нам не обойтись. Собрав воедино все свои сбережения, мы, к началу весны, купили подержанную “Subaru”, которая по своим техническим показателям была на порядок выше нашего “Nissan”а. В школу мы ещё какое-то время ездили вместе на одной машине, но все послешкольные дела наши дети теперь решали самостоятельно.

Без машины обходилась одна Полечка. Только в школу и в магазины она ездила с нами, а так больше пешком и на автобусах. Ходила она много. Ей было

скучно в пригороде, где мало людей и некуда себя деть, и она большую часть свободного времени проводила в центре, где много магазинов, уютных скверов, парков, набережных и люди могут гулять в своё удовольствие по тротуарам и аллеям.

С присущим ей упорством она, без нашей помощи, взялась за оформление пенсии по инвалидности и часто ходила по врачам и организациям Social Security. Со здоровьем у неё всегда было много проблем, но мы не считали их достаточно серьёзными, для признания её инвалидом. Можно было только поражаться её целеустремлённости и настойчивости в достижении поставленной цели. Трудно было даже представить себе как удавалось ей, с её английским, убеждать врачей в наличие оснований для назначения пенсии. Никто из нас не верил в успех её затеи и мы уговаривали её прекратить напрасные, как нам казалось, хождения, но она упорствовала и добилась своего.

Когда ей самой уже не верилось в положительное решение, был получен ответ о назначении ей пенсии по инвалидности и выплате компенсации за период со времени подачи первого заявления.

С таким же упорством и тоже без нашего участия, добивалась она внеочередного выделения субсидированной квартиры в центре города. Когда мы только приехали в Баффало, дети поставили нас на очередь на государственное жильё, выделяемое здесь некоторым категориям иммигрантов по различным социальным программам. Как нам объяснили, ждать этого приходится не меньше года и мы рассчитывали, что переселимся в отдельные квартиры одновременно к осени или, в крайнем случае, к зиме. Полечка же смогла получить квартиру в течении нескольких месяцев.

Нас не очень обрадовало это известие, так как в таком случае мы должны были одни оплачивать свою дорогую трёхкомнатную квартиру, что усугубляло наше, и без того трудное, финансовое положение, но возражать ей не имело смысла и она, с нашей помощью, переехала в центр, откуда в International Institute можно было ходить пешком. От Еврейского Центра ей достались набор довольно приятной мягкой мебели, занавеси и другая домашняя утварь, и её жилище приняло вполне приличный вид.

Рядом был Jewish Center, кинотеатры, центральная библиотека, рынок, супермаркет и многие другие удобства, к которым она так всё время стремилась. Кроме института, в котором мы все обучались языку, неподалеку было ещё несколько

школ по изучению английского и Полечка определилась в одну из них, где училась во второй смене. Посещение двух школ, наряду с прилежным выполнением домашних заданий, не замедлили сказаться и она стала заметно опережать нас в чтении, грамматике и разговорной речи.

У неё появилось несколько подруг из числа русскоязычных эмигрантов, проживающих в их доме. С ними она общалась, ходила в школу и гуляла в свободное время. Главное, что для этого ей совсем не нужна была машина. Этому Полечка была очень довольна, особенно в первое время. .

Анечка, как я уже упоминал, несколько месяцев оставалась дома. По утрам она занималась маленькой внучкой, провожала её к автобусу, готовила, стирала и выполняла другую домашнюю работу. Только зимой, когда девочка немного подросла и освоила здешние порядки, она приступила к учёбе и за короткое время догнала меня в английском по всем статьям. Я же, после первых головокружительных успехов в освоении языка, застыл на достигнутом уровне и, как мне казалось, даже стал кое-что забывать из того, что раньше знал. Как мы потом поняли, из всех проблем, которые нам предстояло решать на новом месте, языковая оказалась самой трудной.

Тем не менее время работало на нас и с каждым днём мы всё более ощущали, что твёрже становимся на собственные ноги. Это радовало и внушало уверенность в будущем.

11

Ещё немного о праздниках. Мы часто удивлялись тому, как много их здесь и как рационально американцы используют праздничные дни. С учётом смежных выходных у них получаются дополнительные маленькие отпуска и в это время свежему человеку, вроде нас, эмигрантов, может показаться, что вся страна на колёсах. В одни праздники люди разъезжаются во всевозможные туры, чтобы расслабиться, насладиться красотами природы и получить удовольствие, в другие, наоборот, съезжаются в отчий дом, чтобы встретиться с родными и близкими. Чаще едут на своих машинах, но нередко пользуются и самолётами, на которые в эти дни бывает даже трудно билеты купить. Если и есть ещё в Америке на что-то дефицит, то это, наверное, только на авиабилеты в праздничные дни, Их стоимость тогда возрастает в несколько раз.

Иногда кажется, что здесь сплошные праздники и американцы слишком много отдыхают. Но это только кажется. Особенно тем, кто не работает. По опыту наших детей мы убедились, что трудятся здесь больше и не менее напряжённо, чем у нас, и в этом кроется один из секретов богатства и могущества этой страны. Другое дело, что здесь умеют не только хорошо работать, но и красиво, интересно отдыхать.

Об американских религиозных, государственных и народных праздниках, как и о местных нравах и обычаях нам подробно рассказывали в школе. Этому посвящались специальные занятия, а нередко нам представлялась и возможность воочию почувствовать дух праздника.

Так было при праздновании Дня Благодарения - Thanksgiving Day. Из рассказа нашей любимой учительницы, Айрен, мы узнали, что праздник этот имеет прямое отношение к нам, беженцам. Оказывается, впервые его отметили ирландцы, бежавшие сюда из Англии из-за религиозных преследований, в знак благодарности местным индейцам за помощь, оказанную им в освоении жизни на новом месте. И было это за полтораста лет до образования США. С тех пор традиция праздника получала всё большее распространение и День Благодарения стал одним из самых любимых американцами праздников.

Хотя официальным днём праздника считается четвёртый четверг ноября, здесь не работают и в пятницу, и до конца недели. В эти дни родственники, живущие за тысячи миль друг от друга, съезжаются из разных концов страны, чтобы вместе отпраздновать Thanksgiving.

У Дня Благодарения есть глубокий духовный смысл. В этот день американцы радуются счастью жить свободными людьми в стране неисчерпаемых богатств и возможностей. Религиозные и общественные организации, добровольцы и частные фирмы занимаются благотворительной деятельностью, собирают еду и распределяют её среди нуждающихся.

Поскольку этот праздник по традиции ещё считается и праздником урожая, все украшения выражены в осенней гамме. Накануне этого дня двери в нашей школе украсили гирляндами из стеблей высушенной кукурузы, трав и листьев, а на подоконниках были различные виды интересно разукрашенных тыкв.

После занятий учителя пригласили всех студентов на праздничный обед. На столах были традиционные блюда этой поры года: жареная индейка, запеканка из кукурузы, желе из клюквы, тыквенный пирог. Состоялся праздничный концерт, в

котором участвовали педагоги и студенты. Несмотря на пестроту национального состава учащихся, все чувствовали себя очень легко и свободно. Звучали американские, китайские, вьетнамские, испанские и, конечно, русские песни. Праздник прошел интересно, весело и всем очень понравился. После этого мы отмечали в школе не только Thanksgiving Day, но и другие американские праздники.

Наиболее значительной и трогательной для нас частью праздника был торжественный ужин, который состоялся на следующий день, в доме Гимельфарбов младших. Нужно отдать должное Рите, которая обладает особым талантом устраивать семейные праздники. В этом мы не раз могли убедиться и раньше, но этот праздник был каким-то особенным. Может быть это было связано с ощущением того успокоения, которое пришло в их семью после устройства Вовочки на любимую работу, может они хотели выразить в этот день свою благодарность за удачу, возросшее благосостояние семьи и раскрывающиеся перед ними новые возможности, но Рита была в этот день особенно радушна и гостеприимна. От неё веяло ароматом нескрываемой радости и счастья.

Праздничный стол выглядел как произведение искусства. Кроме пышущей жаром ароматной индейки, старательно украшенного зеленью сладкого картофеля, яркого клюквенного желе и других блюд, отражающих традиции этого праздника, его украшали многие блюда семейной кухни, отличающиеся особым вкусом и красотой, которыми мы не раз восхищались ещё в Союзе. Что на этот раз отличало застолье, так это заметное уменьшение количества крепких напитков. Их заменили натуральные соки, яблочный сидр и вкусные газированные воды.

До позднего вечера продолжался приятный и радостный семейный ужин в первый праздник Дня Благодарения в доме наших детей. Они делились с нами своими мыслями и планами на будущее, а мы радовались их счастью.

12

Вовочке его новая работа была по душе. Хоть и трудно ему было одному, без семьи, в далёком Нью-Хемпшире, он наслаждался возможностью заниматься любимым делом, трудиться по специальности с сознанием того, что его знания и опыт, наконец, оказались востребованными.

После сравнительно спокойной работы в лаборатории, где он занимался исследованиями и изысканиями в незнакомой ему области керамики, где практически

не было производства, а следовательно и связанной с ним ответственности за результаты своего труда, здесь всё выглядело по-другому.

С первых же дней он столкнулся с особенностями производственной деятельности в рыночной экономике, где нет доведенных сверху планов выпуска и поставок продукции, организованного снабжения сырьём и материалами, государственных цен на готовые изделия и финансовой помощи вышестоящих органов и государства. Здесь всё иначе: каждая фирма борется за своё выживание самостоятельно. В условиях жесточайшей конкуренции успех или банкротство в большой мере зависят от организации производства, уровня техники и технологии, качества продукции и коммерческой изворотливости.

Фирма, пригласившая его на работу, была сравнительно небольшой и занималась, в основном, изготовлением устройств для нанесения покрытий. Спрос на выпускаемую ею продукцию заметно не возрастал, а эффективность производства еле обеспечивала возможность оставаться на плаву.

Став здесь ведущим специалистом и обладая немалыми знаниями и опытом, наш сын головой влез в дебри непростой технологии, занялся поиском путей её совершенствования с целью снижения трудоёмкости и повышения качества изделий. Этому он отдавал всё своё свободное время, оставляя на отдых и сон только считанные часы. Благо он жил один, и никто не мог быть ему в этом помехой.

Несколько месяцев напряжённой работы привели его к мысли о необходимости коренной модернизации производства с заменой оборудования и перестройкой технологического процесса. Он систематизировал свои предложения, подкрепил их соответствующими расчетами и внёс на рассмотрение своему боссу, обратив его внимание на то, что без реорганизации работы фирмы немыслимы финансовое благополучие и коммерческий успех. Осуществление предложенных мероприятий требовало определённого времени и было связано с немалыми затратами.

Предложения были восприняты хозяевами с интересом, рассматривались тщательно и довольно долго. Каких-нибудь принципиальных возражений с их стороны не было и, казалось, что решение может быть только положительным. Будучи абсолютно в этом уверенным, Вова предвкушал большую и интересную работу по внедрению своих творческих замыслов, расширению производства и повышению его эффективности.

В одном из своих приездов на выходные дни он предложил Рите уволиться с работы и готовиться к переселению в Нью-Хемпшир. Окрылённый своими идеями, он был похож на прежнего Вовочку в лучшие годы расцвета его трудовых и творческих способностей.

Переезд, конечно, был связан со множеством житейских, финансовых и бытовых проблем. Рита не ждала на новом месте лучшей работы, Илюшка и Диночка такой престижной, как здесь, школы, а Фаина Захаровна сожалела о здешней квартире, полагая что подобной им на новом месте не сыскать. Баффало был первым городом Америки, приютившим их на новой земле. Они привыкли к нему и понемногу здесь всё стало родным и близким. Беспокоили расходы по перевозке имущества и обустройству на новом месте.

И всё же никто никаких вопросов не задавал. Все в их семье к тому времени уже успели понять, что в Америке главное - работа и только она определяет место и условия жизни. Ради лучшей работы здесь переезжают из хорошего климата в плохой, из собственного дома в апартмент, бросают насиженные места, престижные районы, оставляют друзей, родных и близких.

С болью в сердце Рита уволилась с работы, где успели оценить её трудолюбие, усердие и способности, раздала знакомым и соседям немалую часть имущества и приступила к упаковке вещей, которых в их большой семье скопилось довольно много.

Когда все смирились и подготовились к отъезду, уже уложили в ящики всю домашнюю утварь и даже заказали трак для перевозки имущества, нежданно и негаданно, как гром среди ясного неба, раздался звонок из Нью-Хемпшира приостановить упаковку. Вова объявил об отмене выезда. О причинах он обещал рассказать по приезду.

С волнением и тревогой ждали мы очередной субботы, когда обычно сын приезжал на выходные, чтобы повидаться с семьёй. По тону телефонного разговора было ясно, что случилось что-то непредвиденное и ужасное.

Приезд Вовы подтвердил наши худшие опасения. Отгруженная фирмой на экспорт крупная партия продукции была забракована зарубежными потребителями, которые не только отказались от оплаты, но и потребовали выплаты штрафных санкций за нарушение условий контракта. Корпорация, которая и без того еле сводила концы с концами, была объявлена банкротом и прекратила своё существование.

От этого в Америке никто не застрахован. Таковы законы рыночной экономики. В конкурентной борьбе за выживание побеждают обычно крупные, оснащённые новейшей техникой, финансово устойчивые производственные объединения и часто терпят крах небольшие фирмы с низкой эффективностью производства и отсталой технологией. От этого страдают не только хозяева разорившихся предприятий, но и рабочие и служащие, которые лишаются заработка и становятся безработными.

Вова в банкротстве фирмы не был виновен. Более того, её крах подтвердил его предостережения руководству об опасности грозящей корпорации и необходимости принятия срочных мер по повышению технического уровня и эффективности производства. Пострадал же он больше других работников, так как не только лишился работы и не получил обещанных льгот при переезде на новое место жительства, но и понёс большие убытки от потери заработка жены и затрат на подготовку к несостоявшемуся переезду.

Это ТАМ мы могли в таких случаях сходить в партком или горком партии, написать жалобы в различные инстанции и что-то доказывать. Здесь жаловаться некому. Что решил хозяин, то и верно. И если он решил закрыть производство и уволить специалиста, которого всего несколько месяцев тому назад сорвал с другой работы, пообещав ему золотые горы, то это тоже во всех случаях верно и обжалованию не подлежит.

Вова и мысли не имел не только жаловаться, но и на кого-то обижаться. Он, наоборот, поблагодарил босса за вежливое с ним обращение, принесенные извинения и не предусмотренную контрактом двухнедельную зарплату, которую он великодушно отжалел ему при увольнении.

Наш сын вернулся в Баффало и оказался опять безработным. Долго ещё без работы была и Рита. Такова Америка. Её нужно знать и к ней надо привыкнуть.

13

Письма с нашей бывшей родины приходили довольно часто. Нам писали друзья и знакомые, коллеги по работе и соседи по квартире, сослуживцы с комбината и проектно-конструкторского бюро. Мы были им рады и ни одно не оставили без ответа.

О состоянии дел в ПКБ Мясомолпрома, которое я возглавлял последние пятнадцать лет жизни в Союзе и покинул за несколько дней до отъезда из страны, писал один из моих бывших замов Сергей Максименко. Положение работников там ухудшалось с каждым днём. Должностные оклады, которые мне перед самым отъездом удалось повысить более чем в два раза, всё в меньшей мере обеспечивали минимальный прожиточный минимум людей. Основным источником их доходов стали поездки в Польшу и перепродажа купленных там товаров.

Снизился спрос на проектные работы. Предприятия не имели средств на их оплату и тем более на строительство и реконструкцию производственных цехов и объектов соцкультбыта. Работы по новой технике и прогрессивной технологии, как и содружество с ведущими научными и конструкторскими организациями страны по внедрению законченных разработок, прекратились и в тематических планах осталась, в основном, только ремонтная и сметная тематика. Начались увольнения. Многие ушли в кооперативы, где больше платили, другие вовсе бросили работу и занялись спекуляцией, чтобы как-то прокормить семью. Покинул ПКБ и Сергей Евгеньевич - один из его наиболее способных и творчески мыслящих работников.

О делах на мясокомбинате, директором которого я проработал около двадцати лет, регулярно сообщала Раиса Давыдовна Матвеева - ветеран этого предприятия и один из ведущих его специалистов. Там теперь тоже многое изменилось. Объёмы производства падали. Из-за роста цен на мясопродукты снизилась покупательная способность населения. Всё более сказывалась конкуренция с другими предприятиями и с импортом, которым были завалены полки магазинов. Зарубежные колбасные изделия имели лучший товарный вид и нередко продавались по более дешёвым ценам.

Мой преемник, Эмма Сергеевна Попсуева, была вынуждена сократить численность персонала и работы лишились в первую очередь ветераны производства преклонного возраста. Чтобы как-то помочь людям выжить она занялась бартерными сделками - обменом своей продукции на изделия других предприятий. Работникам комбината по сравнительно низким ценам, а иногда в счёт зарплаты, выдавали не только продукты питания, но и предметы длительного пользования, одежду, обувь, хозтовары.

Единственное, что оставалось неизменным в новых условиях хозяйствования, было воровство. Хищения ещё более возросли и приняли массовый характер. Когда жить стало совсем невмоготу и зарплаты хватало только на хлеб и молоко, уже

никакие меры, включая угрозы увольнения, не могли уберечь даже честных работников от соблазна что-нибудь вынести с комбината. Многие же умудрялись красть и по большому - для продажи. Это и бартерная активность директора стали вскоре одними из причин по которым Попсуева лишилась своей должности. Плохие времена наступили на родном и близком моему сердцу предприятии - некогда одним из лучших в отрасли.

Мой коллега по научно-техническому творчеству - Михаил Львович Файвишевский, с которым я не порывал дружбу и регулярную переписку, писал о бедственном положении в науке. ВНИИМП, где он заведовал одной из ведущих лабораторий, влачил жалкое существование. Этот ещё недавно процветающий институт, что был головным в отрасли, вынужден был сократить объём работ и приостановить научные исследования по ряду важнейших тем из-за отсутствия финансирования. Государство теперь почти не выделяло средств на научные разработки в пищевой промышленности и работы продолжались, в основном, только по хоздоговорной тематике. Многие учёные пополнили всё возрастающую армию безработных. Сам Михаил Львович, автор ряда перспективных открытий и изобретений, еле сводил концы с концами. Несладко жилось теперь и учёным.

Наши друзья и соседи по квартире Людмила Михайловна и Николай Яковлевич Марченко в письмах сообщали о росте преступности в Могилёве. В этом, ещё недавно тихом и спокойном областном центре, где всегда до поздней ночи гуляла молодёжь, теперь, с наступлением темноты страшно стало выходить на улицу. Особенно возмущались они условиями содержания Центральной городской больницы, в которой многие годы работали. Лучшее медицинское заведение города теперь не имело средств на питание больных и лекарства. При госпитализации пациентов их родственникам “советовали” позаботиться о постельных принадлежностях, медикаментах и продуктах питания для своих близких. В больницу теперь ложились только в исключительных случаях, при необходимости оперативного вмешательства, и старались бежать оттуда как можно скорее. Трудно стало лечиться и дома. Многие отечественные лекарства в аптеках отсутствовали, а цены на импортные стали непомерно высокими. Внедрялась платная медицина, которая была недоступна для простых смертных.

Людмила Михайловна возмущалась тем, как быстро богатели бывшие партийные боссы, дельцы и спекулянты. Многие из них завладели хорошими

квартирами, покинутыми эмигрантами, и дорогими дачами в живописных пригородах города. Нашу квартиру, например, перекупил некий брокер Пивоваров, родственники которого при мне работали на мясокомбинате. Несколько месяцев над головой моих соседей не прекращался шум ремонтных работ. Завезли паркет и мрамор, новую арматуру и сантехнику, импортную мебель. Недолго, правда, наслаждался новый хозяин этой роскошью. Вскоре он стал жертвой заказного убийства на пороге своего дома. Такое нередко случалось теперь с бизнесменами в независимой посткоммунистической Белоруссии.

С нетерпением ждали писем от близких родственников. Жизнь становилась всё труднее и мы с тревогой и волнением ловили любую весточку, поступающую от них. Для беспокойства были все основания.

В Ейске осталась семья моей многострадальной Полечки. Она и её муж Володя ещё до нашего отъезда вышли на пенсию, которая и тогда обеспечивала полунищее существование. Им приходилось подрабатывать, но этого не хватало и они были в постоянных долгах. Их взрослые дети, ставшие кандидатами наук, помочь им не могли. Как и раньше, они сами пользовались помощью родителей.

Елизаровы старшие писали очень редко и на жизненные невзгоды не жаловались (Полечка это делать просто не умела). Подробностями жизни в Ейске они делились мало. Единственное, чего не скрывала моя сестричка, были трудности с продуктами в связи с быстрым ростом цен. Она больше интересовалась нашей жизнью в Америке и не забывала поздравлять нас со всеми прошлыми и новыми праздниками, днями рождения и юбилеями.

Наиболее полную картину, характеризующую состояние постсоветского общества, раскрывал в своих письмах мой племянник Валера. Он гневно возмущался бездействием властей, их отношением к страданиям народа. Ему, учёному-демографу, возглавлявшему Центр по изучению проблем народонаселения МГУ, это было виднее, нежели многим другим. Он считал, что Россия находится в состоянии не только затянувшегося на годы экономического и финансового коллапса, но и глубокого демографического кризиса. Со времени развала СССР среднемесячный бюджет российской семьи продолжал неуклонно падать. С каждым годом бедных становилось всё больше. Отсюда - резкое снижение затрат на питание, медицину и другие социальные нужды. И как следствие всего - возросшая смертность и падение уровня рождаемости.

Начиная с 1991-го года началось сокращение численности населения. Впервые в мирное время в России ежегодно умирало людей больше, чем рождалось. За годы правления Ельцина эта тенденция всё более усиливалась и счёт уже шёл не на тысячи, а на миллионы. Всё актуальнее становился вопрос “кому на Руси жить хорошо?”. Единственное, в чём никогда не испытывала наша страна дефицита, это в людях. Даже после революций, мировых войн, массовых репрессий, унесших многие миллионы жизней, в стране оставалось достаточно строителей светлого будущего. Теперь появилась угроза возникновения в обозримом будущем нового дефицита - людского. Размышления Валерия подкреплялись убедительными цифрами, таблицами, диаграммами, которые бесспорно подтверждали грустную тенденцию.

Были в его письмах и вырезки из газетных публикаций, подтверждающие, что тревожная демографическая ситуация, сложившаяся в стране, никого из высокопоставленных государственных чиновников особо не волнует. Их больше интересовало личное обогащение, а виновных в сложившейся ситуации они уже успели найти. Как и раньше, это были евреи, которые всегда становились козлами отпущения во всех бедах, настигавших Россию. В одной вырезке из журнала была цитата из речи председателя Комитета по безопасности Госдумы В. Ильюхина, который заявил следующее: “За годы реформ Россия потеряла 9 миллионов человек... Крупномасштабный геноцид не стал бы возможным, если бы основу окружения Ельцина, прежних правительств страны составляли представители коренных народов, а не представители одной, еврейской нации...”

Сказано достаточно ясно и комментарии здесь излишни.

Регулярно писала нам наша невестка из Минска. Она воспитывала двоих детей и ей было особенно трудно. Алёнке перед нашим отъездом ещё шестнадцати не было, а младшему Андрюшке только семь исполнилось. Они хоть и жили в своей кооперативной квартире и получали пенсию за покойного Мишеньку, но нуждались в нашей поддержке и помощи.

Первые её письма были довольно бодрыми и полными оптимизма, однако через несколько месяцев, когда началась инфляционная пляска и многократно возросли цены, в них зазвучали грустные мотивы. Нас она ни о чём не просила и своими проблемами с нами не очень делилась (гордость не позволяла), а с Верочкой, как с закадычной подругой юности, была более откровенна. Ей она сознавалась, что так трудно она никогда раньше не жила, что её всё более тревожит нужда и

недостаток денег. Месячного дохода не хватало даже на питание, ей постоянно приходилось одалживать деньги до очередной получки. Ещё труднее было её старшей сестре Тане, которая работала научным сотрудником в Академии наук. На академическую науку у государства не хватало средств, учёных всё чаще отправляли в отпуск без содержания и им просто не на что было жить.

Не лучше было в Минске и работникам промышленной сферы. Многие заводы стояли или работали не на полную мощность из-за отсутствия сырья, комплектующих изделий или спроса на производимую ими продукцию. Люди оставались без зарплаты. Такое представление о жизни в постсоветской Белоруссии складывалось из писем Иринки.

Хоть были они не нам адресованы, мы, конечно, их читали и не могли оставаться к ним равнодушными. Как не трудно нам было в первое время, в меру своих сил мы старались помочь внукам. В начале это были небольшие передачи со знакомыми, выезжающими в Минск, а со временем нам удалось найти фирму “Interport travel service, inc.”, занимающуюся отправкой грузов в республики бывшего СССР, и посылки в Минск стали уходить от нас регулярно.

Как постоянные клиенты этой организации, мы заслужили уважительное к себе отношение её персонала, а президент Николай Левчук, польский эмигрант украинского происхождения, вскоре стал другом нашей семьи. Он оказывал нам большую и бескорыстную помощь в решении многих житейских и бытовых проблем.

Иринке отправлялась одежда и обувь, продукты, предметы сангигиены, медикаменты и даже игрушки детям. Денег тогда и нам не хватало, всё это закупалось на распродажах по сниженным ценам, с купонами и талонами, в комиссионных магазинах, а кое-что с рук на уличных базарчиках. Основную работу по заготовке товаров, конечно, выполняла Анечка, а я помогал, как водитель, носильщик и упаковщик. Со временем мы освоили эту работу в совершенстве и заслужили похвалу Ника (так здесь называли Николая). Он теперь направлял всех “русских”, желающих отправлять посылки, к нам за помощью и вскоре нашу квартиру с полным основанием можно было назвать филиалом его фирмы. Со временем нашему примеру последовали многие знакомые, соседи, друзья и поток посылок всё нарастал, но по количеству отправлений и качеству упаковки никому не удавалось достичь нашего уровня. Мы прочно удерживали в этом деле первенство среди русскоязычных иммигрантов.

Посылки отправлялись не только в Белоруссию, но и в другие места нашим родным, близким и друзьям. В основном же они были адресованы Иринке и внукам в Минск.

Как писала нам Алёнка, получение каждой посылки было для них праздником и они ждали их с нетерпением. Андрюшке очень нравились концентраты вермишелевых супов. Он научился сам их готовить и умудрялся из одной пачки варить полный обед из двух блюд: вермишель с бульоном на первое, а без бульона на второе. Алёнке по душе было ореховое масло (пинат-батер), а Иринка отдавала предпочтение чаю и кофе. Сладости и конфеты делились между детьми, а игрушки шли Андрюшке.

Одежде и обуви больше всех радовалась Алёнка. Она была уже студенткой университета и ей, конечно, нужно было одеваться по моде. Раньше в письмах Наташке она жаловалась, что на неё всегда не хватало денег и ей уже не помнится, когда последний раз мама покупала для неё колготки или туфли. Теперь она хвасталась, что полностью одета из бабушкиных посылок и выглядит ничуть не хуже других девушек на их курсе.

Десятки посылок, отправленных в Минск, очень помогли им в то трудное время. Когда в одном из телефонных разговоров Анечка как-то спросила Иринку не лучше ли деньги, затраченные на отправку вещей и продуктов (каждый паунд веса стоил около полутора долларов, без учёта стоимости купленных товаров), отправлять им ежемесячно в качестве добавки к их зарплате, она, не задумываясь, ответила, что лучше всё оставить без изменений, так как доллары они будут откладывать на чёрный день, а содержимым посылок воспользуются сразу.

Часто прибывали письма от Бори - старшего брата Анечки. Ему, как и его жене Люсе, было уже за семьдесят, но они продолжали трудиться, чтобы как-то помогать детям. Светочка и Аллочка давно вышли замуж, закончили мединститут и работали врачами, но без помощи родителей обойтись не могли. Боря был не только родственником, но и большим другом нашей семьи, добрым и отзывчивым человеком, незаменимым советчиком во всех делах, мудрым наставником. Каждая встреча с ним была для нас всегда праздником. Прощаясь, перед нашим отъездом, Борька говорил, что всю жизнь мечтал жить рядом с нами и был бы счастлив, если бы возникла такая возможность в Америке. Семья его младшей дочери раньше нас покинула страну и

жила в Германии. Их отъезд прибавил тревог родителям, от чего они как-то быстро состарились и стали ещё более одинокими.

Грустными были Борины письма из любимой Одессы. Его нежная привязанность к своему городу всегда вызывала моё восхищение. Теперь он с болью рассказывал о происходящих там изменениях с приходом новой администрации. Жизнь стала трудной и опасной. Как и везде, в “незалежной” Украине дорожали продукты и росла преступность, но не это было для него главным. Одесса теряла свой неповторимый колорит, свою былую прелесть. Не стало больше той жемчужины у моря, воспетой талантом Пушкина и Куприна, Катаева и Олеши, Паустовского и Жванецкого, что была когда-то кузницей талантов и гордостью страны. Она лишилась главной своей достопримечательности - коренных одесситов, значительная часть которых навсегда покинула страну. Людей стало не меньше. Нет, наверное, их теперь даже стало больше, но это уже были не те люди. И говорили они не на привычном языке, что был не русским, не украинским, не еврейским, а именно... одесским. Теперь в моде был только украинский, на котором здесь раньше мало кто говорил. Одесса стала другой.

Из Ленинграда приходили письма от Фанечки - дочери незабвенной тёти Фримы, оставшейся в моей памяти, как добрый ангел, ещё из нашего сиротского детства. Невесёлыми были и эти письма. Беды, постигшие страну, не обошли и Санкт-Петербург (так теперь называли этот город). Колыбель революции, как и всю страну, потрясла инфляция, коррупция и многократно возросшие цены на товары и услуги.

Фаина Исааковна уже давно разменяла восьмой десяток, но была вынуждена работать из-за мизерной пенсии, которой не хватало даже на питание.

Все наши родственники всю жизнь были неутомимыми тружениками. Несмотря на беззаветное служение Родине, они так и не разбогатели и еле-еле сводили концы с концами, зарабатывая на скромную жизнь себе и своим детям. Им не довелось сделать большой карьеры в старое советское время. Не научились они также воровать и спекулировать, без чего тогда нельзя было и думать о зажиточной жизни. Не стали заниматься этим и сейчас, когда жить на зарплату стало совсем невозможно и богатеют только дельцы, жулики и проходимцы.

Зная своих родственников, оставшихся ТАМ, мы советовали им как можно скорее покинуть страну, идущую в никуда и ставшую на путь произвола и

разграбления народного добра. Особенно настойчиво навязывали мы эту мысль моей Полечке и Иринке.

Полечке потому, что её муж Володя был горячим патриотом своей страны и наотрез отказывался её покинуть. Иринка же и мысли не допускала о жизни за пределами родной Белоруссии и до самого нашего отъезда даже обсуждать эту тему отказывалась. Они считали, что им с их русскими фамилиями, как и их детям, антисемитизм и дискриминация не угрожают и верили в светлое будущее на постсоветской Родине.

Мы же не сомневались в том, что им непременно следует уехать и как можно скорее, пока оттуда ещё выпускают, а здесь принимают. Их оптимизм относительно ожидаемой счастливой жизни во вновь образованных независимых государствах вызывал удивление. Для таких надежд не было никаких оснований. Всё шло к тому, что там может стать только хуже.

Жизнь, к сожалению, вскоре подтвердила наши худшие ожидания. Патриотизм Иринки вскоре приутих и её отношение к отъезду постепенно стало меняться. Со временем она даже стала проявлять беспокойство возможными изменениями в американской иммиграционной политике в части ограничения приёма беженцев из бывшего СССР. Ей вдруг почудилось, что когда наступит их черёд, выезд непременно запретят.

Нельзя сказать, что для таких опасений вовсе не было никаких оснований. Все республики СНГ заявили о демократических преобразованиях и равенстве народов и религий. Повсеместно вновь открывались еврейские школы и синагоги, появились газеты на идиш, создавались национальные театры и концертные бригады. В этих условиях действительно могло показаться, что никакой дискриминации больше нет и поэтому евреям теперь незачем куда-то бежать.

На самом же деле антисемитизм на необъятных просторах нашей бывшей родины не приутих. Несколько изменились его формы, что было известно правительству и конгрессу США, которые ещё не решались менять действовавшие тогда законы о приёме беженцев. Это было сделано позднее и моих внуков уже не коснулось.

Позицию главы семьи Елизаровых, к сожалению, не поколебали ни наши убеждения, ни ужасы первых лет рыночной перестройки. Володя до конца своих дней оставался верным идеям марксизма-ленинизма и горячим патриотом своей Родины.

Он твёрдо решил остаться в родном Ейске, которому посвятил много своих стихов и песен; рядом с лётным училищем, которому отдал лучшие годы своей жизни; у берегов Азовского моря, где любил рыбачить и проводить досуг. Идя навстречу пожеланиям своего старшего сына Валеры, он благословил отъезд его семьи вместе с Полечкой, а к себе намеревался пригласить младшего сына Борю, который не имел квартиры и приличной работы в Москве.

Володя был на шесть лет старше Полечки и в то время готовился отметить свой семидесятилетний юбилей. Сердце уже давно пошаливало и он не решался испытывать судьбу поисками новой жизни на чужбине. Его можно было понять и принятое им решение казалось даже великодушным.

Как бы там ни было, но к отъезду созрела только половина семьи Елизаровых. Особенно горячим сторонником выезда была их невестка Маша. Её мать, Людмила Николаевна, хоть и нелегально, но уже жила где-то под Вашингтоном и страстно желала скорейшего приезда дочери и любимого внука Толеньки.

Что в душе чувствовала Полечка, соглашаясь оставить на родине мужа и семью младшего сына, сказать трудно, но устно и письменно она тогда такой вариант одобрила и в сентябре 1992-го года мы отправили документы на выезд только четырёх человек. На них мы подписали афидевит и внесли гарантийную сумму денег в Jewish Community Center.

Как потом выяснилось, сестра моя полагала, что если вторая половина её семейства созреет к выезду, она сумеет их вызвать в любое время. Забыла она тогда о том, что по законам диалектики в мире ничего не бывает постоянным, что в нём всё, включая законы, находится в движении, что всё течёт и всё меняется. Дорого поплатилась она позднее за эту свою неосведомлённость. Досталось немало и нам.

Наверное, тогда следовало оформить анкеты на всех Елизаровых, игнорируя возражения главы семейства. Вскоре, по мере нарастания кризисных явлений, роста инфляции и увеличения преступности, желание эмигрировать из бывшего СССР у многих всё более возрастало, а возможности, наоборот, сокращались. Особенно велико стало стремление выехать в США у тех, кто такой возможностью в своё время не воспользовался, и теперь мог только пожалеть об этом.

Приближались новогодние праздники. Они, как и другие торжества, отмечаются здесь по другому. Если у нас выходным днём было только 1-ое января, то в Америке не работают, как правило, целую неделю. В эти дни большинство американцев празднуют Кристмас, а евреи - Хануку.

О хануке мы знали примерно столько же, сколько и о других еврейских праздниках. Из далёкого детства запомнилось, что в эти дни наши родители, бабушки и дедушки, тёти и дяди одаривали нас подарками, а главное - давали “Ханука гелт”. Так как жили мы бедно и карманных денег мне обычно не давали, то ждал я всегда этот праздник с большим нетерпением, чтобы собрать побольше монет за которые можно было вволю наесться мороженого и купить разных сладостей, которые в другое время мне редко доставались.

Здесь мы об этом празднике узнали намного больше. Нас пригласили в Jewish Center, где поведали о первом, зафиксированном историей вооруженном выступлении евреев против сирийского гнёта и об освобождении Маккавеями Иерусалима, что произошло ещё во втором веке до нашей эры. Мы узнали о том, что в 25-й день месяца Кислев (декабрь) евреи переосвятили Великий Храм, который тремя годами раньше был осквернён их преследователями и угнетателями. Нам рассказали легенду о великом чуде, когда зажженный в храме светильник, заправленный маслом только на один день, ярко горел на протяжении восьми дней, что в память об этом учредили минору и в Хануку в течении восьми дней зажигают на ней по одной свече. Этот праздник огней символизирует победу духа, победу угнетённого народа в битве за своё освобождение, победу добра над злом.

После зажжения миноры ребе произнёс молитву и нас научили играть в дрейдел - четырёхгранный волчок, на каждой из сторон которого нанесено по одной букве ивритского алфавита - нун, гимель, хей и шин. Наверное, когда-то в детстве мне приходилось играть в эту игру, но с годами я позабыл её правила и пришлось учиться с нуля.

Всем игрокам предложили поставить на кон по пять центов, затем каждый по очереди заводил волчок. В зависимости от того, какая буква оказывалась на верхней стороне остановившегося волчка, играющий получал соответственно за нун (первая буква еврейского слова “ништ”) - ничего, за гимель (ганц) - весь кон, за хей (халб) - половину находящегося на кону и за шин (штел) - должен сам положить что-то на кон.

Мы играли в “дрейдел” с интересом, можно сказать с азартом. В итоге я даже оказался в выигрыше. Но не этим понравилась тогда эта игра. Она запомнилась, как один из символов ханукального праздника.

Не обошлось и без праздничной трапезы. Нас угощали поджаренными на растительном масле картофельными оладьями - “латкес”. Они были горячими, хрустящими и очень вкусными.

Хозяйкой праздника в Джуйке (так сокращённо все называли “The Jewish Comunity Center of Greater Buffalo”) была Лариса Рейн - наш единственный русскоговорящий куратор в первые месяцы жизни в Америке. Она очень старалась и была предельно внимательна к нам. Мы были ей очень признательны за стремление как-то украсить нашу жизнь и за многое доброе, что она делала для нас - беженцев из бывшего СССР, оказавшихся в этом чужом городе на северной окраине Америки.

Прощаясь с нами, Лариса напомнили об обычае “Ханука гелт”, что восходит к прошлому, когда на Хануку детей одаривали деньгами. Она советовала не забывать эту добрую традицию и подарить в праздник своим малышам пару долларов на сладости.

Хоть и скудными тогда были наши денежные запасы, мы всё же смогли выделить небольшую сумму на подарки внукам. Желая как-то приобщить к еврейским традициям Андрюшку и Алёнушку, отправили с очередной посылкой “Ханука гелт” и другие подарки в далёкий Минск.

В один из дней праздника мы были приглашены к детям, где Рита и Фаина Захаровна вновь продемонстрировали свои кулинарные способности. Кроме ханукальных “латкес” стол был уставлен многими другими вкусными блюдами, ставшими традиционными в их доме.

После праздничного обеда нас повезли на Ниагарский водопад, где в честь Кристмаса, Хануки и наступающего Нового года проводился праздник огней. Нам известно было об этом чуде ещё в Союзе, но то что мы увидели здесь, рядом с Баффало, затмило наши прежние представления. Как завороженные смотрели мы на огромные потоки воды, что с рёвом падали с большой высоты. Зрелище это неописуемое и не зря привлекает миллионы туристов со всего света. В тот вечер Ниагара была особенно прелестна в лучах разноцветных прожекторов, освещённая морем огней электрических ламп, что бесчисленными гирляндами опоясывали

деревья прибрежного парка. Не зря это уникальное явление природы издавна называют седьмым чудом света.

До поздней ночи любовались мы необыкновенной красотой природы и праздником огней. Больше всех ликовали четверо наших внуков, которым представилась ещё и редкая возможность вдоволь насладиться мороженым и другими лакомствами. Надолго в нашей памяти остался первый праздник Хануки на американской земле.

15

Недёшево обошлись детям первые уроки жизни в Америке. После неудачного трудоустройства Вовы в далёком Нью-Хемпшире и его вынужденного возвращения домой в качестве безработного, он ещё долго не мог нигде устроиться и семья несколько месяцев жила на небольшом пособии по безработице (unemployment), что еле обеспечивало их жизненные потребности.

Хорошо ещё, что здесь не придерживаются действовавшего у нас принципа “от каждого по способности, каждому по труду”, согласно которому людям, потерявшим работу, ничего не платили и никому дела не было до того на что они будут жить в процессе трудоустройства.

Не сразу нашла работу и Рита и нелегко им было содержать двоих малолетних детей - школьников. У них была возможность на какое-то время воспользоваться “Вэлфером”, что обеспечило бы семье сносные условия жизни, но об этом ни у кого даже и мысли не было. Нужно отдать им должное: они мужественно переносили взвалившиеся на их плечи трудности и никому не жаловались.

Пригодился приобретённый здесь Ритой опыт изготовления гардин. Она нанималась шить богатым американцам покрытия на окна, двери и мягкую мебель. Делала она всё это на старенькой швейной машине и вручную, но с присущими ей изобретательностью, старанием и вкусом. Вдвоём с Вовой они ездили по квартирам и домам заказчиков, где производили нужные замеры, а затем монтировали изготовленные дома изделия.

Высокое качество работы и низкие цены увеличили число заказчиков, которым порой приходилось подолгу ждать своей очереди, но принятая к исполнению работа выполнялась всегда в срок и добросовестно. Желание побольше заработать

требовало больших усилий и затрат времени. Приходилось часто не досыпать, что сказывалось и на без того слабое здоровье Риты. Она очень уставала и часто болела.

Когда, наконец, Вове предложили вернуться на прежнее место в “Benchmark Corporation.”, он был этому безумно рад, хоть это опять была работа не по специальности. Зато его там уже знали, успели оценить эрудицию и трудолюбие и в общем довольно хорошо к нему относились. Кроме того, дорога на работу занимала не более четверти часа, что здесь высоко ценится.

Жизнь постепенно входила в своё прежнее русло. Они вдвоём стали больше зарабатывать, а с финансовым благополучием пришли и новые интересы. В доме появилась первая добротная мебель, они впервые купили детям велосипеды, стали одеваться не только в уценённую одежду, а вскоре даже приобрели новый американский автомобиль, купленный в рассрочку.

Трудно проходила адаптация и у Верочки. Главной проблемой, как у других советских специалистов, приезжающих сюда, был, конечно, язык. Наша дочь, скорей многих поняла, что значит быть здесь немым и глухим. В первые же дни пребывания в Америке она усвоила, что от умения читать, писать и говорить по-английски зависит всё: работа, зарплата, возможность общения с окружающими, настроение. “Взять” язык стало для неё главной задачей того времени. И решала она её с присущими ей упорством и целеустремлённостью. В течении первого года Верочка осилила учебную программу двух школ английского (последняя, кроме языка давала ещё и навыки устройства на работу или учёбу). Её словарный запас стал достаточным для общения с американцами, но его не хватало для работы по специальности. Не доставало и знаний. Она поступила в колледж, где вновь изучала экономику, учёт и науку управления бизнесом. Полученное в советском ВУЗе образование оказалось недостаточным. Тут иная система производства, другая экономика.

Учёба давалась не легко. Жаль было смотреть на дочь, пытающуюся что-то понять из толстенных учебников, насыщенных многими специальными терминами, которые она даже произносить правильно не умела. Верочка засиживалась над книгами до поздней ночи и, не доспав, подымалась ранним утром, чтобы успеть до школы что-то приготовить детям и сделать необходимое по хозяйству.

Основным источником её дохода оставалось пособие по “вэлферу” и она была рада, когда ей предложили работу в колледже. Платили за неё минимальную ставку, но и она составляла более двадцати долларов в день и стала существенным

подспорьем их семейного бюджета. Главным преимуществом этой работы было то, что она не влияла на получаемое пособие (студентам разрешалось подрабатывать в учебных заведениях в свободное от учёбы время), но зато совсем мало оставалось часов для отдыха и ухода за детьми. А в выходные дни она ещё была домработницей в семье пожилого инвалида Второй мировой войны, так как жаль было отказаться от возможности получить дополнительно двадцать пять - тридцать долларов в неделю.

Нелегко было Наташке. После школы она, как и прежде, разносила газеты, а по вечерам мыла посуду в ресторане. Даже Анечке маленькой (так я до сих пор называл младшую внучку в отличие от просто Анечки, как всю жизнь звал её бабушку), всегда находилась работа. Она и газеты разносить помогала и по дому посильную работу делала.

Мы, конечно, старались помочь детям, особенно Верочке, которая приехала сюда на два года позднее Вовы, и одна должна была растить ещё малолетних детей. Трудно себе даже представить, как бы она смогла без такой помощи выжить, но основная тяжесть первых лет здешней жизни легла всё же на собственные плечи младшего поколения.

Наиболее сложным, безусловно, был первый год. Непреодолимыми оставались финансовые проблемы. Большая часть получаемого детьми дохода уходила на квартиру и коммунальные услуги и мало что оставалось на другие нужды, но самыми болезненными всё же были трудности с освоением языка. Без приличного английского нельзя было и думать о какой-нибудь другой работе, кроме грузчика, уборщицы или посудомойки, и потому они с таким усердием занимались его изучением.

Летом у Верочки подошла очередь на субсидированное жильё. Им предложили апартмент с двумя спальнями в одном из районов Амхерста. Это была улица, где жили бедняки разных религий, рас, национальностей и цвета кожи, где было мало зелени и много шума от играющих во дворах разноцветных детей и паркующихся под самыми окнами автомобилей. Но зато здесь были приличные дома с подземными гаражами и очень удобные квартиры. На верхнем этаже располагались спальни, ванная комната и туалет, а внизу были просторная гостиная, столовая и кухня. В цокольном этаже размещались прачечная, кладовая и гараж. Это было на порядок выше того, что они арендовали до сих пор в Снайдере, а главное - намного дешевле. В раз решились многие проблемы и в первую очередь - финансовая.

Верочка теперь могла довольствоваться меньшими приработками и сократила свой рабочий день по найму, а Наташка отказалась от разноски газет. Это высвободило время для учёбы, что заметно сказалось на её результатах. Дочери удалось закончить двухлетний колледж за полтора года и найти вакансию бухгалтера в одном из ресторанов на окраине города.

Работа была трудной и очень ответственной. Ей приходилось одной не только вести учёт материальных ценностей и денежных средств, но и совмещать обязанности кассира. Поздно вечером, в любую погоду, нужно было самой отвозить денежную наличность в банк, что не только увеличивало и без того длинный рабочий день, но и было очень опасно. Зато она стала больше зарабатывать и они могли позволить себе лучше одеваться и питаться.

Наша младшая внучка не имела уже никаких проблем с языком и радовала нас успехами в учёбе. В американской школе Анечка уже чувствовала себя довольно свободно и она ей нравилась не меньше, чем её первая - советская. У неё, как и там, было много подружек и её уже трудно было отличить от других американских детей. Если она чем-то и отличалась от многих своих сверстниц, то более глубокими знаниями, особенно в математике, которая ей здесь казалась слишком лёгкой, по сравнению с той, что была в её минской школе.

Когда Анечка по окончанию учебного года принесла нам свой табель, где были одни “А”, радости ребёнка не было предела, а когда мама объявила, что в награду за прилежную учёбу она поедет на две недели в загородный летний лагерь “Lakeland”, наша внучка была вообще на вершине счастья.

Успешно закончила 11-й класс и Наташка. Ей труднее, чем Анечке, покорялся английский, но к концу первого учебного года она уже почти свободно разговаривала и абсолютно всё понимала. Правда, чувствовала она себя в школе не так свободно, как её младшая сестрёнка. Сказывались различия в возрасте, манере поведения, воспитании. Да и интересы её были другими. В школе было несколько русских девочек и Наташа в первое время больше общалась и дружила только с ними. Но со временем она постепенно всё более привыкала к новой среде, обстановке и порядкам, которые во многом были другими, чем в советской школе. Этому заметно способствовали багаж знаний, который ничуть не уступал тем, которыми владели её соученики, и прилежность, которой она с детства отличалась. После нескольких

первых месяцев учёбы Наташка почувствовала уважительное к себе отношение со стороны учителей и, что более важно, со стороны учеников.

Стойко и мужественно преодолевая трудности, наши дети и внуки осваивали новую жизнь и всё твёрже становились на собственные ноги.

16

Нашими соседями по квартире была семья Володи Харлип -инженера из Минска, который прибыл сюда на два года раньше нас. Его жена Люба, врач невропатолог с большим опытом работы, находилась первое время на “Вэлфере”, а затем была признана инвалидом в связи с обострением тяжёлой болезни, выявленной ещё в Союзе.

Володя долгие годы проработал на минском заводе “Горизонт” и был там ведущим конструктором, а в Баффало не мог найти никакой инженерной работы по специальности и мыл посуду в ресторане в вечерние и ночные смены. С работы он приходил сонным и уставшим, но не всегда мог вволю выспаться и отдохнуть. Нужно было ухаживать за больной женой и тринадцатилетним сыном.

Если Люба изо всех сил старалась ещё кое-что сама делать по дому и даже нередко в магазины за продуктами ездила, то их сын Игорь был капризным и избалованным подростком, которого с трудом заставляли учиться, а о какой-то помощи по дому и речи не могло быть. Он мог в полночь заказать любимую пиццу или потребовать доставить ему в любое угодное время друзей из другого конца города, где они раньше жили. Володя часто отвозил его в школу на машине, так как ему не нравилось ездить туда на школьном автобусе (Schoolbus’e).

Ни тогда, ни позднее мы так и не могли понять почему умные и грамотные родители так раболепски угождали своему сыну, осознанно воспитывая в нём эгоистические наклонности, и нам их было от души жаль. Любу потому, что она, тяжело больной человек, должна была из последних сил вертеться вокруг своего капризного ребёнка, а Володю из-за того, что не было ему ни сна, ни покоя в заботах о выполнении его причуд и прихотей.

Может быть Люба, чувствуя свою безысходность из-за коварной и неизлечимой болезни, спешила отдать своему единственному сыну всю силу своей материнской любви, сознавая, как ему будет недоставать её, когда она уйдет из жизни.

Наверное, только в этом и можно было её упрекать. Во всём остальном мы видели в ней обаятельного и чуткого человека, рачительную хозяйку, добрую и отзывчивую соседку. Общение с ней доставляло удовольствие. Она была не только хорошим доктором, но и большим эрудитом в литературе и искусстве, экономике и спорте, во многих других областях знаний. Наша соседка лучше нас знала особенности здешней жизни и мы много полезного позаимствовали у неё в первый год пребывания в Америке. Особенно благодарна ей была Анечка, которую она обучала пользованию талонами и купонами на удешевление стоимости продуктов, поиску товаров по “хорошим” ценам в магазинах и на гараж-сейлах, экономному ведению хозяйства.

Много доброго старался сделать для нас и Володя. Он помог мне и Верочке подготовиться к сдаче экзамена на вождение автомобиля. Особенно в этом нуждалась наша дочь, которая с трудом постигала эту науку. И в том, что она сравнительно быстро освоила приёмы параллельного паркинга и другие сложные маневры вождения, была немалая заслуга нашего терпеливого соседа-учителя. Кое-когда приходилось пользоваться Володиной помощью при ремонте нашей старенькой машины и покупке запчастей к ней, наладке бытовой техники и кухонного оборудования. У него был полный комплект инструментов и приспособлений для ремонтных работ и он с удовольствием брался за любое дело, но мы старались его помощью не злоупотреблять и обращались к нему только в случаях особой необходимости.

В общем нам здорово повезло на соседей в первое время жизни в Америке. Жаль только, что это продолжалось только один год. Володе, наконец, предложили должность конструктора в небольшой фирме в Калифорнии и, несмотря на то, что этот край известен частыми стихийными бедствиями и находится в другом конце страны, они решили покинуть Баффало.

В жаркий июльский день наши соседи, погрузили своё небогатое домашнее имущество в трак, уселись в старенький “Бьюик” и отправились в поисках счастья в далёкий Лос-Анджелес.

17

Загородные лагеря для летнего отдыха школьников здесь мало похожи на привычные нам пионерские лагеря. Нет многоэтажных спальных корпусов,

капитальных зданий для досуга и питания детей, нет утреннего поднятия и вечернего спуска флага с рапортами, по стойке «смирно» звеньевых, командиров отрядов и пионерских вожатых старшим по рангу начальникам, многократных за день построений для коллективных походов в лес, на речку или в баню, нет политинформаций и коллективных читок газет, жесткой полувоенной дисциплины, пионерской формы и атрибутики.

Американский “Camp” для школьников, как и дошкольные заведения - дорогое удовольствие. Если у нас в пионерлагерь могли попасть все желающие почти бесплатно и детей даже уговаривали туда поехать, то здесь это стоит больших денег и поэтому не всем доступно. О месячном пребывании в лагере, что у нас считалось минимальным сроком, в Америке могут мечтать только дети богатых родителей. Семьи среднего достатка не часто позволяют себе покупать путёвки в лагерь даже на две недели, а на пособие, которое получают иммигранты или пенсионеры нельзя и на одну неделю отдыха детей в лагере рассчитывать.

Анечке, как и другим детям еврейских беженцев, двухнедельное пребывание в лагере досталось бесплатно. Его стоимость, которая исчислялась несколькими месячными пособиями по “Вэлферу”, оплатила из своего бюджета Jewish Federation - богатая еврейская общественная организация, содержащая несколько культурно-спортивных центров, библиотек, плавательных бассейнов и лагерей отдыха. Такая льгота предоставлялась детям иммигрантов только один раз - в первый год жизни в Америке.

Подготовка к отправке в лагерь тоже стоила немалых средств. Нужно обеспечить ребёнка всем необходимым для жизни в детском коллективе, чтобы он ни в чём не уступал другим детям и выглядел не хуже их. Для нас это оказалось трудной задачей. Общими усилиями всё же удалось её решить и Анечка уехала отдыхать во всеоружии.

Нам было трудно понять почему здешние школьники, в отличие от наших детей ТАМ, так стремятся попасть в лагерь и почему это так дорого стоит. Только, когда мы несколько раз побывали в загородном лагере Jewish Federation, что расположен в двадцати пяти милях от города, кое-что прояснилось.

Оказалось, что именно отсутствие того комфорта, которым отличались наши пионерские лагеря и той муштры, которой они были перенасыщены, больше всего по душе детям. Им уже, оказывается, в этом возрасте нужна свобода и

раскрепощённость, лишенные принуждения, строгой регламентации и жёсткой дисциплины.

Младшие школьники здесь живут в бараках по несколько человек в небольшой комнате, а старшие вообще предпочитают всё время быть на воздухе, ночуют в палатках и пользуются туристическими спальными мешками. Примитивными здесь выглядят душевые, умывальники и другие бытовые удобства.

Зато тут можно вволю купаться и плавать в озере, что находится рядом, гулять по лесу, что окружает лагерь, кататься на лошадях, что находятся тут же в конюшне. Детям предоставляется большой выбор занятий по интересам и нет строгого режима. Они могут сами решать с кем гулять, в какие игры играть и нужен ли им послеобеденный сон. Питание здесь разнообразное и очень вкусное. Много овощей, фруктов, разных сладостей, чего не хватало в наших лагерях, и совсем нет муштры, которая у нас была в избытке.

Когда в один из воскресных дней мы вместе с Верочкой приехали на праздник открытия лагеря “Lakeland”, то с трудом смогли отыскать Анечку, а когда она, наконец, появилась, нам вдруг показалось, что внучка и не очень рада нашему приезду, который отвлекал её от интересных занятий и приятных подружек. Единственное, что огорчало ребёнка, были сроки пребывания в лагере. Она сожалела о том, что ей оставалось здесь находиться только 10 дней, а двум её подружкам достались путёвки на целых три недели.

Мы провели с Анечкой весь день. До обеда были на озере, что живописно расположилось у самого леса. Был жаркий летний день и дети с удовольствием купались, плавали, катались на лодках и играли на берегу. В полдень отправились в столовую, расположенную в полуоткрытом павильоне, где было очень уютно и довольно чисто.

Только удивляться пришлось с каким аппетитом наша внучка расправлялась с огромной порцией пиццы и многослойным гамбургером, запивая полюбившейся “Pepsi” и другими вкусными напитками, которые здесь были в изобилии. Посуда была разового пользования и дети сами себя обслуживали. После ланча, когда солнце уже было в зените и стало жарко, отправились в лес. Здесь пахло хвоей, пели птицы, свободно гуляли белки и было прохладно. Дети играли в подвижные игры, им было интересно и весело. Когда спала жара, вернулись в лагерь и Анечка повела нас на

лагерный ипподром, где дети катались на лошадях и ухаживали за ними. По всему было видно, что это доставляет им большое удовольствие.

Кульминацией праздника открытия лагерной смены стал концерт детской самодеятельности, что состоялся на открытой поляне, оборудованной скамейками и навесной сценой. Выступал хор, танцевальный коллектив, индивидуальные исполнители, которые читали стихи, пели песни, играли на музыкальных инструментах и танцевали. Наша Анечка участвовала во многих номерах концертной программы и порадовала нас своими способностями. Можно было только поражаться тому, как удалось организаторам праздника за несколько дней выявить дарования детей и так хорошо подготовить их к выступлению.

Близился вечер, когда ожидались не менее интересные праздничные мероприятия, но нам пора было возвращаться домой. У столовой, откуда раздавались запахи вкусного обеда, мы попрощались с Анечкой и отправились в обратный путь. Такой довольной и счастливой мы нашу внучку ещё не видели. Такими же радостными были и другие дети.

Это, и несколько других посещений лагеря, помогло нам понять, почему сюда так тянутся дети и почему он так дорого стоит.

18

Не могу не вспомнить как оснащали мы свою квартиру бытовой техникой. Здесь ею пользуются очень широко. Она в изобилии продаётся в хозяйственных магазинах и даже в продовольственных супермаркетах. Мы заметили, что в Америке довольно редко ремонтируют часы, электроплиты, тостеры, макровеи, радиоприёмники и даже телевизоры. Они продаются с гарантией на продолжительное время и в течении этого срока могут быть заменены на новые или отремонтированы самим магазином. Если же выявляется какая-нибудь, даже незначительная неисправность после истечения гарантийного срока, американцы приобретают новую, более совершенную технику, а старая выбрасывается в гарбич.

Чего только нельзя встретить на гарбиче? Здесь нередко можно найти вполне приличную одежду и обувь, столы, стулья, шкафы и мягкую мебель, электролампы, магнитофоны и телевизоры, разнообразные бытовые приборы, посуду и даже машины для стирки белья и велосипеды. Разве только автомобилей на гарбиче не бывает. Для

этого существуют специальные городские свалки, где, кстати, можно легко подобрать нужные запасные части для своей машины.

Установлен строгий порядок пользования гарбичем. Владельцы частных домов собирают пищевые отходы, стеклянную, пластмассовую и иную посуду в специальные контейнеры, которые в определённое время выносят на край дороги, где подбираются спецавтотранспортом. Жители, снимающие квартиры по договору, выбрасывают отходы в герметичные металлические или пластмассовые емкости, которые механически опорожняются в кузова большегрузных автомобилей, курсирующих по определённому графику.

Любуясь этим чётким порядком, совмещающим максимальные удобства с требованиями санитарии и гигиены, я не раз вспоминал многократные обсуждения вопроса “О мерах по упорядочению сбора и вывоза бытовых и промышленных отходов” на сессиях Советов депутатов трудящихся, участником которых мне доводилось быть. Там произносились пламенные речи и принимались пространные решения, а проблема оставалась неразрешимой. Места сбора отходов неизменно были источником мух, червей, грязи и зловонья.

Мне, как многолетнему председателю Постоянной комиссии по промышленности и транспорту могилёвского Горсовета, не раз приходилось выезжать в составе делегаций города в столицу Белоруссии и другие крупные промышленные центры для изучения опыта сбора отходов, но и там ничему хорошему научиться нельзя было. Кроме горячего желания бороться с мухами и зловоньем нужны были ещё и специализированный транспорт и соответствующая техника, которой там не было.

Здешним порядком на гарбиче мы не только любовались, но и широко пользовались в своих “корыстных” целях. Там мы порой находили очень нужные нам вещи, которые не смогли увезти оттуда из-за отсутствия места в баулах и даже такие, о которых только знали по наслышке.

Всё это, конечно, можно было купить в магазинах и не нужно было бы позориться, подбирая старьё с гарбича. По американским меркам многое из того, что здесь выбрасывалось на свалку, совсем недорого стоило, но, когда после оплаты стоимости жилья, электроэнергии, газа и телефона, от нашего месячного пособия оставалось меньше ста долларов, у нас и мысли не было о каких-нибудь покупках,

кроме продуктов питания (продовольственных талонов мы получали мало и их явно не хватало).

Не скажу, что не стеснялись копаться в гарбиче. Ещё как было стыдно и мы этим в дневное время никогда не занимались. Днём мы только присматривались к вынесенным на свалку вещам, прогуливаясь по тротуарам вдоль частных домов. Только поздно вечером, когда улицы становились пустынными, мы направлялись на сбор присмотренных ранее вещей. Нередко случалось так, что к нашему приходу их кто-нибудь уже успевал подобрать и, из-за своей робости и стеснительности, мы лишались нужных нам предметов, но были и удачные походы. В первые же месяцы жизни в Снайдере наша кухня пополнилась микроволновой печью, тостерами, электрическим чайником и другими бытовыми приборами, а в гостиной и спальне появились мягкая мебель, настольные лампы, электрочасы, радиоприёмник, этажерки, тумбочки и многое другое. Иногда вещи из гарбича нуждались в небольшом ремонте, но чаще они были совсем исправными и пригодными к пользованию.

Со свалки можно было и пополнить свой гардероб. Порой там оказывались почти новая одежда и обувь, но мы брезговали пользоваться ими и потому никогда их не подбирали. По этой же причине не приносили мы с гарбича посуду и кухонную утварь. Это нам удавалось покупать за бесценок на гаражах-сейлах, куда мы стали ездить, когда обзавелись автомобилем.

19

Ко времени нашего приезда в Америку в стране шла подготовка к выборам президента и в конгресс США. Ничего общего между избирательной компанией у нас, в бывшем Советском Союзе, и здесь, не было. Там глава государства народом не избирался и управлял страной обычно пожизненно, а депутаты Верховного Совета выдвигались комитетами единственной в стране правящей партии и избирались только формально. Практически никакого выбора не было, так как в избирательных списках по каждому округу был один кандидат в депутаты и в обязанности избирателей входило опустить в урну бюллетень с его фамилией. Если кто-нибудь эту обязанность “забывал” выполнить, ему об этом напоминали и фактически принуждали исполнить свой “гражданский долг”. Таким образом, в голосовании всегда участвовало более 99 процентов избирателей и за кандидатов “блока коммунистов и беспартийных” всегда было отдано более 99 процентов голосов. С

таким же “единодушием” депутаты Верховного Совета страны или Союзных республик голосовали за утверждение законопроектов, которые обычно заблаговременно готовились в соответствующих партийных комитетах.

Система государственного устройства США построена на иных принципах и нам пришлось её изучать с нуля. В её основу положен принцип разделения полномочий, что исключает возможность злоупотребления. Управление на любом уровне (федеральном, штатном или местном) осуществляется тремя ветвями власти: исполнительной, законодательной и судебной. Такое распределение функций, действует со времени принятия конституции страны и известно как “система проверок и балансов”.

Исполнительная власть на федеральном уровне осуществляется президентом, вице-президентом и кабинетом министров; законодательная власть в государстве принадлежит Конгрессу, а судебная власть представлена четырьмя уровнями, наивысшим из которых является Верховный суд.

Конгрессмены здесь избираются каждые два года, сенаторы - раз в шесть лет, а президент - раз в четыре года. Он может находиться у власти не более двух сроков. Избирательная компания и выборы в высшие органы производятся в строгом соответствии с Конституцией. Ведущие политические партии выдвигают своих кандидатов и между ними идёт бескомпромиссная борьба.

Основными претендентами на высшую должность в государстве в тот год были республиканец Джордж Буш и демократ Билл Клинтон. Первый занимал этот пост на протяжении последних четырёх лет. В его активе были немалые успехи в экономике страны, благосостоянии народа, возросшая роль Америки в решении мировых проблем, блестящая победа в войне в Персидском заливе и безупречные личные качества. Его противник во многом ему проигрывал. Он был менее популярен, как политический деятель государственного масштаба, и упрекался во многих аморальных поступках.

Выдвижение кандидатуры Клинтона на президентских выборах 1992 года, казалось, было безумной затеей. “Чтобы сразиться с Бушем, - писали американские газеты, - демократам нужен человек, искушенный в политической жизни Вашингтона, известный всей стране”. Билл Клинтон таким не был.

Однако, как оказалось, главным препятствием на пути в Белый дом для Клинтона стал вовсе не Джордж Буш. В первый, но совсем не в последний раз его

карьере мешало аморальное поведение. Заявление какой-то певички из кабаре о 12-летней связи с ним чуть не поставило крест на его президентских надеждах. Трудно сказать чем бы тогда закончилась предвыборная борьба Клинтона, если бы на его защиту не стала жена Хиллари. Постоянно оказываясь рядом с мужем перед телекамерами, она одним своим видом - женщины умной, счастливой в браке, безгранично доверяющей своему мужу и верящей в его особую судьбу, - предотвратила распространение скандальных слухов.

Наверное, на ход избирательной компании в определённой мере повлияли и щедрые предвыборные обещания Клинтона, содержащие заверения в предоставлении новых социальных благ для малоимущих, реформы в здравоохранении и системе школьного образования, и многое другое.

По выступлениям в печати, на радио и телевидении до последних предвыборных дней казалось, что победа Буша наиболее вероятна, однако итоги выборов подтвердили обратное. Предвыборная компания Клинтона оказалась успешной и в январе 1993 года он со своей семьёй въехал в Белый дом.

В результате выборов демократы, которые на протяжении нескольких десятков лет владели большинством мест в Конгрессе, и на сей раз сохранили своё численное преимущество в палате представителей и сенате. На какое-то время исполнительная и законодательная власть в стране оказалась в руках демократической партии.

20

Медицинское обслуживание населения здесь во многом отличается от того, к которому мы привыкли ТАМ. Для посещения частного врача не нужно выстаивать многочасовую очередь, а для больных, нуждающихся в госпитализации, всегда достаточно мест в больницах. Диагностическая аппаратура и медтехника намного совершеннее советской. Уровень врачебной хирургии очень высокий. Сложные операции, которые в Союзе делались только в специальных столичных клиниках, в том числе и операции на сердце, здесь проводятся в каждом городе. Нет дефицитных лекарств. Всё это, наверное, положительно сказывается на продолжительности жизни американцев, которая достигла самого высокого уровня даже среди наиболее развитых стран мира.

В первые дни пребывания в Америке мы никак не могли понять почему вместе с машиной скорой помощи приезжают полиция и пожарники. Они прибывают мгновенно после вызова и своими сиренами создают страшный вой, подобный тому, какой мы слышали во время войны, когда объявлялась воздушная тревога. Оказалось, что всё это разумно придумано и каждой службе тут отведены свои функции: врачи оказывают помощь больному, пожарники становятся грузчиками и санитарами (если им не приходится выполнять свои прямые обязанности), а полиция следит за порядком и устанавливает причины бедствия, несчастного случая или травмы.

Есть и отрицательные особенности американской медицины. Их не мало и они довольно существенны. Она, во-первых, не бесплатная, к чему мы так привыкли ТАМ, и что вроде и не замечали. За любой, самый обыкновенный визит к врачу здесь взымается в среднем около ста долларов, один день нахождения в госпитале обходится примерно в тысячу долларов, а хирургическая операция оценивается в десятки тысяч долларов (в зависимости от сложности). Вот, наверное, почему в офис врача можно попасть без очереди, скорая прибывает в считанные минуты, а в госпиталях всегда достаточно свободных коек.

Когда нам впервые рассказали о стоимости медицинского обслуживания в Америке, мы пришли в ужас и отказывались этому верить, но когда получили первые счета за посещение врача и производство анализов, никаких сомнений не осталось. Дети, правда, успокоили нас тем, что беженцев это не должно пугать, так как счета им досылают только для сведения, а расходы по их лечению оплачиваются из бюджета программы “Медикейт”. И на самом деле нам приходилось оплачивать только считанные доллары при покупке лекарств и какие-то символические сборы при производстве анализов, значение которых нам так и не удалось выяснить.

Как-то мне пришлось попасть в госпиталь в связи с гриппом. В памяти ещё были свежие воспоминания о советских больницах и госпиталях, и я всячески сопротивлялся рекомендациям врача лечь на обследование и лечение в стационар. Только когда мне стало совсем плохо и возникла опасность фатального исхода, дети настояли на госпитализации и я оказался в больнице. То, что я здесь увидел, затмило все прежние мои представления об американских госпиталях.

Меня поместили в двухместную палату, которая при желании (за счёт разделительной ширмы) могла стать одноместной. Я мог по своему желанию регулировать угол наклона больничной кровати при приёме пищи, проведении

врачебных процедур или сборе анализов. Нажатием кнопки можно в любое время суток вызвать врача или медсестру. Еда готовится по выбору и желанию больного. Питание обильное, очень вкусное и нет никакой необходимости в передачах продуктов родственниками. В моём распоряжении был персональный телевизор и телефон. Такой сервис ТАМ, наверное, представлялся только в больницах лечкомиссии ЦК партии.

А главное - лечение! Благодаря наличию современной аппаратуры и применения новейших методов диагностики, в течении первых двух дней моего пребывания в госпитале был установлен возбудитель болезни (гриппозный вирус), а двух последующих дней оказалось достаточно для его уничтожения. С каждым днём я всё более ощущал реальные признаки выздоровления и на шестой день попросился домой. О такой больнице, таких методах лечения, таком комфорте и отношении к больному мы ТАМ и мечтать не могли.

Зато, когда мы через несколько недель после моего выздоровления получили счёт на семь с половиной тысяч долларов за моё пребывание в госпитале и подумали о том, что эта сумма на самом деле будет оплачена из средств “Медикейта”, наши восторги об американском здравоохранении остыли. Ведь такими льготами, какими наделены мы, беженцы, здесь мало кто пользуется. Страховки на лечение, которые обычно предоставляются работникам предприятий и учреждений, далеко не в полной мере возмещают расходы на медобслуживание, а миллионы семей вообще не имеют никаких страховок на медицину. Непомерно дорогая стоимость врачебной помощи сводит на нет многие преимущества здешней системы охраны здоровья.

Со временем стали заметны и другие её недостатки. В Америке не практикуется посещение врачами больных на дому. Независимо от состояния больного его нужно доставить в медицинский офис или в ближайший пункт скорой помощи. Чтобы попасть на приём к врачу нужно заказать визит, который обычно предоставляется в течении нескольких дней, а порой и двух-трёх недель.

Нам трудно было привыкнуть к особенностям американской медицины. Положение осложнялось ещё отсутствием английского. Врачам было сложно понять наши жалобы, а мы не понимали их советы и рекомендации. Ходить на приём без переводчика не имело смысла, а отрывать детей от работы при каждом посещении врача мы не могли себе позволить.

Выход был только один: нужно было найти русскоговорящего врача. И такой врач нашёлся. Им оказалась Лина Пурижанская - лучший друг наших детей, подписавшая гарантийные обязательства на их приезд в Америку и приютившая их в первые дни пребывания в Баффало. Она недавно сдала экзамены на право заниматься врачебной практикой (советские дипломы здесь необходимо подтвердить системой тестов) и проходила резидентуру при одном из местных госпиталей. Американская лицензия досталась ей нелегко и она очень ею дорожила.

Лина любезно согласилась нас обслуживать и мы стали её пациентами. Теперь мы могли самостоятельно назначать аппойтменты и на родном языке объясняться с врачом. Если к тому же учесть, что Пурижанская хороший врач с большим опытом работы в Союзе, то не оставалось сомнений в том, что нам здорово повезло.

Дети школьного возраста здесь обслуживаются специальными детскими врачами и нам посоветовали доктора Менделева. Он, хоть на русском и не разговаривал, но зато свободно говорил на идиш и поэтому лечение внучек стало обязанностью бабушки, которая ещё не совсем забыла еврейский (Верочка, как и наши мальчики, никогда не знала идиш и не могла ещё тогда объясниться и по-английски).

Со временем мы постепенно привыкли к американскому медобслуживанию и, несмотря на его серьёзные недостатки, признали, что в общем оно на много лучше советского.

21

Внезапная смерть Володи застигла Полечку врасплох. Казалось, ничто не предвещало такой исход. В том году семья готовилась отметить его юбилей. 17 октября 1993-го года ему бы исполнилось семьдесят. В последнее время он не утруждал себя работой и, ещё больше прежнего, берёг своё здоровье: скрупулезно выполнял советы врачей о режиме и диете, с педантичной точностью принимал лекарства при простудах и других недомоганиях, подолгу находился на природе, избегая городского шума и загрязнённого воздуха. Сердечная недостаточность, которой он страдал, не признавалась опасной для жизни и поддавалась медикаментозному лечению.

Он любил жизнь, всеми силами и средствами стремился продлить её как можно дольше. Теперь всё меньше было оснований для огорчений и обид, которые

раньше возникали из-за несправедливого к нему отношения на службе, когда ему, из-за его полуеврейского происхождения, несвоевременно присваивали очередные воинские звания, медленнее, чем других, подымали по ступеням служебной лестницы, не направляли в загранкомандировки и, наконец, поспешили отправить в отставку, не дав дослужиться до звания полковника. Теперь всё это для него было в прошлом. Ему назначили вполне приличную пенсию, которая была в несколько раз выше моего директорского оклада, и он мог обеспечить себе и своей семье достойные условия жизни и безбедную старость.

Володя гордился своими творческими способностями и заслугами в многолетней воинской службе. Когда на творческих вечерах народного артиста СССР, композитора Пономаренко звучали песни на его слова, или под гром барабанов и полкового оркестра курсанты пели гимн Ейского военного училища лётчиков, автором которого он тоже являлся, радости его не было предела. Подполковник в отставке Елизаров был непременным участником ежегодных демонстраций, посвящённых революционным праздникам и Дню Победы. В эти дни он одевал свою парадную военную форму, и при всех орденах и медалях в колонне ветеранов шествовал по улицам города, демонстрируя преданность партии и своей державе, патриотом которой был с раннего детства.

В последние годы он, наконец, мог радоваться жизни и возможностью пользоваться её благами. Казалось, что теперь уже ничего серьёзно её не омрачало. Он вволю наслаждался морем и прелестями южной природы, предавался любимому хобби - рыбалке, пользовался популярностью в кругах видных поэтов и композиторов. Володя не скрывал своего удовлетворения этим, стал меньше возмущаться непорядками в городе и бытовыми неурядицами, весь отдавался ощущению блаженства и самоуспокоенности.

Последнее недомогание, как будто, тоже серьёзной тревоги не вызывало, но тем не менее он для профилактики решил лечь в военный госпиталь на очередное обследование и обновление врачебных рекомендаций. Полечка, которая ежедневно посещала больного и потчевала его плодами своего кулинарного дарования, ни о какой опасности не догадывалась. Не усматривали её и лечащие врачи. Они, наоборот, убеждали её в улучшении сердечной деятельности у больного и возможности его выписки в ближайшие предвыходные дни.

Тревожный звонок из госпиталя прозвучал как гром среди ясного неба. Прибежав в палату, она увидела его мёртвым. Близкой к смерти оказалась и она. Похоронами занимались, в основном, администрация и профком профилактория, где Полечка работала последние годы, военное училище, где Володя отслужил несколько десятков лет, горвоенкомат и друзья покойного.

Подполковника Елизарова, отдавшего всю свою жизнь армии и служению отечеству, пламенного патриота своей Родины, проводили в последний путь со всеми полагающимися военными почестями. Его сыновья Валерий и Борис с трудом успели добраться из Москвы и приняли участие в похоронах. Они и сообщили мне подробности последних дней жизни и кончины своего отца.

Полечка осталась теперь в далёком Ейске совсем одна - беспомощная, несчастная и больная.

22

В конце августа 1993 года сбылась наша мечта о получении субсидированной квартиры. Прибыло, наконец, официальное извещение, что мы можем поселиться в трёхкомнатной квартире в жилом комплексе для пожилых людей, который расположен по улице Robin Road, в Амхерсте.

Мы стояли в очереди на получение квартиры в нескольких домах, в том числе и в наиболее престижном, так называемом Еврейском доме, и поселились бы там, куда раньше дошла очередь, но больше всех нам нравился именно этот жилой массив. Он примыкает к благоустроенному лесопарку с живописными озёрами, где водится рыба и плавают утки, тенистыми прогулочными аллеями с удобными скамейками и зелёными полянами для отдыха. К услугам жителей имеются плавательный бассейн, теннисные корты, спортивные площадки. Тут тихо и уютно. А главное - здесь тогда жила семья Вовочки.

Нам очень хотелось получить квартиру с двумя спальнями, что давало возможность иметь свободный диван для внуков, которые часто навещали нас и нередко оставались на выходные дни. Кроме того трудно было отказаться от письменного стола и книжных полок, с которыми мы не расставались на протяжении всей своей жизни.

Таких квартир в этом районе было мало и они предоставлялись семейным парам только при наличии справки врача о необходимости одному из супругов

отдельной спальни. Поскольку трёхкомнатные квартиры в этом районе уже получили несколько семей наших знакомых и для них получение врачебной справки не составило большого труда, мы не сомневались в том, что и для нас это не станет серьёзной проблемой, тем более что у нас русский врач, которого мы сможем легко убедить в необходимости такого апартмента. Для этого, как нам казалось, было достаточно и медицинских показаний. Нам уже было под семьдесят, а я, кроме того, был инвалидом с букетом сердечных заболеваний, гипертонией, анкилозом коленного сустава и последствиями тяжелого черепного ранения. Мы считали, что имеем не меньше оснований для получения такой справки, чем наши знакомые, которые лечились в том же врачебном офисе и без труда её там получили.

С чистой совестью обратились мы к нашему лечащему врачу с этой просьбой и были удивлены, что в ней нам было категорически отказано. Наша добрая и внимательная Лина не согласилась даже подтвердить, что такая квартира для нас желательна (требовалась справка, что мы в ней нуждаемся). Она мотивировала это тем, что таким правом пользуются только больные, страдающие недержанием мочи и другими страшными болезнями, которых у нас, к счастью, не было.

Мы не стали ссылаться на наших русских знакомых, которые недавно здесь же получили такие справки, но нам было до слёз обидно, что именно Лина, эта удивительно чуткая женщина и добрый друг наших детей, нам в этом отказала. От досады и переживаний у меня наступил гипертонический криз и верхнее давление превысило отметку 220. Главный врач этой клиники собственноручно написал и подписал мне тогда эту справку, подчеркнув слово “нуждается”, но я ещё долго не мог прийти в себя от нанесенной обиды.

Только со временем, когда прошли эмоции и улеглись стрессы, я понял, что мне не следовало обращаться к Лине по этому вопросу, потому что она в то время собственной тени боялась, оберегая себя от любой ответственности, в том числе и мнимой, кажущейся. Слишком трудно достался ей американский диплом и очень высоко она ценила полученное право быть врачом в Америке, чтобы решиться на самостоятельное решение, которое могло вызвать какие-то сомнения или подозрения со стороны её начальства. Наверное, если бы подобная справка понадобилась бы её отцу или матери, она бы тоже не решилась её дать. Я просто недооценил ситуацию. У нас сохранились добрые отношения и вскоре была забыта обида.

На аппойнтменте у лендлорда (по нашему управдома) других вопросов не возникло и нам показали предназначенную для нас квартиру. Там ещё шёл ремонт, но она нам понравилась с первого взгляда. Довольно просторная гостиная и две небольшие, но уютные спальни. Кухня, правда, маленькая и без окна, зато оснащённая всем необходимым для приготовления пищи и хранения продуктов. Всё это на первом этаже небольшого двухэтажного коттеджа, оборудованного охранной и пожарной сигнализацией, прачечной со всеми удобствами для стирки и сушки белья. Новый наш апартмент был на порядок лучше предыдущего, но самым главным его преимуществом было то, что месячная плата за него была не пятьсот, а всего сто долларов, что составляло только 15 процентов получаемого нами пособия. Даже с учётом коммунальных услуг, которые и здесь превышали сто долларов, нам теперь получаемого пособия (с учётом фудстемпов) было вполне достаточно для питания и других нужд первостепенной важности.

Хоть мы прожили в Америке всего лишь один год и привезли с собой только по два баула на человека, ко времени переселения в субсидированную квартиру у нас собралось много вещей, мебели и домашней утвари. Всё это нужно было упаковать, перевезти и разместить на новом месте. Для нас это было трудной задачей. Не зря говорят, что переезд в другой дом равносилен пожару.

Здесь, конечно, это делается проще, чем на нашей бывшей родине. Существуют организации, которые охотно берутся выполнить за вас всю эту работу и делают её довольно чётко и аккуратно. Такой сервис нужно только своевременно заказать и оплатить. Если для заказа у нас, к тому времени, уже было достаточно английских слов (всё же мы чему-то за год научились), то платить было нечем. А стоило это довольно дорого по нашим меркам.

Но и тут пришёл на помощь Social Service. Оказалось, что и на такие услуги существует специальная программа для малоимущих. Мы заказали автомобиль с грузчиками, которые нас перевезли, а стоимость была полностью оплачена за счёт государства. Щедрая страна Америка!

Переселение в субсидированную квартиру не только создало приличные условия жизни, отдыха и досуга, но и существенно улучшило материальное и финансовое положение нашей семьи.

Система “сошиал секьюрити”, наверное, самое большое достижение американского общества. Она берёт своё начало от президента Франклина Рузвельта, которого с полным основанием можно назвать человеком XX века. Он вылечил Америку от Великой депрессии, поднял её с колен и ввел программу защиты нетрудоспособных, престарелых и безработных. Благотворное воздействие этой системы мы, старики-эмигранты, почувствовали с первых дней жизни в Америке. Нам назначили пособие, достаточное для достойной жизни, предоставили субсидированные квартиры со всеми коммунальными удобствами, нас обеспечили бесплатным медицинским обслуживанием, учили языку за государственный счёт.

На всё это нужны огромные средства. Грандиозная программа социальной защиты является убедительным свидетельством богатства страны, гуманности и щедрости её народа. Показательно, что программы помощи престарелым и малоимущим не только не сокращаются, а постоянно возрастают. Пособия ежегодно увеличиваются в соответствии с инфляцией.

В одной из русскоязычных газет я как-то прочёл отчет “Центра бюджета и политических приоритетов”, из которого следовало, что в далёкие тридцатые годы уровень бедности среди стариков в несколько раз превышал этот показатель для всего населения, а теперь он ниже, чем в среднем по стране, и главная причина такого положения - “сошиал секьюрити”. По данным отчета, эта программа вырвала из лап нищеты больше людей, чем все остальные государственные социальные программы вместе взятые.

Большую помощь евреям-иммигрантам оказывает также Jewish Federation - Федерация еврейских филантропов. Мы часто не совсем отчетливо представляем себе, что наш приезд и первоначальное устройство в Америке осуществляется в большой мере на деньги, добровольно пожертвованные американскими евреями на нужды своих русскоязычных соплеменников. За счет этих средств мы можем бесплатно или на льготных условиях пользоваться культурными центрами, спортивными сооружениями, получать финансовую помощь, отправлять детей в лагеря отдыха.

Принадлежащие Федерации Еврейский жилой дом, дома для престарелых, центры семейного отдыха и досуга, детские сады и лагеря являются лучшими в городе. Многие другие этнические общины и общественные организации не имеют столь мощной филантропической структуры и благотворительных традиций, какие пронизывают всю ткань еврейской цивилизации с незапамятных времён.

Агентства, финансируемые Федерацией, оказывают евреям-иммигрантам всестороннюю материальную помощь и моральную поддержку, особенно в первые годы становления на новой земле.

Наверное, ни одна страна в мире не обеспечивает престарелых и малоимущих иммигрантов такой социальной защитой. Америка - великая цивилизованная держава, уникальная по своей сути. Гуманность её народа заслуживают удивления и восхищения.

24

Рядом с жилым комплексом “Audubon”, где мы недавно получили субсидированную квартиру, расположен один из лучших культурно-спортивных комплексов “Jewish Federation” - “The Jeuish Community Center of Greater Buffalo”. Это прекрасный дворец просвещения, отдыха и физического оздоровления. Здесь просторный актовый зал, где читаются лекции, проводятся концерты и музыкальные вечера, библиотека с многотысячным книжным фондом, включая литературу на русском и идиш, столовая с кошерной пищей по низким ценам, спортивные залы, теннисный корт и открытые площадки для игр, бильярдная, летний и зимний плавательные бассейны с парной и сауной, зал для физических упражнений, оснащённый новейшей техникой и многое другое. Сюда мы приходили довольно часто и с удовольствием пользовались возможностью поплавать в бассейне, поиграть на бильярде, пообщаться со знакомыми. Администрация комплекса выделила для русскоязычных иммигрантов большую комнату, снабжённую необходимой мебелью, телевизором и видеомагнитофоном. В Центр часто приходили “русские” евреи, чтобы отвести душу, поболтать на родном языке, обменяться новостями.

Среди них выделялся уже не молодой мужчина среднего роста с аккуратной копной каштановых волос, уложенных волнами, в которых просматривалась первая седина. Он умел рассказать интересную историю, сыграть на музыкальных инструментах, спеть песню и потому неизменно становился центром компании. Это был Евгений Исаакович Шусторович. Отчество в Америке употребляется редко и поэтому все звали его просто Женей.

Он жил по соседству с нами и мы часто встречались, прогуливаясь по аллеям Аудубоновского парка. Общение с ним доставляло удовольствие и я не упускал случая воспользоваться такой возможностью.

Как-то Женя пригласил нас с Анечкой к себе и мы познакомились с его женой Людой - гостеприимной и общительной хозяйкой, скромной и обаятельной женщиной. Хоть ей было уже за пятьдесят, она выглядела очень молодо.

Их квартира была похожа на нашу, как две капли воды, и со вкусом обставлена недорогой, но современной мебелью. На стенах было много картин. Во всём чувствовался уют и достаток.

Евгению Исааковичу ещё не было шестидесяти, но он привёз из Союза букет сердечных болезней, был признан здесь нетрудоспособным и получал пенсию по инвалидности. Её, с учётом небольшого приработка Люды, было достаточно для содержания семьи на достойном уровне и оказания посильной помощи их единственной дочери Светлане, проживающей с мужем и двумя детьми по соседству (как и все молодые семьи, они испытывали немалые трудности в процессе адаптации в новое общество, обучения языку и новым специальностям). Из разговора за столом мы узнали, что наши хозяева коренные ленинградцы, имеют высшее образование и, до выезда из Союза, занимали видное положение в обществе. Женя довольно быстро рос по служебной лестнице и, в сравнительно молодом ещё возрасте, достиг должности заместителя управляющего крупного строительного треста. Согласно служебного положения он получил престижную квартиру в центре города и они жили безбедно, в полном достатке. Их выезд в Америку диктовался не столько экономическими соображениями, сколько стремлением избежать дискриминации и антисемитизма для своей дочери и любимой внучки.

Наше первое знакомство с семьёй Шусторович прошло в непринуждённой приятной обстановке и оставило у нас хорошее впечатление. Постепенно наши отношения стали приятельскими, а со временем всё более перерастали в дружеские. Мы очень дорожили этой дружбой и она во многом скрашивала нашу скучную жизнь в Баффало, отвлекала от ностальгии по нашей бывшей родине.

Адаптация русских евреев к жизни в Америке проходила по разному. Если молодых (среднее поколение) больше волновали вопросы материальные, обучения языку, поиска работы, то нас, пожилых людей, больше мучили проблемы моральные. Они оказались в достаточной степени важными, я бы даже сказал животрепещущими. “Там” у нас, конечно, имелось какое-то представление о жизни на новом месте и было

ясно, что нам больше никогда не вернуться к любимой, избранной на всю жизнь профессии. Однако, как это часто бывает в таких случаях, представления оказались бледнее восприятий.

Там, откуда мы прибыли, осталась наша, пусть тяжело больная и не очень добрая к нам, но всё же - родина, наши дома и коммунальные квартиры, наша трудовая и общественная активность, наш высокий социальный статус. Все мы были профессионалами, людьми уважаемыми и уважавшими себя, хотя бы потому, что были полезны обществу. Теперь мы фактически уже никому не нужные “вэлферщики” и “эсесайщики”, то есть люди живущие на пособии. Так с социальной высоты уважаемых профессионалов - врачей и инженеров, учителей и ученых, руководителей разного уровня - мы попали на низшие ступени социальной лестницы. Вот откуда у многих тоска и страдания, бессонница и стрессы, а некоторым впору было от душевных болезней лечиться.

По разному приспосабливались люди старшего поколения к новой ситуации. Некоторые без особой внутренней борьбы довольствовались малым: наслаждались сытой жизнью, помогали детям воспитывать внуков, ходили в бассейн, читали русскоязычную прессу. Они замкнулись в себе и сужение круга интересов для них было не очень ощутимо. Другие тяжело переживали свою “ненужность”. Состояние беспомощности и одиночества у них граничило с депрессией. С грустью вспоминая прошлое, они подсознательно ждали, чтобы кто-нибудь проявил инициативу и предложил им какое-то подходящее занятие. И лишь немногие самостоятельно пытались найти себя в чем-то, стараясь не только разнообразить свою жизнь, продуктивно заполнить время, но и принести пользу другим.

К этой третьей немногочисленной группе немолодых эмигрантов относился мой новый друг Женя Шусторович. Человек творческий. думающий и безусловно талантливый, он не поддался унынию, тоске и всегда находил дело по душе не только для себя, но и для окружающих. Лучше многих из нас Женя понимал, что важнее всего для пожилых людей, перенесенных из одной социальной среды в другую, является общение. Именно терапию общения он считал лучшим средством лечения от ностальгии. Под его началом была образована инициативная группа, а в декабре 1993-го года создан “Русский клуб”.

Памятным оказался вечер встречи эмигрантов из бывшего Советского Союза в зале Джуиш Комьюнити Центра Большого Баффало. Открывая представительное

собрание, на котором присутствовало более 100 человек пожилого возраста, Женя, от имени инициативной группы внёс предложение организовать клуб, как место встреч, общения и самовыражения всех, кто в этом нуждается. Давно уже русскоязычные люди не собирались на такую обширную встречу. Они послушали небольшой доклад о целях и задачах клуба, мини-концерт, провели ланч, потанцевали, посмотрели видеокассету "Голубого огонька", посвящённого встрече Нового года. Лица участников вечера сияли от радости и вдохновения. Они единодушно поддержали предложение о создании клуба и избрали его первое правление, куда вошли члены инициативной группы, ряд активных общественников, в том числе и мы с Анечкой. Президентом клуба избрали Женю Шусторовича.

26

Письма из России, где осталась Полечка с детьми, из Белоруссии, где жила Иринка с нашими внуками и с Украины, где находились многочисленные родственники во главе с Борей, приходили по-прежнему грустные. Эти и другие республики бывшего СССР теперь были самостоятельными государствами, наотрез отказались от социалистического образа жизни и осуществляли так называемые "рыночные реформы". Они всё более отдалялись друг от друга, ввели таможенные границы и от провозглашённого Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем "Содружества Независимых Государств" ничего, на самом деле, не осталось. Общими были только "цурес", т. е. беды.

Пришедшие к власти паркетные экономисты типа Гайдара и Чубайса натворили много бед и своим головотяпством создали почву для казнокрадов и криминальных структур. Россия упустила шанс строительства демократического и свободного рыночного общества в августе 1991-го, когда поверила, что вчерашний провинциальный грубиян и пьяница переродился и станет просветлённым лидером новой демократии.

Это было ещё до нашего отъезда и не скрою, что и я тогда верил в эту наивную идею. Мне, как и многим, казалось, что в прошлом опальный Ельцин, сумеет возглавить движение за настоящую свободу и права человека, за процветание России.

Как оказалось, провозвестники демократии знали как ломать старое, но не знали как строить экономику будущего в стране, разрушенной безграмотностью руководителей, ленью и воровством. Россия вновь оказалась во мгле. Страну охватил

экономический и финансовый кризис и она дошла до края пропасти. Выпуск промышленной продукции из года в год снижался, сельское хозяйство пришло в полный упадок, началась гиперинфляция, надвигался голод.

И это в России с её богатейшими в мире ресурсами плодородной земли, в стране являющейся признанным мировым лидером по запасам нефти и газа, золота и платины, никеля и кобальта, энергетических и водных ресурсов.

Даже официальная статистика теперь признавала наличие безработицы, исчисляемой десятками процентов. И это при том, что нигде не учитывались полубезработные, которые находились в длительных отпусках “за свой счёт” или работали по 2-3 дня в неделю. Люди лишились даже права на труд - единственного завоевания, которым мог гордиться советский народ.

Можно было только удивляться долготерпению людей, живущих на протяжении многих лет одними надеждами: на пятилетки, социализм, коммунизм, перестройку, демократию, рыночную экономику. И на протяжении всего этого времени их всё с большей интенсивностью спаивали. Пьянство в последние годы достигло невиданных ранее размеров и провоцировало не только сердечно-сосудистые заболевания, но и вело к многочисленным автомобильным авариям, несчастным случаям на производстве, убийствам и самоубийствам.

Там теперь ничего так дешево не стоит, как некачественные импортные, а также самодельные спиртные напитки. Население как бы подталкивается к тому, чтобы вместо потребления полезных для организма продуктов, которые стоят непомерно дорого, пить “горькую” - дешево и сердито!

Из писем моего племянника Валеры следовало, что народ России вырождается, а власть строит себе виллы на лучших курортах мира и обучает своих детей и внуков в престижных заграничных университетах. Начиная с 1992-го года растёт смертность. В 1993 году она была уже на 40 процентов выше, чем в среднем за 1989- 1991 годы. С тех пор ежегодно на 700 тысяч человек стало умирать больше, чем рождалось. Средняя продолжительность жизни в России стала, примерно, на 10 лет меньшей, чем в Америке и других промышленно развитых государствах, а русские мужчины теперь в среднем доживают только до 60 лет.

Не лучшим было положение в Белоруссии. Как писала нам Иринка из Минска, инфляция там набирала темпы и достигла невиданных раньше размеров. По-прежнему несвоевременно выплачивалась зарплата. Неудержимо росли цены на

продукты питания, одежду, обувь и медикаменты. Для неё и детей главным источником продовольствия стала их дача, находящаяся в нескольких десятках километров от города, а промтоваров - наши посылки, которых они ждали с нетерпением.

Полные обиды и горечи были письма от наших друзей из Могилёва, где прошла почти вся наша трудовая и творческая жизнь. Город с почти полумиллионным населением, уютно расположившийся на Днепре, напичканный десятками предприятий, один из крупнейших центров химической промышленности в Европе, влачил жалкое существование. Как и везде в некогда процветающей Белоруссии, здесь всё в большей мере были ощутимы неизбежные атрибуты экономического спада - безработица и нищета.

Чем по-прежнему славился город химиков, так это зловонным запахом двух конкурирующих гигантов: завода по производству искусственного волокна имени Куйбышева и объединения по производству синтетического волокна “Химволокно”, или “Лавсан”, как его называли в народе. Из прошлых “достопримечательностей” сохранилась повышенная радиация, о чём напоминал гигантский электронный дозиметр, выставленный в витрине центрального универмага в год чернобыльской аварии.

Как и повсеместно процветает пьянство, благо местная сорокоградусная “Королева” здесь намного дешевле, чем в Москве и даже в Смоленске или Брянске, которые находятся рядом с Белорусско-Российской границей.

В отличие от других республик в Белоруссии сохранилась цензура и не претерпели существенной реорганизации органы КГБ.

Ещё худшей была жизнь на Украине. Боря писал, что Одессу нельзя узнать. Население беднеет с каждым днём, а дельцы и бизнесмены богатеют и наглеют. Зимой в квартирах холодно, а летом не хватает воды. В Чёрном море теперь опасно купаться. Оно стало источником инфекционных заболеваний.

Семья Крепсов с болью готовилась покинуть любимый город и ждала возможности выезда в Германию, где уже несколько лет жила с мужем и детьми младшая дочь Аллочка. С нетерпением ждали и мы сообщения Вашингтонского Центра службы Иммиграции и Натурализации о назначении интервью для семьи Полечки и Иринки с нашими внуками - Алёнкой и Андрюшкой.

Женя Шусторович, отец-основатель “Русского клуба”, приступил к своим президентским обязанностям без раскачки. Он не только сам активно взялся за дело, но и увлёк нас, членов Правления, своими планами и инициативами. Меня он сделал своим заместителем и с ходу загрузил массой поручений. На их выполнение не хватало дневного времени и приходилось прихватывать предрассветные часы. Как когда-то на ответственной работе в Союзе, мой рабочий день начинался в пять утра. На свежую голову отбирался материал из газет и журналов о событиях в мире, готовились тезисы лекций и докладов, расписания занятий в секциях. Планированием клубных мероприятий мы с Женей занимались по утрам в ходе прогулок по Аудубоновскому парку, которые независимо от времени года, начинались с 6 часов.

Беседовать с Женей - одно удовольствие. Человек неуёмной фантазии, он увлекал своими идеями, отличавшимися размахом, смелостью и решительностью. Здесь были планы организации клубной школы по овладению английским, детских классов русского языка, лектория политических, культурных и медицинских знаний, секции ветеранов Отечественной войны, создания клуба “Путешественников” и подклуба “Шатхен”, художественной самодеятельности, спортсекций и многое другое.

Наши беседы было трудно назвать полемикой, потому, что говорил, в основном, Женя, а моя роль сводилась больше к тому, чтобы остудить его пыл и посадить на грешную землю, обращая внимание на материальные и финансовые проблемы, пассивность большинства русскоязычных иммигрантов и другие преграды на пути осуществления его замыслов. Иногда это мне в какой-то степени удавалось, но чаще мой собеседник оставался глухим к предостережениям и продолжал витать в облаках своих, порой фантастических, идей. Он настаивал на программе “максимум”, утверждая, что если даже она будет выполнена наполовину, это будет неплохо, а за невыполнение плана нас здесь к дисциплинарной, материальной, партийной и, тем более, уголовной ответственности никто не привлечёт. Как потом оказалось, Женя был во многом прав.

Уже в первый год своего существования в клуб вступило более полутораста человек. По воскресениям, а часто и по вторникам в Джуиш Комьюнити Центре, где нам расширили занимаемую “производственную” площадь, собиралось около ста его членов, где каждый находил то, что ему по душе.

Эмма Зельдина - профессиональный дирижер из Ленинграда стала инициатором организации русскоязычного хора. Эта идея поначалу была встречена многими с недоверием. И действительно, трудно было поверить, что пожилые люди, бывшие врачи, инженеры, учителя, лишенные здесь возможности заниматься любимым делом, люди, которых одолевают вопросы адаптации, вдруг пойдут петь в хор. Но после первых же занятий все сомнения рассеялись. Мало того, что на призыв Зельдиной откликнулись десятки женщин, в хор пошли многие мужчины (и меня туда потянуло). Были образованы также женский, мужской и детский ансамбли.

Можно было только удивляться тому, с какой любовью Эмма выполняла свои обязанности и как много времени она этому уделяла. К каждому выступлению она готовила каждому участнику (их было около 50) пакет с текстами всех песен, которые предстояло исполнить. Всё это ей приходилось писать от руки (машинки или компьютера с русским шрифтом не было), причем четко и разборчиво, чтобы каждый мог разобрать слова. И это при том, что Эмма работала на двух работах, чтобы прокормить семью и воспитывала двух детей школьно-студенческого возраста.

Нельзя было не восхищаться тем, как умело и терпеливо Зельдина внушала азы музыкальной грамоты людям, большая часть которых не имела никакого отношения к хоровому пению, с каким тактом она делала замечания участникам на занятиях. Обидеться на них и не подумаешь. Все принимали их с благодарностью и желанием сделать всё возможное, что просила и ждала от нас Эмма. А как была она благодарна нам, когда песня, наконец, получалась? После добрых слов и похвалы дирижёра хотелось сделать ещё больше и лучше.

Огромное влияние на нас оказывало её пение. Конечно, никто из нас не владел такими же как она музыкальными способностями, таким голосом, таким пониманием песни, но когда мы слушали Эмму, смотрели на выражение её лица, дирижёрскую мимику и движения, хотелось всё более подражать ей, подчиняться её воле, требованиям и указаниям.

Музыкальное сопровождение хора, ансамблей и солистов осуществлялось Женей Шусторовичем, который одинаково хорошо играл на фортепьяно и аккордеоне. Позднее к участию в художественной самодеятельности клуба был привлечён талантливый концертмейстер Саша Виндер, что не замедлило сказаться на уровне звучания песен.

Наша Рита, несмотря на предельную загрузку служебными и семейными делами, взялась за организацию детского танцевального коллектива. Часами занималась она с детьми, умело и терпеливо обучая их искусству танца. Мы никогда раньше и не подозревали о наличии таких способностей у нашей невестки. Как оказалось, она обладала даром не только прекрасной танцовщицы, но и замечательного педагога. Её ученицами стали и наши внучки. Анечка с удовольствием участвовала во всех номерах танцевальной программы, а Диночка, которая и сама прекрасно танцевала, была не только хорошей исполнительницей наиболее сложных элементов, но и активной помощницей матери в организации занятий и обучении детей приёмам хореографии.

Постепенно, на базе хора, образовался большой коллектив художественной самодеятельности, в котором были представлены многие жанры. Художественным руководителем была Эмма, а ведущим и автором сценариев концертных программ - Женя Шусторович. Он сочинял шуточные куплеты, анекдоты, юмористические сценки, к исполнению которых привлекал, главным образом, пожилых людей, а нередко и сам в них участвовал. Энтузиазм Эммы и Жени передавался и нам - участникам. И мы старались. Старались как могли.

Женя привлёк в клуб многих волонтеров. Мне, как первому своему заместителю, он поручил работу лектория политических, культурных и медицинских знаний, а также планирование и организацию воскресных встреч в Джуиш Центре.

В выходной день в клубе было особенно многолюдно. Дети не ходят в школу, свободны от работы их родители и менее заняты бибиситорскими обязанностями люди пожилого возраста. Воскресники в “Русском клубе” всё более становились праздниками общения и духовного обогащения.

Программу обычно открывали дети младшего школьного возраста. Родители, бабушки и дедушки приводили их к 10 часам на занятия в танцевальной секции. Здесь ими усердно занимались их добровольные учителя - Рита и Дина. Обучение детского коллектива искусству танца требует много времени, терпения, внимания, а главное - условий, которых в клубе, к сожалению, не было. Несмотря на отсутствие специально оборудованных классных комнат, надлежащего музыкального сопровождения, костюмов и многого другого, наставники и ученики достигали немалых успехов и их выступления с восторгом воспринимались зрителями.

В 11 часов начинались занятия с детьми по изучению русского языка. В детских садах и школах малыши быстро осваивают английский и понемногу теряют русский. Очень важно сохранить их родной язык, дать им основные понятия по грамматике, правописанию. Этим добровольно согласились заняться профессиональные педагоги Эрна Пурижанская и Роза Шнайдер. Можно было только удивляться их терпению и стараниям. Бескорыстная напряжённая работа учителей-энтузиастов давала свои плоды и была похвально оценена Правлением клуба и родителями.

Пока дети учились, взрослые слушали лекции. Их тематика была весьма разнообразной и касалась жизни в Америке, еврейских традиций и обычаев, важных событий из области культуры, искусства, литературы, истории кино, новостей медицины и многого другого, но непременной темой в каждое воскресенье была информация о событиях в мире.

Большой популярностью пользовались лекции Александра Шапиро по еврейской истории, о праздниках и традициях, рассказы Ларисы Юзбашевой из цикла “Изучаем Америку”, выступления Аркадия Цыпенюка об истории кино, литературные чтения Леонида Пауди, беседы на медицинские темы Нелли Топорской. Все они были знатоками своего дела и слушать их было очень интересно. Жаль только, что жесткий регламент вынуждал ограничивать выступающих во времени и нам часто казалось, что из-за этого мы чего-то важного и интересного недослышали, недополучили.

Кроме руководства лекторием мне поручили чтение лекций о международном положении и поскольку, по требованию слушателей, об этом нужно было рассказывать на каждой встрече, приходилось тратить много времени на подготовку и отбор необходимой информации. Её источниками была русскоязычная пресса и зарубежное радио. Программы на русском языке “Немецкой волны”, канадского радио, “Би-би-си”, станции “Свобода” и “Голоса России” давали самые свежие новости о событиях в мире и я должен был их слушать и конспектировать ежедневно. За неделю собирался обширный материал, который систематизировался и к воскресению готовились тезисы выступления. Лекции велись в виде свободной беседы (не читались по бумажке), а записи использовались только для восстановления в памяти цифрового материала, названий мест событий, имён и фамилий политических деятелей, лидеров партий, государств, движений или главарей террористических групп. Из многолетнего опыта лекционной работы я знал, что именно такая форма

выступления больше по душе слушателям, особенно людям пожилого возраста, которых монотонное чтение даже интересного текста утомляет и усыпляет.

Самой трудной проблемой для меня всегда было выдержать установленный регламент. Хоть для моих лекций он всегда превышал обычные 30 минут, которые отводились другим лекторам и докладчикам, мне редко удавалось его соблюсти, несмотря на большие старания. Жаль было упустить какую-то новость или оставить без комментария какое-то важное событие, которое, на мой взгляд, представляло интерес для слушателей. Часто поэтому мои беседы, кроме искренней благодарности слушателям за внимание, заканчивались извинениями за превышение регламента. К чести членов клуба, должен сказать, что они были не только корректными и внимательными, но и очень благодарными слушателями.

Спортивную работу Правление поручило мастеру спорта Револьду Альтзицеру. Каких-то выдающихся достижений или рекордов нашим пожилым спортсменам установить не удалось, но в комнате настольных игр всегда было весьма многолюдно. За бильярдными и теннисными столами “выясняли отношения” любители этих видов спорта. За шахматными досками, под руководством кандидата в мастера Давида Гуревича, увлечённо сражались знатоки этой древней и самой умной игры, а многочисленные болельщики с интересом следили за спортивными баталиями.

Во время перерывов между лекциями и уроками взрослые и дети могли расслабиться в комнате отдыха. Здесь можно было выпить чашку чая, закусить печением, о чём постоянно заботился, по поручению Правления, Абрам Слуцкий.

Согласно расписания, в полдень начинались репетиции в коллективах художественной самодеятельности, где были заняты почти все участники воскресных встреч, включая детей. Только в хоре участвовало несколько десятков человек. Его репертуар постоянно пополнялся. Кроме задушевных лирических русских и еврейских песен разучивались американские песни. Под руководством Эммы и аккомпанемент Саши будешь петь и без голоса.

Программа воскресного дня обычно заканчивалась просмотром видеофильмов с участием любимых артистов или записей концертов известных исполнителей на русском языке. Организацией киносеансов занимался Исаак Смоткин. Его личная видеотека насчитывала несколько сот кассет, которые члены клуба за небольшую плату могли получить напрокат.

Уже к исходу дня люди покидали клуб, сбросив груз тоски, усталости, одиночества.

Клуб “Путешественников” вызвался возглавить Наум Малкин. Судя по размаху обнародованных им планов и коммерческих инициатив, он обладал определённым опытом организации подобных мероприятий и его деятельность на этом поприще сулила большой успех. Ему удалось наладить связь с туристическими фирмами Америки и Канады, привлечь к работе ряд известных экскурсоводов и организовать несколько интересных экскурсий, что уже в первые месяцы его работы на этом поприще подтвердило наши лучшие ожидания.

Многие русскоязычные эмигранты пытались оказывать посильную помощь своим родственникам в России и других странах СНГ, где всё более нарастал финансово-экономический кризис, сокращались доходы большинства трудящихся и назревал голод. Некоторые передавали деньги, другие отправляли продукты питания и одежду. Всё это было непросто. Мало того, что возможности были ограниченными и приходилось делиться своими небольшими пособиями, которые по американским меркам считались нищенскими, нелегко было найти способ дешёвой и надёжной отправки. По почте это стоило очень дорого, а главное - почтовое ведомство не гарантировало доставку посылок адресату. Во все страны мира такая гарантия выдавалась, а в республики бывшего СССР - нет.

Учитывая наш семейный опыт отправки посылок, правление клуба поручило эту работу моей супруге - Анечке. Пользуясь связями с фирмой “Interport travel service, inc.”, она оказывала большую помощь иммигрантам в отправке продуктов и одежды своим родным и близким на нашу бывшую родину. Посылки принимались ею и в клубе, и дома. Наша квартира стала накопительной базой фирмы Ника Левчука. Только раз в неделю картонные ящики с продуктами и одеждой забирались из нашего дома. Здесь же производилось оформление приёмных документов и оплата стоимости доставки. Расчёты с клиентами выполнялись позднее в строгом соответствии с квитанциями фирмы. За оказанные услуги не взымалось никакой оплаты. Они выполнялись на волонтерских началах. Ежемесячно отправлялись десятки посылок, которые доставлялись представителями фирмы на квартиру адресату и передавались ему лично в руки. Не было ни одного случая пропажи отправлений. Поступало много благодарных отзывов.

Тематика клубных мероприятий систематически ширилась, благодаря новым инициативам и начинаниям. Им не было конца. Большинство из них исходили от Жени Шусторовича, осуществлялись под его руководством и активном участии. Всех не перечислить, но о некоторых нельзя не вспомнить.

Почти все члены клуба являлись студентами школ по изучению английского языка. Кроме необходимости общения, выражения своих просьб и жалоб у врача, в магазинах или в офисе лендлорда, без умения читать и писать по-английски немыслимо было сдать и экзамен в иммиграционном центре на получение гражданства, к чему мы все стремились. Бесплатные Public School были тогда только в центре города, куда приходилось ежедневно добираться из пригородов уже не молодым русскоговорящим студентам. Даже при наличии у них автомобиля на это тратилось не менее получаса.

Женя задумал организовать такую школу в Джуиш Центре. Поначалу казалось, что дело это абсолютно безнадёжное. Мало того, что для этого не было необходимых классных комнат, мебели, инвентаря и школьных принадлежностей, районный отдел народного образования Вильямсвилла не имел ассигнований для финансирования работы такой школы. Но наш президент, с присущей ему настойчивостью, сумел преодолеть все препятствия и в сентябре 1994 года мы начали заниматься в своей школе, что открылась при Джуиш Центре. В начале она размещалась только в двух комнатах, состояла только из двух классов и имела всего двух учителей, но зато это была наша школа и в ней могли учиться все нуждающиеся в этом члены “Русского клуба”.

Как я уже упоминал раньше, район нашего проживания располагался в зелёном массиве с живописными озёрами, прекрасным парком, просторными ухоженными полянами, где провести свой досуг в жаркий выходной день - одно удовольствие. Большинство членов клуба проживали в других районах, где не было таких замечательных условий для отдыха и развлечений. Женя организовал несколько воскресных пикников в Аудубоновском парке с аккордеоном, песнями и танцами, спортивными играми и вкусным ланчем на природе. В них приняли участие не только люди старшего поколения, но и дети, которые получили незабываемые впечатления и удовольствие.

Jewish Federation выпускало информационный листок для русскоязычных иммигрантов, где сообщалось об основных мероприятиях, проводимых в Еврейских

центрах и публиковались различного рода объявления на русском языке. Листок выходил примерно раз в квартал и состоял из двух страниц. По предложению Александра Шапиро, поддержанному Правлением и президентом клуба, было решено принять участие в издании этого листка и, начиная с третьего выпуска, он превратился в мини-журнал на 12 страницах, где освещалась вся многогранная деятельность “Русского клуба”, “Джуиш Фемили Сервис”а, материалы об еврейской жизни в Баффало и многое другое. Журнал стал прообразом будущей собственной многотиражной клубной газеты.

Наш клуб был интересен прежде всего личностями - самого руководителя и его помощников - волонтеров, которых он разглядел среди нас и вывел в лидеры. Когда-то нам внушали что, мол, “незаменимых нет”. А мне, вспоминая годы работы в “Русском клубе”, думается, что без Жени его существование было бы невозможным.

28

Ещё в первый год жизни в Снайдере, когда нас одолевали не только материальные, но и серьёзные духовные, языковые и иные проблемы периода адаптации, нам позвонила Лариса Рейн из Джуиш Центра и сообщила, что теперь у нас будет волонтер, который поможет нам “вписываться” в новую жизнь, а главное - в освоении языка. Ничего конкретного о человеке, который вызвался стать нашим добровольным помощником она не сказала и нам тогда трудно было себе представить, как этот таинственный незнакомец будет обучать нас жизни в Америке, но, поскольку английский поддавался нам очень туго, никто из нас не рискнул отказаться от этого предложения.

Когда же на следующий день раздался звонок и незнакомый голос скороговоркой протараторил по-английски длинную фразу, из которой с трудом можно было понять только два слова - “Volunteer” и “Jennifer”, мы не нашли ничего другого для ответа, кроме заученного: “Call, please, my doughter 839-9551”. Так мы всегда поступали, когда не могли понять и ответить что-нибудь по телефону. Верочка, к тому времени, намного лучше нас говорила по-английски, а Наташка или Анечка могли уже совсем свободно общаться на любую тему.

Дженифер, так звали нашего волонтера, оказалась студенткой Баффальского университета, изучавшей русский язык, как мы когда-то изучали в институте немецкий или английский. Разница, наверное, была только в том, что мы обычно

учили иностранные языки по принуждению, лишь бы только зачёт получить, а здесь его учат с желанием. Тут это называется “Second Language”, т.е. второй язык. Они договорились о первой встрече на квартире нашей дочери и с тех пор Дженифер стала частым гостем в её доме.

Волонтер понравилась Верочке, детям и всей нашей семье и со временем она стала не только помощницей в решении житейских дел и учителем английского, но и большим нашим другом. Особенно тёплыми были её отношения с Наташкой и Анечкой. Они охотно делились с ней своими планами, проблемами, сомнениями, пользовались её советами в школьных делах и отношениях с их американскими сверстниками. Со временем авторитет Дженифер для них стал сравнимым чуть ли не с материнским, а Верочку они беспрекословно слушались. Дети относились к нашему волонтеру, как к любимой подружке или старшей сестре.

Кроме обычных волонтерских встреч, которые проводились в определённые дни и предназначались, главным образом, для совершенствования разговорной речи, Дженифер часто навещала детей не по расписанию и уделяла им много внимания. Она знакомила их с достопримечательностями города, возила на своей машине в загородные парки, они вместе ходили в кино. Нередко всё это делалось за её счёт, хоть она с трудом оплачивала свои биллы из скромных заработков официантки небольшого ресторана.

Мы с Анечкой старались не злоупотреблять её вниманием, считая что оно более необходимо Верочке и нашим внукам, но Дженифер часто и нам оказывала различную помощь. Она, к примеру, была моим консультантом при подготовке к сдаче экзамена на право вождения автомобиля, возила меня на тесты и помогала объясняться с экзаменаторами. С её помощью я, со второго захода, получил первое водительское удостоверение в Америке. Однако, больше она общалась с детьми и их дружба всё более крепла.

Волонтеры были у многих наших эмигрантов. Они оказывали им посильную помощь в изучении языка, поиске работы, посещении врача. Ими становились не только студенты, но и пожилые американцы, чаще всего пенсионеры. Многие из наших друзей и знакомых с благодарностью отзывались о своих бескорыстных помощниках и их благородном труде. В большинстве случаев шефство над семьями иммигрантов продолжалось довольно продолжительное время, исчисляемое многими месяцами, а порой и несколькими годами. Нередко отношения волонтеров со своими

подшефными становились приятельскими и даже дружескими, но, такую искреннюю привязанность, теплоту и обаяние, которые исходили от Дженифер, мне приходилось встретить не часто.

Можно без преувеличения сказать, что она стала членом семьи нашей дочери.

29

Русскоязычные иммигранты Баффало торжественно отметили первую годовщину создания своего клуба. В украшенном зале Джуиш Комьюнити Центра - Дома Бендерсона собралось более 250 взрослых и детей. Желающих прийти на праздник было намного больше, но отведенное нам довольно просторное помещение не могло всех вместить.

Развернулись скатерти-самобранки и за столами, обильно уставленными деликатесами, фруктами и напитками, уселись члены добровольного сообщества со своими семьями и гости из Еврейской Федерации, Джуиш Фемили Сервиса и других организаций, которые содействовали образованию клуба.

В отличие от привычного для нас порядка юбилейных торжеств с докладами начальства и рапортами подчинённых, программа вечера была совсем необычной. Вместо длинных речей и отчётов было короткое обращение к собравшимся президента Евгения Шусторовича с тёплыми поздравлениями и словами искренней благодарности всем, кто помог созданию и становлению клуба.

Горячими аплодисментами зал встретил стихотворные поздравления, якобы поступившие в адрес клуба от президентов Содружества Независимых Государств - Ельцина из Москвы, Кучмы из Киева, Лукашенко из Минска, приветы глав правительств солнечной Молдовы, стран Закавказья, мэров Санкт-Петербурга, Одессы и других городов бывшего Союза, которые не могли оставить без внимания своих русских евреев, оказавшихся в Баффало и образовавших там, от тоски по бывшей родине, свой клуб. Они наперебой приглашали в гости и вернуться обратно своих недавних сограждан. И в этом им помогли авторы шуточных посланий - Самуил Сегал и Аркадий Цыпенюк.

Сюрпризом для всех была песня Шусторовича “Я люблю тебя, Клуб”, вдохновенно исполненная хором и ставшая клубным гимном. Затем были до боли знакомые из прошлой жизни “Не могу я тебе в день рождения”, “Вальс расставания” и другие любимые песни, которые дружно подхватили участники торжества. Эмма

Зельдина успевала дирижировать и хором, и певцами в зале. Праздник замечательно украсили мужской и детский вокальные ансамбли, которые спели свои самые яркие песни.

Кульминацией вечера стало выступление “цыганского” ансамбля, подготовленного Лилией Гальпериной с помощью и при активном участии Эммы. Сцена расцвела яркими одеждами цыган, которые порадовали весёлыми песнями и плясками. Зал захлёбывался овацией в честь авторов и исполнителей талантливой творческой композиции.

Когда на сцене начался показ мод осенне-зимнего сезона, люди буквально падали с ног от неудержимого, заразительного смеха. Демонстрация костюмов комментировалась весёлыми шутками-прибаутками и сопровождалась комической мимикой артистов-исполнителей: Абрама Слуцкого, Семёна Ланкина, Бориса Левина, Анны Рейзиной, Буси Зеликман, Маи Бруй, Лазаря Сироткина. Модели, как и цыганские костюмы, были разработаны той же Лилей Гальпериной.

Один за другим подымались на сцену всё новые самодеятельные артисты. И снова была музыка, песни, танцы.

Праздник совпал с юбилеем ряда его участников. Правление клуба сердечно поздравило Лазаря Сироткина, Исидора Мучника, Марию Цирульникову, Соломона Фельдмана, Фаину Радинскую, Романа Робина, Анну Рейзину.

Среди юбиляров были и мы с Анечкой. В декабре нам исполнилось 70. Президент Евгений Шусторович в своём тёплом приветствии отметил наши заслуги в создании и становлении клуба, вручил юбилейный адрес и подарки. Этой дате Женя посвятил песню, которую в его сопровождении вдохновенно исполнила Эмма под овацию всего зала. К этим поздравлениям присоединились дети, внуки, родственники и друзья, собравшиеся за нашим столом.

Так торжественно и многолюдно праздновали только мой полувековой юбилей, когда в большом зале Дома Политпросвещения мне вручали Почётную грамоту Президиума Верховного Совета и Первый секретарь обкома почти без стеснения многократно и громогласно произносил трудную еврейскую фамилию, отмечая мои заслуги перед Партией и государством.

Не всем тогда по душе пришлись чествования еврея-руководителя областного масштаба и, может быть, именно они стали тогда началом новой волны гонений,

переросших в многолетнее уголовное преследование, закончившееся низвержением меня с высоких постов и памятным на всю Белоруссию судебным процессом.

Здесь, в этом большом праздничном зале, среди сотен соплеменников, никто не стеснялся своих еврейских имён и фамилий и они произносились легко и свободно. Мы могли ими гордиться также, как когда-то гордились своими чисто русскими, украинскими или белорусскими фамилиями коллеги по работе на нашей бывшей родине. Здесь действительно люди равны и свободны независимо от своей национальности, расы или вероисповедания. Другая страна, другие порядки, другие нравы...

Интересно и весело отметил “Русский клуб” свой первый день рождения. Допоздна были танцы, звучала музыка и задушевные песни. Когда пришла пора расходиться многие со слезами на глазах благодарили организаторов торжества за радость общения.

Мне же тогда хотелось признаться в любви к прекрасной стране - Америке, которая таких как мы, гонимых и преследуемых, не только великодушно приняла, но и вдохнула в нас, отчаявшихся, новую жизнь.

Наш юбилей торжественно отметили также в банкетном зале одного из лучших ресторанов Амхерста. Кроме детей и внуков, всех наших родственников, прибывших к тому времени сюда, наших русскоязычных приятелей, нас пришли поздравить и несколько друзей-американцев, которые щедро помогли нашему становлению в новой жизни. Стихотворную стенгазету прислала из Германии семья Крепсов. Её редактором, как всегда, был Боря из Одессы. Так мы называли своего любимого родственника и большого друга нашей семьи. Получили тёплые поздравления от Полечки из Ейска, моих племянников Валеры и Бори с Москвы, Иринки, Алёнки и Андрюшки из Минска, Фанечки из Ленинграда, многих друзей и знакомых из других городов Америки, России и Белоруссии. Забыли нас только поздравить наши коллеги по работе в Могилёве и Минске. Ни предприятие, которому были отданы двадцать лучших лет жизни, ни министерство, которому верой и правдой служили более трёх десятилетий, о нас не вспомнили в наш юбилей. Для них мы больше не представляли интереса, они о нас забыли.

Тамадой вечера был наш друг Женя Шусторович. Эти обязанности лучше его никто исполнить не мог. В подготовленном им сценарии нашлось место и для тёплых поздравлений, и для юмора и сатиры, и для песен и танцев и, конечно, для тостов. Им, казалось, не будет конца. Большинство из них провозглашались по- русски, но немало добрых слов сказали нам в тот вечер и по-английски. В том, что так говорили наши новые друзья-американцы не было ничего особенного, но что так теперь стало легче выражать свои мысли и чувства нашим внукам, можно было поражаться и удивляться.

Возможно нам было бы приятнее выслушать их пожелания на родном языке, но когда Диночка и Анечка спели под собственный аккомпанемент сочинённую ими к нашему юбилею песенку на английском, чувства восхищения и гордости овладели нами, и мы не нашли лучшего способа для выражения своей благодарности, как прижаться своими мокрыми от слёз старческими щеками к любимым личикам, обнять и расцеловать их.

Эмма и Женя собрали вокруг себя любителей песни и мы заслушивались знакомыми мелодиями из репертуара хора “Русского клуба”, а также еврейскими и английскими песнями, душевно исполненными нашими гостями. Рита была инициатором танцев и сама блеснула своим хореографическим талантом.

К юбилею подготовили фотомонтаж, отражающий основные этапы нашей большой жизни: тревожной молодости, трудного военного лихолетья, учёбы и многолетнего служения Родине.

В пожеланиях наших детей, внуков, родственников и друзей было много тепла, искренности и любви. Желали здоровья, радости, счастья, нахес от детей и внуков. Не было только, звучавших в прошлые юбилейные даты, пожеланий новых трудовых и творческих успехов. Их уже никто от нас не ждал. Начинался отсчёт годов восьмого десятка, когда их даже желать становится вроде неприлично. А мне этого как раз и не хватало. Я не мыслил тогда еще без этого жизни и она без труда представлялась мне пустой и никому не нужной.

Конечно, я не мог уже мечтать о работе по специальности, о занятиях любимым делом или хотя бы о своём хобби - техническом творчестве, но и смириться с абсолютным бездельем в старости я еще не был готов. Вот как раз тогда, на этом вечере, посвящённом нашему семидесятилетию, выслушивая добрые пожелания своих друзей и родственников, родилась мысль попробовать себя в художественном

творчестве и попытаться воспроизвести на бумаге сохранившиеся ещё в памяти воспоминания о прожитой жизни.

31

Наша дружба с Женей росла и крепла. Мы встречались ежедневно, но нам постоянно не хватало времени для общения. Нужно было и клубные проблемы обсудить, и о жизни поговорить, и новостями обменяться. А ещё мы играли в шахматы, где шла бескомпромиссная борьба с переменным успехом. С ним было всегда интересно, и я бы с удовольствием продлил регламент наших свиданий, если бы не обиды моих домочадцев, которые, с не меньшим основанием требовали уделять больше внимания семье. Наверное они в чём-то были правы и мне не раз приходилось признавать свою вину и давать обещания исправиться. После этого приходилось на какое-то время сокращать время своих отлучек, но это продолжалось недолго и постепенно их продолжительность вновь возрастала до очередного домашнего выговора.

Авторитет Жени для меня был тогда непререкаемым и я не замечал никаких недостатков в его поведении. Это касалось не только наших личных взаимоотношений, но и его стиля руководства клубом, отношения к членам Правления и другим активистам-общественникам.

В сентябре “Русский клуб” отмечал шестидесятилетие своего президента. По единодушному решению Правления был подготовлен юбилейный адрес с тёплыми поздравлениями, добрыми пожеланиями и благодарностью за огромную работу выполненную Женей по созданию и развитию клуба. Ему были вручены подарки и высказаны искренние слова любви, признания заслуг и многогранного таланта, отданного на благо русской общины города.

В день юбилея в гостином зале офиса жилого комплекса “Аудубон” собрались родные и друзья Жени, многочисленные гости от Джуиш Центра и Еврейской федерации. Многие родственники приехали из других городов Америки и даже Израиля. В их тостах и речах, выраженных часто в стихотворной форме, были признания способностей юбиляра, его умения организовать, сплотить людей и становиться подлинной душой коллектива. И всё это была не дань круглой дате, как это часто бывает в таких случаях. Это вполне соответствовало заслугам, способностям и дарованиям Жени, а, может быть, гости даже недооценивали их.

Это я явно почувствовал при исполнении обязанностей тамады этого вечера. Мне представлялось, что юбиляр заслуживает большего. Не подобрал я тогда нужных слов при открытии вечера и провозглашении первого тоста. Мне в тот вечер казалось, что в недооценке заслуг моего друга есть и моя вина.

Женя же выглядел тогда вполне довольным, весёлым и счастливым. Он много пел, играл на аккордеоне, веселил и благодарил гостей за тёплые чувства и добрые слова.

Но у нашего президента, как и у любого человека были и недостатки, и серьёзные ошибки, на которые ему долго никто не указывал. Конечно, о них не следовало говорить на юбилейных торжествах, но в повседневной жизни он должен был слышать и критику, и дружеские советы, как исправить допущенные оплошности. И в первую очередь об этом ему должны были говорить его друзья и доброжелатели, те, которые в большей мере могли оценить его положительные качества и лучше других понимали важность их использования на благо людей, общества.

К сожалению, мы тогда видели только добрые дела Жени, его беззаветное служение клубу и стремление приумножать его успехи, любовались его талантами и способностями, и старались не замечать за ним недостатков или ошибок. Как потом выяснилось, это не способствовало успеху дела и нанесло определённый вред нашему президенту.

32

Как я уже упоминал, работа “Русского клуба” строилась на волонтерских началах. Членство в клубе, участие в работе всех его секций, организация и проведение различных мероприятий было добровольным. Не допускались методы принуждения и абсолютно исключалась любая возможность получения личной выгоды, тем более злоупотребление общественным положением или занимаемой должностью. Примером в бескорыстном служении людям являлся наш президент. Он трудился на благо общества больше всех и категорически отказывался не только от какого-либо материального вознаграждения, но даже от любой формы морального поощрения. Да и возможности клуба были весьма ограниченными. Чисто символических членских взносов в размере 12 долларов в год, которые тогда были единственными источниками нашего дохода, хватало разве что только на чай с

печеньем при проведении воскресных встреч и оплату некоторых неотложных расходов.

Самыми массовыми мероприятиями, осуществляемыми за счёт средств членов клуба, являлись экскурсии и путешествия, которые проводились через частные туристические фирмы. Они пользовались большой популярностью у русскоязычных иммигрантов, которые у себя дома могли свободно разъезжать только “по просторам родины чудесной”. Зарубежные же поездки, особенно в капстраны, являлись уделом избранных и представителям еврейской национальности были, как правило, противопоказаны. Вот почему русские евреи, оказавшиеся здесь в условиях настоящей свободы, так охотно стремились во всевозможные туры по Америке, Канаде и другим странам дальнего и ближнего зарубежья. Они были готовы отказать себе в самом необходимом, чтобы сэкономить несколько сот долларов на экскурсию или путешествие.

В этих условиях каждое очередное объявление Наума Малкина о проведении новых туров встречалось в клубе с восторгом и от желающих принять в них участие не было отбоя. Туристический бизнес ширился, а популярность его организатора всё возрастала. Малкину даже благодарственные стихи слагались. Его активная работа отмечалась правлением клуба, членом которого он состоял.

Первым что-то неладное в деятельности Наума почуял президент. Вскоре сигналы о завышении стоимости экскурсий начали поступать и от членов клуба. Некоторые стали заказывать места в турах непосредственно в канадской туристической фирме “Irina international tours”, где платили несколько дешевле, чем объявлялось в клубе.

Поведением Малкина возмущались и члены правления. Об этом они недвусмысленно высказывались и мне, и президенту, требуя принятия мер. У нас состоялся принципиальный разговор с Наумом. Мы потребовали его объяснений по существу поступивших жалоб и предъявления документов, подтверждающих стоимость поездок. Женя подготовил проект соглашения между правлением и Малкиным о порядке организации и проведения экскурсий, которым предусматривалось обоснование стоимости поездок и отчётность руководству клуба. Наум безоговорочно его подписал и обещал выполнять.

Учитывая особенности работы по организации экскурсий, Шусторович был даже согласен на материальное поощрение Малкина, но в строго ограниченных

размерах и на условиях полной гласности. Ему также гарантировалось возмещение понесенных им расходов на телефонные разговоры с туристическими фирмами и клиентами.

Однако, в работе Наума практически ничего не изменилось, он, как и раньше, решал все вопросы единолично и по-прежнему уклонялся от отчётов перед правлением. Не согласовывал он также и графики поездок, что порой срывало проведение плановых клубных мероприятий. Организация экскурсий всё более становилась частным бизнесом Малкина, а “Русский клуб” был использован при этом только как удобная вывеска.

Когда количество жалоб возросло и в их обоснованности можно было больше не сомневаться, Женя созвал правление и предложил лишить Наума права организации клубных экскурсий и вывести его из членов правления.

Я был в числе первых, кто поддержал Шусторовича. В моём выступлении был приведен перечень поступивших жалоб, назывались конкретные факты завышения стоимости поездок и подтверждалось, что, несмотря на неоднократные требования президента, Малкин не предъявил документов о фактической стоимости экскурсий и не представил объяснений по существу жалоб.

С предложением Шусторовича согласились ряд других членов правления. В качестве примера был приведен факт вынужденного возврата Наумом, по требованию туристов, завышенной стоимости поездки во Флориду и другие случаи завышения фактической стоимости экскурсий.

В своём выступлении Наум, вместо признания неопровержимых фактов и заверения не повторять впредь допущенных нарушений, стал упрекать руководство клуба в недооценке его заслуг и предвзятом к нему отношении. В своё оправдание он сослался на понесенные им расходы на телефонные разговоры, другие траты, при организации экскурсий и просил оставить его в правлении.

Не все члены правления тогда поддержали президента. Некоторые предлагали ещё раз поверить Малкину. Другие, в том числе и те, кто раньше выражали недовольство и требовали принятия мер, своего мнения открыто не высказали.

Поведение Наума и беспринципность некоторых членов правления возмутили Женю и он занял жёсткую позицию, пригрозив даже сложением с себя обязанностей в случае отказа от принятия его предложения. Президент отверг упрёки и объяснения Малкина, сославшись на договоренность о возмещении ему из клубной кассы всех

понесенных им затрат, грубое нарушении им принципов работы клуба и невыполнение ранее данных обещаний.

Однако некоторых участников заседания Шусторович своими доводами не сумел ни в чём убедить. Почти половина членов правления тогда воздержались от голосования. Такое в “Русском клубе” случилось впервые.

Большинством голосов Наум был выведен из правления, но то необычное заседание надолго осталось в памяти его участников, существенно сказалось на взаимоотношениях между ними и моральном климате в “Русском клубе”.

33

Между тем жизнь клуба становилась всё более интересной и содержательной. Число его членов непрерывно росло. Ими становились не только люди пожилого возраста, но и их дети, а порой и внуки. Создавались новые и росли старые секции, кружки, школы. Раз в квартал объявлялся общий сбор членов клуба, который обычно посвящался еврейским праздникам или какому-то юбилею. Каждому из них готовился свой сценарий и они проходили содержательно и очень весело. Каждая такая встреча становилась праздником. Люди гордились своим клубом и эта гордость как нельзя лучше отражалась в словах клубного гимна:

Как подарок судьбы “Русский клуб” мы сегодня имеем.

Приходи, посмотри, как живётся нам русским евреям.

И в клуб приходили люди из различных организаций города, приезжали и прилетали гости из других городов Америки. Чаще других стали к нам наведываться наши коллеги из соседнего Рочестера. Там тоже уже второй год работал клуб “Старт”, что-то подобное нашему “Русскому клубу”.

Встреча с председателем Ириной Шапиро и членами правления этого клуба была интересной и взаимополезной. Гости живо интересовались организацией работы правления, порядком проведения общих сборов, работой кружков самодеятельности и клубных секций, опытом издания мини-журнала “Русская жизнь в Баффало”. Было решено создать общий печатный орган двух клубов “Наша жизнь” и образована совместная редакционная коллегия. Редактором журнала стал Александр Шапиро - опытный литератор из Черновиц, член нашего правления. Намечены были и другие формы сотрудничества.

Послушав на репетиции хор “Русского клуба”, активисты “Старта” пригласили наших самодеятельных артистов выступить в Рочестере. Приглашение было принято и к выступлению стали тщательно готовиться. Одно дело дать концерт у себя дома, в своём клубе, другое дело - гастроли в другом городе, где нас мало кто знает.

И вот 19 марта 1995-го года наши “артисты” и актив “Русского клуба” отправились в Рочестер. Там нас радушно встретила Ирина Шапиро и правление клуба “Старт” в полном составе. Они совершили с нами увлекательную экскурсию по городу и рассказали кое-что из его истории. Оказывается, он берёт своё начало от небольшого поселения, созданного британским полковником Рочестером полтора столетия тому назад. Нам показали знаменитые на весь мир корпуса компании “Кодак”, оказавшей большое влияние на развитие города, ставшего большим промышленным и культурным центром страны. Компания построила в его центре филармонию, музыкальное училище, единственный в мире музей фотографии.

Пока мы любовались водопадом на Дженнесси и другими достопримечательностями, вместительный школьный актовый зал, арендованный клубом, заполнили зрители. Мы и не предполагали что наш приезд вызовет такой интерес у русскоязычного населения города. Участники концерта, конечно, волновались. Шутка ли? Первый концерт в чужих стенах!

Напряжение несколько спало после вступительного слова Жени Шусторовича, который заявил о нашем желании поделиться радостью творчества, лучше познать друг друга и подружиться с земляками, людьми с таким же, как у нас языком и такими же проблемами.

Величественно прозвучал гимн “Я люблю тебя, Клуб” - визитная карточка хора. От песни к песне звучание набирало силу. Зрители восторженно встретили песню из фильма “Доктор Живаго”, исполненную на английском языке, а после исполнения по-русски “Крутится - вертится шар голубой” и по-еврейски “Шолом Алейхем”, зал разразился такими аплодисментами, что ведущий, тот же Евгений Шусторович, долго не мог объявить следующий номер программы.

Мы, участники хора, сами удивлялись силе, красоте и слаженности звучания. Может это было от радостного вдохновения, усиленного необыкновенным успехом, а может и великолепная акустика зала способствовала этому, но пели мы действительно

хорошо. С каждой песней всё более мощно набегали на сцену раскатистые волны аплодисментов.

В программе концерта были представлены разные жанры самодеятельного творчества. Большим успехом пользовались песни и танцы детей. Маша Гуревич и Гриша Рублёв исполнили фортепианные пьесы, а дошкольница Линочка Виндер в сопровождении своего отца - композитора Александра Виндера прекрасно пела. Когда её вызвали “на бис” она ещё лучше спела дуэтом со своей мамой, а её отец сыграл свои собственные произведения - чарующие фортепианные мелодии.

Клубный поэт Самуил Сегал исполнил “Песню о Баффало”, к которой написал и слова, и музыку. Тепло встретили зрители ансамбль “Еврейских цыган” под руководством Лили Гальпериной, а когда она проводила сеанс демонстрации моделей весь зал заразительно хохотал и дружно аплодировал автору постановки.

Горячую симпатию вызвал мужской вокальный ансамбль, исполнивший песни: “Живёт моя отрада”, “Ты рядом со мной” и “День рождения”. Мне было приятно участвовать в этом выступлении и принимать похвалу зрителей.

Кульминацией вечера была песня Жени Шусторовича “Судьба моя”, которую под аккомпанемент автора исполнила Эмма Зельдина. Это поэма о судьбе еврея-иммигранта из России, скорее всего о судьбе самого автора. От волнения многие плакали. Не скрывали слёз и участники концерта.

Самые яркие песни Эмма приберегла для финала. Хор исполнил лирический “Вальс расставания” и задорную “Смуглянку” - на русском, “Америка, Америка” - на английском, “Тум балалайка” и “Ло мир алэ инейнем” - на еврейском. Многие зрители подхватывали знакомые мелодии и пели вместе с нами. Они не скрывали своих чувств. Они улыбались и плакали.

После концерта Ирина Шапиро, председатель клуба “Старт”, тепло благодарила Женю Шусторовича, участников программы, а Эмму Зельдину расцеловала и вручила огромную корзину цветов. Под овацию зала она сказала:

-Вы доставили нам огромное удовольствие. На этом концерте мы осознали, как много нам может дать дружба с вами. Мы поняли, что не только вы можете петь. Мы тоже можем. И мы пели вместе. Спасибо вам за это.

Наши прошения о предоставлении статуса беженцев семьям Полечки и Иринки в вашингтонском Центре службы Иммиграции и Натурализации были рассмотрены сравнительно быстро. Весной 1995-го года нам сообщили о датах собеседования в посольстве США в Москве.

В списке на интервью в семье моей сестры, кроме неё, были старший сын Валерий, его жена Маша и их сын Толя. По настоянию теперь уже покойного Володи мы не просили разрешения на него и на семью младшего сына Бори. Глава семьи в то время категорически отказывался покинуть Родину и планировал провести остаток жизни в Ейске, в своей уютной двухкомнатной квартире, вместе с семьёй Бори.

Из семьи Иринки была исключена её сестра Таня, которая, по мнению Центра, не имела оснований для получения статуса беженца. Главой семьи вместо Иринки, по степени родства, признали нашу внучку Алёнку, которая, кроме того, имела основания считаться еврейкой (по отцу).

Ко времени интервью степень готовности к отъезду в обоих семьях была неодинаковой. Если раньше больше всех торопился Валерий и его жена Маша, то теперь их желание покинуть Москву постепенно гасло и более готовой к этому, как нам казалось, в их семье была только Полечка. Её старший сын получил повышение по службе, занял престижную должность руководителя Центра народонаселения МГУ, стал часто выезжать в загранкомандировки и оказался явно не готовым к переселению в другую страну, где его знания и опыт могли оказаться не востребованными. Полечка же соглашалась уезжать не столько ради себя, сколько для вызова в Америку младшего сына Борю, который к этому всё более склонялся.

Семья Иринки, наоборот, опасаясь возможного сокращения объёма иммиграции в США, с нетерпением ждала интервью. Если перед нашим отъездом никто в этой семье и слушать не хотел о выезде из Белоруссии, и мы отправили на них анкеты и обязательства гаранта по существу без их согласия, то теперь они в своих письмах молили Бога, чтобы ничто не помешало их выезду. Больше всех рвалась в Америку Алёнка.

Как бы там ни было, в Американское посольство все приглашённые на интервью члены обоих семей явились в полном составе и им разрешили въезд в США на постоянное место жительства по статусу беженцев.

Когда же главное было сделано и дорога в Америку оказалась открытой, выяснилось что у обоих семей масса препятствий к отъезду. Валерий с Машей

откладывали сроки выезда, якобы, в связи с осложнениями с приватизацией квартиры и возникшими трудностями с её продажей, Полечка ссылалась на предстоящий приезд Бориной семьи в отпуск и необходимость организации её отдыха в Ейске, Иринка никак не могла распродать своё имущество, дачу и квартиру. Ссылались они и на другие важные и не очень важные причины.

Мы написали им несколько писем, в которых советовали ускорить подготовку к отъезду с расчётом прибытия до наступления зимы. Это диктовалось важными, на наш взгляд, обстоятельствами, в числе которых были разгоревшиеся в конгрессе дебаты о сокращении приёма иммигрантов и ограничении размеров оказываемой им помощи, а также предстоящие в 1996-ом году президентские выборы. В случае поражения Клинтона ожидались существенные изменения в иммиграционной политике.

Особенно настоятельно мы рекомендовали ускорить приезд Полечке. Ей, измученной тяжелым сиротским детством, ужасами жизни на оккупированной немцами территории, послевоенным голодом и лишениями, многолетним рабским служением детям и внукам, открывалась, наконец, возможность пожить хоть какое-то время спокойной безбедной жизнью, насладиться свободой, равенством и другими благами, которые предоставляются пожилым людям в цивилизованном обществе. Мы считали, что теперь, после смерти Володи, когда она осталась совсем одна за тысячу километров от своих детей, когда болезни все чаще приковывали её к кровати, стало жизненно необходимым ускорить её приезд к нам.

Если всем остальным мы только советы давали, не навязывая своей воли и оставляя им возможность самим решать проблему выезда, то Полечку мы сознательно к этому подталкивали и, можно сказать, даже принуждали к отъезду. Для этого у нас были веские основания. Наверное, мы лучше других понимали, как это важно для неё. Она же и теперь больше думала не о себе, а о детях и внуках, которых любила больше жизни и с которыми не желала расставаться.

На наши письма Полечка не отвечала, а в телефонных разговорах каждый раз находила всё новые причины, задерживающие её отъезд. Трудно сказать как бы решился этот вопрос, если бы не настоятельная просьба Бори скорее уехать, чтобы ускорить подачу прошения на его приезд в Америку. Как только она осознала, что её переселение может оказаться полезным младшему сыну, темпы её приготовлений ускорились и она по-настоящему стала готовиться к отъезду.

К этому времени нам стало известно о возможности получения ею пожизненной пенсии от Германии, которую здесь получают чудом уцелевшие жертвы фашизма. Таких людей в Америке мало, но большинство из евреев, кто имел необходимые документы о пребывании в концлагерях, в гетто или на оккупированной территории, такую пенсию получили.

Мы об этом написали Полечке и просили взять в немировском райисполкоме справку о её пребывании в этом городе в годы немецкой оккупации. Учитывая важность получения этого документа, мы неоднократно ей звонили и убеждали в необходимости срочного выезда в Немиров с целью поиска свидетелей и других доказательств её проживания там в годы войны.

Так как она в это время болела и долго находилась на постельном режиме, мы обратились к детям с просьбой помочь ей в этом во время их пребывания в отпуске. Они обещали, но дело с мёртвой точки не двигалось. Ни Полечка, ни дети в Немиров не поехали, ссылаясь на болезнь, занятость и другие причины.

Когда я как-то в телефонном разговоре пытался уговорить свою сестру самой обратиться за помощью к детям, она заявила, что они очень заняты и она их беспокоить не может. Если для получения справки нужно отрывать на несколько дней детей от работы, то ей не нужна такая справка и она обойдётся без пенсии. Так и не поехали её мальчики ни сами, ни с ней за нужной справкой. Они не стали по такому поводу отпрашиваться с работы и не сделали этого во время месячного пребывания в Ейске. Полечка же считала, что дети приехали отдыхать, а не разъезжать в поисках свидетелей и разных справок.

Под нашим давлением она была вынуждена поехать в Немиров сама, когда подпирали сроки отъезда и откладывать это дело “на потом” уже не было никакой возможности. Её выезду тогда даже не помешала острая форма радикулита, который так неуместно схватил её в те дни. Неизвестно чем бы тогда закончилась её поездка, если бы не добрые люди в Немирове, которые позаботились об уходе за ней, лечении, и помогли ей получить справку в Горсовете, которая, как потом выяснилось, не могла стать достаточным основанием для назначении пенсии. Дорого обошлась ей тогда эта поездка, но она осталась довольной тем, что и на этот раз не утруждала ничем своих детей.

Выезд ещё несколько раз откладывался из-за отсутствия покупателей на квартиру. Были ещё задержки с оформлением загранпаспорта (без взятки и тут не

обошлось) и, наконец, весной 1996-го года, с отсрочкой почти на год, моя сестра сообщила, что вылетит из Москвы 15 марта.

Немало сложных предотъездных проблем возникло и у Иринки. Кроме поиска покупателей на недвижимость, возникло казалось непредвиденное препятствие, связанное с любовными делами нашей внучки. Еще будучи в Союзе мы не раз слышали о её дружбе с Витей, что жил рядом с ними, в их же доме. Она началась с того, что Алёнка училась с этим мальчиком в одной школе и они вместе отправлялись по утрам на занятия. Затем они стали возвращаться со школы тоже вместе, а потом начали довольно часто встречаться и в свободное от учёбы время. Все к этому постепенно привыкли и считали это в порядке вещей, не задумываясь над возможными последствиями их дружбы. А она, между тем, все росла и крепла. Когда молодые люди закончили среднюю школу, они оба избрали для продолжения учёбы одно высшее учебное заведение - Белорусский Госуниверситет и находили много общего и в ВУЗе, и в свободное время. Вместе ходили в кино, в театры, музеи, на выставки, просто гуляли в парке, их редко можно было уже видеть порознь.

Когда же пришла пора готовиться к отъезду, Алёнка вдруг заявила, что никуда не поедет, пока не выяснит окончательно своих отношений с Витей. Это значило, что идёт речь о женитьбе.

Иринка вначале отнеслась к этому спокойно и приняла заявление дочери, как детскую забаву. Алёнке только недавно исполнилось восемнадцать, она была ещё студенткой второго курса университета, они собирались в Америку и ни о какой женитьбе, казалось, не могло быть и речи. Мать убеждала дочь отложить свои намерения на более позднее время, когда они обустроятся, приобретут специальность и обзаведутся жильём, но Алёнка и слушать об этом не стала и упрямо твердила одно: либо женитьба и совместный отъезд, либо она никуда не поедет и останется здесь с Витей.

Дело оборачивалось отменой выезда всей семьи. Во-первых, Иринка не мыслила себе отъезд без дочери, а во-вторых, что ещё более важно, Алёнка была главой семейства (Principal Applicant) и без неё их выезд был вообще невозможен. Витя же вообще не мог с ними ехать, так как не был членом семьи и не имел разрешения на въезд в США.

Долго судили-рядили и, наконец, решили, что молодые люди поженятся, Иринка с детьми уедут, а Витя останется доучиваться в университете (он был

студентом предпоследнего курса). Через год-два он сможет приехать к ним в качестве законного мужа постоянной жительницы США.

Нельзя сказать, что все были одинаково довольны принятым решением, но другого выхода не было и недовольным пришлось с ним смириться. Начали готовиться к свадьбе, а отъезд перенесли на более позднее время.

35

В марте 1995-го года “Русский клуб” выпустил первый номер своего собственного печатного органа - журнала “Наша жизнь”. Он вышел на двадцати страницах и имел вполне приличный вид. Его инициаторами, кроме президента и его первого заместителя, был и Александр Шапиро - дипломированный специалист по русскому языку и литературе с университетским образованием. Он и стал редактором. Его заместителем утвердили Светлану Гебелеву - профессионального журналиста с многолетним стажем.

Выпуск посвятили весёлому празднику пурим, еврейским традициям и обрядам. В нём, кроме того, был богатый материал о клубной жизни, работе различных секций, предстоящем в мае юбилее Великой Победы. Нашлось место и для спорта, юмора, рекламы и литературной страницы.

Авторами публикаций были Александр Шапиро, Светлана Гебелева, Самуил Сегал, Лариса Юзбашева, Александр Клейман, Аркадий Цыпенюк, Револьд Альтзицер, Давид Фалькович, президент и вице-президент клуба.

Было немало проблем с выпуском журнала. С трудом нашли компьютер с русским шрифтом, но за печатание материала нужно было платить наличными, которых у нас практически не было. Размножение компьютерных страниц в нужном количестве экземпляров опять стоило немалых средств. Журнал нужно было сшить, не говоря уже о редактировании материалов, правке, технической редакции и других видах работ. Платных работников у нас, конечно, не было и все выполнялось на волонтерских началах.

Чтобы сократить расходы по размножению, президент, его заместители, секретарь и члены правления становились операторами множительных устройств, что позволило сократить плату за каждую страницу с четырёх центов до трёх (а приходилось печатать несколько тысяч страниц). Сами мы и сшивали журнал.

Несмотря на все старания и меры экономии средств, тираж в сто экземпляров стоил не меньше двухсот долларов и большую часть этих затрат должны были возместить читатели. Исходя из этого была установлена стоимость журнала в один доллар. Мы рассчитывали, что если каждая семья уплатит по доллару за свой клубный журнал, нам удастся обеспечить финансирование его издания.

С таким обращением мы и выступили на очередном клубном собрании, которому был приурочен выпуск первого номера. Нельзя сказать, что кто-то против этого возражал. Совсем наоборот. Все единодушно приветствовали рождение журнала, горячо благодарили инициаторов его создания, редколлегию и авторов интересных публикаций. Вроде даже обещали всяческую помощь и поддержку этому важному начинанию. Не было никаких гласных возражений и по стоимости.

Однако, как это вскоре выяснилось, мы могли рассчитывать главным образом только на моральную солидарность. Когда же дело дошло до покупки журнала, то желающих оказалось совсем немного. От реализации первого номера было собрано менее ста долларов. Почти половина членов клуба под разными предлогами уклонились от покупки журнала и мы столкнулись с первой серьёзной финансовой проблемой. Скорее всего это была не только, а точнее не столько финансовая проблема, сколько вопрос моральной зрелости коллектива, готовности каждого его члена внести посильный вклад в становление и развитие клуба. К сожалению эта проблема оказалась не последней.

36

Известие о смерти Любы не было для нас неожиданностью. Она, высокообразованный человек и опытный врач, сама знала счёт оставшихся дней жизни. Коварная болезнь неизлечима и в Америке. Единственное, что позволяет лучшая в мире медицина, это продлить на какое-то время страдания в мучительном ожидании одинакового для всех исхода - фатального. Этой возможностью бедняга старалась воспользоваться в полной мере. Она дождалась бармицвы своего единственного сына, когда по еврейским законам мальчик становится мужчиной, и изо всех сил старалась, как и раньше, безоговорочно выполнять все желания избалованного ею подростка. Ей представилась ещё возможность насладиться красотой американских субтропиков и вволю поесть дешёвых южных фруктов и

овощей. Хватило ещё сил обустроить их новую квартиру в Лос-Анджелесе и она тихо ушла в иной мир.

Володя ещё какое-то время пожил с Игорем в опустевшем для них чужом городе и вернулся в Баффало, где прошли первые годы иммигрантской жизни и было много друзей и знакомых. Он снял двухкомнатную квартиру и устроился конструктором в небольшую фирму на окраине города.

В нашей семье ему был оказан радушный приём. Харлип был частым гостем в доме Верочки на Аленхёрсте. Со временем его отношение к нашей дочери становилось всё более дружественным, он оказывал ей всё больше внимания, а весной следующего года Володя сделал ей предложение.

Наше отношение к возможному объединению их семей поначалу было резко отрицательным. Мы, как могли, старались раскрыть дочери возможные нежелательные последствия такого решения. Нашей младшей внучке Анечке тогда исполнилось только десять лет. Она, лишенная отцовского внимания, все эти годы безраздельно пользовалась материнской любовью и трудно было сказать, какой будет её реакция на необходимость поделиться ею с чужим для неё мужчиной, который станет её отчимом. Ещё более вероятной представлялась негативная реакция Наташки на замужество матери. Её вспыльчивая натура, издёрганная годами безотцовщины, могла стать причиной частых конфликтов во вновь образованной многодетной семье. И совсем невероятным представлялось сочетание принципиальности и требовательности Веры с особенностями характера Игоря, избалованного необузданной любовью родителей.

Наша дочь вроде и сама видела эти и другие возможные отрицательные последствия своего замужества, но к тому времени она, уставшая от одиночества, уже приняла для себя твёдое и окочательное решение. Никакие разумные доводы на неё не действовали и Верочка всё более решительно стала склонять нас к одобрению их брака.

Её способность убеждать была хорошо известна и она вскоре с этой задачей справилась. На самом деле трудно было недооценить положительные особенности Володи - человека серьёзного, способного, уравновешенного, спокойного, без вредных привычек. А если к тому ещё учесть наличие взаимных добрых чувств, в которых мы к тому времени уже не сомневались, у нас не было оснований для отказа им в родительском благословении.

В мае состоялась регистрация их брачного союза. Она прошла в синагоге Темпл Бет Ам с соблюдением еврейских традиций. Вскоре они въехали в недавно купленный на ссуду банка дом, и их большая семья, преодолевая многочисленные проблемы и трудности, начала новую жизнь.

37

В памяти осталось заседание правления “Русского клуба”, на котором обсуждали сценарий торжественного собрания, посвящённого празднованию 50-летия Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне. Его подготовил Аркадий Цыпенюк - пожилой ветеран, недавно прибывший из Киева. В последнее время президент клуба часто привлекал его к чтению лекций и подготовке других мероприятий. Его знания, большой опыт в области искусства, умение вести рассказ вызывали интерес у слушателей и грешно было ими не воспользоваться.

Когда Цыпенюк, сценарист Госкино Украины, в канун праздника предложил свои услуги в подготовке и проведении вечера, его инициатива была с благодарностью принята. Это был первый случай, когда сценарием такого важного клубного мероприятия занимался не президент, как обычно, и даже не его заместители, а один из рядовых членов клуба.

Сценарий обещал быть профессиональным и ожидался нами с большим интересом. Он и на самом деле оказался своеобразным и во многом отличался от привычного порядка проведения подобных мероприятий в клубе. Автор предложил театрализованное представление о беспримерной стойкости Красной Армии, остановившей немцев под Москвой и Сталинградом, выдворившей фашистские полчища из оккупированной ими советской земли и разгромившей врага в его логове - Берлине. В стихах, песнях и музыке воспевались героизм и мужество солдат и офицеров, полководческий гений генералов и маршалов, трудовой подвиг тружеников тыла. Ведущими вечера должны были стать Аркадий Цыпенюк и Лиля Гальперина - активная участница клубной художественной самодеятельности.

В профессионализме Цыпенюку было трудно отказать. В сценарии чувствовалась опытная рука мастера. На слух идея автора показалась вроде верной и во многом созвучной с представлениями об Отечественной войне, навеянными послевоенными советскими фильмами, спектаклями, другими произведениями искусства и литературы.

Были и серьёзные возражения. Члены правления внесли существенные поправки, высказали замечания и предложения по корректировке сценария. В частности автору предлагалось отразить страдания народа, вызванные огромными и, как выяснилось, неоправданными потерями в войне, катастрофу еврейского народа, вклад воинов-евреев в Победу и печаль о миллионах погибших.

Когда казалось, что сценарий будет в принципе одобрен и автору будет предложено доработать его с учётом предложений и замечаний членов правления, выступил президент клуба Шусторович, предложивший полностью отклонить идею автора. Он высказал мнение, что День Победы должен отмечаться не как праздник, а как день траура о погибших. Выступление было аргументировано многими доказательствами, казавшимися довольно вескими и убедительными. Женя утверждал, что поражение немцев на советско-германском фронте было неминуемо и победа должна была быть достигнута быстрее и с меньшими потерями, что нет никаких заслуг Сталина и его соратников в войне и их следовало судить за десятки миллионов погубленных солдат и страдания народа, что нет никаких оснований праздновать достигнутую такой ценой победу.

Развернулась острая дискуссия, в ходе которой высказывались разные точки зрения, но преобладающим было убеждение, что юбилей Победы над фашизмом следует отмечать как праздник. Казалось, что мы были близки к приемлемому решению: сценарий исправить, доработать, но, в принципе, принять.

Однако Женя, глубоко уверенный в своей правоте и, пользуясь правом председателя собрания и руководителя клуба, продолжал настаивать на отклонении сценария.

Мне никогда раньше не приходилось видеть своего друга таким возбуждённым и жёстким. Наш культурный, высоко образованный и вежливый президент был на этот раз неузнаваемым. Казалось за председательским столом сидел другой Шусторович.

Наверное, этому в большой мере способствовал Цыпенюк, который неуважительно реагировал на замечания президента и в довольно резкой форме отстаивал свой вариант сценария..

Мне было от души жаль Женю, хотелось как-то его успокоить, но он никаким уговорам не поддавался и настаивал на своей позиции: день Победы должен отмечаться только, как день траура, скорби и памяти о погибших. Принципиальность -

отличительная черта Шусторовича. Когда он был в чём-то убеждён, во что-то искренне верил, то от своих убеждений никогда не отказывался. Я же, как и другие члены правления, считал этот день не только траурным, но и праздничным. Впервые за время нашей совместной работы я не поддержал Женю и проголосовал против его предложения. Так поступили и другие участники заседания. Он оказался тогда в гордом одиночестве, но до конца остался верным своей идее. Впервые правление клуба отклонило предложение своего президента.

38

Сестра Анечки, Полина, недолго радовалась удобствам проживания в Даунтауне. Она всё более убеждалась в том, что не зря в Америке престижными считаются квартиры не в шумном центре, к чему мы так привыкли по прошлой жизни, а тихие пригороды, где и воздух чище, и зелени больше, а главное - жить спокойнее. Нередко она стала признаваться в том, что теперь понимает почему квартплата там значительно выше и апартменты трудно доступны для малоимущих. Больше всего её пугала преступность, которая в центре проявляла себя больше, чем в пригородах. Вокруг жили, в основном, бедняки-вэлферщики, афро и латиноамериканцы, нелегалы. О криминогенной обстановке в городе она теперь знала уже не из газет и телевидения и даже не из рассказов пострадавших, а из собственной жизни. Как-то, прогуливаясь по безлюдной улице, она подверглась нападению чёрного верзилы, пытавшегося отнять у неё сумочку с деньгами и документами. Она тогда до смерти испугалась, подняла крик, бросилась бежать и чудом избежала ограбления, но после этого долго не могла выйти из полученного стресса и стала наведываться к невропатологам и психиатрам. Теперь она признала, что зря не вняла советам Вовы и Риты, предупреждавших её об опасности проживания в центре города.

Не такой уже уютной стала казаться её большая комната в многоэтажном доме на улице Элмвуд, не такими важными преимущества жизни вблизи школ, где она обучалась английскому, городской библиотеки и Еврейского Центра, услугами которых постоянно пользовалась. Она твёрдо решила бежать из Даунтауна и переселиться куда-нибудь в пригород, желательно поближе к нам.

Чем труднее казалось решение этой задачи, тем сильнее становилось желание осуществить её. С присущей ей настойчивостью, Полечка стала добиваться

субсидированной квартиры в нашем районе. Нам поначалу и не верилось в возможность осуществления её идеи.

Дело в том, что согласно закону такие квартиры предоставляются заявителям только в случаях, когда их квартплата превышает 50% получаемого ими дохода, жилищные условия не соответствуют санитарным нормам или им грозит выселение по требованию хозяина дома.

Полечка платила за свой апартмент менее четверти получаемого ею пособия, она жила в доме со всеми удобствами и никто не собирался её оттуда выселять. Вот почему у неё не приняли даже заявление о постановке на очередь. Она должна была выселиться из своего апартмента, снять квартиру за полную стоимость и только после этого могла претендовать на помощь государства в оплате жилья. На это требовались большие деньги (квартплата с коммунальными услугами в нашем районе превышала размер её пособия) и много времени. Своей очереди нужно было ждать не менее года. На такое Полечка решиться не могла, но и отказываться от своей идеи не собиралась.

Она подключила себе в помощь Еврейский Центр, врачей и адвокатов, запаслась разными письмами и справками и, к нашему удивлению, добилась постановки на очередь, а через несколько месяцев получила квартиру по соседству с нами. Наша Полечка ещё раз доказала, что нет таких преград, которые она не смогла бы преодолеть. Мы были рады её успеху. Теперь все наши родственники жили рядом.

39

Торжественному собранию, посвящённому полувековому юбилею Победы, предшествовала большая подготовительная работа. В честь этого события вышел специальный номер журнала “Наша жизнь”. В передовой статье “Победа и евреи”, подготовленной мною по поручению Правления, на фоне заслуг Советского народа и его героической армии в разгроме гитлеровской Германии во Второй мировой войне, была отражена и роль евреев в достижении Победы, их активное участие в борьбе с фашизмом на фронтах и в партизанских отрядах, в подполье, в гетто и концлагерях.

В ней были приведены многие факты, которые замалчивались в бывшем СССР. Поведано о том, что на фронтах Великой Отечественной сражалось более 500 тысяч воинов-евреев, из которых 160 тысяч было награждено боевыми орденами и медалями, а 150 стали Героями Советского Союза, что по числу героев на каждые 100

тысяч населения евреи заняли одно из первых мест среди народов СССР. И это при том, что при награждении евреям, мягко говоря, предпочтения не отдавалось.

В статье были названы фамилии солдата Дыскина, уничтожившего 7 немецких танков в бою под Москвой в ноябре 1941 года, командира подводной лодки Коновалова, возглавившего операцию по потоплению фашистского транспорта “Гойя” с 7 тысячами гитлеровских солдат и офицеров, лётчика Михаила Плоткина, совершившего налёт на Берлин в августе 1941 года, генералов Кривошеина, Колпакчи, Доватора, Смушкевича, Драгунского и других, покрывших себя неувядаемой славой и удостоенных звания Героев Советского Союза (двое последних стали дважды Героями). Об их подвигах не раз сообщалось в советской прессе. Не указывалось только, что герои были сыновьями еврейского народа.

Были также раскрыты “секреты” национальной принадлежности руководителя и организатора обороны Брестской крепости Фомина, легендарного разведчика Маневича, главного конструктора танков Котина, авиаконструктора Сухого и многих других евреев, внесших неоценимый вклад в Победу.

На многих неопровержимых фактах было показано, что евреи «воевали» не только в Ташкенте, как утверждали антисемиты, что они вместе с другими народами ковали победу и отстояли своё право на мирную жизнь.

В газетной публикации приводился пример из жизни одного из участников войны, активного члена “Русского клуба” Леонида Полака. Он и четверо его братьев прошли всю войну, совершили ратные подвиги на полях сражений и награждены многими боевыми орденами, но в музее их родного города Рогачёва, в Белоруссии, не нашлось места, чтобы рассказать о них. Не находили также места на аллеях Славы городов России, Украины, Белоруссии имена десятков других отважных воинов-евреев, участников войны, живущих сейчас в Баффало и являющихся членами нашего клуба. Они защищали землю, на которой родились, называли её матерью, но для этой матери они были и остаются сегодня пасынками.

В приуроченном юбилейной дате выпуске был целый ряд материалов, посвящённых светлой памяти сынам и дочерям еврейского народа, погибшим на полях сражений, расстрелянным, замученным, задушенным газом фашистскими извергами в годы войны. Их авторы Светлана Гебелева, Александр Шапиро, Абрам Палей, Давид Фалькович, Галина Мезенцева и другие члены “Русского клуба” и клуба

“Старт” из г. Рочестера существенно дополнили сценарий празднования Дня победы, подготовленный Цыпенюком.

Правление клуба приняло решение издать книгу воспоминаний участников Великой Отечественной войны, чудом уцелевших узников гетто и концлагерей, блокадников Ленинграда, эмигрировавших из бывшего СССР и проживающих в городе Баффало.

40

Зал Джуиш Коммюнити Центра в этот день выглядел особенно торжественно. На стенах были фотографии ветеранов войны, приветствия и поздравления в их честь, лозунги, плакаты, разноцветные шары. В передних рядах сидели несколько десятков ветеранов, убелённых сединой.

Поздравляя во вступительном слове участников войны, Женя Шусторович приветствовал и гостей-американцев. Среди них было немало тех, кто вместе с советскими солдатами громил фашистов. Как символ боевого братства над сценой поместили плакат с рукопожатием советского и американского солдата.

Ведущими вечера были Лилия Гальперина и Аркадий Цыпенюк. Нужно отдать им должное: они провели подготовленное ими представление на высоком артистическом уровне и оно выглядело возвышенно и волнующе. В сценарий были внесены существенные изменения и он уже не выглядел столь победно-парадным. В нём нашлось место и для моего десятиминутного выступления, насыщенного горечью поражения в первые месяцы войны и печалью о миллионах погибших в ходе знаменитых Сталинско-Жуковских наступательных операций. Главной его темой и на этот раз была трагедия Катастрофы еврейского народа, мужество и героизм евреев на полях сражений, в партизанских отрядах.

Повествование о войне в песнях, стихах и музыке самодеятельных артистов чередовалось волнующими рассказами участников незабываемых событий военного лихолетья.

Тепло был принят зрителями Джо Малик - один из местных евреев - участник войны. В составе американской военной миссии он встретил День Победы в Москве и по-русски интересно рассказал об этом собравшимся. Его хорошо знали евреи-эмигранты, многим из которых он помог в период их становления на американской земле.

С жёлтой заплатой на пиджаке на сцену вышел Абрам Айзикович Зеликман. Такую заплату он носил в Даугавпилском гетто и концентрационном лагере. О страшных эпизодах лагерной жизни был его рассказ.

Через все круги ада прошёл и чудом выжил узник Минского гетто Марк Гухман. 260 суток он провёл в схроне на краю еврейского кладбища, где был обнаружен советскими солдатами, освободившими Минск. С ним беседовал, находящийся тогда в городе, писатель Илья Эренбург. Свидетелем этой встречи был минчанин Абрам Палей, проживающий теперь в Рочестере и приглашённый на этот вечер. Волнующей была их встреча здесь, на сцене Джуиш Центра, через 50 лет после того памятного дня.

Ведущие пригласили на сцену также трёх сестёр - Раису, Зинаиду и Светлану - дочерей одного из руководителей подпольной организации Минского гетто Михаила Гебелева, зверски замученного в застенках гестапо. Они со своими семьями теперь оказались в Баффало и свято чтут память об отце-герое.

Как реквием павшим прозвучало стихотворение Александра Шапиро, редактора клубной газеты, которое взволнованно прочитал сам автор.

В память о погибших, замученных в гетто и концлагерях - минута молчания и “Кадыш”. Его произнёс Хазан Шер. На авансцену, как символ продолжающейся жизни, вышли дети с зажжёнными свечами. Суровым напоминанием живым прозвучал “Бухенвальдский набат”, эмоционально исполненный клубным хором.

Звучали и праздничные ноты на вечере. Самодеятельные артисты во главе с Эммой Зельдиной подарили ветеранам и гостям задушевные песни, стихи, танцы. День Победы всё же по праву считается и великим праздником.

41

Вовочка, который успел за эти годы с лихвой съесть причитающуюся ему норму иммигрантских бед и лишений, казалось мог теперь довольствоваться своим положением инженера “Structural Ceramics Corporation”, куда он был охотно принят, после его неудачной попытки устроиться по специальности в Нью-Хемпшире. Их семейный доход обеспечивал возможность безбедной жизни, своевременного погашения полученной в банке ссуды на покупку дома и оплаты других счетов.

Стремясь оправдать оказанное ему доверие, Вова изо всех сил старался добросовестно выполнять порученное ему дело. Его усердие заметили и со временем

вновь повысили оплату. Но всё же не это было его любимым делом. Трудно было отмести многолетний опыт и профессионализм - он по-прежнему мечтал вернуться к своей специальности. Наш сын не мог оставаться приживалой, отмеряющим свою жизнь от зарплаты к зарплате, он продолжал искать другую работу.

Отправленные им многочисленные резюме долго оставались безответными, пока, наконец, не было получено приглашение на интервью в небольшую фирму “Heany Industries Incorporation”, занимающуюся производством керамики и упрочнением деталей путем напыления металлов. Последнее как раз было делом его мечты и он решил ещё раз попытать счастье.

Вова поехал на собеседование и согласился на предложенную должность инженера по напылению (Coating Engineer), не оговорив и на сей раз необходимых условий и гарантий. Он согласился с предложенной ему зарплатой, которая явно не соответствовала квалификации и объёму предстоящей работы, полагая, что со временем старания и опыт будут соответственно оценены. Его не остановило ни шаткое финансовое положение предприятия и возможность его банкротства, ни низкая репутация фирмы на рынке из-за многочисленных претензий к качеству выполняемых ею заказов, ни слабая техническая оснащённость производственного участка, на котором ему предстояло работать в качестве единственного специалиста и технического руководителя, ни, наконец, расстояние до работы в 60 миль.

И опять нужно отдать должное Рите, которая и в этом случае не роптала, не жаловалась, не побоялась риска лишиться спокойной и прилично оплачиваемой работы мужа рядом с их домом. Она согласилась с его выбором, надеясь, что со временем всё станет на своё место.

Вова вступил в новую должность и отдавал делу все силы, знания и опыт. Любимое дело поглотило всё его время. Будучи единоличным руководителем на участке и, сознавая полноту ответственности за порученную работу, он с первых же дней занялся совершенствованием технологии и механизацией производства. Всё делал сам: намечал планы модернизации оборудования, разрабатывал схемы контроля качества и совершенствования порядка оплаты труда, занимался перестановкой и ремонтом станков, нередко выполняя при этом обязанности слесаря, грузчика или подсобного рабочего. Приходилось допоздна задерживаться на работе и еле хватало времени на сон.

Его усилия и старания не замедлили сказаться. К концу первого года работы фирма в конкурентной борьбе упрочила свои позиции, возрос объём заказов, окрепло её финансовое положение.

Следовало ожидать, что в благодарность за усердие и бескорыстную преданность интересам производства, Вова будет должным образом вознаграждён, но этого не случилось. Хозяева посчитали, что русский инженер, фанатично любящий своё дело, никуда от них не уйдёт и будет довольствоваться прежней оплатой.

Положение особенно усложнилось, когда настали холода и земля покрылась снегом. Дорога стала совсем не безопасной и занимала больше времени. Возросли расходы на ремонт автомобиля и бензин. Выезжать на работу приходилось в пять утра, когда дороги ещё не чистились и были скользкими. Одна из таких поездок чуть не закончилась трагически. Машина потеряла управление и слетела с автострады. К счастью, обошлось только поломкой машины.

Как и следовало ожидать, первой на возросшие трудности и опасность, угрожающую мужу, отреагировала Рита. Она потребовала увольнения Вовы и его возвращения на прежнюю работу, куда его неоднократно вновь приглашали. Там теперь по достоинству оценили его квалификацию и способности, и предложили должность ведущего инженера (Head of Engineering) с зарплатой, которая заметно превышала получаемую им теперь.

Рита, с присущей ей настойчивостью, убеждала Вову в резонности её доводов. На самом деле преимущества здесь были очевидны: спокойная и чистая работа, нормированный рабочий день, трёхчасовая экономия времени на проезд, а главное - хорошая зарплата, о которой они раньше и мечтать не могли.

Он же, искалеченный марксистско-ленинской идеологией, утверждал, что стыдно и низменно всё мерить на деньги, что счастье не в них, а в красоте человеческих отношений и что бедность - не порок.

Терпеливо и убедительно Рита советовала забыть это и понять, что американская культура - это культура успеха, преуспевания. Здесь любят богатых, здоровых, знаменитых, а бедных, больных и юродивых не только не любят, но и не уважают. Когда хозяин фирмы явно недооценивает труд специалиста и занижает ему оплату, он тем самым проявляет неуважение к нему, а если работник с этим соглашается, то это следует расценивать, как унижение самого себя. Она настаивала на уходе Вовы из фирмы и, в конце концов, добилась своего.

С болью в сердце наш сын оставил работу по специальности и вернулся в “Benchmark Structural Ceramiks Corp.”

42

С уходом Наума Малкина свернулась работа по организации экскурсий и путешествий - одна из важных сфер деятельности клуба. Нельзя было допустить, чтобы у людей складывалось мнение, что Малкин незаменим и что его отстранение от дела - неисправимая ошибка. Женя долго искал ему замену, но принять на себя нелёгкие и весьма ответственные функции организатора туристического дела и выполнять эту работу на чисто волонтерских началах никто не соглашался. Сложилось безвыходное положение и наш президент, как всегда в подобных случаях, обратился за помощью к своим ближайшим друзьям и сподвижникам. После того, как на его призыв к членам Правления никто не отозвался, Анна Абрамовна вызвалась временно заняться организацией экскурсий.

Не скажу, что я с большим энтузиазмом воспринял патриотический поступок своей жены. У неё и без того была масса дел и дома, и в клубе. Нужно было помочь детям по уходу за нашими внуками (особенно в этом нуждалась Верочка), хватало хозяйственных забот, много времени отнимали посылки, которыми она продолжала заниматься, и свободного времени оставалось совсем мало, но возражать против её инициативы было как-то неудобно. Закипела в нашем доме новая работа по организации экскурсий и путешествий.

Должен признаться, что если бы я раньше представлял себе её объём, то, наверное, не стал бы так резко осуждать Малкина на том злополучном заседании Правления.

Наши дети, друзья и родственники стали жаловаться, что не могут к нам дозвониться. Телефон постоянно был занят разговорами с туристическими фирмами и клиентами, интересующимися предстоящими путешествиями. Особенно досаждали клиенты. Им, для принятия окончательного решения: ехать или не ехать в очередную экскурсию, мало было одного, двух или даже трёх звонков. Некоторым не хватало и десятка... Но даже тогда, когда казалось что всё решено, согласовано и оплачено, раздавался последний звонок, извещавший, что турист передумал и желает забрать свои деньги обратно. Это случалось, обычно, накануне поездки и тогда за телефон садились уже мы. Нужно было срочно искать желающих заполнить освободившиеся

места, чтобы не подвести фирму. Поэтому перед каждой поездкой наш телефон был горячим от напряжённой работы.

Но если ты, дорогой читатель, думаешь, что телефонные разговоры составляли главную часть трудов по организации экскурсий, то глубоко заблуждаешься. С них только начиналась настоящая работа. Нужно было всем угодить при посадке в автобус, размещении в гостинице, организации питания, во всём другом, что связано с пребыванием людей вдали от своего дома. Я никогда раньше не представлял себе как это всё непросто. Особенно сложно решать такие вопросы с пожилыми людьми. А именно они были в большинстве среди наших туристов, так как из них состоял, в основном, наш клуб, а ещё потому, что только они имели достаточно свободного времени для путешествий (молодым нужно было работать, решать жизненно важные проблемы и им было не до развлечений).

А чего стоило обсуждение с гидами проблемы учёта возраста наших туристов, которые не выдерживали установленного ритма и часто отставали от группы.

В общем, нелёгкое это дело путешествовать с людьми преклонного возраста. Ещё труднее заслужить их “спасибо” за доставленное удовольствие. Зато как приятно было видеть пожилых людей довольными, радостными, признательными за проявленную о них заботу и получать за это искренную благодарность, идущую от самого сердца. Когда мы видели счастливые улыбки на старческих лицах при возвращении из далёкой поездки по неведомым ранее городам и странам то забывали об усталости и ощущали готовность вновь трудиться, чтобы нести им радость.

Приняв на себя функции “незаменимого” Малкина, моя жена вздумала не только восстановить прерванную работу, но и повысить уровень её организации, а главное, попытаться сделать экскурсии более дешёвыми и доступными для наших пожилых вэлферщиков и эсэсайщиков.

Так как об уменьшении стоимости поездок в русскоязычных туристических фирмах Торонто и Нью-Йорка не могло быть и речи, мы обратились к Нику Левчуку, возглавлявшему местную корпорацию “Interport travel service, Inc.”, занимающуюся, среди прочего, и экскурсиями, с предложением принять на себя туристическое обслуживание наших пенсионеров, пообещав ему выполнять без его участия всю работу по формированию групп и сбору денег. Взамен мы просили только о некотором снижении стоимости туров.

Не знаю, что тогда в большей мере воздействовало на Николая. То ли наши давние приятельские отношения и оказываемая ему помощь в отправке посылок, то ли желание угодить своим землякам, то ли он просто руководствовался приёмами конкурентной борьбы, но он с энтузиазмом принял наше предложение и твёрдо пообещал, что поездки будут стоить значительно дешевле, чем в других фирмах. Нужно сказать, что слова у него не расходились с делом.

Доказательством тому стали предложенные им поездки в Торонто и Вашингтон. Это были первые экскурсии без Малкина и мы очень старались сделать их интересными и недорогими. Когда было объявлено, что однодневная поездка в Торонто обойдётся членам клуба только в 12 долларов, а трёхсуточное путешествие в Вашингтон-Филадельфию не превысит ста тридцати девяти, от желающих принять в них участие не было отбоя.

В Торонто поехали на трёх комфортабельных микроавтобусах. Дорога оказалась недолгой и совсем неутомительной. В городе нас встретил русский гид, который был к нам предельно внимательным, и в течении нескольких часов знакомил с достопримечательностями негласной столицы Канады. Его рассказ об истории и экономике края был увлекательным, насыщенным многочисленными цифрами, фактами, эпизодами и вызвал большой интерес. Всё здесь напоминало большие города России, Украины, Прибалтики: многоэтажные дома знакомой архитектуры, городской транспорт и особенно родная речь и магазины в русском районе города. Здесь мы отдохнули, пообедали и совершили покупки европейских деликатесов: селёдки, гречневой и пшённой крупы, ржаного хлеба, которые здесь были заметно дешевле чем в Баффало. На обратном пути любовались иллюминацией вечернего Торонто, а в завершении всего сделали остановку на Канадской стороне Ниагары, где знаменитый водопад выглядит ещё более величественно и красочно.

Были в этой поездке и некоторые шероховатости, но они не могли испортить общего приятного впечатления от этой увлекательной и интересной экскурсии.

Ещё более тщательно готовились мы к путешествию в Вашингтон и Филадельфию. Оно имело свои особенности. Главной из них была продолжительность. Люди преклонного возраста должны были преодолеть тысячемильную дорогу и находиться в пути целых трое суток.

Нам был предоставлен прекрасный мягкий автобус со всеми удобствами. Позаботились и о дорожном гиде. Им стала Лариса Юзбашева, которая увлекла нас

интересным рассказом об истории, экономике, природе и климате штатов Нью-Йорк и Пенсильвания, что были на нашем пути. Несмотря на ночное время, никто не спал. При лунном свете любовались прекрасными хайвеями, окружающими их лесистыми холмами, небольшими селениями с одноэтажной застройкой, аккуратно обработанными полями и быстрыми горными реками с отличными мостами. Создавалось впечатление, что всё это спроектировано талантливым архитектором, воплощено в жизнь по единому плану и имеет общего хозяина, содержащего всё в образцовом порядке. Незаметно пролетело время и ранним утром мы уже въезжали в Вашингтон.

В сопровождении столичного гида совершили обзорную экскурсию по городу и в полдень автобус доставил нас к одной из главных достопримечательностей столицы - Белому Дому. Здесь решаются важнейшие вопросы внутренней и мировой политики, здесь живёт нынешний президент США, как и все предыдущие главы государства с начала 19-го столетия. Даже не верилось, что нам, русским иммигрантам, доступно побывать в этом дворце, являющемся резиденцией правительства Соединённых Штатов. Вместе с гидом мы осмотрели его хоромы, побывали в зелёной, голубой и красной гостиных, других помещениях этого исторического здания. Всё это произвело неизгладимое впечатление.

День близился к концу и нас доставили в комфортабельный отель с удобными двухместными номерами, снабжёнными кондиционерами, телевизорами, телефонами и другими удобствами. После вкусного обеда, купания в гостиничном бассейне и непродолжительного отдыха мы совершили увлекательную поездку по вечернему Вашингтону.

Насыщенным интересными мероприятиями был и второй день пребывания в столице. Мы совершили экскурсии в Капитолий, музей аэронавтики, мемориальный музей Холокоста, на Арлингтонское национальное кладбище, побывали у величественных памятников Джефферсону, Линкольну, Вашингтону, совершили поездку по столичному метро.

Утром следующего дня отправились в Филадельфию. И снова экскурсии: первый парламент Америки, где в 1776-ом году принималась Декларация Независимости, прогулка по городу, парку, набережной и многое другое.

В память о поездке её участникам остался видеофильм, снятый и размноженный кинолюбителем Леонидом Пауди, многочисленные фотографии, сделанные клубным фотографом Исааком Бабером.

Были и в этой поездке непредвиденные проблемы и осложнения, но общее впечатление было замечательным. Её организаторы получили много устных и письменных восторженных отзывов от благодарных путешественников.

43

Однажды, во время прогулки по парку, Женя коснулся наших взаимоотношений с американскими евреями. Он удивлялся тому, что они живут обособленно от нас и проявляют мало инициативы по вовлечению своих русских соплеменников в еврейскую общественную жизнь. Вопрос на самом деле не праздный. Трудно было понять почему Jewish Federation и другие еврейские организации, которые так активно боролись за наше право на выезд и так щедро опекают нас теперь, живут изолированно от нас. Даже с учётом существующего между нами языкового и психологического барьера следовало ожидать больших усилий с их стороны для нашего сближения. С другой стороны, и мы мало что до сих пор предпринимали в этом направлении в чём, наверное, тоже была одна из причин намечающегося отчуждения. Как бы там ни было, напрашивался вывод: “Если гора не идёт к Магомету, то Магомету следует идти к горе”.

Самокритично оценив наше поведение, Женя предложил ряд конкретных мер, призванных исправить положение. Чтобы больше узнать о жизни американских евреев, их религиозных и культурных ценностях, приобщиться к еврейской вере и традициям, он решил стать членом одной из реформистских синагог. Его примеру последовали несколько членов “Русского клуба”, в том числе и мы с Анечкой.

Женя и другие клубные активисты стали чаще посещать различные культурные мероприятия, которые систематически проводились в Джуиш Центре. Всё больше местных евреев мы приглашали теперь на регулярные встречи в “Русский клуб”.

Одним из важных событий, призванных содействовать сближению с местной “коммюнити”, стал концерт клубной художественной самодеятельности для американцев. Ему предшествовала тщательная подготовка, которую, как и раньше,

возглавил наш президент. Им был разработан сценарий, он стал автором конферанса и исполнителем ряда номеров.

Впервые предстояло выступать на английском, что больше всего смущало участников и организаторов этого мероприятия. Наша ответственность усугублялась и тем, что концерт намечался платный, коммерческий. Это тоже было впервые, здесь принято за деньги предлагать только высококачественный товар.

Были сомнения и в том, пойдут ли американцы на эту встречу. Им о нас мало что было известно и у них имелся большой выбор по проведению свободного вечера. Тревога за срыв концерта заставила привлечь к распространению билетов членов правления и актив. Благодаря их стараниям в клубную кассу ещё за несколько дней до концерта поступило более тысячи долларов (таких денег в ней никогда раньше не было). За явку зрителей можно было больше не волноваться.

В назначенный день и час вместительный зал Дома Бендерсона был полностью заполнен. Каждому зрителю вручалась красочно оформленная программа концерта. Там, кроме перечня номеров и их исполнителей, была краткая история клуба, состав его правления, фамилии руководителей коллективов самодеятельности и работников Джуиш Центра, шефствующих над “Русским клубом”.

В кратком вступительном слове Евгения Шусторовича была сердечная благодарность евреям Америки и правительству США за доброе отношение к беженцам из бывшего Советского Союза, за оказываемую им помощь и поддержку. Он выразил искреннюю признательность руководству Джуиш Центра и супервайзеру Марси Френкель за внимание, оказываемое русским евреям и предоставленную клубу возможность бесплатно пользоваться его зданием, видеотехникой, инструментами и имуществом.

Вести программу Женя пригласил представителей среднего поколения наших иммигрантов - Милу Тепер, Ирину Юзбашеву и Эдуарда Думаниса, которые свободно говорили по-английски, имели приятную сценическую внешность и владели определёнными артистическими способностями. По их манере поведения, милым улыбкам, строгим нарядам и приятному тембру голоса было трудно поверить, что такой ответственный концерт они вели впервые.

В исполнении хора под руководством Эммы Зельдиной и аккомпанемент Саши Виндера торжественно прозвучала знакомая зрителям “America the beautiful”. Судя по дружным аплодисментам, патриотическая песня пришлась по душе

американцам. Ещё больший восторг вызвала известная песенка “Sunrise-sunset” из кинофильма “Fidler on the roof” - рассказ о детской дружбе, переросшей в юношескую любовь, о еврейских свадебных обрядах и обычаях.

Английские песни сменили русские мелодии - весёлая и задорная “Крутится, вертится шар голубой” и задушевная, лирическая “Подмосковные вечера”. Американцам понравились русские песни, они горячо аплодировали и по-нашему кричали “Бис”, но ведущие строго соблюдали регламент и взрослых артистов сменили дети. Восторженно было принято выступление юной пианистки Сони Тепер, а маленькой Лине Виндер дружно подпевал весь зал.

Сенсацией явилось выступление нашей внучки Диночки, исполнившей акробатический танец. Эмоциональное исполнение, чёткое выполнение акробатических приёмов, яркий костюм и обаятельная улыбка исполнительницы произвели прекрасное впечатление и зал наградил Дину горячими аплодисментами.

Танец сменила песня. Солистка Ольга Лебедева спела русские лирические песни, тепло принятые зрителями.

И опять зазвучала музыка. Это юный пианист Гриша Рублёв подарил слушателям несколько минут удовольствия от приятной мелодии и душевного исполнения.

Дружными аплодисментами встретил зал выступление семейного трио Виндеров. Дуэт маленькой Лины и мамы-Регины в сопровождении папы-Саши исполнил две американские песни.

Первое отделение концерта завершил детский вокальный ансамбль. На чистом английском они исполнили “My country” и “До-ре-ми”. Солисткой была Маргарита Зельдина - дочь руководителя клубной самодеятельности. Дети не оставили никого равнодушным.

После перерыва выступил мужской вокальный ансамбль, который в сопровождении Жени Шусторовича на одном дыхании исполнил “В путь дорогу” и “Живёт моя отрада”, чем заслужил восторженную благодарность зрителей.

Кульминацией концертной программы стало выступление семьи Зискиных. Эмма и Семён хорошо известны в Баффало, как талантливые музыканты-профессионалы и прекрасные учителя музыки. Были исполнены “Прелюдия” Рахманинова, “Андолузик” Крейслера и “Чардаш” Монти. Восторгам зрителей не

было предела. Они долго не отпускали артистов, награждая их несмолкаемыми аплодисментами и возгласами “Браво!”.

Хорошее впечатление произвёл спортивный ритмический танец, исполненный нашими внучками - Диночкой и Анечкой. Зал горячо аплодировал им.

Тепло было принято сольное пение Эммы Зельдиной, вдохновенно исполнившей “My jewish friend”, а когда она с Беллой Меерович дуэтом пели “Hava Nagila” весь зал подпевал им.

В финале сцену вновь заполнил коллектив хора. Звучат по-английски “Somewhere, my love” из кинофильма “Доктор Живаго”, по-русски “Смуглянка” и по-еврейски “Тум-балалайка”.

Концерт завершился исполнением еврейской народной песни “Ломир але инейнем, инейнем”, в совместном исполнении всех участников клубной самодеятельности. Они взялись за руки и вместе со зрителями пели припев знакомой мелодии, зовущей к миру и дружбе между людьми.

Люди стоя долго аплодировали участникам концерта, благодарили их за доставленное удовольствие, а те, в свою очередь аплодировали зрителям за внимание, поддержку и тёплый приём. Эмме преподнесли огромный букет алых гвоздик. Много цветов вручили Жене и другим участникам концерта.

Успех был бесспорным. Это был лучший концерт клубной самодеятельности за всё время её существования. Он стал настоящим праздником и для зрителей, и для участников.

Телерепортаж о концерте был показан по телевидению. О нём писали газеты. Было много восторженных отзывов членов клуба и зрителей. Наша любимая учительница английского Kathy Crotty в интервью ведущему 4-й программы телевидения Rich Newberg’у со слезами на глазах сказала: “Я потрясена тем, что увидела и услышала на концерте. С этого вечера я стану страстной поклонницей самодеятельности “Русского клуба” и буду с нетерпением ждать её новых выступлений”. На следующий день, перед началом занятий в нашей школе, она большими буквами написала мелом на классной доске: “Wonderful!”.

44

На нашу бывшую родину мы звонили довольно часто. Международные телефонные разговоры составляли значительную часть нашего семейного бюджета,

примерно такую же, как расходы на питание или на оплату стоимости апартмента. Можно было только удивляться тому, что предельно экономная во всём Анечка, которая даже тетради и карандаши покупала нам только со скидкой (на сейле), позволяла себе не реже двух-трёх раз в месяц набирать телефоны Иринки и Полечки, чтобы узнать о здоровье и приготовлениях к отъезду. Особенно частыми эти разговоры стали после интервью в американском посольстве и получения ими статуса беженцев. Звонила она порой и Боре в Одессу, а позднее в Дюссельдорф, куда они с Люсей уехали незадолго после нашего отъезда, и Фанечке в Ленинград, и другим нашим родственникам и друзьям в республики СНГ, но это случалось не так часто и стоило не так дорого, так как разговоры те продолжались считанные минуты и состояли из одних приветствий, сочувствий и пожеланий.

Несмотря на то, что к звонкам в Ейск и Минск мы тщательно готовились, заранее составляли вопросник и максимально старались сократить время разговоров, ежемесячные телефонные биллы редко были двузначными.

По состоянию готовности первой должна была приехать Полечка. Было решено, что она поживёт какое-то время с нами, пока не получит субсидированную квартиру. На это обычно уходит около года и этот период считается наиболее трудным временем для всех иммигрантов. Самая дешёвая квартира в нашем районе тогда стоила не менее четырёхсот долларов, а с учётом коммунальных услуг на это уходила вся сумма получаемого пособия. Для Полечки закупили на сейлах посуду, домашнюю утварь, кое-что из одежды и обуви.

Приезд Иринки с нашими внуками ожидался позднее. Как мы тогда полагали, к этому времени должны были решиться вопросы обустройства Полечки и можно было бы уделить должное внимание приёму невестки с внуками.

Однако весь этот расклад внезапно нарушила Алёнка. В одном из телефонных разговоров в конце ноября она с дрожью в голосе стала умолять нас принять её одну, и немедленно. Разобраться полностью в причинах, побудивших нашу внучку принять такое решение, мы так и не смогли, но поняли одно, что им с Витей, ставшим недавно её мужем, просто негде жить. Снять комнату на стипендию невозможно, а оставаться в одной квартире с родителями они больше не могли.

Как ни пытались мы уговорить внучку повременить с отъездом, она продолжала настаивать на своём, заявляя, что в случае нашего отказа, они с Витей останутся навсегда в Минске.

Трудно было с ходу принять решение. Жаль было Алёнку. Мы понимали, что если она решилась оставить маму и Андрюшку, с которыми никогда не расставалась дольше, чем на время школьных каникул, то на это у неё были веские причины, но разум подсказывал, что соглашаться с её предложением нельзя. Вместе, одной семьёй, им легче было бы преодолеть проблемы переезда и обустройства на новом месте. Они могли бы, как и другие беженцы, безбедно прожить первое время и Алёнка смогла бы продолжить занятия в университете. Мы сознавали, что одной ей здесь будет очень трудно, а об учёбе придётся на какое-то время забыть. Пособие вэлферщиков-одиночек таких возможностей не обеспечивает и им нужно с первых же дней искать работу. Долго находиться с нами в одной квартире она не могла, так как это не предусмотрено условиями договора о ренте. Предстояло немало и других трудностей.

И всё же нельзя было не откликнуться на зов любимой внучки. После бессонной ночи мы позвонили в Минск и дали согласие на её приезд.

45

На соседей нам в Америке постоянно везло. Вот и здесь, в “Аудубоне”, ими стали добрые и отзывчивые люди, с которыми было приятно провести свободное от домашних дел и общественной работы время. Кроме близких друзей Жени и Люды, что жили в нескольких десятках метров от нас, в домах, что были рядом с нашим, проживали многие русскоязычные иммигранты, ставшие для нас хорошими приятелями.

Однако, в нашем доме жили только коренные американцы, с которыми нам было трудно общаться из-за нашего английского. Все они были приятными и вежливыми людьми преклонного, как и мы, возраста и старались быть к нам предельно внимательными, но говорить с ними мы могли, главным образом, только жестами рук и мимикой лица, что, оказывается, не совсем равнозначно человеческой речи. Мы чувствовали себя как-то неловко и не переставали надеяться, что вскоре и в наш дом поселится кто-нибудь из соплеменников.

В течение первого года проживания сменилось несколько соседей, но нашим надеждам не суждено было сбыться и, когда мы уже было потеряли веру в удачу, нам позвонила наша знакомая по International Institut - Нелли Топорская, которая поделилась приятной новостью: она, возможно, скоро станет нашей соседкой.

“Возможно” потому, что ей всё ещё не верилось, что её мечта получить трёхкомнатный апартмент в престижном районе “Аудубона” может, наконец, свершиться. Она приехала в Баффало с мамой, которая с трудом передвигалась на костылях и которой было уже без малого 90. Три года они жили в небольшой и очень неудобной квартире на улице Princeton, что в центре Амхерста. Там и воздух загрязнён выхлопными газами автомобилей, и зелени мало, а главное, мама из-за больных ног не могла по ступенькам даже на улицу выйти. Нелли два года ждала очереди на квартиру в нашем районе, а ей всё объясняли, что необходимо терпение, так как квартир с двумя спальнями здесь всего полтора десятка и освобождаются они очень редко. Её номер в очереди так и не изменился, как был девятым, так им и остался, хотя ей было доподлинно известно, что за это время такие квартиры получили несколько семей. Трудно сказать, как долго бы она ещё стояла девятой в очереди, если бы её дочь и зять не пригрозили менеджеру жалобой на несправедливое отношение к маме и больной престарелой бабушке. Угроза подействовала. Они тут же стали вторыми, а вскоре им сообщили, что освободившаяся рядом с нами квартира, будет выделена им после ремонта. Оказывается и в Америке боятся жалоб. Здесь их опасаются даже больше, чем ТАМ, когда они подавались в партком или местком. Тут их, обычно, направляют в суд, где строго соблюдаются нормы Конституции.

Вскоре Нелли могла больше не сомневаться в том, что счастье так близко и так возможно. Ей показали блестящую свежей краской квартиру, безропотно выполнили все её замечания по ремонту, и она, довольная и счастливая, вселилась в неё, став нашей соседкой.

Мы жили дверь в дверь и были довольны не меньше Нелли. Наконец, сбылась и наша мечта: за стенкой были люди близкие нам по мировоззрению, духу и языку. Мы теперь в волю общались с ними и получали от этого большое удовольствие. Было приятно наблюдать, как душевно и внимательно относится дочь к старенькой маме, и какой любовью мать отвечает на трогательную заботу дочери.

Лиза Борисовна, так звали Неллину маму, несмотря на свою глубокую старость, сохранила феноменальную память и удивляла нас эрудицией и высоким уровнем культуры. Она оказалась приятной собеседницей, могла помочь кроссворд разгадать, поспорить о высокой политике и обыграть нас в “девятку” или в “дурака”.

Нелли - врач по специальности, прошла все ступеньки служебной карьеры. Почти 30 лет она заведовала отделением консервативной гинекологии в областной

больнице и пользовалась большим уважением у больных, многим из которых спасла жизнь и вернула радость материнства. Она защитила диссертацию на соискание степени кандидата медицинских наук по нейротропным средствам и заслужила непререкаемый авторитет среди коллег далеко за пределами своего города и области.

Человек высокой трудовой активности она не мыслила себе жизнь без работы. Прямо с порога своего отделения она шагнула на трап самолёта, унесшего её в Америку. Уехала ради дочери и внуков, которым еврейские фамилии таили опасность гонений и преследований.

Когда Нелли покидала Калининград, ставший ей родным, она уже разменяла седьмой десяток и ей было ясно, что, как и большинство других эмигрантов её возраста, она больше никогда не вернётся к любимой профессии.

В отличие от многих, Неля Аркадьевна, оказавшаяся на вэлферском пособии, не впала в депрессию. Она нашла в себе резерв психологической устойчивости для решения проблем адаптации к американской жизни: активно и целеустремлённо взялась за изучение языка, занялась общественной работой, помогала дочери в уходе за детьми.

Топорская в числе первых пришла в “Русский клуб”. Здесь в ней разглядели лидера, избрали секретарём Правления и членом редколлегии клубной газеты. У неё и тут стало много “пациентов”. Её терапия особая: она лечит общением. К ней тянулись за советом и с просьбами о помощи. Нелли возглавила секцию медицинских работников и с участием других врачей-эмигрантов проводила полезную работу по пропаганде медицинских знаний и санитарной культуры. Много тёплых слов можно было услышать о нашей соседке в клубе и в русской общине.

Мы радовались соседству с Неллей. Она стала нашим другом и советчиком не только по медицине, но и по жизни, отдушиной и отрадой.

46

Алёнка, заручившись нашим согласием на приезд, зря времени не теряла. Она бросила учёбу в университете, в темпе завершила предотъездные приготовления и к декабрю была готова покинуть родительский дом. Наша внучка была уверена, что расстаётся с мамой и младшим братом не надолго и совесть мучила только за Витю, с которым предстояла долгая разлука. Она готова была ждать мужа год-полтора пока он окончит университет, но тревожила мысль, что могут возникнуть проблемы с

получением визы на его въезд в США из-за подозрений в фиктивности их брака. Чтобы развеять эти сомнения Алёнка обратились в американское посольство, где её заверили, что в их случае вызвать законного мужа на место постоянного жительства можно будет без большого труда и она, со спокойной совестью, приобрела билет на первый же авиарейс “Минск-Шенон-Нью-Йорк”. Молодые всё решают быстрее и смелее, чем мы, старики.

С волнением ждали приезда внучки. Оснований для беспокойства было больше, чем достаточно. Ей ещё и двадцати не исполнилось, не было опыта самостоятельной жизни, специальности и законченного образования. Мы даже не знали, что ей посоветовать для начала. Неизвестно было также, как она, с её гордой, независимой натурой, отнесётся к нашим советам, когда для неё и наставления мамы не всегда приемлемы.

У Алёнки со школьного возраста, а может и того раньше, уже были свои собственные взгляды на жизнь, своё отношение к происходящим в ней событиям и окружающим её людям, своя философия, которой она руководствовалась. Не всегда они сочетались с существующими нормами и правилами, с мнением “большинства”, с установившимися традициями и нередко осуждались не только её сверстниками, а и любящими её родными и близкими, но заставить нашу внучку от них отказаться, послушаться добрых советов было нелегко даже родителям, которые для этого, порой, были вынуждены прибегать и к мерам принуждения.

Мы же такими приёмами никогда не пользовались не только потому, что имели на то меньше прав, а главным образом потому, что силы воли не хватало и проявляли слабость из-за слепой любви к ней. Единственное, что мы могли себе позволить, только обижаться на свою внучку. Но и этим пользовались редко. Раньше забывал обиды я, но и бабушка, которая в таких случаях была более принципиальна, долго зла не держала.

Именно эти особенности Алёнкиного характера больше всего волновали нас сейчас, когда мы взяли на себя ответственность стать её спонсорами вдали от Родины, в доброй, но такой необычной Америке.

Встречать самолёт наша большая мишпуха прибыла в аэропорт почти в полном составе. Лайнер произвёл посадку вовремя и в толпе прибывших пассажиров одной из первых показалась Алёнка. Её нельзя было ни с кем спутать, так как она была ниже всех и казалась совсем ребёнком. Твёрдой походкой, подчёркивающей

свою самостоятельность и независимость, наша внучка двигалась к нам, как будто не на другой конец земли прибыла, а возвращалась из пионерского лагеря, после школьных каникул. Гостья поначалу казалась более спокойной, чем встречающие. Однако наши объятия, поцелуи и восторги не оставили её равнодушной, она поддалась эмоциям встречи и визжала от радости больше других.

Через полчаса два автомобиля, до предела груженных людьми и багажем, остановились возле нашего дома на улице Robin Road. Звоном хрустальных бокалов, заполненных шампанским, было отмечено прибытие Алёнки в Америку.

47

После памятных заседаний правления “Русского клуба”, на которых было осуждено поведение Малкина и принят сценарий проведения вечера, посвящённого 50 летию Победы, предложенный Цыпенюком, в клубе уже не было того единства и сплочённости, которыми он отличался в первый год своего существования. Из общества друзей и единомышленников, созданного на идеях благородства, взаимоуважения, бескорыстия он всё более становился похожим на дискуссионный клуб с критикой снизу и борьбой мнений, в нём всё отчётливее стали проявляться до боли знакомые черты общественных организаций, действовавших на нашей бывшей родине.

В числено возросшем правлении, насчитывающем около двадцати человек, стали разворачиваться многочасовые дебаты и оно стало трудно управляемым. Отдельные его члены всё чаще стали выражать недовольство стилем и методами работы президента, обвиняя его в самоуправстве и диктаторстве. У них нашлись сторонники и среди рядовых членов клуба.

Во главе недовольных был Аркадий Цыпенюк - человек эрудированный, высокообразованный, всю жизнь отслуживший на лоне культуры. Его богатый жизненный опыт, знания и способности могли быть весьма полезными в клубной работе и потому отношение к нему президента и членов правления поначалу было в высшей степени уважительное. Тому способствовал и почтенный возраст - ему было около восьмидесяти. Аркадию поручили чтение лекций по истории кино, его ввели в состав редколлегии.

Первые выступления Цыпенюка на воскресных встречах членов клуба, его стихи и фельетоны в клубной газете были с интересом восприняты слушателями и

читателями, получили высокую оценку правления. Президент Шусторович был к нему предельно внимателен и оказывал Аркадию всемерную помощь. Поначалу он всё это благодарно принимал, но по мере расширения сферы его участия в различных клубных мероприятиях, Цыпенюк стал терять меру скромности, тактичности и вежливости. Он часто нарушал регламент при чтении лекций (вместо отведенных 30-45 минут они продолжались более двух часов), чем срывались другие плановые мероприятия, проявлял грубость при проведении репетиций, неуважительно относился к президенту клуба.

Эти и другие нарушения принятых в клубе правил поведения тогда ещё не казались серьёзными и могли быть легко изжиты, если бы Аркадий внял советам президента и сделал для себя должные выводы. Однако, его реакция на замечания была чаще отрицательной. Взаимоотношения Цыпенюка с Шусторовичем становились всё более неприязненными и со временем переросли в открыто враждебные. Аркадий искал любой повод скомпрометировать Женю. Он обвинял его в апартеиде, узурпации власти, публично навешивал на него обидные и оскорбительные эпитеты.

На одном из заседаний редколлегии, в котором мне довелось участвовать, Цыпенюк не только резко критиковал президента за “гнёт цензуры”, но и призывал к открытой конфронтации с ним и выходу из его подчинения.

Идеи “свободы и демократии”, которые проповедовал Аркадий, нашли поддержку у некоторых членов правления, которые вслед за ним заявляли: “Мы в свободной стране и вольны делать всё чего желаем”.

Не осознав ещё в полной мере степень опасности, которую таила в себе небольшая группа возмутителей спокойствия, руководство клуба терпеливо им разъясняло, что свобода имеет свои границы и делать всё, что тебе угодно, можно только у себя дома и то в пределах рамок общепринятых норм морали и уважения к другим членам своего семейства. Даже в Америке, самой демократической стране, существуют жёсткие нормы поведения на работе и в общественных местах. По крайней мере грубость, нарушение правил общения, законов и уставных требований и здесь никому не дозволено.

К сожалению, “идеи” оппозиции оказались заразительными. Недовольство стилем работы президента стали выражать редактор газеты Шапиро, клубные

активисты Гальперина, Юзбашева, Сегал. Они упрекали Шусторовича в нарушении демократии и диктаторстве.

Хоть группа недовольных была ещё малочисленной и их поимённо можно было сосчитать на пальцах одной руки, они уже представляли серьёзную опасность единству клуба. Это были высокообразованные, эрудированные люди. Их знания, способности, опыт президент высоко ценил и по его желанию они в своё время были введены в состав правления.

Критикуя действующий в клубе порядок и стиль работы правления, они, наверное, сравнивали их с практикой работы общественных организаций на нашей бывшей родине, где практиковались бесконечные дискуссии и все решения принимались большинством голосов.

В этом смысле наш клуб действительно имел существенные отличия. Его создатели, и в первую очередь президент Шусторович, не руководствовались привычными по прошлой жизни нормами советской демократии. Они объединили попавших на чужбину русскоязычных эмигрантов с целью удовлетворения их потребностей в общении, получении необходимой информации о жизни на их бывшей родине и в других странах, реализации творческих способностей и использования своего свободного времени с максимальным интересом, удовольствием и моральном удовлетворении. Именно эти цели и были записаны в клубный Устав. Девизом клуба стали слова: терпение, взаимоуважение, взаимовыручка. Не было там других широкомасштабных задач и идеалов из памятного кодекса строителей коммунистического общества, вроде равенства, братства, свободы и счастья для русскоязычных евреев Америки.

Во имя достижения поставленной цели самоотверженно работали Шусторович и его немногочисленные сподвижники, труд которых был сравним с подвигом. Уверенные в том, что служат правому делу, они отдавали ему все свои силы, знания, способности, не желая растрачивать их на бесконечные дискуссии и споры со своими оппонентами.

Да, Шусторович не все вопросы работы клуба выносил на правление, а при рассмотрении там своих инициатив проявлял порой излишнюю жёсткость, принципиальность и настойчивость, отстаивая свою позицию. Наверное, в стиле его руководства чувствовался принцип единоначалия, унаследованный им от многолетней практики руководства социалистическим промышленным предприятием, но от этого

не было вреда общине. Скорее наоборот: принципиальность, настойчивость, решительность при осуществлении его идей стали главными слагаемыми успеха и процветания “Русского клуба”.

Руководствуясь Уставом, Женя требовал соблюдения общепринятых правил общения и дисциплины поведения от всех членов клуба, независимо от возраста, общественного положения и образования. Недовольным он советовал воспользоваться принципом добровольности членства в клубе и возможностью создания своего сообщества единомышленников. Он не раз заявлял о готовности передать свои полномочия кому-нибудь другому, кто даст на то согласие и кого пожелают избрать члены правления.

Желающих возглавить клуб, однако, не нашлось, а критика в адрес президента разгоралась с новой силой. Странную позицию в этом противостоянии занимал народ. Хоть подавляющее большинство членов клуба в душе поддерживало Женю, мало у кого хватило смелости открыто осудить поведение его противников, которые становилось всё более агрессивными и резкими. Многие занимали позицию невмешательства, руководствуясь принципом: “моя хата с краю, я ничего не знаю”.

Последующие за этим драматические события в жизни клуба подтвердили пагубность такой позиции.

Разногласия в правлении сказались и на работе редколлегии клубного журнала. Печатное издание “Русского клуба” всё меньше соответствовало своему названию - “Наша жизнь”. Оно теряло популярность и пользовалось всё меньшим интересом у читателей. Его страницы занимали пространные материалы постоянных авторов, не имеющие зачастую отношения к жизни клуба и не отражающие происходящих в нём событий. Роль журнала, как информационного органа, заметно снизилась, он не оказывал должного влияния на сплочение членов клуба, преодоление возникших проблем и трудностей. Была очевидна необходимость принятия неотложных мер.

С этой целью правление заслушало отчёт Александра Шапиро о работе редколлегии. Опасаясь претензий в необъективности и предвзятом отношении к редактору, Шусторович поручил мне ведение заседания и ограничил своё участие в нём только заключительным словом.

Моя задача была не из лёгких. Заслуги Александра Шапиро в становлении и развитии клуба были бесспорны. Выступления Саши по вопросам иудаизма, беседы и лекции по еврейской истории, доклады на темы Холокоста пользовались успехом и вызывали большой интерес у русских евреев города. Особенно велика была его роль в создании журнала, выпуску которого он отдавал много сил и всё своё свободное время. Здесь проявились его дарования литератора и способности журналиста. В интересах дела было сохранить Шапиро, как клубного активиста и редактора.

С другой стороны нужно было вскрыть серьёзные недостатки в работе редколлегии, приблизить газету к жизни клуба, повысить её роль в сплочении русскоязычной общины Баффало. На успех в достижении этих целей можно было рассчитывать только при условии объективного анализа редактором возникших проблем и разработки действенных мер по их преодолению.

К сожалению, этого не случилось. Выступление Шапиро было коротким и сухим. В нём не было ни глубокого анализа, ни конкретных мероприятий, ни просьб о помощи. Не было даже претензий на “гнёт цензуры”, на что постоянно жаловались некоторые члены редколлегии. По всему чувствовалось, что у редактора нет больше желания издавать журнал и им вынашиваются другие планы, не имеющие отношения к жизни клуба.

Саша открыто не критиковал президента и уклонился от ответа на вопрос чувствовал ли он пресловутый “гнёт” и в чём конкретно он выражался. Шапиро заявил, что у него лично нет претензий к Шусторовичу, а что касается других членов редколлегии, то они вправе высказывать по этому поводу своё мнение.

В выступлениях участников заседания было много критических замечаний в адрес редактора. В частности отмечалось, что публикации на клубную тематику в журнале составляют менее 20%, что он перегружен громоздкими статьями, не пользующимися интересом у большинства читателей, что круг авторов очень узок, что редколлегия материалы не обсуждает и собиралась только однажды для критики работы президента. При этом давалась высокая оценка способностям редактора и предлагались меры помощи с целью восстановления престижа журнала и повышения его популярности среди членов клуба.

Последним выступил Шусторович. Он обвинял Шапиро в непонимании задачи журнала в сплочении русскоязычных иммигрантов, в активизации их участия в работе клуба, раскрытии способностей и дарований. “Нужны не дебаты, а конкретная

информация о событиях в клубе, его людях, работе правления, планах и проблемах. Журнал, как орган “Русского клуба”, призван объединять, а не разобщать людей” - заявил Шусторович.

Он упрекнул редактора в тенденциозности и в качестве примера привёл изъятие из материала Фальковича о праздновании юбилея Победы в Рочестере упоминания об участии в нём делегации “Русского клуба” Баффало.

Шапиро признал, что жизнь клуба в журнале освещалась слабо, но не согласился с тем, что клубный печатный орган должен быть чисто информационным изданием. Он настаивал на том, что журнал должен содержать разносторонний материал, полемику и критику недостатков. Упрёки в тенденциозности отклонил и отказался быть редактором и членом редколлегии.

В заключительном слове Шусторович предложил Шапиро сделать выводы из критических замечаний и остаться редактором газеты. Что касается обвинений в тенденциозности, он обещал ознакомиться с рукописями авторов и, в случае их идентичности с опубликованными материалами, принести свои извинения редактору на очередном заседании правления.

Своё обещание в части ознакомления с рукописями Женя выполнил, а извиниться перед Сашей в присутствии членов правления не смог из-за его отказа участвовать в заседании. Не принёс Шусторович извинений Шапиро и в другой форме. Обиженный редактор заявил о своём выходе из правления и редколлегии газеты. Вместе с ним из редколлегии ушли Цыпенюк, Сегал, Гебелева, рассчитывая, наверное, на прекращение выпуска журнала.

Вскоре они стали издавать свою ежемесячную русскоязычную газету. У неё нашёлся и спонсор - “Human Com. Inc” и она распространялось бесплатно. Многие сулили ей большое будущее, однако, после выхода второго номера “Наша газета” (так называлось новое издание) исчезла также внезапно, как и появилась.

49

К исходу второго года своего существования “Русский клуб” стал испытывать серьёзный морально-психологический кризис. Вместо содружества единомышленников, связанных одной судьбой и общими интересами, он стал местом беспринципных распрей и бесконечных споров, насыщенных грубостью, оскорблениями и угрозами. Еженедельные встречи по воскресеньям для многих

членов клуба перестали быть праздниками общения. Они шли на них с тревогой и волнением из-за опасности возникновения новых конфликтов.

Однако, жизнь клуба продолжалась. По-прежнему проводились беседы, читались лекции, работали секции по интересам, кружки художественной самодеятельности, школы для взрослых и детей, проводились экскурсии. Несмотря на происшедший раскол в правлении многогранная клубная работа не только не сокращалась, а, наоборот, набирала силу и выходила на качественно новый, более высокий уровень.

К чтению лекций стали привлекаться не только члены клуба, но и наши сограждане, давно проживающие в Америке и достигшие здесь высокого профессионального и общественного положения. Среди них были доктора наук, профессора университета, практикующие врачи.

Клубная самодеятельность становилась всё более массовой и радовала повышением художественного мастерства. К участию в концертах часто привлекались высококвалифицированные профессионалы из числа русскоговорящих иммигрантов.

Прибавилось студентов в школе по изучению английского языка, что потребовало открыть новые классы. Из-за дефицита помещений в Еврейском Центре, она теперь размещалась в учебном корпусе реформистской синагоги Temple Beth Am, где ей были созданы лучшие условия для занятий. Работали и классы по обучению детей русскому языку.

Значительно возрос объём экскурсионной работы. Кроме нескольких увлекательных путешествий по Канаде, интересных экскурсий в Чикаго и Нью-Йорк, были организованы поездки по достопримечательным местам Баффало и его окрестностям. Члены клуба получили возможность отдыхать в доме отдыха “Отрадное”, в Кастильских горах для чего выделялся микроавтобус для поездки на отдых и возвращения домой. Прекратились жалобы на завышение стоимости экскурсий.

Как и раньше проводились праздничные вечера, концерты художественной самодеятельности, тематические встречи, в которых принимали участие сотни русскоязычных эмигрантов и членов их семей.

Восстановили также выпуск клубного журнала. Для работы в редколлегии был приглашён литературовед Леонид Пауди, клубные активисты Нелли Топорская и

Роза Шнайдер. Под тем же названием стал выходить другой журнал. Его публикации были почти полностью посвящены жизни клуба, его проблемам, планам, перспективам роста.

С целью повышения эффективности управления многогранной деятельностью клуба и прекращения бесплодных дискуссий в руководстве, численность правления была резко сокращена. В нём остались только те, кто выполнял конкретные поручения и вёл определённую работу.

И всё же восстановить прежнюю обстановку единства, дружбы, доверия и благожелательности не удалось. Затаив зло на президента, группа недовольных пользовалась любым поводом для компрометации и подрыва его авторитета. Они по-прежнему обвиняли его в установлении режима диктатуры, самоуправстве, зажиме критики, разбазаривании денежных средств и злоупотреблении властью. Их открытые выступления перед многочисленной аудиторией на воскресных собраниях членов клуба носили всё более воинственный и угрожающий характер. Порой казалось, что в руке оратора вот-вот блеснёт меч, а то и более современное оружие... Но всё пока заканчивалось мирно до следующего собрания.

Все попытки успокоить недовольных, призвать их к благоразумию, к сожалению, результатов не давали. Противостояние нарастало и грозило серьёзными последствиями. Требовались иные, более решительные меры для восстановления единства в клубе и предотвращения его распада.

В канун нового 1996 года прошло отчётно-выборное собрание “Русского клуба”. Президенту было о чем рассказать собравшимся. За прошедшие два года было проведено более ста еженедельных встреч, на которых прочитано несколько сот лекций и докладов, состоялось много бесед о международном положении, на политические и экономические темы, по вопросам медицины, литературы, искусства, спорта; совершенствовали свою работу кружки художественной самодеятельности и спортивные секции; организовано ряд вечеров, посвящённых памятным датам, государственным и национальным праздникам с концертами, викторинами и другими развлекательными мероприятиями; успешно работали школы по изучению английского для взрослых и русского языка для детей; в увлекательных экскурсиях по Америке и зарубежных путешествиях приняли участие сотни туристов - членов клуба,

их детей и родственников; издавался клубный журнал “Наша жизнь”; много других - интересных и нужных людям мероприятий было осуществлено в клубе.

Для многих русских евреев он стал родным домом, местом общения, где они полезно и интересно проводили своё свободное время и получали при этом моральное и эстетическое удовлетворение. Об этом говорилось во многих выступлениях членов клуба, которые благодарили за это президента и правление.

Однако, с ростом объема работы и расширением сферы деятельности, в клубе появились и серьёзные проблемы. О них немало было сказано в отчётном докладе и выступлениях ряда клубных активистов.

Одной из них, пожалуй наиболее важной, стало потребительское отношение к клубу многих русскоязычных иммигрантов. Они принимали, как должное, предоставляемые им многочисленные услуги, широко пользовались всеми благами, созданными для них, заявляли о всё новых желаниях, но под любым предлогом отказывались от какой-нибудь конкретной работы по осуществлению клубных мероприятий. Вся тяжесть их подготовки и проведения ложилась на плечи президента и небольшой группы активистов, которым такой объём работы оказался уже не под силу. Желающих подарить часть своего свободного времени на благо других людей оказалось немного.

Другой, не менее важной проблемой в жизни клуба, были постоянные финансовые трудности. Для выполнения многих мероприятий и услуг, таких, например, как издание журнала, подготовка и проведение вечеров, приобретение наглядных пособий, фото и видеокассет, демонстрации кинофильмов и многого другого требовались определённые затраты, а членских взносов не хватало даже на чай и кофе для проведения еженедельных встреч.

Наши неоднократные просьбы о внесении один раз в квартал при уплате взносов хотя бы одного доллара дополнительно на издание журнала не встретили понимания значительной части членов клуба, а кое-кто стал уклоняться и от уплаты членских взносов. По этой причине около 50 человек, отказавшихся погасить задолженность за шесть и более месяцев, были исключены из клуба. Они продолжали посещать клуб, пользоваться его благами, а спустя несколько месяцев для получения определённых льгот, предоставляемых только членам клуба, требовали принять взносы за текущий месяц без погашения задолженности, утверждая, что непрерывный стаж для них роли не играет.

Ещё труднее было собрать аванс на приобретение готовящегося к изданию альманаха бывших узников гетто и концлагерей, участников Отечественной войны или долларовые сборы гидам и шоферам экскурсионных автобусов за хорошее обслуживание. Некоторые “русские” евреи хотели получать всё бесплатно. Было неудобно об этом говорить на отчётном собрании. Мне стыдно об этом рассказывать Вам, уважаемые читатели, но это правда и уйти от неё невозможно.

В отчётном докладе было сказано и о появлении группы “недовольных” работой правления и, в первую очередь, поведением президента, их противостоянии руководству клуба. Говорилось о нанесенных ими обидах, оскорблениях и ущербе единству и сплочённости клуба, ставшим результатом таких действий. Собранию предлагалось дать должную оценку создавшейся ситуации и принять соответствующее решение.

Шусторович заявил о своём отказе продолжать работу в такой обстановке и желании передать свои полномочия вновь избранному президенту. Для этого была и объективная причина: Женя недавно перенёс операцию на сердце и был на пенсии по инвалидности.

После нескольких резких выступлений участников собрания, осудивших появление в клубе оппозиции, выступили и сами “недовольные”.

Первым на трибуну вышёл Шапиро. Он дал высокую оценку вкладу Шусторовича в создании и развитии клуба, но вновь выразил несогласие с позицией президента о роли клубного журнала и критиковал его за нарушение демократических свобод. Саша признал, что оппозиционен к президенту, но не к “Русскому клубу” и считает, что один человек не делает погоду. Вместе с тем им было внесено предложение доверить Шусторовичу дальнейшее руководство клубом.

В выступлении Гальпериной отрицалось наличие оппозиции. Само это выражение она назвала “просоветским” и посему неприменимым в отношении работы клуба. Ею было подвергнуто критике решение правления об отстранении Малкина от организации клубных экскурсий. Она не видела ничего страшного в том, что им “несколько” завышалась стоимость поездок для возмещения понесенных затрат времени и средств. Лиля возмущалась также “разгоном” правления и редколлегии, утверждая, что чем больше их состав, тем эффективнее была бы работа. Чтение лекций о международном положении, по её мнению, следовало поручать не одному Гимельфарбу, а и другим членам клуба, имеющим такое же, как и у него, образование.

Президента она вновь назвала диктатором и критиковала за зажим критики и самокритики, которые считала движущей силой общества. Вместе с тем Гальперина предложила вновь избрать Шусторовича руководителем клуба и заявила, что будет за него голосовать.

Ничего нового к критике президента не добавила и Юзбашева. Она повторила обвинения в зажиме критики, нарушении принципов демократии, но признала за Шусторовичем способности лидера и предложила избрать его президентом.

Выступление Цыпенюка на этот раз было удивительно миролюбивым и обтекаемым. Он признал, что в клубе встретил радушный приём. Ему была предоставлена возможность читать лекции и проявлять свои творческие возможности, однако с апломбом Шусторовича он согласиться не мог и только за это критиковал его. Цыпенюк осудил президента за вывод “инакомыслящих” из правления, нарушение основ демократии и предложил избрать художественный совет клуба. Он заявил, что на выборах президента будет голосовать за Женю.

Резкую отповедь “недовольным” дали выступившие на собрании Изирер, Цырульникова, Топорская, Шнайдер, Зельдина и другие клубные активисты. Они осудили образовавшееся в клубе соперничество, противоборство и призвали к восстановлению духа дружбы, единства, взаимоуважения. Действия президента по укреплению порядка и безоговорочного соблюдения уставных требований ими полностью одобрялись и выражалась благодарность за его бескорыстный и самоотверженный труд по созданию и развитию клуба.

В моём выступлении на собрании осуждалась пассивность многих членов клуба, их безразличие к возникающим проблемам и трудностям, нежелание активно содействовать сплочению общины. Я предупредил о нависшей угрозе распада клуба в случае если не произойдут заметные изменения в сложившейся ситуации. Мною было предложено ряд изменений и дополнений к клубному Уставу. В них, в частности, предусматривалось требование участия членов клуба в проводимых мероприятиях и исключение из клуба за неуплату взносов в течении трёх и более месяцев.

Собрание признало работу правления хорошей и выразило желание доверить ему дальнейшее руководство клубом.

В заключительном слове Шусторович ответил на вопросы и критику в свой адрес. Он признал, что в ряде случаев терял самообладание и допускал при этом неприемлемые для руководителя поступки. Так было, например, при осуждении

нетактичного, вызывающего поведения Малкина на заседании правления, когда ему пришлось прибегнуть к нитроглицерину и стукнуть кулаком по столу, призывая Наума к порядку.

Женя заявил, что у него нет сил и работать, и бороться с оппозицией, что совместить несовместимое невозможно, а посему просил освободить его от обязанностей президента. Он выразил также своё недовольство пассивностью многих членов клуба, их безразличием к судьбе и проблемам нашего сообщества, свидетельством чего может служить отсутствие на отчётно-выборном собрании почти половины его состава. Это проявляется также в инертном отношении многих к проводимым мероприятиям и отказе своевременно платить членские взносы.

Шусторович признал, что смог бы работать только при условии восстановления в клубе обстановки единства, взаимопонимания, дружбы. Он также выдвинул ряд других требований, при удовлетворении которых мог бы согласиться продолжить работу в качестве руководителя клуба. В их числе было сохранение прежнего состава правления и отказ оппозиции от противоборства и вражды.

Собрание оказало единодушную поддержку своему лидеру и он был единогласно избран президентом на очередной срок. Казалось, что клубу предстоит долгая жизнь и новые большие успехи.

51

Алёнке в нашей семье был оказан тёплый и радушный приём. Она не знала многих присущих большинству эмигрантов проблем периода освоения жизни в чужой стране. Наша внучка не снимала квартиру, минимальная стоимость которой значительно превышала размер пособия по “вэлферу”, не тратила времени на изучение языка, не расходовала драгоценные доллары на питание, одежду, мебель, хозинвентарь и домашнюю утварь.

Мы отвели ей отдельную комнату и создали условия для полноценной жизни и учёбы. Запас английского, которым она благоразумно обзавелась ещё в Союзе, позволил ей поступить в университет, минуя языковые школы. Для неё было приготовлено всё необходимое на первое время из одежды, обуви, посуды, мебели. Она имела даже отдельный телефон для возможности общения с мамой, Андрюшкой, Витей, родственниками и новыми друзьями в Баффало.

Как должное воспринимались ею любовь и внимание истосковавшихся по ней бабушки и дедушки. Таких условий по приезду в Америку не знали никто из наших детей и внуков. Казалось, что Алёнка должна была быть довольна.

В первое время так и было. Она радовалась всему, что выгодно отличало её нынешнюю жизнь от прежней, с удовольствием привыкала к вкусной и разнообразной американской пище, наслаждалась семьюдесятью программами телевидения, знакомилась с достопримечательностями города и окрестностей, а главное - училась. Нужно отдать ей должное: к учёбе она и здесь относилась весьма прилежно.

Мы уже было поверили в то, что с возрастом произошли необратимые перемены в её характере, так проявившем себя в детстве и ранней юности.

К сожалению, вскоре пришлось убедиться в том, что радужные надежды нас обманули. Нескольких замечаний бабушки, как всегда требующей неукоснительного соблюдения заведенного в доме порядка, было достаточно для недовольства внучки, проявления особенностей её гордой и независимой натуры, исключающей малейшие ограничения личных свобод. Она стала перечить старшим, упрекать в несправедливом к ней отношении, а кое-когда употреблять в общении с нами и обидные эпитеты.

Всё это мы терпеливо сносили и никому, включая и Иринку, не жаловались. Да и можно ли вообще кому-то жаловаться на собственную внучку. Нам досталась радость любви к ней, гордость за её способности и дарования, нам приходилось терпеть и обиды, порой очень горькие и несправедливые.

Она же своё недовольство в секрете не держала. Это чувствовалось по тону телефонных разговоров с Иринкой и, особенно, по изменившемуся отношению к нам Риты. Впервые за двадцать лет родства мы ощутили отчуждённость нашей невестки. Её тонкая и легко ранимая душа близко восприняла жалобы Алёнки, нашедшей в ней свою защиту. Они подолгу общались по телефону и проводили вместе почти всё своё свободное время, от чего наши отношения к лучшему не менялись.

Совместное проживание с ней стало невозможным и к новогодним праздникам Алёнка переселилась в дом нашего сына.

Тяжело переносили мы разрыв с близким сердцу, родным и любимым существом. Эта тема была предметом наших ежедневных диспутов, нередко перераставших в споры со взаимными упрёками, претензиями, обвинениями. Тревога за Алёнку не давала покоя. В бессонные ночи мы перебирали в старческой памяти день за днём со времени её приезда в поисках причин внезапно разразившей ссоры.

Вспомнился её давний телефонный звонок с просьбой приехать за ней на станцию метро. Я бы с удовольствием сделал это, но жена воспротивилась и велела добираться ей домой автобусом.

Тому были свои причины. После памятной поездки по незнакомому маршруту, чуть не закончившейся аварией, мне разрешалось ездить только по изведанным дорожкам, и то - в чьём-то сопровождении. Я был вынужден смириться с этими ограничениями ибо сам чувствовал, что зрение стало подводить, не было уже прежней реакции.

Может быть ещё чем-то случалось незаметно обидеть Алёнку, но, Бог свидетель, это было без злого умысла. Я всегда был полон добрых чувств к ней.

Как-то, при одном из довольно редких признаний в любви к ней, она сухо произнесла: “Любовь, дедушка, нужно подтверждать не словами, а делами”. Больно было слышать такое. Надолго осели её слова в памяти и, наверное, не забудутся до конца моей жизни.

Не сомневаюсь, что такими же, а возможно ещё более тёплыми, были чувства бабушки к любимой внучке, родившейся в нашем доме и неизменно опекаемой ею со дня рождения и до этой поры. Нужны ли ещё какие-то доказательства любви? Какими обидными становятся такие сомнения детей и внуков они в полной мере смогут, наверное, понять только тогда, когда сами станут родителями.

Как и многие дедушки и бабушки, мы приехали сюда не ради собственного счастья. Нам искать его уже было поздно, тем более на чужбине. Как и все в нашем возрасте, мы решились на это ради детей и внуков, ради их будущего и нам тогда казалось, что всё сможем вынести ради них. Жизнь этого не подтвердила. Оказалось, что и у старости есть своя гордость, самолюбие, чувство собственного достоинства и с возрастом обиды воспринимаются ещё острее и болезненнее, чем в молодые годы.

Отношения детей к их родителям, бабушкам и дедушкам - проблема вечная. Я пришёл к выводу, что наши дети и внуки в раннем возрасте любят родителей просто инстинктивно, а со взрослением начинают нас оценивать, пользуясь при этом своими, свойственными их возрасту критериями. И тут не дай Бог оступиться, сделать неверный, с их точки зрения, шаг и их юношеский максимализм может привести наши отношения к полному взаимонепониманию, когда изменить уже ничего нельзя. Они нередко становятся холодными, а порой, даже неприязненными. Мы часто

недооценивали этого в своей прошлой жизни, недопонимали того, что в этом есть своя логика, действуют свои законы и изменить что-нибудь здесь практически невозможно.

Американцы это осознали раньше нас. Взрослые дети здесь живут отдельно от родителей, бабушек и дедушек. Может быть в этом нет их особой заслуги. Наверное этому способствовали экономические возможности и благосостояние страны, но от этого нисколько не снижается положительный эффект такого образа жизни на воспитание детей и их отношение к родителям.

Конечно, это общие правила. Бывают и исключения. К сожалению, наш случай им не стал, и нам не следовало на это надеяться. Было бы лучше для всех, если бы мы сняли Алёнке отдельную комнату в частном доме, как это делали другие эмигранты, когда к ним приезжали их дети и внуки, но для этого ни у неё, ни у нас тогда не было реальной возможности.

Может мы были слишком строги к своей повзрослевшей внучке, не в полной мере учли особенности её непростого характера, где-то недодали родительской ласки. Но всё это следует отнести только к тактике отношений с ней, стратегия же наша была безусловно верной: мы делали всё возможное для её успешной адаптации в новую жизнь.

Было тяжело и грустно, что этого она не поняла. Наше состояние было близким к психологическому стрессу, который таил в себе серьёзные последствия. Мучили страдания за незаслуженную обиду и неблагодарность. Не зря же народная мудрость утверждает, что ни одно доброе дело не останется безнаказанным.

Наверное, это вскоре осознала и Алёнка. По рассказам сына мы знали, что и она тяжело перенесла наш разрыв. Как-то случайно встретили её на улице и с трудом узнали родное лицо. Оно было мрачным и осунувшимся. Её переживания, наверное, были не меньшими, чем наши, но она оставалась верной своему гордому и непреклонному характеру. До приезда мамы внучка оставалась в семье нашего сына и избегала встреч с нами.

Прошло около года пока нам, наконец, удалось выяснить отношения с Алёнкой и восстановить прежнюю близость и теплоту между нами.

52

После отчётно-выборного собрания многогранная деятельность “Русского клуба” ещё более активизировалась. Его лидеры, и в первую очередь, президент

Шусторович понадеялись, что после обсуждения возникших проблем, анализа допущенных ошибок, единодушной поддержки правления и переизбрания его на новый срок в прежнем составе, возродится атмосфера дружбы, доверия и доброты, без которой плодотворная работа была немыслима.

Клубная художественная самодеятельность вышла на новый, более высокий уровень. Встрече Нового 1996-го года и празднику Ханука посвятили музыкальный вечер в зале Еврейского Центра. Как всегда в таких случаях, свободных мест не было. В гости к нам пришли многочисленные друзья-американцы и учителя школы английского языка.

Численно возросший хор и “цыганский” ансамбль предложили новую программу. Эмма Зельдина удивила всех не только своим профессионализмом, как художественный руководитель и дирижёр, но и как солистка с очень приятным тембром голоса.

Сюрпризом для всех стало выступление музыкантов Гарика Эстерлиса и Ильи Кострицкого, которые наряду с прекрасным исполнением танцевальной музыки, ещё и замечательно пели русские, еврейские и итальянские песни.

Наша любимая учительница английского Кетти на вопрос, как ей понравился вечер, ответила: “Это просто сказка!” Восторженный отзыв о Новогодней встрече дал Иосиф Эрман в клубном журнале “Наша жизнь”.

Экскурсионная программа клуба пополнилась новыми интересными путешествиями. Лучшими из них явились два тура по Французской Канаде. Мы с Анечкой приняли участие в одном из них и долго были под впечатлением этого памятного путешествия.

В комфортабельном автобусе, оснащенном музыкальным центром и телевизорами, совершили многочасовую поездку по провинциям Онтарио и Квебек. Русскоговорящий гид Ирина Нейгель, сопровождавшая нас в ходе путешествия, рассказала много интересного из истории, экономики и культуры этой удивительной страны. Незабываемыми остались впечатления о Монреале, его архитектурных памятниках, благоустроенных садах и парках, объектах всемирной выставки “ЭКСПО-67”. Мы впервые побывали в казино и даже попытали счастье разбогатеть. До поздней ночи гуляли по вечернему городу, который показался ещё краше чем днём.

С интересом знакомились со столицей провинции Квебек - городом Квебек Сити, его историческими и культурными памятниками. Многое в этом городе, который мы с удовольствием обошли пешком, напоминает прибалтийские столицы - Вильнюс и Ригу. Такие же узкие улочки, мощённые булыжником, многочисленные крутые лестницы, огромное множество мелких магазинчиков, кафе, киосков, ларьков. Мы любовались творениями архитектуры и импровизированными выставками художников и фотографов. Везде развевались Квебекские флаги, повсюду слышна была французская речь.

Один из дней экскурсии был отведен ознакомлению со столицей Канады - Оттавой. Этот город просто потрясает своим неповторимым обликом. Особенно впечатляет его зелёный наряд и красивая, одетая в бетон, река Оттава с необычным водопадом в центре города. Посетили уникальное здание Парламента страны - замечательный памятник архитектурного зодчества, сооружённый в шестидесятых годах девятнадцатого столетия. Осмотрели знаменитую библиотеку парламента, построенную в готическом стиле и облицованную белой сосной с прекрасной резьбой по дереву. В центре зала - скульптура юной королевы Англии, Виктории, выполненная из белого мрамора. Здесь хранятся сотни тысяч книг, около двух миллионов экземпляров периодических изданий и созданы идеальные условия для работы сенаторов.

Удивили другие шедевры архитектуры - Кафедральный Нотрдамский собор с восхитительными беломраморными скульптурами и магический замок Каса Лома, построенный на высоком холме в стиле средневековых замков Нормандии.

Но самое большое впечатление на меня произвела Циклорама Иерусалима - самая большая циклорама в мире, построенная в конце девятнадцатого столетия специально для демонстрации панорамы Паула Филипотекса. Эта монументальная работа имеет 14 метров в высоту и 110 метров в окружности. Создавалось впечатление присутствия на месте ужасных событий тех далёких времён в древнем Иерусалиме.

В завершении путешествия мы совершили двухчасовую прогулку на теплоходе по реке Святого Лаврентия с её 1000 островами. К этому удивительному созданию природы нельзя оставаться равнодушным.

О своих впечатлениях об этом замечательном путешествии наши туристы не раз вспоминали на собраниях клуба и в своём клубном журнале.

Запомнились и другие интересные экскурсии, организованные в то время в клубе, в частности, посещение местной католической церкви “Basilika”, построенной отцом Бейкером в начале двадцатого века. Наряду с Ниагарским водопадом, расположенным вблизи города и созданным самой природой, этот уникальный архитектурный памятник, сооруженный местными жителями, является, наверное, самой большой достопримечательностью Баффало. Основным строительным материалом Базилики является мрамор разных цветов от чисто белого до чёрного. Около пятидесяти видов мрамора, доставленного из разных стран, использованы для пола, стен и статуй. Образцом высокого художественного зодчества являются 14 скульптурных групп, посвящённых Иисусу Христу и его распятию. Все они размещены в нишах, обрамлённых колоннами из белого мрамора. Колоннада красно-вишнёвого цвета эффектно выделяет главный алтарь церкви.

Большое впечатление оставил музей отца Бейкера, являвшегося священнослужителем этой церкви 60 лет. Всю свою жизнь он посвятил служению людям. При церкви были дома-приюты для сирот, беспризорных подростков, одиноких беременных женщин. Им была построена больница и школа. Много интересного узнали и увидели мы в этой необычной экскурсии.

Инициатором её проведения был клубный активист Михаил Лысый. Он же организовал и несколько других увлекательных поездок в достопримечательные места города. Всё это делалось на волонтерских началах и с членов клуба никакая плата не взымалась.

Клубное бюро путешествий, по-прежнему возглавляемое Анечкой, наметило большую программу экскурсий на 1996-ой год. Среди них был 7-дневный тур в Лас-Вегас и Гранд-Каньон, 4-х дневная экскурсия в Нью-Йорк, Филадельфию и Атлантик-Сити, 3-х дневная поездка в Чикаго, на Великие озёра. Шла подготовка к двухнедельной поездке на историческую Родину - в Израиль.

Как бы второе дыхание получили клубные школы для детей и взрослых. Английскому стали учиться практически все свободные от работы русскоязычные иммигранты. Теперь в школе стало уже 5 классов и удвоилось количество учителей. Можно было только удивляться тому, как пожилые люди, многим из которых перевалило за 60 лет так усердно старались освоить этот богатый и красивый, но такой сложный и чужой для нас английский. Пример прилежности в этом подавали все члены правления клуба и президент Шусторович. Он был признан лучшим

студентом штата Нью-Йорк и приглашен в его столицу Олбани для торжественного вручения грамоты губернатора Патаки.

Возросло число учащихся и в классах русского языка для детей, которых на волонтерских началах обучали замечательные педагоги Роза Шнайдер, Эрна Пурижанская, Полина Гроховская.

Оживилась работа и спортивной секции, которую возглавлял мастер спорта Револьд Альтзицер. Здесь давал сеансы одновременной игры в шахматы кандидат в мастера Давид Гуревич и проводились шахматные турниры. Намечены были соревнования по настольному теннису и бильярду.

В клуб пришли новые активисты, которые заметно облегчили работу правления. Одним из них был Леонид Пауди - человек высокой культуры и незаурядных творческих способностей. Он оказал большую помощь перегруженной клубными делами Эмме Зельдиной в организации работы самодеятельности, провёл несколько литературных встреч. Одна из них была посвящена 100-летию со дня рождения Сергея Есенина. С большим интересом и вниманием мы слушали его рассказ о творчестве великого русского поэта. Наверное, впервые многие из нас узнали, очищенную от оговоров и сплетен, правду о жизни этого загадочного и гениального человека. Нужно хорошо знать и сильно любить Есенина, чтобы так просто и вдохновенно, по памяти, без записок и конспектов говорить об этом удивительном поэте.

На другой встрече Лёня читал свои стихи из недавно вышедшей книги “Юлькины сказки” и другие собственные произведения, которые никого не оставили равнодушным. Многие приобрели тогда на память новую книжку Пауди. Храниться она и у нас с дарственной надписью автора.

В концертах художественной самодеятельности активно участвовали талантливые музыканты-исполнители Марк Зеликман и супруги Зискины, которые дали согласие возглавить на волонтерских началах клуб любителей классической музыки.

Активнее, чем прежде, на призывы правления о помощи стали отзываться рядовые члены клуба. Казалось, отчётно-выборное собрание возымело влияние на многих и в “Русском клубе” открылись новые возможности для расширения сферы деятельности на благо русскоговорящей общины города.

К великому сожалению надежды эти оказались преждевременными.

Все наши внуки, за исключением Алёнки, учились в американской школе. Мне нередко приходилось бывать в школах, где учились дети наших детей. Каждый раз я восторгался огромными по своим размерам и удобными для занятий учебными корпусами, спорткомплексами с плавательными бассейнами, которым могут позавидовать титулованные атлеты; актовыми залами, с которыми не могли бы сравниться многие именитые советские театры. Каждая школа имеет свою просторную и хорошо оборудованную столовую, где дети могут вкусно и дёшево покушать. А чего стоят прекрасно оснащённые компьютерные классы, о чём только мечтать могли советские школьники.

Свободный доступ к знаниям, прекрасные учебники, не зашоренные идеологической догмой учителя. Есть программы внешкольных занятий для углублённого изучения отдельных предметов и занятий по интересам. Созданы необходимые условия для работы спортивных секций, музыкальных ансамблей и оркестров, где дети могут проявить свои способности.

Вспомнилась одноэтажная школа моего детства напротив нашего дома в местечке Красилове, с количеством комнат по числу классов, плюс учительская, пионерская и кабинет директора. В ней занятия шли в две смены, а школьные собрания проводились в одном из классов, отличавшемся от других несколько большей площадью. Позавидовать можно было нашим внукам, что им выпало счастье пользоваться американскими школами-дворцами, где созданы такие замечательные условия для учёбы, проявления дарований и отдыха.

Создавалось впечатление, что благополучная и богатая Америка уделяет должное внимание воспитанию подрастающего поколения и не жалеет средств на народное образование. Только учись!

Когда мне довелось присутствовать на выпускных церемониях в школах, где учились Наташка и Илюшка (graduation), я был потрясен этим зрелищем, его грандиозностью, организованностью и преклонил бы колени перед администрацией школ, где учились мои внуки.

Казалось, что столь благоприятные условия для учёбы непременно должны обеспечить высокий образовательный уровень подростков, заканчивающих 12- летний курс школьного образования.

На самом же деле, как официально признают органы народного образования, достигнутые результаты не всегда адекватны затраченным средствам, а по оценкам многих специалистов и средств массовой информации они являются просто плачевными.

Как-то прочёл в газете статистику, в которую трудно поверить. Только 30 процентов учащихся городских школ сдали экзамен по письменному и устному английскому языку. И это при том, что органы народного образования многие годы (со времени ликвидации школьной сегрегации) разрабатывали “облегченные” программы, рассчитанные на среднего по академической успеваемости ученика.

В том же статистическом исследовании отмечалось, что этот показатель значительно выше в частных школах: религиозных и светских. В ешивах, например, экзамен сдали 70 процентов учащихся, несмотря на то, что половина учебного дня здесь отводится не английскому языку и литературе, а изучению Торы.

В отдельных частных школах, где учатся дети богатых родителей и стоимость обучения превышает 10 тыс. долларов в год, этот показатель достигает 95 процентов.

Но частные школы по карману только немногим, а большинство детей учатся в обычных государственных школах.

Поведение школьников отличается раскованностью, что нашим детям кажется достоинством, но оборотная сторона этого - большая расхлябанность, неуважение к старшим. При появлении в классе не только учителя, но и гостя, никто не встаёт. Одеваются учащиеся нарочито небрежно.

В американских школах нет детских и юношеских организаций, вроде наших пионерских, комсомольских и это тоже нравится многим бывшим советским школьникам. Наверное, у них есть на то основания: нет строгой дисциплины, муштры, заучивания догм. С другой стороны, отсутствие общешкольных организаций лишает подростков возможности удовлетворять свою потребность к объединению, к общению, к действию.

Советская педагогика опиралась на идею воспитания и обучения в едином комплексе. Учёбе отводилась ведущая роль в развитии детей. Их заставляли учиться всеми возможными методами, в том числе и принудительными.

В основе американской педагогики - свободное развитие способностей. Здесь исходный момент - “не навреди”. В средней школе учащиеся сами решают какой уровень знаний они желают получить. Многим такой принцип идёт на пользу и они

берут предельно высокий уровень, предусмотренный школьными программами, а порой изучают в старших классах предметы из университетских курсов. Другие же не утруждают себя такими требованиями и довольствуются низшим уровнем школьных программ.

Ни о каком принуждении не может быть и речи. Американцы ориентируют подрастающее поколение на самораскрытие, тщательно оберегая самолюбие детей. Даже итоговые оценки сообщают в письменном виде по домашнему адресу, чтобы не ущемить самолюбие отстающего ученика перед его одноклассниками.

Создаётся впечатление, что американская культура больна культом успеха. Образы, культивируемые газетами, журналами и особенно кинофильмами, задают тон. Нельзя быть хилым, толстым, скучным. Если Бог не дал никаких талантов, то следует быть хотя бы “крутым”. В противном случае засмеют, затравят.

Надо быть красавчиком, умницей, спортсменом. Тогда тебя будут ценить и почтят своим вниманием сверстницы. И всё это в условиях жесткого разделения на группировки и кланы, которые здесь более беспощадны между собой, чем те, что помнятся нам из жизни советской школы. И это при такой доступности оружия, когда рецепт изготовления взрывного устройства легко найти по Интернету.

Благополучная Америка в последнее время всерьёз забеспокоилась за жизнь своих детей. По телевидению и в газетах всё чаще сообщалось об убийствах в школе. Появилась даже печальная статистика школьной преступности, которая свидетельствовала о десятках убитых и раненых детей. К сожалению, тенденция к сокращению количества пострадавших в ней не просматривалась.

Прежде стрельба была атрибутом уличных преступников и негритянской молодёжи из гетто. Там - бедность, наркотики, социальная безысходность. Теперь от насилия не были свободны школы, где учились дети родителей среднего класса, да ещё и белые в основной массе.

Беспокойство овладело не только родителями, но и правоохранительными и законодательными органами, администрацией президента страны. Принимались дополнительные меры безопасности. Устанавливались металлодетекторы и видеокамеры для проверки наличия оружия, были введены дежурства полицейских, некоторые школы стали содержать собственную охранную службу.

Увы, все меры носили половинчатый характер. Биллу Клинтону и демократам в конгрессе, выступавшим за ограничение права на владение оружием, не удавалось

склонить республиканское большинство в Палате Представителей и сенате к изменению действующего законодательства.

Многие, рассуждая о причинах стрельбы в школах, говорили о заброшенности подростков и невнимании родителей к их метаниям. Другие винили во всём телевидение, кино, видео. Много упрёков можно было услышать в адрес производителей и торговцев оружием.

Наверное, все в чём-то были правы, но всё более становилось ясным одно: проблема касалась глубинных основ и ценностей общественной жизни.

К счастью, наши внуки жили в сравнительно благополучных районах и ходили не в самые плохие школы. Наташка и Илюшка запаслись в High School приличным запасом знаний и успешно учились в ВУЗах, а на Диночку и Анечку родители получали школьные рапорты с самыми высокими оценками их успеваемости, но отгородиться от острейших социальных проблем, от всепроникающего духа насилия было невозможно, тем более, что всё чаще трагедии стали случаться и в районах, где живёт средний и даже высший класс американцев.

Для беспокойства у нас было ещё одно основание: в следующем учебном году в школу пойдёт наш самый младший внук - Андрюшка, приезд которого с мамой ожидался в начале лета.

54

Очередной номер журнала “Наша жизнь” был посвящён задачам клуба в третьем году своего существования, международному женскому дню 8-го марта и весенним еврейским праздникам - Пурим и Песах. Основная тяжесть работы по его изданию теперь легла на нас с Неллей Топорской, редактировал материал Леонид Пауди, а при размножении, брошюровке и комплектации к нам присоединялся президент Шусторович и казначей Альтзицер.

Для удешевления стоимости журнала мы, по-прежнему, становились операторами множительных устройств, сами скрепляли двадцатистраничное издание и принимали непосредственное участие в реализации тиража. Всё это отнимало много времени и отрывало от другой клубной работы, но зато достигалась поставленная цель: журнал в полной мере освещал жизнь клуба и русскоязычной общины города.

Передовая статья была посвящена женскому празднику, который мы по старой привычке отмечали 8-го марта (в Америке есть праздник матери Mother Day,

который отмечается во второе воскресенье мая). Женщины, составлявшие большую и наиболее активную часть клуба были перечислены поимённо, им были адресованы тёплые поздравления, добрые пожелания и была посвящена песня, сочинённая Женей Шусторовичем, которая начиналась словами:

Здравствуй, моя дорогая,
Женщина - судьба моя.
С праздником тебя сегодня поздравляя,
Песню посвящаю тебе я.

По поручению редколлегии Михаил Лысый взял интервью у нескольких клубных активисток. Из них мы узнали много интересного об их прошлой жизни и нынешних увлечениях.

Для нас стало открытием, что скромная участница клубной самодеятельности Хая Бердинштейн, послушно следующая советам нашего худрука на репетициях хора, почти полстолетия проработала педагогом и концертмейстером кишинёвской консерватории; что Сарра Полонская, настойчиво собирающая у нас трёшки членских взносов за прошедший квартал, приехала в США с нулевым английским, освоила язык, проработала более 10 лет в американском Научно-исследовательском институте и, в отличие от большинства других пожилых иммигрантов, живёт не на пособии, а на честно заработанной трудовой пенсии; что Рахиль Лифшиц, страстная поклонница хорового пения, более сорока лет проработала в клинической больнице Смоленска, где заведовала отделением детей младшего возраста; что Голда Шапиро, непременная слушательница политинформаций, имеет сорокалетний врачебный стаж, а Бронислава Уманская, тонко чувствующая музыку и владеющая прекрасным голосом, бывший токарь, а теперь свободное время посвящает искусству вышивания картин... Выполненные ею полотна вполне могли бы украсить стены музея художественного творчества.

Все они благодарили Америку, ставшую им новой родиной, и признавались в любви к “Русскому клубу”, который считали своим вторым домом.

В журнале были опубликованы результаты опроса людей, посещающих клуб, по жизненно-важным вопросам его работы и дальнейшего существования. Они свидетельствовали об единодушном желании его членов сохранить клуб, как место общения русскоязычных иммигрантов Баффало. Подавляющее большинство бывших земляков были согласны с организационной структурой, одобряли проводимые в

клубе мероприятия, обещали своевременно платить членские взносы и принимать непосредственное участие в жизни клуба. Корреспонденция шла под заголовок: “Русский клуб нужен русскоговорящим евреям”.

Президент клуба Шусторович на страницах журнала делился с читателями своими мыслями о перспективах работы в наступившем году, говорил о достигнутом, возникших проблемах и трудностях. Он выразил уверенность, что после преодоления морально-психологического кризиса будут восстановлены основополагающие принципы работы: единство, взаимопонимание, взаимопомощь, дружба. Женя призывал к преодолению инертности и равнодушия, поразивших клуб в прошлом, выразил надежду, что в третьем году своего существования симптомы этой болезни, угрожавшей существованию нашего сообщества, навсегда исчезнут.

Как показала жизнь, для такого оптимизма оснований не было.

55

Прилёт Полечки ожидался вечерним рейсом из Нью-Йорка и для встречи в аэропорту Баффало собралась большая компания родственников. Мою сестру в нашей семье любили за доброту, отзывчивость и готовность служить людям до самопожертвования. Особенно неравнодушны к ней были наши дети, которым она никогда ни в чём не отказывала. Крылатую фразу “...если ребёнок хочет” теперь часто повторяли наши внуки, когда старались добиться исполнения своих желаний родителями. Если бы было место в машине, встречать тётю Полю поехала бы вся родня, но так как даже в двух машинах все уместиться не могли, такой чести были удостоены только те, кто мог быть при этом наиболее полезным.

Полечка не знала ни одного английского слова и все беспокоились о том, каким образом она сможет объясниться в аэропорту Нью-Йорка при пересадке на Баффало. Как потом выяснилось, наши опасения были напрасными. По счастливой случайности в зале ожидания её узнала наша внучка Наташка, которая в этот день возвращалась домой из поездки в Минск. Её вроде Бог послал на помощь Полечке. Она помогла ей и багаж получить, и билет оформить, и посадку в нужный самолёт сделать.

И вот моя сестра со счастливой улыбкой на лице появилась на эскалаторе среди пассажиров прибывшего самолёта, как будто не на другое полушарие земли прилетела, а выполнила привычный получасовой рейс из Ростова-на-Дону в свой

родной Ейск. В её глазах нельзя было заметить ни волнения, ни тревоги, ни беспокойства за свою новую жизнь на чужбине. Наверное, она чувствовала, что для этого нет никаких оснований.

На самом деле какие волнения могут быть у человека пенсионного возраста, прибывшего в Америку по статусу беженца да ещё к любимым родственникам, наперебой готовым прийти на помощь в любое время и в любом деле?

Внимание и заботу о себе Полечка почувствовала с первых же минут встречи. Её оградили от всех хлопот и забот и, после эмоциональных объятий и поцелуев, усадили в автомобиль и доставили в резиденцию главы мешпухи - нашу уютную квартиру на тихой улочке Robin Road. Здесь её ждала отдельная комната со всем необходимым для жизни, отдыха и развлечений.

В волнующих тостах на приёме в честь её приезда было высказано много добрых пожеланий и сделаны заверения в готовности во всём ей помочь. Моей многострадальной сестрёнке советовали воспользоваться открывшимися благоприятными возможностями и позаботиться о себе и о своём здоровье. Всю свою жизнь она отдала служению людям, позабыв о себе. Голод и ранняя смерть родителей лишили её радости детства. Война, застигшая двенадцатилетнюю еврейскую девочку в оккупированном немцами Немирове, ввергла в невиданные страдания и лишения. Раннее замужество и рождение детей отняли возможности учёбы и получения специальности. Здесь у неё, наконец, открывались условия для беззаботной, обеспеченной всем необходимым жизни на старости лет и сам Бог велел этим воспользоваться. Все в нашей семье были душевно рады приезду Полечки.

Она со слезами на глазах благодарила за внимание и добрые советы и обещала ими воспользоваться. Её заверения казались искренними и мы были готовы в них поверить. Первые месяцы её жизни в Америке укрепили нашу уверенность в этом.

Моя сестрёнка радовалась свободному времени, возможности вкусно и разнообразно питаться, живописной природе окрестностей, прогулкам по лесу, поездкам по магазинам и покупкам, которые были ей раньше недоступны. Больше всего ей нравились гаражи-сейлы, где можно было за считанные центы купить почти новую одежду, обувь и другие предметы, о которых она раньше и мечтать не решалась.

Мы показали её врачам разных специальностей и она добросовестно выполняла все их рекомендации и назначения. Ей подобрали очки различного

назначения и изготовили зубные протезы. Никогда раньше Полечка не уделяла столько внимания своему здоровью.

Она серьёзно взялась за учёбу. Впервые за последние пятьдесят с лишним лет она села за книги и с большим усердием училась читать, писать и говорить по-английски. Её успехи всех поражали. В школе, куда мы её определили с первых же дней жизни в Америке, предположили, что она изучала язык до приезда сюда и захотели перевести в другой класс с более высоким уровнем изучения языка. Её ставили в пример другим и назначили старостой класса.

Всё шло хорошо и нам уже казалось, что цель, которую мы ставили перед собой, настойчиво требуя ускорения приезда Полечки в Америку, достигнута: теперь она посвятит остаток своей жизни себе, своему здоровью, образованию, отдыху, познанию красоты окружающего мира, на что у неё всегда не хватало ни времени, ни сил, ни средств. Но так продолжалось недолго.

К сожалению, наши ожидания не оправдались и надежды не сбылись. Полечка вновь оказалась в плену прежних забот и хлопот. Медленно, но верно она возвращалась к привычному образу жизни в ущерб собственному здоровью и нашим отношениям.

56

Длительная подготовка к поездке на нашу историческую родину близилась к завершению. Была проведена большая подготовительная работа по формированию группы, организации её приема в Израиле, приобретению билетов, оформлению виз и, когда уже казалось, что всё готово и можно спокойно дожидаться дня вылета, непредвиденные обстоятельства чуть было не сорвали долгожданное путешествие.

В феврале и начале марта активизировали свою террористическую деятельность палестинские экстремисты из воинствующих организаций «Хамас», “Исламского Джихада” и “Хизболлы”. Их кровавые вылазки на улицах Иерусалима, Тель-Авива и других городов Израиля, привели к многочисленным человеческим жертвам. Тревожная обстановка накалялась с каждым днём.

Моя супруга - непосредственный организатор экскурсии и руководитель группы, президент клуба Шусторович и я, его первый заместитель, являвшиеся участниками тура, брали на себя большую ответственность, принимая решение о

поездке многочисленной группы пожилых людей в длительное путешествие, да ещё в такое опасное время.

Несколько телефонных звонков Марине Воробьёвой - руководителю израильской туристической фирмы, принявшей на себя организацию нашего путешествия, к сожалению, не принесли успокоения. Она признала, что обстановка в стране стала непредсказуемой и воздержалась от каких-либо гарантий. Более того, Марина не скрыла, что из многих стран Западной Европы и Америки сообщили об отмене выезда уже укомплектованных групп или его переносе на более поздние сроки. Вместе с тем она заверила, что если наша группа всё же прибудет своевременно, фирма примет все зависящие от неё меры для обеспечения безопасности и успешного прохождения тура.

Полученную информацию мы не скрывали от участников предстоящего путешествия. Некоторые из них не стали подвергать себя риску и от поездки отказались. Большинство других заявили о своём решении поехать и убеждали нас не отменять экскурсию.

Окончательное решение было принято всё же под влиянием решительных мер по борьбе с терроризмом, которые принимались в те дни правительством Израиля и его правоохранительными органами. Были усилены меры безопасности, арестованы сотни подозреваемых, введено круглосуточное патрулирование на улицах, вокзалах, автостанциях, аэропортах, усилен контроль на пропускных пунктах въезда в страну.

Большую помощь в подготовке группы к столь ответственному и длительному путешествию оказала нам всё та же фирма “Interport travel service, inc.” и её президент Николай Левчук. Он позаботился о недорогих билетах, оформил необходимые визы, взял на себя доставку группы в аэропорт Торонто. Можно было только удивляться терпению Ника и его желанию во всём угодить своим капризным клиентам.

Преодолев, наконец, все многочисленные трудности, сомнения и нерешительность, сокращённая до 20 человек группа евреев из “Русского клуба” г. Баффало 15 марта 1996 года прибыла в Торонто, откуда на “Боинге” канадской авиакомпании взяла курс на Тель-Авив.

Комфортабельные условия полёта, безупречное обслуживание, обильный ужин и полное расслабление после всех тревог и волнений располагали ко сну. Уснули рядом со мной Анечка, Женя и его жена Людмила.

Мне же не спалось. По телевизору показывали фильм, содержание которого мне было непонятно из-за всё ещё плохого английского. Через равные промежутки времени на экране появлялась схема полёта. Видны были контуры еврейского государства. Оно было похожим на небольшой островок в безбрежном море окружающих его арабских стран. Именно о нём и были мои мысли. Вспомнилось его рождение. Оно появилось на карте мира в годы моей молодости, в дни завершения учёбы в институте, перед самой защитой дипломного проекта. Одно из многих, получивших независимость после самой кровопролитной войны в истории человечества. И единственное для меня, как и для любого еврея. Обретение собственного очага спустя почти две тысячи лет, к тому же на исторической родине, конечно, это было Событием. Ещё не остыл пепел шести миллионов сожжённых в гигантской гитлеровской топке. Ещё кровоточили раны сотен «Бабьих яров», по всей Восточной Европе. Ещё не высохли слёзы матерей о детях и детей о родителях. И вдруг из пепла возродился Феникс. У одних это вызвало ликование, у других - приступ злобы.

Трудно было понять, как мог тогда Сталин, будучи зоологическим антисемитом, принять идею создания еврейского государства и, связанной с этим, эмиграции советских евреев. И, тем не менее, именно Советский Союз одним из первых не только поддержал эту идею, но и стал сторонником Израиля в первый год его образования. Помнится выступление Громыко в ООН с заявлением “О поддержке в создании еврейского государства”. Ещё больше удивило согласие СССР на поставки Чехословакией вооружения для Армии обороны Израиля. Происходило что-то невероятное. Многие диву давались метаморфозам вождя в ближневосточной политике.

Как оказалось, “великий кормчий” вынашивал тогда далеко идущие планы. В Палестине среди еврейских лидеров были сильны социалистические идеи. Отцы-основатели Израиля были искренне увлечены марксизмом-ленинизмом и это придавало Сталину уверенность в возможности использования нового государства для расширения сфер влияния СССР на Ближнем и Среднем востоке, во вновь образованных независимых странах Азиатского и Африканского континентов.

В тоне советских газет и журналов того времени можно было заметить нотки сочувствия к многострадальному еврейскому народу и желание содействовать выживанию Израиля в борьбе с непримиримыми врагами, стремящимися к его уничтожению.

Казалось, что это всерьёз и надолго. За несколько майских дней 1948-го года произошёл стремительный рост самосознания, евреи СССР ощутили себя неотделимой частью еврейства всего мира. В Одессе прошёл слух о формировании специальной еврейской воздушно-десантной бригады для отправки в Израиль. Многие студенты-евреи нашего института и других ВУЗов города направляли тогда в Еврейский антифашистский комитет, в газету “Правда”, в различные официальные органы письма с просьбой разрешить им выехать в Палестину, чтобы сражаться в войне за независимость. Но так продолжалось совсем недолго. Стоило только тирану понять, что еврейское государство не пойдёт в фарватере его агрессивной политики, как он тут же сделал поворот на сто восемьдесят градусов и из друга Израиля превратился в его врага.

Помнится лекция “О положении на Ближнем востоке”, состоявшаяся в актовом зале института в начале июня 1948-го года. Её читал доцент кафедры марксизма-ленинизма Пинкус - сокурсник моего брата Зюни по истфаку педагогического института (о нём я уже упоминал раньше). Он часто выступал у нас с докладами о международном положении и проводил беседы “О текущем моменте”. Пинкус всегда был осторожен в своих высказываниях, держал “хвост по ветру” и особой смелостью не отличался. На этот раз его как будто подменили.

Сионизм из его слов уже не выглядел, как раньше, фашистской идеологией, признающей за евреями право на оккупацию чужих земель и господство над другими народами, а представлялся как естественное стремление иудеев жить в своём государстве, как “заселение необжитой земли без народа народом без земли”, как поселение евреев на своей древней исторической родине.

Он утверждал, что арабы никогда не жили на той земле, что это была безжизненная пустыня и евреи в начале века приехали осваивать Эрец Исраэль в надежде, что осушив болота и превратив каменистую мёртвую землю в зелёные поля, они станут желанными для арабских соседей, проживающих вокруг этого необжитого края. Результатом их жертвенного труда стала цветущая страна, на которую теперь претендуют арабы, утверждая, что были изгнаны оттуда.

На этой лекции я проникся чувством гордости за то, что где-то далеко-далеко родилось Государство Израиль. Моё государство.

С тех пор меня связывал с ним радиоприёмник. Каждый вечер я настраивал его на волну “Коль Исраэль” и, затаив дыхание, слушал сводки новостей. Я слушал голос Родины, которую никогда не видел, но которая часто снилась по ночам. Это необъяснимое ощущение. Так было ежедневно в Одессе до самого моего отъезда оттуда, так продолжалось десятки лет в Белоруссии до выезда в Америку. “Вражеские голоса” тогда интенсивно глушились. Через шумовые эффекты с трудом пробивался голос диктора и я старался не пропустить ни одного слова. Какой это был диссонанс в сравнении с газетным официозом о происках израильских агрессоров на Ближнем Востоке.

Приводились заявления духовных и светских лидеров арабских стран, призывающих стереть Израиль с лица земли и истребить еврейское население. Пронацистские настроения разделял и президент Египта Насер, которого Хрущёв называл “товарищем”.

Запомнился комментарий на “инициативу” Хрущева присвоить Насеру и его первому заместителю маршалу Амеру звание Героя Советского Союза, что противоречило не только юридическим нормам, но и обыкновенной человеческой логике.

В передачах “Коль Исраэль” разоблачалась фальсификация событий и прямая ложь советской пропаганды. Из них мы узнавали о мужестве израильтян, которые в сложнейшей обстановке конца 40-х - начала 50-х разгромили своих многочисленных противников, создали мощную армию и отстояли свою независимость; о создании антиизраильской коалиции Египта, Сирии, Иордании и Ирака, готовящей нападение на Израиль в 1967-ом году. Их объединённые армии имели на вооружении около 1000 самолётов и более 1500 танков, главным образом, советского производства.

Над еврейским государством тогда нависла смертельная опасность, но израильтяне проявили в те дни высокое понимание серьёзности момента, единство и решимость в спасении страны.

Никогда не забудутся исторические шесть дней июня 1967-го года, когда израильская армия, руководимая Моше Даяном и Ицхаком Рабиным, разгромила превосходящие по численности и вооружению армии блока арабских государств. В первый же день войны израильские пилоты уничтожили на аэродромах и в воздухе

более 400 вражеских самолётов. Воздушные асы генерала Мордехая Хода совершили великий подвиг, обеспечивший успех всей компании.

Вслед за этим танковые и сухопутные войска Израиля обрушились на египтян и за 4 дня сокрушили их армию. Египет был не только разгромлен, но и опозорен: десятки тысяч солдат в нижнем белье брели по Синайской пустыне на родину, куда их отпустил великодушный противник. В руках израильтян оказалось огромное количество трофеев.

Затем наступила очередь иорданцев и сирийцев. Была прорвана мощная оборонительная полоса на Голанах и открыта дорога на Дамаск.

Кульминацией этой молниеносной войны стало освобождение Восточного Иерусалима, отозвавшееся слезами радости евреев всего мира. С этого момента величайшая святыня еврейского народа - Стена Плача - стала вновь нашей.

В первые дни войны московское радио радостно передавало лживые сводки египетского командования о десятках сбитых израильских самолётах, успешном продвижении их войск к Тель-Авиву, а сирийцев - к Хайфе, затем передачи стали невразумительными, речь пошла об “упорных тяжёлых боях”, потом и вовсе перестали говорить о военных действиях, но на все лады ругали “израильских агрессоров” и “сионистов”, а когда размеры катастрофы арабских союзников стали известны всему миру, в Москве наступил шок.

В ответ на разгром арабского агрессивного военного блока в шестидневной войне СССР и его восточноевропейские союзники (кроме Румынии) разорвали дипломатические отношения с Израилем.

Шесть лет коалиция арабских государств с помощью СССР готовила новую войну против еврейского государства - войну Судного дня. Они начали её вероломно, в день самого большого еврейского праздника. Внезапность нападения и огромное преимущество в численности войск и вооружений обеспечили арабским армиям стратегическую инициативу и позволило им развить наступление на главных направлениях фронта военных действий.

Советская печать и радио с ликованием сообщали тогда о победах союзников Москвы в первые дни той самой трудной для Израиля войны. Однако, вскоре тон победных реляций сник, а в газетах вновь замелькали публикации о “происках израильских агрессоров” и угрозе захвата ими арабских земель.

Радиостанция “Коль Исраэль” сообщила, что израильские войска сломили сопротивление противника, форсировали Суэцкий канал и развили наступление на территории Египта, что, после тяжёлых боев на Северном фронте, они нанесли удар по кратчайшему направлению на Дамаск, что при активной помощи авиации были разгромлены армия Иордании и экспедиционные корпуса Ирака и Саудовской Аравии, что танковые колонны ЦАХАЛа шли на Каир и Дамаск, и были остановлены только по требованию ООН. Победа и в этой войне была полной и сокрушительной.

Победной была и так называемая операция «Мир Галилее», которую ЦАХАЛ начал в июне 1982-го года вторжением в Южный Ливан, где дислоцировались силы Организации Освобождения Палестины. Около двадцати тысяч боевиков во главе с Ясером Арафатом совершали систематические диверсионно-террористические акты на территории Израиля и угрожали его северным границам.

Из передач «Голоса Израиля» можно было узнать где разрабатывались крупномасштабные военные акции по уничтожению еврейского государства и с чьей помощью они осуществлялись. Убедительные факты и цифры не оставляли сомнения в том, что СССР помогал арабским странам не только инструкторами и военными специалистами, как утверждалось в советских средствах массовой информации, а что вместе с инструкторами в Египет и Сирию направлялись полностью укомплектованные ракетные дивизионы и авиационные части, что туда непрерывным потоком шли новейшие танки Т-72, самолёты МИГ-21 и МИГ-23, ракетные установки, “Катюши”, современные системы связи и другая военная техника.

«Коль Исраэль» сообщал о созданных в ГДР специальных базах, где советские специалисты осуществляли подготовку арабских террористов из Хамаса и ООП.

Каждый вечер, в 22:30, я доставал свой старенький приёмник “Океан” и слушал “Голос Израиля”. Диктор Рут Сапфир, после непременной сводки новостей, рассказывала о жизни в стране, экономике, культуре, перспективах развития государства Израиль.

Непременной темой последних лет был мирный процесс, ставший главной заботой правительства Рабина-Переса. По соглашению, подписанному в Осло, была провозглашена палестинская автономия. На территории, заселённой преимущественно арабами, фактически создавалось отдельное государство, которое Израиль должен обеспечить электроэнергией, водой, средствами связи и работой для его жителей

внутри зелёной черты. И всё это в обмен за мир. Арафат гарантировал уничтожить инфраструктуру Хамаса, отменить Палестинскую хартию, призывающую к уничтожению еврейского государства, и прекратить антиизраильскую пропаганду.

Норвежские договорённости были одобрены правительством США, Европейским Союзом и ООН. Рабин, Перес и Арафат получили в 1994 г. Нобелевские премии мира, однако ословский процесс с самого начала оказался отнюдь не мирным и сопровождался десятками убитых мирных граждан в каждом из террористических актов, когда убийцы-камикадзе взрывали бомбы в автобусах, кафе, торговых центрах, на базарах.

Отношение израильтян к норвежским соглашениям было далеко не однозначным. Реальность не оправдала ожиданий, возлагавшихся левыми силами на процесс мирного урегулирования. Оппозиция называла договорённости в Осло “Мюнхенским сговором”. Правительство Рабина-Переса катастрофически теряло поддержку населения, и страну сотрясали массовые антиправительственные демонстрации.

4-го ноября 1995-го года в Тель-Авиве Игаль Амир застрелил премьер-министра Рабина. Страна оказалась на пороге гражданской войны. Перес, ставший во главе правительства, принял решительные меры по борьбе с оппозицией. Были поставлены вне закона крайне правые организации, по стране прокатилась волна административных арестов.

Возглавивший в 1993-ем году оппозиционную партию Ликуд, Биньямин Натаниягу, несмотря на открытую поддержку Переса президентом США Клинтоном и лидерами Европейского Союза, пользовался всё большей поддержкой населения страны и выставил свою кандидатуру на пост премьер-министра Израиля.

Такой была обстановка в канун нашего визита на свою историческую родину. Я ждал и одновременно боялся встречи с ней. Мечты и реальность совпадают далеко не всегда.

Израиль, к великой моей радости, не разочаровал меня. Скажу больше: встреча с ним превзошла все мои ожидания. Мне по душе было всё, что нас окружало с первых же минут прибытия самолёта в аэропорт имени Бен-Гуриона.

Всю свою жизнь я тщетно пытался ассимилироваться среди народов, для которых земля моего проживания была настоящей родиной. Так поступали мои родители, родившиеся на Украине и умершие там же в тридцатые годы от голода, тому поучали они нас, детей, которых судьба разбросила по братским республикам страны Советов, этому учили мы своих детей, детство, юность и лучшие годы трудовой жизни которых прошли в Белоруссии. Так поступали и они по отношению к своим детям - нашим внукам.

От поколения к поколению достигались всё более значительные “успехи” в этом процессе. Если наши родители, освоив украинский и русский язык, знали иврит, сохранили идиш, считавшийся для них родным, строго соблюдали еврейские законы и традиции, то для нас, их детей, родным языком уже стал русский, о иврите мы и понятия не имели, идиш чуть помнили из раннего детства, а о традициях своих предков знали только понаслышке.

Ещё заметнее стали “достижения” наших детей. В их время уже не было еврейских школ и синагог, а соблюдение законов Торы преследовалось по закону. Они полностью обрусели, но, сохранив отцовские фамилии, оставались евреями для власти имущей и окружающих людей других наций.

Наши внуки достигли вершин ассимиляции. Наташка и Анечка, уже с рождения носят белорусскую фамилию своего отца, Алёнке и Андрюшке еврейскую отцовскую фамилию в детстве сменили на белорусскую материнскую, и пока только Илюшка и Диночка ещё носят мою фамилию, но сохраняют шанс её сменить при избрании спутника жизни, который может и не быть евреем.

Несмотря на эти “успехи” и “достижения” в процессе ассимиляции, моим предкам, мне, моим детям и внукам не давали забыть о своих еврейских корнях и постоянно напоминали об этом болезненными ударами по людской чести и человеческому достоинству.

Здесь, в Израиле, впервые в своей жизни, я ощутил себя представителем основной, ведущей нации и мог с гордостью называть себя евреем. Благодаря рождению своего государства, каждый еврей теперь может осуществить мечту, хранимую нашим народом на протяжении двух тысяч лет изгнания и скитаний, и вернуться домой.

Именно эти чувства овладели мною с первых минут пребывания на земле предков. Мне всё здесь нравилось: и прекрасное здание главного аэропорта страны, и

порядок, чистота и уют во всех его помещениях, и приветливые лица обслуживающего персонала, и необычно строгий таможенный контроль, которому нас здесь подвергли. Даже воздух казался каким-то особенным. Дул приятный тёплый ветер с моря и не верилось, что по календарю только середина марта.

Были, конечно, отдельные шероховатости и непредвиденные проблемы в первые часы пребывания в Израиле. Наши гиды из туристического бюро Марины Воробьёвой спутали время прибытия самолёта и, вопреки договорённости, не встретили нас в аэропорту. Более часа мы безрезультатно прождали их. Близился вечер, начинало темнеть.

Мы с Анечкой попросили Женю побыть с группой, а сами побежали к телефонной будке, чтобы созвониться с фирмой. Когда нам, наконец, это удалось и было получено заверение, что за нами прибудет автобус с представителем турбюро, по возвращению на место, мы не нашли ни Женю, ни группу. Как оказалось, полицейский патруль приказал им освободить главный подъезд к аэропорту и они переместились к стоянке автобусов. Их мы вскоре нашли, а вот наших двух чемоданов на новом месте не оказалось. Каждый перенёс свои вещи, а о наших никто не подумал.

Поиск результатов не дал. Чемоданы как в воду канули. Были основания волноваться: мы остались в чём были с одной дамской сумочкой в руках. Но я и, что более удивительно, моя жена оставались почти спокойными. Мы были почему-то уверены, что вещи найдутся и что их здесь никто не украл. И они на самом деле нашлись...

Как подсказали нам стражи порядка, которых здесь было довольно много, наши чемоданы, как и другие беспризорные вещи, бдительные дозорные конфисковали в целях безопасности и отправили в подземное хранилище. С их помощью мы отыскали их и доставили к прибывшему за нами автобусу. Вместо возмущения существующим здесь порядком и незаконной конфискацией частной собственности, мы от души благодарили полицейских и восхищались их бдительностью по предотвращению терактов и обеспечению безопасности в местах скопления народа.

Так же спокойно мы приняли извинения прибывшего с двухчасовым опозданием представителя фирмы Марины Воробьёвой.

Можно было только удивляться терпению престарелых туристов, измученных многочасовым полётом через океан и долгим ожиданием в аэропорту. Они довольно

спокойно уселись в поданный, наконец, автобус, внимательно слушали рассказ гида о предстоящих экскурсиях, любовались современной автострадой и пригородами Тель-Авива, с которым нам предстояло ознакомиться в первые дни пребывания в Израиле.

В красочных огнях иллюминаций город показался нам очень красивым. Еще лучшим стало настроение, когда нас доставили в гостиницу, накормили вкусным ужином и мы, в конце концов, добрались до своих кроватей в двухместных номерах отеля.

59

Программа путешествия по стране началась с посещения Старой Яффы, основанной ещё до нашей эры. Это, наверное, самый древний морской порт в мире. Более двух тысяч лет тому он стал основным выходом в море для страны. Сюда царь Соломон доставил ливанские кедры для строительства Храма в Иерусалиме.

Город-порт неоднократно был под иноземным владычеством. Им владели фараоны Египта и Греции, цари Ассирии и Персии, турецкие султаны и войска Наполеона. К концу Первой мировой войны Яффу оккупировала армия английского генерала Алленби и порт служил для приёма всё возрастающей еврейской иммиграции.

Евреи постоянно страдали от погромов и преследований со стороны арабов. Накануне провозглашения государства Израиль, когда их насилие достигло своего апогея, еврейские вооруженные отряды Хаганы изгнали арабов. Город был заселён бедными еврейскими семьями, которых война оставила без крова.

В 1950 году правительство приняло решение об объединении Тель-Авива и Яффы и с тех пор Старая Яффа стала одной из основных туристических достопримечательностей страны. Её заполнили кварталы художников, студии и картинные галереи. Магазины, торгующие антиквариатом, ювелирными изделиями и произведениями искусств, протянулись вдоль улиц с названиями знаков Зодиака.

В сопровождении гида мы с удовольствием бродили по узким лабиринтам улочек и переулков, любовались романтичными дорожками и зелеными садами, с большим интересом осмотрели древний порт бухты Яффа и слушали волнующий рассказ об удивительной истории своеобразного города, который теперь стал уютнее и краше, чем когда-нибудь раньше в своём многовековом прошлом.

У музея античного искусства мы задержались дольше обычного. Здесь собрана богатейшая коллекция предметов, найденных археологами на месте древнего города и порта. К сожалению, посещение музея не предусматривалось программой экскурсии и нам пришлось довольствоваться рассказом гида.

Второй день был отведен ознакомлению с Тель-Авивом - первым большим еврейским городом, построенным в наше время. Он вырос из Яффы, но разительно от неё отличается. Это современный крупный промышленный и культурный центр с многочисленными предприятиями, высотными зданиями, большими магазинами, музеями, театрами, спортивными сооружениями, фешенебельными отелями.

Необыкновенно красив зелёный наряд города с благоустроенными парками, скверами, тенистыми аллеями. Везде много цветов. Вдоль тротуаров - цитрусовые деревья, которые плодоносят круглый год. Впечатляет обилие финиковых пальм, которые завезены сюда из Ирака и стали типичными представителями израильского ландшафта. Они растут везде: вдоль дорог, на улицах, в парках и скверах, украшают площадки перед домами.

Несчётное количество ресторанов и кафе зазывают посетителей. Создаётся впечатление, что здесь никто не работает и все только то и делают, что отдыхают и наслаждаются жизнью. За столиками, стоящими на тротуарах, люди едят мороженное, пьют пиво и прохладительные напитки, слушают музыку. Несмотря на раннюю весну, на пляжах было много отдыхающих. Дети до поздна свободно гуляют на улицах и даже не верится, что ещё недавно здесь взрывались бомбы, подложенные террористами.

В стране трепетное отношение взрослых к детям. Очень много детских спортивных сооружений, детских парков и площадок, оборудованных для малышей.

Наш автобус не спеша двигался по улицам, проспектам и бульварам города, и гид вёл рассказ о важных исторических событиях, достопримечательностях второй столицы еврейского государства.

Здесь много музеев, в том числе музей Диаспоры, основанный в 1979-ом году, и задуманный как место, где можно познакомиться во всех подробностях с историческим путём, пройденным еврейским народом.

На улице Кинг Джордж расположен институт Жеботинского, где собраны материалы из истории ревизионистского направления в сионизме и деятельности

еврейских подпольных организаций. О героической истории еврейского подполья можно узнать также в музее движения “Эцель” на той же улице.

На бульваре Бен Гуриона, в бывшей резиденции первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, находится музей его имени. В экспозиции - личные вещи и богатая библиотека, принадлежавшие основателю еврейского государства.

На улице Ротшильда - “Зал Независимости”. Здесь 14 мая 1948-го года была провозглашена Декларация Независимости Государства Израиль. Посетителям предлагают прослушать запись выступления Бен-Гуриона и познакомиться с обстановкой этого исторического события.

На этой же улице и музей обороны, где можно узнать об истории еврейской обороны со времён движения “Ха-Шомер” до создания Армии Обороны Израиля.

Вблизи комплекса Тель-Авивского университета расположен музей государства Израиль. Его главный павильон находится на месте археологических раскопок, в искусно отреставрированном помещении старинного восточного магазина, рядом с планетарием.

В самом высоком здании Тель-Авива - Башне Шалома расположен музей восковых фигур. Здесь экспонируются восковые копии выдающихся деятелей еврейской истории. С высоты башни можно полюбоваться панорамой города и его пригородами, среди которых выделяются Бат-Ям и Рамат-Ган. Там расположен огромный спорткомплекс, где каждые четыре года проводятся Маккабиады с участием выдающихся спортсменов-евреев со всех стран мира. В Рамат Гане находится Израильская бриллиантовая биржа - самая крупная в мире. Бриллиантовая промышленность занимает ведущее место в экономике страны, а ежегодный объём экспорта бриллиантов превышает 3 миллиарда долларов. Здесь живут и работают лучшие в мире специалисты по обработке алмазов. Сюда приезжают за драгоценными камнями торговцы бриллиантами со всех уголков земного шара. По профессионализму и опыту Израиль достиг статуса флагмана мировой алмазной промышленности.

На проспекте Шауль ха-Мелех - одна из главных достопримечательностей города - Тель-Авивский музей искусств, где можно ознакомиться с экспозициями произведений израильского и европейского искусства, побывать на периодических выставках отечественных и зарубежных мастеров. Здесь же проводятся наиболее

важные культурные мероприятия - концерты классической музыки, оркестровые и сольные выступления мастеров искусств.

Не могу не упомянуть также о музее “Бейт-Бялик”. В его залах бережно хранятся библиотека и архив крупнейшего еврейского писателя Хаима Нахмана Бялика. Вход в этот, как и во многие другие музеи, бесплатный.

В Тель-Авиве поражают культурная и светская стороны жизни, проявляющиеся особенно вечером, когда народ заполняет ночные клубы и кафе, и выплёскивается на улицу Дизенгофа, которая вместе с имеющей такое же название площадью, образует центр ночной жизни города.

Здесь много театров, в числе которых знаменитая театральная труппа Габима и израильская филармония, которая по праву гордится одним из лучших в мире симфонических оркестров. Обратили мы внимание и на афиши на русском языке. В те дни проходили гастроли московского театра “Ленком”. В спектакле “Юнона и Авось” были заняты знакомые артисты, в том числе Николай Караченцов.

Тель-Авив - большой, удивительно красивый, динамичный, никогда не засыпающий город, и трудно себе представить, что всего сто лет тому назад здесь не было ничего, кроме песчаных дюн.

Всё это, а также волны Средиземного моря и особые световые эффекты иллюминации в вечернее время пробуждают чувства и восхищают душу.

Поздним вечером наш автобус взял курс на Нетанию - крупнейший центр туризма, откуда нам предстояло совершить много увлекательных экскурсий по земле Израиля.

ё60

Нетания - небольшой современный город, расположенный на побережье Средиземного моря между Тель-Авивом и Хайфой. По архитектуре зданий и планировке он во многом напоминает города областного масштаба России, Украины и Белоруссии. На улицах слышна русская речь и кажется, что ты вовсе никуда не выезжал и находишься у себя дома. Только на взморье, где протянулась длинная цепь высотных гостиниц, видны существенные отличия этого туристического центра. Тут всё предназначено для встречи гостей, их размещения, отдыха, развлечений. Для этого построены прекрасные отели, имеется огромное множество магазинов, ресторанов, баров и кафе, сооружены пляжи и спортивные сооружения, оборудованы современные

дороги, связывающие Нетанию с Тель-Авивом, Иерусалимом, Хайфой и другими городами страны.

Здесь нам предстояло жить большую часть времени, отведенного для путешествия по Израилю, отсюда мы должны были отправляться на экскурсии по стране, предусматривались интересные встречи, прогулки по городу н его окрестностям.

Нас устроили в трёхзвёздочный отель, недалеко от моря, где были прекрасные условия для отдыха и питания. Особенно понравилось обслуживание в ресторане, которое было включено в стоимость тура.

Утром был “шведский стол” с большим выбором закусок, горячих блюд, сладостей и соков. Трудно было отказать себе в удовольствии полакомиться рыбными деликатесами, вкусными твёрдыми сырами, горячими мясными блюдами и большим разнообразием выпечки к чаю и кофе. Как ни старались мы оберегать себя от лишних калорий, никому не удалось избежать прибавки в весе. Особенно от этого страдали женщины. Вечером после экскурсий нас ждал обильный ужин, который подавался по всей форме ресторанного обслуживания.

Одной из первых экскурсий, совершённых нами из Нетании, была поездка в Акко. История этого города уводит в глубь времён. Первые письменные доказательства его существования имеют почти четырёхтысячную историю. Его удобный порт всегда являлся лакомым местом для других народов, которые в ходе многих веков владели им. Завоеватели не раз меняли его имя и только в 1948-ом году, в конце британского владычества, Акко вновь вернулся к своему библейскому названию.

Римляне, завоевавшие город в первом веке до нашей эры, сделали из него важный транзитный центр, построенный ими на первой мощённой дороге через Израиль. Он стал оживлённым портом для торговли и рыбной ловли, а также приобрёл славу, благодаря производству стекла, которое отсюда поставлялось во многие страны.

Во время арабского владычества, длившегося несколько веков, Акко пришёл в упадок и только в конце двенадцатого столетия, со времени завоевания его легендарным Ричардом Львиное Сердце начался период его нового расцвета, который длился более ста лет.

В начале четырнадцатого века город был разграблен мармелюками и фактически стёрт с лица земли. Он оставался заброшенным почти пятьсот лет, но ему посчастливилось узнать ещё один период расцвета при владычестве албанского авантюриста Эль Язара, который во второй половине восемнадцатого века сделал его центром обширного царства, простиравшегося от Триполи до Дамаска. Этот человек, чья жестокость вошла в поговорку, был, тем не менее, гениальным урбанистом и коренным образом изменил лицо города, не останавливаясь для его украшения перед разграблением дворцов римско-византийской эпохи, находящихся неподалеку.

При осмотре мечетей, бань, караван-сараев, построенных по его велению, мы любовались сохранившимся до сих пор великолепием капителей, фриз, колонн и росписью древних зданий.

Чтобы противостоять наполеоновской армии, Эль Язар велел окружить город вторыми крепостными стенами, остатки которых сохранились до наших дней.

Однако расцвет Акко был непродолжительным. В девятнадцатом веке его история тесно связана с союзом турецкой империи и британской короны: город приходит в упадок, порт занесло песком, и эта древняя столица, помнящая на своём веку множество эфемерных царств, деградирует до ранга тюрьмы-форта.

В 1948-ом году войска Хаганы освобождают город, который перешёл во власть израильской администрации. От богатого исторического прошлого Акко хранит множество удивительных реликвий. Ими являются мечеть Эль Язара, самая большая в стране, великолепно украшенная арабесками и мрамором, турецкие бани, превращённые в музей, караван-сараи, богато украшенные древностями. Но наиболее величественным монументом средневековой готической архитектуры является, без сомнения, Цитадель Крестоносцев. В её большом салоне во времена Ричарда Львиное Сердце велись религиозные действа, собрания, военные советы и трапезы крестоносцев.

Один из дней нашего пребывания в Нетании был посвящён экскурсии в Кейсарию. По преданию, на заре нашей эры Ирод Великий посвятил этот город Цезарю и украсил его ценным мрамором и великолепными монументами, от которых до наших дней дошли полуразвалившиеся камни. Многие владыки сменяли друг друга у руля Кейсарии, всегда считавшейся стратегически важной, благодаря своему положению у моря.

Город богат славными традициями и воспоминаниями о своём интересном героическом прошлом, и в то же время, он является местом плача и ужаса, где история превратилась в трагедию: на грандиозной арене Кейсарии тысячи евреев были брошены на съедение диким зверям после двух антиримских восстаний, имевших место около двух тысяч лет тому назад.

Интересной была экскурсия в Хайфу - крупный промышленный и культурный центр, самый важный торговый и туристический порт страны. Городской центр, начиная с торговых кварталов порта, подчёркивает двенадцать скатов горы Кармель, на которых раскинулся этот удивительно красивый город у моря.

С бухтой Хайфы связаны грустные воспоминания, восходящие к периоду британского господства, когда после публикации в 1939-ом году так называемой Белой книги, были введены строгие ограничения иммиграции евреев в страну. Тысячи людей, пытающихся спастись от призрака нацизма, были отброшены в море, где, зачастую, находили свою смерть. Об ужасах того времени рассказывают экспонаты музея, посвящённого жертвам британской блокады.

В Хайфе, больше чем в любом другом городе Израиля, мест для развлечений, центров искусств и фольклора, прекрасных парков, скверов и аттракционов. В парке Кармель, утопающем в цветах, мы видели газелей, которые свободно гуляли под деревьями.

Со смотровой площадки башни “Эшколь” Хайфского университета можно увидеть захватывающую дух величественную панораму города и порта.

Достопримечательностью Хайфы является грот Илиафа, называемый также гротом Мадонны. В нём, по преданию, нашло убежище Святое Семейство по возвращению из Египта.

Большое впечатление оставило посещение Всемирного Центра веры Бахаи - дворца с золотым куполом, возвышающимся над Хайфой. Он возведён из итальянского мрамора и сочетает в себе стиль и пропорции европейской архитектуры с восточными мотивами. Двенадцать тысяч элементов чешуйчатой черепицы, покрывающей купол дворца, сделаны в Нидерландах с помощью техники огненного глазирования по листам золота. Вся стоимость строительства была покрыта за счёт средств, собранных во всём мире. Пожертвования на любые проекты такого рода, как это принято у Бахаи, добровольны и принимаются только от членов общины.

Уникальны по своему стилю сады, обрамляющие дворец. Они постоянно расширяются и могут служить образцом современной парковой архитектуры. Во время нашего посещения парка шло возведение 18 новых террас и двух монументальных сооружений.

В Хайфе много учебных заведений, в том числе Технологический Институт, известный далеко за пределами Израиля научно-исследовательский и технологический центр.

Мы провели восхождение на гору Кармель. Каменистые склоны её холмов покрыты густым сосновым лесом. Отсюда открывается изумительный вид на бухту и красивую панораму города, утопающего в садах.

Самой интересной и насыщенной была экскурсия в Иерусалим в сопровождении прекрасного гида - Кати Эпштейн, репатриантки из Ленинграда. В течение нескольких часов мы исколесили город на автобусе и, затаив дыхание, слушали её волнующий рассказ об истории столицы Израиля, являющейся святыней всего человечества. Для мусульман это Эль-Кудс - священный; для евреев - город мира, Ерушалаим, и их столица ещё со времён царя Давида; для христиан - это место страстей и распятия Христа.

Город мира, но как мало было в его истории мирного времени! На Иерусалим нападали, его разрушали и опустошали египтяне и вавилонцы, греки и римляне, персы и мусульмане, христиане и турки. В 1000-ом году до нашей эры Давид завоёвывает Иерусалим и возводит на вершине горы Мориах алтарь Господу Богу, куда переносит из Хеврона Арку Братства - символ союза между Богом и его народом.

Рассказать за несколько часов трёхтысячную историю - это совсем непростое дело, но наш гид, Катюша из Ленинграда, очень старалась и мы узнали из её рассказа многое: о сооружении Первого Храма в десятом веке до нашей эры, о его разрушении вавилонцами, о восстановлении города и храма римским царём Иродом, о распятии Иисуса, о новом разрушении храма царём Титом и изгнании евреев из города. С тех пор начался исход евреев по миру.

Одна за другой раскрывались перед нами страницы истории Иерусалима, который готовился торжественно отметить свой 3000-ный юбилей. Мы узнали о византийской эпохе, когда город стал христианским со Святой Гробницей в центре, о мусульманской эпохе, длившейся несколько веков, завоевании Иерусалима крестоносцами, когда он стал городом церквей и монастырей, об упадке в его жизни

при кармелюках и английском владычестве Палестиной до известного решения ООН о разделе страны между евреями и палестинскими арабами.

После Войны за независимость 1948-го года старый город со святыми местами был передан Иордании, а западная, более современная часть, осталась в Израиле.

Только в июне 1967-го года, после шестидневной войны, Израильское Государство заявило об аннексии старого города. К сожалению, он представлял тогда страшную картину: арабы взорвали двадцать семь синагог и многочисленные школы Талмуда, а то, что не было разрушено, было превращено в отхожие места, конюшни или свалки мусора. Но стена, Стена Слёз, чудом уцелела от вандализма. Тысячи евреев бросились в старый город, чтобы потрогать и поцеловать древние камни впервые за две тысячи лет. К Стене шли не только со слезами, но и с радостью.

Пришли и мы к Стене Плача - символу еврейской религии, месту паломничества для евреев всего мира. Перед гигантскими тысячелетними тёсанными камнями стояли одинокие фигуры, которые вели безмолвный непрекращающийся диалог со Всевышним. На протяжении двух тысяч лет изгнания, евреи, в какой бы они части света не находились, обращали с мольбой свои лица к этой стене в надежде на возвращение. Стена стала символом объединения еврейского государства.

7 июня 1967-го года, когда израильские солдаты дошли до стены, стало незабываемой датой в истории еврейского народа, ознаменовавшей важную веху в его многострадальной судьбе.

Со стеной связано много традиций. Одна из них - это вставлять в расщелины между каменными блоками записки с самыми сокровенными мечтами и просьбами. Оставили свои прошения к Богу и многие наши туристы.

Местами нашего осмотра были: улица Скорби - отрезок пути, который Христос прошёл под тяжестью креста из крепости Антонио до Голгофы; Святая Гробница, где история переплетается с легендой, а людское сострадание сливается с религиозной верой; мечеть Эль Акса, поражающая величием и красотой; могила Девы Марии, находящаяся в церкви её имени, богато украшенной иконами, картинами и ценными лампадами; православный кафедральный собор с красивыми зелёными куполами над которыми высятся золотые кресты; Великая синагога - самая большая современная синагога Израиля.

У величественного здания Кнессета, построенного в 1966-ом году на средства Джеймса Ротшильда, осмотрели гигантскую Менору из бронзы, барельеф которой украшен 29 сценами из истории Израиля. Этот символ еврейского государства подарен Кнессету парламентом Англии в 1956-ом году.

Были мы и на рынке, где улочки старого Иерусалима перекрещиваются и переплетаются самым причудливым образом. Здесь можно купить всё: яркую разноцветную одежду, изделия из оливкового дерева и старинного янтаря, вкусно пахнущие специи и предметы культа. Невозможно только уйти отсюда без какой-нибудь покупки.

Из-за недостатка времени не смогли побывать в Яд-Вашеме. Посещение музея не входило в программу нашей экскурсии. Пришлось ограничиться волнующим рассказом гида о мемориале, ставшим местом преклонения перед памятью шести миллионов евреев - жертв фашистского безумия.

Полные незабываемых впечатлений возвратились мы поздно вечером в свою гостиницу в Нетании.

Самой дальней и продолжительной была экскурсия на север страны. Она началась с посещения Голанских высот, ограниченных на западе озером Тибериада и рекой Иордан, на севере - горой Хермон, на востоке и на юге реками Якад и Ярмук. Плодородные земли этого района возделываются жителями двадцати еврейских поселений, сложившихся здесь с 1967-го года, когда Израиль завоевал эту территорию в шестидневной войне. Здесь живут также друзы и черкесы, оставшиеся после ухода сирийских войск.

Над Голанами доминируют заснеженные очертания горы Хермон, достигающей на израильской территории высоты более двух тысяч метров и являющейся истинным раем для любителей горнолыжного спорта. Был уже конец марта и жара в долине достигала днём тридцати градусов, а в горах лежал снег.

Со склонов горы берёт начало река Иордан, которая с высоты гор спускается к впадине озера Тибериада, расположенного на 210 метров ниже уровня Средиземного моря. Это озеро является небольшим внутренним морем, родившимся на исходе третичного периода в результате катаклизма, поглотившего долину реки Иордан. Его красота, мягкий климат, наличие тёплых минеральных источников с общепризнанными лечебными свойствами, сделали из этого водного зеркала с

незапамятных времён знаменитый курорт. Воды озера необычайно богаты рыбой и являются ценным водным бассейном для этого района.

В первом веке нашей эры здесь был основан город Тибериада, который стал одним из блистательных центров распространения еврейской культуры после второго разрушения Храма. Среди развалин города можно полюбоваться истинным сокровищем греческо-византийского искусства - Большой синагогой с изумительным мозаичным полом.

Мы посетили Назарет, где по преданию прошло детство Христа. Нынешний город с этнически-религиозной точки зрения весьма разнообразен. Наиболее многочисленными группами населения являются арабы-мусульмане и евреи, живущие практически обособленно. Первые - в старом городе, а вторые - в новых его кварталах. Здесь можно встретить также общины арабов-христиан, греков-католиков и православных греков, римских католиков и христиан-маронитов, других менее представленных народов, но у всех имеются свои культовые места.

В городе много церквей, монастырей, мечетей и синагог. Наиболее крупной и величественной является Базилика Благовещения, сооруженная над легендарным гротом Марии, и церковь Святого Иосифа, построенная над древними сооружениями.

В окрестностях Назарета, где каждый камень, кажется, напоминает об историческом и религиозном прошлом, высится гора Тобор, где по христианской традиции произошло преображение Христа. В память об этом здесь в 1923-ем году построена Базилика Преображения.

Из рассказов гида мы узнали об удивительно целебных сероводородных источниках Хамат-Гадара, крокодиловой ферме и других достопримечательностях этого прекрасного края.

В Нетании у нас был один свободный день для отдыха, встречи с родственниками, друзьями, знакомыми. С утра желающие могли посетить один из пригородных кибуцев. Мы с Анечкой, конечно, оказались среди них и об этом нам не пришлось сожалеть. То, что мы здесь увидели и услышали поразило наше воображение. Оказывается идеи социалистического переустройства сельского хозяйства на основе коллективизации не такие сумасбродные, какими они представляются горячими поклонниками частной собственности и рыночной экономики. В Израиле они успешно реализованы в форме кибуцев. Здесь выращиваются высокие урожаи сельхозкультур, достигаются рекордные надои молока

и привесы скота, вырабатывается широкий ассортимент пищевой и технической продукции, пользующейся широким спросом не только на местном рынке, но и у зарубежных потребителей.

В кибуце используются новейшие технологии орошения и удобрения почвы, которые изучаются и внедряются специалистами многих стран. Особенно поражает разумное использование воды. На плантациях, полях, в любом палисаднике около домов через каждые примерно полметра проложены трубки, обеспечивающие равномерное, строго дозированное орошение. При постоянном дефиците растения и животные получают воду всегда в необходимом объёме. Минимально потребным количеством влаги наделёно каждое деревце, каждый цветок.

Экономится и электроэнергия. У большинства строений на крышах солнечные нагревательные элементы, обеспечивающие потребность в тёплой воде. Тут созданы хорошие условия быта и отдыха для трудящихся. Они живут в благоустроенных домах, построенных киббуцем, питаются в общественных столовых, их дети получают среднее и высшее образование за счёт общественных фондов. Сельское население страны составляет только 8 процентов. Оно проживает в киббуцах и мошавах, которые производят сельскохозяйственную продукцию и развивают перерабатывающую индустрию. Продуктов питания достаточно не только для удовлетворения потребностей страны, но и для экспорта.

Покидая киббуц, мы задавались вопросом почему такие результаты не удавалось достичь в социалистическом секторе сельского хозяйства СССР, где было занято около половины населения страны, а потребности в продовольствии удовлетворялись только при значительном завозе продуктов из других стран.

В этот день нас навестил мой друг из Могилёва Лазарь Иткин, проживающий теперь в Назарете. Он уехал из Белоруссии с детьми и внуками на год раньше нас. Их семья получила большую помощь от государства, они быстро выучили язык и довольны своей новой жизнью. Лазарю Синаевичу здесь назначили приличную пенсию, как инвалиду войны, выдали бесплатный автомобиль, он получил право на льготы, полагающиеся израильским ветеранам. Иткин никак не мог понять, почему в США инвалиды и участники Отечественной войны, прибывшие из бывшего СССР, не приравниваются в правах к американским ветеранам Второй мировой войны. Мы в этом ему помочь ничем не могли, ибо сами не понимали, чем ветераны-иммигранты, сражавшиеся, как и американцы, против фашизма, хуже местных ветеранов.

С Иткиным провели весь день. Вспоминали Белоруссию, Могилёв, где долгие годы жили рядом и вместе работали, общих друзей и знакомых. Сделали несколько фотографий на память и договорились не терять связь.

После обеда гуляли по городу с гидом. Была пятница и во всём чувствовалось приближение субботы, когда в Израиле не работают, а отдыхают, веселятся и молятся. В первую очередь это было заметно по скоплениям солдат на автобусных остановках и просто на обочинах дорог в ожидании попутной машины. Это были молодые парни и девушки, которыми нельзя было не любоваться. Если вглядеться в их лица, совсем не верится, что это и есть та самая знаменитая военщина, которой советская пропаганда страшила нас долгие годы.

Хоть солдаты были с оружием, вид у них был довольно мирный. Они были без головных уборов (береты засунуты под погоны), вместо солдатских ботинок на ногах у многих были кроссовки, за плечами баулы с барахлишком для стирки.

Здесь действует нерушимое правило - на празднование субботы отпускается максимальное число солдат, которые возвращаются в части только в понедельник утром.

Гид с любовью рассказывала о них. Недавно она проводила сына в армию и поделилась с нами своими чувствами. Они неоднозначны. Израильтяне понимают, что армия нужна, что чужой дядя не защитит страну от продолжающихся попыток арабов скинуть евреев в море, они гордятся тем, что их повзрослевшие дети становятся защитниками Родины. Здесь это действитетельно священный долг каждого гражданина страны. Но чувство боли за своих детей, непрерывная тревога за них не даёт покоя.

Здесь в армии нет дедовщины. Её здесь быть не может хотя бы потому, что этого не допускают офицеры. Любая такая попытка стоит нескольких лет тюремного заключения. Парни служат 3 года, девушки - 1 год и 8 месяцев. В армию все идут сразу после окончания школы и продолжают учёбу после службы. Быть в боевых частях, особенно в элитных, почётно и престижно. Офицеры в израильской армии носят ту же одежду, что и солдаты и их можно отличить только по знакам различия. Здесь нет такого понятия, как офицерский или солдатский паёк, всем положена одинаковая еда. Когда гибнет солдат, душа болит у всех. Израильтяне готовы обменять одного попавшего в плен солдата на сотни врагов. Даже тела погибших

обмениваются на живых врагов, потому что погибший воин должен лежать в своей земле. Здесь свято чтут память тех, кто отдал жизнь за Родину.

Вид солдата с автоматом на улице не вызывает чувства опасения. Парни и девушки в военной форме здесь пользуются всеобщей любовью и уважением.

Много нового и интересного узнали мы из рассказа гида в этой двухчасовой прогулке по городу.

Вечером мы были в гостях у нашего племянника Арика - сына Полечки Шеер, проживающей с нами в Баффало. Он приехал с Украины и жил в Нетании уже несколько лет. Успел освоить иврит и работал шофёром по специальности. У него была приличная квартира и неплохие заработки, но жизнью в Израиле был недоволен. Жаловался на плохое здоровье, жару, которая его угнетала, непривычные условия быта, отсутствие языковой и культурной общности. Скучал за мамой и родственниками, считал свой приезд ошибкой. Арик оказался первым, встретившимся нам здесь соотечественником, который сожалел, что покинул свою бывшую родину. Нам его было от души жаль.

Пребывание в Нетании подходило к концу. До поздней ночи мы гуляли по улицам уютного курортного города, который в огнях реклам казался очень красивым. Утром группа отправлялась на юг, где предстоял трёхдневный отдых на берегу Красного моря.

Дорога в Эйлат пролегала вдоль Мёртвого моря. Об удивительных особенностях этого региона мы кое-что знали из литературы и рассказов очевидцев. То же, что мы увидели и услышали поразило воображение. Перед нами открылось удивительное зрелище: соль и скалы, белоснежные солевые образования, выступающие из воды как коралловые призраки, и камни под палящим солнцем, стоящим летом и зимой в неподвижном ослепительном небе.

Этот необычный водный бассейн образовался свыше двух миллионов лет назад в глубине тектонической ямы на расстоянии около 400 метров ниже уровня моря. Его не зря назвали мёртвым. Концентрация соли здесь в восемь раз выше, чем в океане и потому тут нет ничего живого.

Библейское Солёное море держит несколько интересных рекордов: Это самое малообитаемое место на земле, атмосферное давление здесь самое высокое на земном

шаре, содержание кислорода в воздухе на 15% выше, чем в любой точке Средиземноморья, процент соли в воде не сравним ни с каким другим бассейном с солёной водой.

В необычной по плотности воде растворены в значительных количествах другие материалы, которые придают ей характерный горький привкус и маслянистость. Благодаря своим физико-химическим характеристикам воды и грязи Мёртвого моря обладают лечебными свойствами. Их используют при лечении кожных и других заболеваний. Сухой климат и воздух, богатый кислородом, благоприятствует лечению заболеваний дыхательных путей.

Ещё одна любопытная деталь отличает это внутреннее море от других водоёмов: его глубина в северной части превышает 400 метров, а на юге еле достигает десяти.

Его не зря называют мёртвым. Оно действительно совсем мёртвое: без подводных растений, без рыбьей суеты, без малейшего внутреннего движения. Засоленная, словно забальзамированная жизнь.

Нам предоставилась возможность искупаться в этом удивительном море, где можно читать книгу, лёжа на воде, даже если совсем не умеешь плавать.

Из рассказа гида мы узнали об обнаруженных здесь, в пещере прибрежной скалы, в конце сороковых годов нашего столетия кожаных свитков, которых оказалось более 40 тысяч! Найденные рукописи принадлежали библиотеке древней общины. Религиозные тексты, написанные на иврите, оказались старше известных на то время на тысячу лет. Среди них были древнейшие тексты Ветхого Завета! Находка дала многочисленные материалы исключительной важности для изучения этого ближневосточного региона, его населения, а также светской и религиозной литературы. Они меняли сложившиеся представления об истоках христианства и самой фигуре Христоса Спасителя.

Рядом, неподалеку от Мёртвого моря, мы осмотрели крепость Массада - одну из коллективных реликвий, позволивших еврейскому народу сохранить собственное национальное единство, несмотря на тысячи границ, разделявших его. Здесь в 73-ем году нашей эры, после падения Иерусалима, последняя группа евреев-патриотов, стояли до последнего в борьбе с десятым римским легионом под командованием Флавия Сильвы. Осада длилась три года и закончилась лишь с сооружением огромной въездной рампы, позволившей римлянам добраться до форта и поджечь его. Пока за

пределами крепости ещё продолжалось грандиозное сражение, в её стенах свершилась одна из самых волнующих трагедий в истории человечества, описанная историком того времени Флавием Иосифом в книге “Иудейская война”.

Боясь репрессий римлян и желая избежать горестной судьбы рабства, сражающиеся покончили с собой и своими близкими, чтобы не попасть живыми в руки врага. Когда римляне, наконец, смогли пробиться среди дымящихся развалин в крепость, они нашли там лишь 960 безжизненных тел.

Мы осмотрели руины над Мёртвым морем и полюбовались впечатляющим пейзажем, открывающимся с горы. Между Массадой и живописной долиной у моря проложена канатная дорога.

Полные впечатлений мы к ночи прибыли в конечный пункт нашего многодневного путешествия - город и порт на юге Израиля - Эйлат.

Эйлат, выходящий в залив Акаба, родился и вырос там, где раньше находился древний порт Эцион Гебер, являвшийся предметом яростных распрей между народами, которые здесь жили и стремились получить выход к Красному морю.

Нынешний город, весь обращённый в будущее, кажется, не сохранил никаких следов от своей тысячелетней истории. Из жалкого скопища убогих домишек, каким он был до 1949-го года, Эйлат стал всемирно известным раем для туристов. К их услугам прекрасные гостиницы, первоклассные рестораны, благоустроенные пляжи. Здесь постоянно светит солнце, отражаясь в кристально чистом море, богатом чудесами природы.

Одной из главных достопримечательностей курорта является Обсерватория подводного царства, сооруженная под водой и оборудованная огромными иллюминаторами, позволяющими посетителям наблюдать за многообразной фауной Акабского залива.

С помощью электронного гида мы имели возможность получить интересную информацию о десятках видов рыб, кораллах, морских хищниках и других живых существах, которые видны были в окнах аквариума. Это зрелище трудно описать и невозможно забыть.

Мы совершили также увлекательное путешествие по заливу на прогулочном судне «Жюль Верн», оборудованном подводной и надводной палубами. Через

огромные прозрачные стены были видны чудеса подводного кораллового мира в районе морского заповедника.

В сопровождении гида побывали в порту, являющемся единственным выходом страны к Индийскому и Тихому океанам. Отсюда отправляются и сюда прибывают тысячи тонн грузов, что определяет всё возрастающую роль Эйлата в торговом мире и способствует быстрому развитию города.

Незабываемое впечатление оставило посещение крупнейшего предприятия по производству украшений из эйлатского камня. Единственное в мире месторождение этого удивительно красивого камня находится в окрестностях города. Компания “Каменные шахты Эйлата” - одна из крупных производителей и экспортёров бриллиантов и драгоценных камней.

На настоящем шахтёрском лифте мы опустились в шахту, где имели возможность ознакомиться с процессом добычи драгоценного камня. Гостеприимные хозяева показали нам объёмный компьютерный фильм об истории и фантастическом мире обработки камней и бриллиантов.

Побывали и на выставке украшений, выпускаемых предприятием, где могли не только осмотреть, но и приобрести на память сравнительно недорогие и очень красивые изделия.

Пригородом Эйлата является Тимна, довольно значительный горнопромышленный центр по добыче из подземных недр меди и магния, которыми богат этот район. Здесь, по преданию, находятся знаменитые копи царя Соломона, на которых работали тысячи рабов, добывающих и отливающих медный минерал. Археологические раскопки свидетельствуют о том, что ковкий металл добывался здесь уже шесть тысяч лет назад. В пятнадцатом веке область была оккупирована египтянами, которые построили тут храм, посвящённый богине Хатор, расположенный в тени Пилястров царя Соломона, одного из наиболее впечатляющих естественных горных образований страны.

Трое суток наслаждались мы прелестями курорта Эйлат: купались в тёплом Красном море, гуляли по бульварам и скверам с вечно зелёными тропическими растениями, совершали морские прогулки и увлекательные экскурсии. Накануне отъезда был устроен торжественный ужин с музыкой, песнями, танцами.

Двухнедельное путешествие по стране подходило к концу. Мы были в восторге от него. Вблизи Израиль выглядит гораздо более привлекательно, чем издали.

Пространный рассказ о сложившихся впечатлениях об этой удивительной поездке и подробный экскурс в историю еврейского государства, которым отведено такое большое место в книге, посвящённой моему жизнеописанию, могут вызвать удивление читателя и показаться здесь даже неуместными. На самом деле, ни одному из многочисленных путешествий по другим странам, о которых упоминалось до сих пор, не было уделено столько места и внимания. Да и следует ли это делать в автобиографическом повествовании? Предвижу однозначный отрицательный ответ на такой вопрос. И тем не менее хочу подчеркнуть, что сделал я это вполне осознанно по двум причинам: во первых, увиденное и услышанное буквально ошеломило меня и я не мог об этом не поделиться с читателями, а во вторых, хотелось своим повествованием повысить их интерес к этой замечательной стране, вызвать желание непременно там побывать и выработать собственное мнение о борьбе её многострадального народа за своё выживание.

В память об этом путешествии мы приобрели видеофильм “О Израиль, Израиль”. Полуторачасовой показ достопримечательностей нашей исторической родины сопровождается в нём комментариями и пояснениями Зиновия Гердта.

Утром прощались с Эйлатом. Предстояла длинная дорога в Тель-Авив. В пути обменивались впечатлениями и слушали ответы гида на наши многочисленные вопросы. Они касались жизни евреев, экономики страны, безопасности Израиля. Из её рассказа узнали интересную статистику. Оказывается, со времени образования государства Израиль его население возросло с 600 000 жителей до 6 миллионов. За это время алию совершили около трёх миллионов иммигрантов. Почти половина из них прибыла сюда из республик бывшего Советского Союза.

Годовой доход на человека в последние годы превысил 17 000 долларов, что выше, чем во многих европейских государствах и не на много меньше, чем в США. Ежегодный рост Валового Национального Продукта стабильно выше 2%, а инфляция менее 5% в год. Среднегодовая зарплата в Израиле превышает 20 000 долларов, что в несколько раз больше, чем в других странах Ближнего Востока и близка к уровню европейских стран. Налоги в среднем составляют 22%. Почти 50% взрослых израильтян, у которых доход меньше «налогового порога», вообще освобождены от

уплаты налогов. И это при том, что страна вынуждена тратить огромные средства на оборону и содержание вооружённых сил.

Такие показатели экономики обусловлены прежде всего успехами промышленности высоких технологий. Объём продукции этого сектора к концу 1997 г. достиг 7,5 млрд. долларов. Конечно это намного меньше чем в США, где он составляет 330 млрд., но в пересчёте на одного израильтянина она составляет 1250 долларов в год, что выше чем на одного гражданина Америки, где этот показатель равен только 1237 долларов в год. Электроника, физика, компьютерные науки - это области, в которых Израиль вышел на самый высокий уровень.

Передовые позиции достигнуты и в сельском хозяйстве. По эффективности производства молока страна обогнала даже Голландию, а лицензии на методы хлопководства, позволяющие получить трёхкратный урожай, покупают традиционно хлопководческие страны.

Из года в год растёт объём капиталовложений и иностранных инвестиций в экономику, которые исчисляются миллиардами долларов. Существенную роль в развитии ведущих отраслей израильской экономики сыграли специалисты из бывшего Советского Союза.

Средняя продолжительность жизни израильтян превышает 78 лет, что выше чем в США, где она достигла только 76 лет. Приведенные цифры и факты внушали убеждение, что еврейское государство возродилось, чтобы больше никогда не исчезнуть, что его вес и влияние на международную экономическую и политическую жизнь будут неуклонно возрастать.

Порукой тому является растущая военная мощь страны, непрерывное совершенствование вооружения израильской армии. Она, хоть и немногочисленна и состоит всего из 165 тысяч солдат и офицеров, но оснащена самым современным оружием и способна дать достойный ответ любому агрессору.

Важнейшей особенностью Армии обороны Израиля является её мобилизационная система, позволяющая за двое-трое суток развернуть вооружённые силы, численностью более чем в три раза превышающие кадровые войска. По оценке журнала «Арми таймс» страна в состоянии отмобилизовать армию, состоящую из 16 бронетанковых и 20 мотопехотных дивизий, 10 парашютно-десантных бригад, 20 артиллерийских самоходных и 17 авиационных полков. Совсем небольшое

государство в силах содержать прекрасно вооружённую армию, имеющие 4 тыс. танков, 750 самолётов, 8 тыс. бронетранспортёров и 1300 орудий.

Главным ударным мечом ЦАХАЛа являются военно-воздушные силы. По численности боевая авиация Израиля занимает четвёртое место в мире, а по эффективности она, безусловно, на первом. Стратегическими ударными силами являются авиационные и ракетные части носителей ядерного оружия.

Такая техническая оснащённость возможна благодаря наличию надлежащей экономической базы и высокообразованного населения. Но главное преимущество израильской армии в исключительном чувстве патриотизма, присущего израильтянам.

Из этих и других сведений, приведенных гидом, мы прониклись чувством гордости за еврейское государство и уверенности, что оно способно защитить себя от любых посягательств на его свободу и независимость.

К концу дня автобус доставил нас в аэропорт имени Бен-Гуриона. Вечером мы покидали Израиль, навсегда став горячими патриотами этой удивительной страны. За полтора десятка дней экскурсии произошел стремительный рост нашего самосознания. Мы сполна ощутили себя неотделимой частью мирового еврейства.

63

О своих впечатлениях об Израиле мы рассказали на собрании членов клуба. Они посмотрели привезенный нами видеофильм и многие загорелись желанием самим отправиться в путешествие. Желание понятное и нам ничего не оставалось, как пообещать повторить экскурсию в ближайшее время. Теперь каждая беседа о событиях в мире, которые по-прежнему проводились по воскресеньям, непременно содержала информацию о событиях на Ближнем востоке и жизни еврейского государства. Интерес к этому был огромным.

Наверное, мы выполнили бы обещание и организовали второе путешествие, если бы в клубе вновь не возобновились сплетни и наговоры, которые чуть приутихли после отчётно-выборного собрания.

Женя поначалу решил не придавать им серьёзного значения. Он призывал правление игнорировать их и продолжать работу по осуществлению множества мероприятий, предусмотренных в текущих и перспективных планах.

Провели несколько тематических вечеров с концертами художественной самодеятельности, организовали ряд интересных экскурсий по Америке и Канаде,

продолжала работу редколлегия клубного журнала. К празднику Победы вышла из печати книга воспоминаний участников Отечественной войны, блокадников Ленинграда, узников гетто и концлагерей.

Однако, со временем становилось всё более ясно, что нашим надеждам восстановить единство и сплочённость в клубе не суждено было сбыться.

Серьёзным препятствием к дружбе среди эмигрантов часто становится своеобразное сочетание неуважения к самому себе с каким-то невероятным снобизмом. Это особенно характерно для эмигрантов - евреев и является, видимо, защитной реакцией людей постоянно подвергавшихся унижениям и дискриминации. Снобизм в их поведении, наверное, призван компенсировать потенциальную обиду, копившуюся годами. Они часто сверх меры выбиваются из сил, чтобы раскрыть и доказать свои способности, а о других судят по очень высоким меркам.

Излишнее критиканство мешает людям сближаться, вызывает взаимную придирчивость, уменьшает стремление к общению, отпугивает их друг от друга. Эти качества мы культивировали в себе «там» для психологического выживания и они выражали наше негативное восприятие действительности. К сожалению, этим чаще страдают люди образованные и начитанные.

Здесь, в эмиграции, многим надо выговориться. Дома то ли возможности не было, то ли боялись, то ли уровень оппонентов был слишком высок. Здесь - почти что уравниловка и многие сводят счёты друг с другом.

Подобными «болезнями» часто страдают русскоязычные общины в Америке. Наверное, не без их влияния они оказались такими недолговечными. Мы часто узнавали о расколе и противостоянии в общинах, ассоциациях, клубах Нью-Йорка и других городов, многие из которых распадались, не дожив порой до первого годового отчёта, но нам тогда казалось, что эти болезни носят локальный характер и опасность инфекции нам не угрожает.

К сожалению, мы глубоко заблуждались. После нашего возвращения из путешествия по Израилю критика в адрес президента и правления клуба разразилась с новой силой. Нас по-прежнему обвиняли в зажиме критики, преследовании недовольных, диктатуре, узурпации власти, а в последнее время даже в злоупотреблении служебным положением.

В одном из откровенных разговоров с нашей дочерью её подруги рассказали ей, что в общине распространяются слухи о получаемых. нами «комиссионных» за

организацию экскурсий и отправку посылок и о том, что работа наша в клубе строится вовсе не на бескорыстных началах. Верочке было обидно слушать такие упрёки в наш адрес и она стала настаивать на немедленном и достойном ответе клеветникам, защите нашего человеческого достоинства. По её мнению единственно верной реакцией на клевету, не встречающую должного отпора со стороны большинства членов русскоязычной общины, должен был стать наш немедленный выход из состава правления и уход из клуба. Такого же мнения придерживались в семье сына, наши взрослые внуки, многие друзья и доброжелатели.

Моё жизненное кредо - не оставлять несправедливость без ответа. С этим я до сих пор шёл по жизни. Мне казалось, что взаимоотношения правления с общиной достаточно полно были выяснены на отчётно-выборном собрании и всяким наговорам должен был быть положен конец. Если же этого не произошло, делом моей чести оставался только уход из клуба и поиск для общения иного сообщества.

Своими мыслями я поделился с Женей и другими членами правления. Их взгляды на сложившуюся ситуацию оказались схожими. Особенно решительно по этому вопросу высказался Женя. Он принял однозначное решение уйти с руководства клубом, основателем и бессменным руководителем которого являлся на протяжении трёх лет его существования. Его примеру последовала секретарь правления Нелли Топорская и другие наиболее активные члены правления.

На очередном собрании мы заявили о своей отставке и, несмотря на настойчивые уговоры большинства одноклубников, настояли на выборах нового руководства.

В течении нескольких следующих лет менялись президенты, избирались правления, однако клуб медленно, но верно шёл к своей гибели, пока, наконец, не объявил о прекращении своего существования.

Как я уже упоминал, моей сестре Полечке по душе пришлась иммигрантская жизнь в Америке. Ей не нужно было, как многим другим, расходовать свои сбережения на покупку подержанного автомобиля, снимать квартиру за полную стоимость, покупать в магазинах посуду и домашнюю утварь, тратить деньги на одежду и обувь. Всем этим и многим другим мы по-братски делились с ней и

получаемого ею пособия вполне хватало на безбедную жизнь. Более того, она даже смогла за несколько месяцев отложить некоторую сумму на «чёрный день».

У неё было много свободного времени, которое можно было использовать на отдых, развлечения, изучение английского. В первое время она с удовольствием этими возможностями пользовалась: посещала школу, где легко догнала своих одноклассников, стала членом «Русского клуба» и участником художественной самодеятельности, заимела друзей и с интересом проводила с ними часы досуга. Всему этому мв были от души рады.

Так и казалось, что Полечка здесь стала другой и начнёт жить в своё удовольствие. К сожалению, так только казалось. Не прошло и полугода вольготной жизни, как ею, по-прежнему, овладели заботы о детях и внуках, и она вновь позабыла о себе. Оплата её телефонных счетов в Москву заметно превышала расходы на питание, а главной целью её жизни стало ускорение приезда детей. Она начала копить для этого деньги, приобретать для них одежду, искать им спонсоров. Последнее оказалось самым трудным.

В год её приезда существенно изменились условия предоставления статуса беженца по мотивам гонения и преследования на национальной почве. Госдепартамент США к тому времени пришёл к заключению, что с государственным антисемитизмом в России покончено, а бытовая неприязнь к евреям есть во всех странах и она не может служить основанием для эмиграции в Америку на прежних льготных условиях. На интервью в американском посольстве в Москве всё чаще отказывали в праве на въезд в США по этим мотивам или предоставляли статус «Пароль» с правом проживания в стране при наличии спонсора, гарантирующего возмещение расходов государства на любую помощь, оказываемую иммигрантам. Были изменены условия предоставления финансового гаранта и повышена ответственность спонсора, подписавшего гарантийные обязательства. Если раньше она была чисто формальной, то теперь лицо ставшее гарантом несло юридическую ответственность за погашение всех финансовых расходов, оказанных государством иммигранту.

Особенно большими такие расходы могли быть за медицинские услуги и компенсацию ущерба при автомобильных авариях или несчастных случаях.. Они порой исчисляются десятками тысяч долларов и по решению суда подлежали взысканию со спонсора.

С введением нового закона мало кто мог отважиться стать финансовым гарантом из-за риска благополучия своей семьи и опасности лишиться не только денежных сбережений, но и своих домов, другой недвижимости и транспортных средств. Спонсором теперь могли стать только очень богатые люди, которым возмещение расходов государства на помощь иммигранту разорением не угрожало.

Была ещё одна возможность въезда в Америку, когда гарантом становилось предприятие или организация, пригласившая иммигранта на работу. Воспользоваться такой возможностью было тоже не просто, так как редко какая фирма соглашалась стать спонсором для обыкновенного иностранного специалиста даже при наличии у него высшего образования.

В сложившейся ситуации многие иммигранты так и не смогли воспользоваться статусом «Пароль» для въезда в Америку. Многие, но не дети нашей Полечки. На свете не было таких преград, которые она не смогла бы преодолеть для удовлетворения желаний своих любимцев. В этом она была готова на любые лишения и страдания, и никакие трудности или расходы не могли стать тому преградой..

В поиске спонсора она нашла преуспевающего бизнесмена Диму, о котором в городе шла молва, как о добром и отзывчивом человеке, нередко оказывающем помощь многим иммигрантам, и в первую очередь евреям, в трудоустройстве. Конечно, речь не шла о личном спонсорстве. На это даже Дима не мог решиться, но он мог через свою фирму устроить приглашение на работу, которое явилось бы основанием для въезда в Америку.

Полечка напросилась поработать няней маленького ребёнка в семье Димы. В этом может быть не было ничего страшного. Многие наши знакомые подрабатывали таким образом несколько сот долларов в месяц для покупки автомобиля, мебели или решения других финансовых проблем. Спрос на такую работу был большим и она довольно высоко оплачивалась. Но наша Полечка не была похожей на других. Моя сестра работала усерднее многих и получала за свой труд меньше, чем кто-нибудь другой за подобную работу.. Она выкладывалась больше, чем позволяло здоровье в её семидесятилетнем возрасте, вскоре заболела и слегла в больницу.

Теперь уже против её работы по найму восстали не только мы с Анечкой, но и наши дети. Лечащий врач категорически запретил ей подымать тяжести весом более десяти фунтов и пригрозил исключить её из числа своих пациентов в случае невыполнения его предписаний и рекомендаций. Под нашим давлением она было

согласилась оставить работу, но своих обещаний не выполнила. Более того, когда жена Димы родила второго ребёнка, Полечка взялась ухаживать за двумя детьми, что было выше её сил. Она часто болела, её заболевания стали хроническими, но оставить работу категорически отказывалась.

Моя любимая и когда-то послушная во всём сестрёнка не изменила своего решения и тогда, когда, из-за нарушения ею режима и медицинских предписаний, от неё отказался её добрый и внимательный врач Ковальский, а мы пригрозили довести до сведения детей чего стоят ей заботы об их приезде в Америку. Последнего она опасалась более всего, но и оно оказалось мало эффективным. Ничто на Полечку не воздействовало. Она твердила одно: «Дом Димы я никогда не брошу, даже если туда мне придётся ползком добираться».

Нам очень жаль было Полечку, но терпеть больше её упрямство не было сил и мы поссорились. Поссорились по-настоящему. Не встречались какое-то время, не разговаривали, не звонили друг другу по телефону.

Обычно, когда ссорятся друзья или соседи, примирение как-то возможно, но когда поссорились родственники - это очень серьёзно. Каждый раз, когда в порыве жалости мы уже были готовы на примирение, обида возгоралась с новой силой из-за очередного поступка Полечки. Когда речь шла о служении детям, она была слепа и глуха ко всему и ко всем, что могло этому помешать. Месяцами длились наши размолвки, пока, не достигнув результатов, мы были вынуждены восстанавливать какие-то отношения.

Несколько лет она верой и правдой служила Диме и его семье. Нужно отдать им должное: они выполнили своё обещание и оформили для Бори и его жены Тани приглашение на работу.

Несмотря на то, что большинство наших родных и близких успели покинуть рухнувший Советский Союз и судьба разметала их по разным странам и континентам, душа болела за Россию. Я жадно ловил любую информацию о стране, где родились и умерли родители, где прошла большая часть моей жизни, где погибли мои братья и зверски была расстреляна вся родня.

Россия... Для кого-то мать, для кого-то мачеха. Жизнь наша, память наша, боль наша. Как бы мы не были далеки от неё, а вести оттуда ловим и мыслями туда

возвращаемся. Каждый день, в шесть утра по московскому времени (у нас это десять вечера) я включал свой коротковолновый «Grundig» и слушал «Голос России», который часом позже дополнялся более объективной информацией «Радио Свободы» и французского радио на русском языке. Новости были одна другой печальнее.

Жизнь стала трудной и опасной для большинства. Опасной непредсказуемостью будущего. Финансово-экономический кризис, начавшийся в начале девяностых, набирал силу и, казалось, ему не будет конца. Общество разъедала коррупция. Она поразила все эшелоны государственной власти. Промышленность пришла в полный упадок. Люди, которые за бесценок скупили ваучеры и стали владельцами заводов и фабрик, не смогли запустить их на полную мощность. Были разорваны все экономические связи. Из года в год росла безработица. Рабочим и служащим по полгода не платили зарплату. Миллионы людей стали жить натуральным хозяйством, в основном за счёт приусадебных участков. Особо трудной стала жизнь пенсионеров. Средняя московская пенсия была чуть больше четырёхсот рублей. Примерно 20 долларов, а на периферии ещё меньше. Пенсионеры практически лишились бесплатной медицины. Даже для инвалидов и участников войны, которым сохранили льготы на бесплатные лекарства, установили месячный лимит, который был достаточен на получение только самых дешёвых лекарств исключительно отечественного производства. Заболеваемость росла невиданными ранее темпами. Только по туберкулёзу за последние пять лет отмечен рост в десятки раз. Смертность значительно превысила рождаемость.

Понятие «демократия» скомпрометировано так, как никогда раньше. При Ельцине не стало цензуры, пришла полная свобода слова, собраний, митингов. Может быть даже излишняя свобода. Ею, например, и баркашовцы, и другие антисемиты во всю пользовались. И фашисты тоже. В московских газетах, которые нам часто привозили из Нью-Йорка, непристойно ругали президента. Читал я эту критику и думал: «Вы же его выбирали, за него голосовали, чего же теперь ругаете - это ваш выбор».

Однако, эта свобода слова на режим не влияла. Теперешние демократы значительно превзошли бывших партийцев в умении жить ни в чём себе не отказывая, в лицемерии, способности завораживать народ сказками о замечательном будущем. Люди, пришедшие к власти, оказались для большинства населения намного хуже предшественников. Самое отвратительное, что это были те же самые бывшие

секретари партийных комитетов разных уровней, номенклатура ЦК и обкомов партии. Как и раньше, они говорили одно, делали другое, а думали о третьем. В России была свобода, но не было демократии.

Рейтинг президента постоянно падал. Особенно на него повлиял расстрел парламента в октябре 1993-го года. После залпов из танков по Белому дому звезда Ельцина замигала, как перегорающая лампочка, а после бесславно проигранной чеченской войны 1994-95г.г. совсем потухла. Положение усугублялось прогрессирующей болезнью главы государства. В конце 93-го, во время поездки в Китай, его разбил инсульт. Отнялись рука и нога. Когда, в начале 1995-го года, началась предвыборная гонка, мнение врачей было однозначным: «участие в выборах смерти подобно». Казалось, что Ельцин не рискнёт выставить свою кандидатуру.

Но так только казалось. Президент решился идти ва-банк. Напряженный график, частые поездки, выступления усугубили болезнь. Два следующих один за другим инфаркта он перенёс в самый разгар компании. Последний случился в Калининграде в конце июня 1996-го года, а в начале июля предстоял второй тур выборов. Если бы Ельцин лёг в больницу, победа его оппонента Зюганова была бы обеспечена и пришлось прибегнуть к старым проверенным методам. Премьер Черномырдин, вслед за пресс-секретарём Медведевым поведали сказку, что у шефа «сел голос в связи с многочисленными публичными выступлениями», а стопроцентный лежачий больной в это время кантовался в своей резиденции, переоборудованной в больничную палату.

Такое, наверное, только в России возможно. Мощная пропагандистская машина, управляемая финансовыми алигархами, взяла под защиту Ельцина. И ничто не могло ей в этом помешать. Ни здоровье президента, ни опросы общественного мнения, согласно которым только 7% населения оказывало ему поддержку, ни сравнительно высокий рейтинг коммуниста Зюганова, победа которого на выборах тогда казалась наиболее вероятной.

Целенаправленная пропагандистская антикоммунистическая компания сделала, казалось, невозможное: Ельцин был вновь избран президентом. Показанная по телевизору инаугурация привела в ужас всю страну. В верности народу клялся живой труп, новый Леонид Ильич.

Только после выборов Ельцин, осознав безысходность своего положения, согласился на операцию, которая была блестяще выполнена российскими

кардиохирургами при помощи и содействии американских специалистов. Неминуемый фатальный исход был предотвращён, но чрезмерные нагрузки по руководству государством ему, конечно, были противопоказаны.

Трудно было ответить на вопрос, что ждёт Россию в ближайшем будущем.

66

Наши дети изо всех сил трудились и самоотверженно сражались за пристойную жизнь в Америке. Сменив несколько бухгалтерских должностей в различных организациях Баффало, Верочка убедилась, что эта нелёгкая и очень ответственная работа не сможет решить возрастающие финансовые проблемы их большой семьи. Володя хоть и выполнял работу соответствующую инженерной позиции, получал зарплату техника, которая была примерно такой же, как и у неё.

На помощь детей рассчитывать не приходилось. Наташка недавно закончила школу и стала студенткой университета, но ещё нуждалась в родительской поддержке, а подрастающие школьники Игорь и Анечка требовали всё больших затрат. Если дети Верочки ещё пытались подрабатывать разноской газет и бебиситорством, помогали выполнять домашнюю работу и хорошо учились, то Игорь от выполнения каких-либо обязанностей в семье отказывался, требовал к себе повышенного внимания и, по-прежнему, не отличался прилежностью в учёбе.

Расходы на выплату моргича и содержание семьи явно превышали наличные доходы. Попытки Володи подработать на ремонте и реставрации автомобилей не увенчались успехом и Верочка приняла трудное решение менять специальность, полученную в американском колледже, переучиваться.

В то время единственной специальностью, которой можно было относительно быстро овладеть и на которую сохранялся пока стабильный спрос было программирование. Это была «профессия века». В последние годы в программисты пошли все - физики и лирики. Среди эмигрантов бытовала поговорка: «В программисты я пошёл, пусть меня научат». В Нью-Йорке и других городах появилось бесконечное количество курсов и школ, где учили «на программиста», но научиться этому было не так уже и просто..

Во-первых, на это нужны были деньги. Сравнительно дешёвые девятимесячные курсы стоили несколько тысяч долларов. Во-вторых, в Баффало таких курсов не было, а главное: эта наука далеко не всем давалась. Многие после

окончания курсов и компьютерных школ так и не смогли найти работу по этой специальности или лишались её через какое-то непродолжительное время.

Здесь на замечание босса: «Вы ничего не знаете» нельзя ответить, как было принято у нас: «Но я учила». Идти в программисты нужно с открытыми глазами. Нет программиста вообще, как и нет инженера или врача вообще. Нужно трезво оценить, что ты знаешь и можешь, что ты хочешь и на что можешь рассчитывать в будущем.

Верочка такой анализ сделала и пришла к выводу, что у неё есть основания надеяться на успех в учёбе и будущей работе. Во-первых, у неё был определённый уровень знаний, полученный в институте, на курсах программистов в Союзе и в здешнем колледже, во-вторых, она довольно продолжительное время занималась программированием и работала на ЭВМ в Минске, а главное, ей эта работа нравилась.

Конечно, наша дочь отдавала себе отчёт в том, что её опыт и уровень знаний не достаточен для работы по этой специальности здесь, в Америке, что она не знакома с новыми перспективными компьютерными технологиями и не обладает необходимым американским опытом, но она не сомневалась в том, что сможет их освоить, приобрести и стать полноценным специалистом в этой области.

Труднее было решиться бросить работу, которая обеспечивала почти половину их семейного дохода и оставить на время учёбы детей без присмотра. Она понимала, что вряд ли найдёт приличную работу в Баффало и им придётся для этого переезжать в другое место, где есть спрос на специалистов этой профессии.

Взвесив все «за» и «против», Верочка приняла решение поступить на курсы программирования в Нью-Йорке. Решение далеко не бесспорное и довольно рискованное. Нужно отдать должное нашей дочери: она всегда отличалась смелостью и решительностью в сложных жизненных ситуациях. Настоящий боец.

Нельзя не отметить отношения к этому важному вопросу Володи. Он не только безоговорочно поддержал жену, но и подыскал побочный заработок, чтобы хоть как-то залатать дыры в семейном бюджете. Большого дохода это им не принесло, но здесь были не столько важны деньги, как поддержка и солидарность.

А деньгами помогли тогда мы, отдав ей свои небольшие сбережения. Кроме расходов на учёбу, ей нужно было платить за жильё, питание и городской транспорт, что в Нью-Йорке стоит довольно дорого.

Взяли на себя заботы о доме и детях: закупку продуктов, готовку, стирку. Во многом помогла моя сестра Полечка. Она несколько месяцев жила в их семье и выполняла работы по хозяйству.

Как я уже упоминал, нас с Анечкой часто мучила совесть, что нашим детям оказывалось недостаточное родительское внимание. Всё потому, что у нас на это не хватало времени. Мы были по горло заняты работой, которая поглощала нас целиком. Воспитание детей происходило не посредством наставлений и нравоучений, а собственным примером. Может быть это и не самый худший метод, но угрызение совести от недоданного детям внимания не покидало нас всю нашу жизнь.

Здесь, в Америке, на старости лет у нас появилась какая-то возможность оказывать больше внимания младшим поколениям нашей семьи, и мы были рады ею воспользоваться, как бы отдавая им накопившийся годами долг. Дети теперь часто отказывались от наших забот, не желая нас утруждать ими, но когда на то соглашались, мы делали это с желанием и удовольствием. Особенную готовность чем-то послужить им проявляла Анечка.

Верочка с благодарностью принимала нашу помощь, отвечала на это вниманием и любовью, а главное - усердием в учёбе. Курсы она закончила досрочно за неполных четыре месяца и сделала важный шаг на пути к достойной жизни в Америке.

67

Как быстро бежит время! Кажется, совсем недавно мы приехали в Америку и были свидетелями президентских выборов 1992-го года. Именно только свидетелями, потому что не были гражданами и не имели право участвовать в голосовании. Здесь действуют чёткие сроки выборов. Президент избирается на четыре года и может быть переизбран ещё раз только на один дополнительный срок. Выборы всегда, со времени принятия Конституции, проводятся через четыре года в первый вторник ноября. И вот наступило время очередных выборов.

Несмотря на то, что участия в них мы и на сей раз ещё не принимали, их результаты для нас были совсем не безразличны. От того, кто станет президентом и каким будет состав Конгресса, во многом зависело финансирование социальных программ, являющихся источником существования людей пожилого возраста, особенно иммигрантов-беженцев. Нас, как постоянных жителей страны, не могли не интересовать внутренняя и внешняя политика будущего правительства.

Борьба, как всегда, шла между кандидатами Демократической и Республиканской партий. Основным противником Клинтона, выставившего свою кандидатуру на второй срок, был республиканец Доул - бессменный сенатор на протяжении нескольких десятилетий, участник войны во Вьетнаме, безупречный семьянин.

В избирательной платформе Республиканской партии «Контракт с Америкой», принятой перед выборами в Конгресс 1994-го года, были обещания снизить подоходный налог и налог на прибыль, ликвидировать налог на наследство. В ней предусматривался также сбалансированный бюджет - такой, в котором расходы не превышали бы поступления в казну. Более 30 лет федеральный бюджет был каждый год дефицитным и за это время государственный долг превысил три триллиона долларов.

Промежуточные выборы 94-го года завершились триумфом республиканской партии.. Впервые за 40 лет они получили контроль в обеих палатах Конгресса. Можно было сомневаться в том насколько обоснованы планы республиканцев, но их обещания в то время были весьма соблазнительными для многих избирателей.

Сторонники Клинтона обвиняли Доула в том, что он защищает только интересы богатых. Они утверждали, что мало состоятельные граждане и тем более живущие ниже официального уровня бедности от его обещаний практически ничего не выиграют. Демократов, кроме снижения налогов, больше волновало истощение пенсионного фонда, финансирование медицинской программы Медикер и других социальных программ.

Успехи администрации президента в последние годы были бесспорны. Экономика развивалась высокими темпами, снижалась инфляция, уровень безработицы стал самым низким за несколько десятков лет. Были успешно решены важные внешнеполитические задачи и их перечень выглядел впечатляюще. Тем не менее не было уверенности в том, что на выборах Клинтон получит необходимое большинство голосов. Одной из веских тому причин были продолжающиеся и набирающие силу слухи о супружеской неверности любвеобильного предводителя американской нации.

Трудно сказать чем бы закончилась предвыборная гонка, если бы кроме двух основных кандидатов в неё не включилось несколько других претендентов на президентское кресло. Одним из них, как и на предыдущих выборах, стал техасский

миллиардер Росс Перро. Воспользовавшись правом, дарованным Конституцией каждому родившемуся в стране гражданину, он и на сей раз выставил свою кандидатуру в президенты. Играя на чувстве неудовлетворённости избирателей, как Доулом (ему уже перевалило за семьдесят и он защищал интересы богатых), так и Клинтоном (аморальное поведение), Перо привлёк на свою сторону 8 процентов, разочаровавшихся в Республиканской и Демократической партии избирателей, что явилось достойным результатом для кандидата «третьей» партии. Он финишировал с такими показателями не потому, что был лучшим среди других претендентов (кроме основных), а потому, что имел неограниченные финансовые возможности и мог расходовать огромные средства на избирательную компанию.

Когда Перо сошёл с дистанции (на победу он и не рассчитывал), большинство отданных за него голосов досталось Клинтону и этого было достаточно для избрания его президентом.

Важную роль в успехе демократов на выборах и на сей раз сыграла жена президента. Несмотря на то, что сплетни о неверности её мужа множились с пугающей быстротой, она вела себя внешне спокойно и достойно, чем убеждала, в прочности семейных уз и полном доверии супругу. Ни одна сколько-нибудь важная служебная или политическая поездка Клинтона не обходилась без Хиллари. Её популярность в Америке непрерывно росла. Женщины сочувствовали ей, как обманутой жене. Больные люди разного цвета кожи, дети и родители были благодарны за социальные программы, которыми она занималась как жена президента.

На мой взгляд демократы в долгу перед Первой леди, так как она помогала собирать средства на их избирательные компании и внесла бесценный вклад в победу их кандидата на президентских выборах.

Историки, наверное, ещё сделают вывод, насколько повезло миру, что на исходе XX века, в сложнейшее время ломки старых и появления новых геополитических реалий, Америку возглавлял Уильям Джефферсон Клинтон.

68

Как-то в одной русскоязычной газете прочёл материал о торжестве в Нью-Йоркском консульстве Израиля. Там прошла церемония, на которой была увековечена память одной мужественной украинской женщины, которая в годы немецкой

оккупации, рискуя жизнью, прятала у себя двух еврейских детей. Ей посмертно было присвоено звание Праведника мира.

Сообщалось, что в Израиле, в его вечном сердце -Иерусалиме, в музее Яд Вашем, на аллее Праведников в честь каждого из них высаживается дерево и их имена высечены на Стене Почёта.

Эта публикация навела на мысль сообщить всемирно известному музею о подвиге двух немировских украинских женщин, спасших в годы войны жизнь моей сестре Полечке.

Я описал полную ужаса историю, как наш старший брат Сёма в конце июня 1941-го года вывез нас с Полечкой и свою жену Шуру из Красилова накануне его оккупации немецкими войсками. О том, как привёз в Немиров, где жили её украинские родственники, откуда он и я ушли на фронт; как Шура предала двенадцатилетнюю Полечку, когда в город пришли немцы; как моя сестрёнка оказалась в немировском гетто; как далёкая родственница Шуры, тётя Анюта, подкупив полицая, вывела её оттуда и два с половиной года прятала от немцев у себя и у другой родственницы Любы Роик.

Со слов Полечки я рассказал о смертельной опасности, которой подвергались её спасители. Оккупанты объявили: каждого кто укрывает евреев ждёт расстрел, а всех кто выдаст «юда» ожидает награда. В доме Анюты был произведен обыск. Всё тогда закончилось благополучно только потому, что к тому времени роль спасителя взяла на себя Люба.

Полечке было вдвойне страшно: и за себя и за её спасителей. Было невозможно представить, что их могут убить из-за неё. Они рисковали не только собой, но и своими детьми. У Анюты был трёхлетний сын Боря, а у Любы пятилетний Жора. А они надеялись, что пронесёт, что Бог милует и часто молились: «Спаси, Господи, пронеси, Господи!».

Тётя Анюта возмущалась поведением своей родственницы Шуры, предавшей Полечку и своего мужа Сёму. Она считала, что ей следовало заблаговременно эвакуироваться из Немирова, как это сделали многие еврейские семьи, партийные и советские работники. Выражала также недовольство соседями, которые грабили квартиры, откуда выехали евреи.

Рассказал я в том письме и о доброй, отзывчивой украинской девушке Ирине Прысич - младшей сестре Любы, которая часто приходила к Полечке, приносила еду, одежду, лекарства и ухаживала за ней, когда она болела.

Вскоре прибыл ответ из Иерусалима. Отдел «Праведники Мира» музея Яд Вашем сообщил об открытии дела на спасителей Полечки. Были запрошены свидетельские показания из Немирова. Около двух лет длилась переписка и сбор материалов, пока специальная комиссия, возглавляемая верховным судьёй государства Израиль, приняла решение о присвоении Анне Ладубо (посмертно) и Любови Роик почётного звания «Праведники Народов Мира» в знак глубочайшей признательности за помощь, оказанную еврейскому народу во время Второй Мировой войны.

Медаль и Почётная грамота были торжественно вручены престарелой и тяжело больной Любе Роик. Анна Ладуба своего награждения не дождалась. Она и её сын умерли до нашего отъезда в Америку. Почётная медаль и грамота в память о подвиге, совершённом ею, вручена моей сестре Полечке, которая была ею спасена.

Праведники мира... Люди большого мужества и благородного сердца. Они, рискуя жизнью, спасали от рук фашистских палачей еврейских детей. За тысячи километров от нашей бывшей родины, через десятки лет после окончания войны мы низко кланяемся им, нашим спасителям и добрым друзьям.

Для Полечки со времени войны Анна Борисовна Ладуба, Любовь Мартыновна Роик, Ирина Мартыновна Прысич стали родными. Она часто писала им и приезжала к ним в Немиров из Риги и Ейска. Где бы она ни была, куда бы не ездила, всегда самые дорогие подарки для них. И сейчас она, из своего скромного пособия, посылает посылки не сыну и внукам в Москву, а своим спасителям и их семьям на Украину. Из Америки, где сегодня живёт большая часть евреев, спасшихся во время Холокоста, она шлёт низкий поклон людям, спасшим ей жизнь в страшном военном лихолетьи.

69

Мне всю жизнь казалось, что антисемитизм был всегда. Да и было от чего. Две тысячи лет рассеяния, преследований и гонений, кровавые убийства евреев в России при Иване Грозном, Богданом Хмельницким на Украине, погромы и газовые печи в годы моей молодости. Особенно много погибло моих соплеменников во время войны на оккупированной немцами территории Белоруссии, Украины, России.

На Украине, где прошло моё детство и юность, к середине 1941-го года проживало 2,6 миллиона евреев. По их количеству эта советская республика занимала тогда первое место в Европе и второе в мире - после США. За время оккупации фашисты и их пособники истребили более 1,5 миллиона человек. Ещё большими в процентном отношении были потери в Белоруссии, где до войны проживало около миллиона евреев.

В царской России понятие «еврей» и «иудей» были синонимами: означали принадлежность к иудаизму. Стоило иудею перейти в христианство и он переставал быть евреем. С него снимались все ограничения, установленные в законодательном порядке, в том числе запрет на государственную службу. В редких случаях еврей мог быть даже младшим офицером или самым мелким чиновником. Чтобы сократить проникновение евреев в другие, не запрещённые виды деятельности, была установлена процентная норма на поступление в учебные заведения - не более трёх процентов от числа студентов или гимназистов.

В советские времена официальной процентной нормы не было. В жизни, однако, она существовала и распространялась не только на сферу высшего образования. Поэтому почти не было евреев у кормила государственного управления и в партаппарате.

Даже в постсоветское время, когда Россия стала демократической, определённые ограничения сохранились и их пытались даже узаконить. Уже в годы правления Ельцина председатель одного из комитетов госдумы Ильюхин и отставной генерал Макашов предложили перевести практику «сдерживания евреев» на официальную основу, закрепить её законодательно. Их идея оставляла царскую Россию позади, так как имелось в виду официальное введение «процентной нормы» на все виды деятельности евреев.

Если раньше, во времена жестокой цензуры и государственного антисемитизма в СССР, слово «жид» можно было услышать из уст пьяного мужика, озлобленного за свою собачью жизнь, то теперь оно перекочевало на страницы газет, радио и телевидение, став как бы узаконенным. Тот же депутат Думы Макашов в своих публичных выступлениях широко пользуется такими выражениями и призывает к этническим чисткам в Кремле, а руководитель самой крупной думской фракции, лидер КПРФ Генадий Зюганов «не видит в этом состава преступления».

Лидер фракции либерально-демократической партии в Думе г-н Жириновский, желая, наверное, продемонстрировать свою непричастность к еврейской национальности, гневно обвинял Ельцина в засилии «борухов» в его правительстве и угрожал отправить в Магадан всех желающих уехать в Израиль.

Эти и другие высказывания представителей «национально-патриотической» оппозиции нарушают Конституцию РФ, запрещающую пропаганду национальной исключительности и разжигание межнациональной розни, но российская «фемида», призванная стоять на страже порядка, никаких конкретных мер не принимает, чем поощряет антисемитские выступления.

В результате такой безнаказанности, в стране, пережившей гитлеровское нашествие, потерявшей почти 40 миллионов человек, по улицам ходят люди со свастикой и призывают к погромам, рвутся взрывные устройства и льётся кровь в московских синагогах, совершается вандализм на еврейских кладбищах. Сегодня фразу «Бей жидов, спасай Россию!» можно встретить на стенах домов, на железнодорожных платформах, на трамвайных остановках и даже на здании синагоги. Экстремистских организаций, ведущих антисемитскую пропаганду, стало больше, чем во времена «чёрной сотни» при царизме.

Антисемитские выступления имеют место не только в России. Трудно назвать страну, где их совсем не стало. Они, со временем только меняют форму и содержание. До Катастрофы враги иудеев, были ли они язычниками, христианами или мусульманами, левыми или правыми, выражали своё отношение к евреям публично и без стеснения. Ныне многие антисемиты не признают себя антисемитами. Они нередко даже утверждают, что любят евреев. Лидеры некоторых арабских стран, целью которых является уничтожение еврейского государства, также часто заявляют, что они друзья и поклонники евреев.

Нет, однако, никакого сомнения, что всё это не более, чем риторика. После Холокоста термин «антисемит» стал слишком грубым и неудобным. Теперь те, кто раньше называл бы себя «антисемитом», используют термин «антисионист». Они отрицают, что ненавидят всех евреев и говорят, что борются лишь против тех, кто настаивает на сохранении своих национальных еврейских традиций и веры. Чтобы обосновать своё непризнание права евреев на Израиль, антисемиты отрицают, что евреи представляют собой нацию или народ. Они настаивают на том, что их

объединяет лишь вероисповедание. На самом деле антисионисты мало чем отличаются от других разновидностей антисемитов.

Поразительнее всего проявления антисемитизма в еврейском государстве, что само по себе - нонсенс. Сюда с волной репатриантов прибыло большое число неевреев и слово «жид» всё чаще звучит в Израиле в самом разном, но безусловно отрицательном контексте. Его используют и взрослые, и дети, что куда страшнее.

Америка, безусловно, одна из самых демократических стран мира. Правительство США ежегодно даёт приют десяткам тысяч евреев, подвергающихся гонениям и преследованиям на национальной почве в других государствах. Разительные отличия в отношении к себе мы почувствовали с первых дней пребывания здесь. Тем не менее в последние годы и тут заметно возросло количество приверженцев крайних взглядов, проявляющих ненависть к другим расам и нациям.

Экстремистские организации как правой, так и левой ориентации настойчиво ведут пропаганду ненависти к евреям. Возросшие в последнее время в России шовинистские и антисемитские настроения оказывают на них немалое влияние. Многие считают, что рост экстремистских организаций объясняется стремительными переменами в культуре и экономике.

Такими факторами стало быстрое развитие компьютерной сети Интернет и рост популярности рок-групп, воспевающих «власть белой рассы» и насилие над нацменьшинствами. В компьютерной сети появилось много сайтов расистских групп, которые ведут разнузданную расистскую, антисемитскую и террористическую пропаганду. Возрастающее движение экстремистов становится всё опаснее, как для правительства, так и для граждан. Они оставляют глубокие шрамы не только в душах жертв, но и во всём американском обществе.

Нечистоплотную и предвзятую политику по отношению к еврейскому государству занимает даже Организация Объединённых Наций. Израиль, единственное демократическое государство на Ближнем востоке, не пользуется в ООН малейшими симпатиями. Страна никогда не входила ни в Совет Безопасности, ни в комиссию ООН по правам человека, ни в какой-либо другой важный ооновский орган.

Израиль - единственное в мире государство, которое трижды подвергалось нападениям и агрессоры не были осуждены в ООН. Еврейское государство стало первой страной в мире, официальный курс которого в ООН обозначили и заклеймили как форму расизма.

Разнузданная антиеврейская истерия временами вспыхивает в европейских, азиатских, африканских и южноамериканских государствах. Сегодня на земном шаре нет континента свободного от антисемитизма. Куда от этого денешься? Вот почему у меня не было сомнений, что таков уж изначальный и вечный жребий еврейства.

Недавно в одной из газет прочёл публикацию о научных исследованиях последнего времени, которыми как будто доказано, что антисемитизма когда-то не было и он имеет место и дату своего рождения. Некоторые учёные пришли к выводу, что это позорное для человечества явление родилось в одной из первых еврейских диаспор Александрии - египетском городе, одном из центров древнего мира, основанном Александром Македонским. Они утверждают, что именно здесь, почти 2200 лет тому назад, и произошёл первый в истории еврейский погром, побудителями которого были клевета и злоба. Отсюда антисемитизм начал своё шествие по миру и дошёл до наших дней.

Ненависть к евреям возникла, когда они были в рассеянии, лишённые своего очага, своего Храма. Рассеяние явилось величайшим несчастьем еврейского народа, которое породило антисемитизм и его страшные проявления. Это была ненависть к гонимому, беззащитному, слабому. Она соединялась с завистью к достигнутому благосостоянию, к талантам и способностям, трудолюбию не сдающегося народа.

Но если у антисемитизма есть начало, то неминуемо должен быть и конец. На это можно надеяться и потому, что постепенно уходят в прошлое причины побудившие его возникновение. Наука и религия всё более разоблачают клеветнические измышления и лживые басни о евреях и их происхождении. Более полувека длится победное шествие государства Израиль. Еврейский народ перестал быть беззащитным и слабым. Если в диаспоре евреи ещё ощущают гонения и преследования, то у них теперь есть своё пристанище, своя историческая родина, которая готова их защитить и приютить. Всё это вселяет какую-то надежду в возможную кончину антисемитизма. Хочется в это верить.

Мне, конечно, этого увидеть не удастся, но к своей старости я всё более проникаюсь надеждой, что дети мои и, тем более, внуки будут тому свидетелями.

70

Наша невестка Ирина с самым маленьким моим внуком Андрюшкой приехала, как и ожидалось, летом 96-го года. Она, как и мы в своё время, поселилась

в пригородном Снайдере. Мы заблаговременно позаботились о необходимой мебели, обустройстве квартиры и сделали максимум возможного, чтобы создать семье покойного Мишеньки сносные условия жизни в первое время их пребывания в Америке. Особенно старались помочь Вова и Рита. Они помогли оформить необходимые документы на получение социального пособия, определили Андрюшку в школу, возили Ирину на занятия и по магазинам, подобрали недорогой автомобиль и обучили правилам его вождения.

Большую помощь им, как и другим прибывающим в город иммигрантам, оказал Jewish Community Center, который принял на себя оплату квартиры в течение первых месяцев проживания семьи в городе, снабдил их продовольственными купонами и постельными принадлежностями, выдал бесплатный билет на пользование всеми благами спортивно-культурного комплекса, оплатил пребывание Андрюшки в летнем детском лагере, помог получить медицинскую страховку и пособие по «Вэлферу».

Иринку, однако, все это не радовало. Она выглядела подавленной и упрекала нас в том, что мы вызвали их сюда на погибель. Всё вокруг её возмущало и раздражало: и график работы общественного транспорта, и стоимость билетов в автобусах и метро, и стиль одежды, которую предпочитали американцы, и непомерно высокая квартплата, которая вместе с коммунальными услугами и телефоном превышала размер получаемого ею пособия.

Даже обилие и ассортимент продтоваров в супермаркетах и возможность иметь всегда полный холодильник разнообразных продуктов за счёт получаемых ими фудстемпов большого впечатления не произвели. Более того, она не переставала возмущаться отсутствием здесь кефира и ряженки, любимых ею сортов хлебобулочных изделий и многого другого к чему она привыкла там.

Адаптация к новой жизни в Америке складывалась у Иринки очень сложно. Но у кого она была лёгкой? Говорить об этом - ломиться в открытую дверь. И нам она далась не без серьёзных проблем. Всем они знакомы и излишне напоминать о потере социального статуса, о необходимости овладения английским языком, о частой смене профессий нашими детьми и многом другом, что пришлось пережить в первые годы. Но, в отличие от нашей невестки, мы никогда не сожалели о принятом решении.

Иринка же в первое время как-то растерялась, отказывалась от борьбы и порой готова была бросить всё и возвращаться домой в свою милую Беларусь, в свой

родной Минск, где всё было так ясно, привычно и знакомо. Она быстро забыла пустые полки минских магазинов, очереди за продуктами, полупустой холодильник и вечную проблему тощего кошелька в ожидании очередной получки. Возможно, она бы на это и решилась, если бы не продала там квартиру и машину, была бы уверена, что ей, бежавшей со своей Родины, удастся найти работу, подобную прежней, и не уговоры Алёнки и Андрюшки, которым Америка понравилась с первых дней.

С каким упоением Иринка рассказывала теперь всем о своём былом «величии»! Шутка ли, она была удостоена чести служить ведущим специалистом в Национальном банке республики Беларусь! А как её ценили!..

Нам были понятны её чувства и настроение. На самом деле трудно забыть то, что Родиной зовётся, многолетний опыт, профессионализм, умение. В отличие от наших детей у неё не было оснований бежать от антисемитизма. Она, после смерти Мишеньки, не ощущала более на себе отрицательного влияния еврейского происхождения своего мужа. Не чувствовали этого и её дети, которые перестали носить еврейскую фамилию. Зуськовы в Белоруссии принадлежали к основной национальности, не были людьми второго сорта, могли наиболее полно выразить себя, реализовать свой потенциал.

Мотивацией иммиграции для Иринки служили, главным образом, экономические соображения. Побудительными мотивами для выезда в Америку для неё стало стремление к улучшению жизненных условий, поиск материального благополучия и уверенности в лучшей жизни для своих детей. Уровень жизни в Белоруссии из года в год снижался. Прожить на зарплату государственного служащего, даже такую, как у ведущего специалиста Национального банка, становилось просто невозможно. Необходимый доход для приличной жизни можно было получить только предпринимательской деятельностью, а наша невестка была лишена коммерческой жилки и стать бизнесменом или коммерсантом не могла.

Здесь же она поняла, что жизнь эмигрантов в Америке не такая уж сладкая, как представлялось ей там, что её знания и опыт могут быть и не востребованы, что ей придется переучиваться и приобретать новую специальность. Несколько интервью по разосланным резюме убедили её в том, что приглашение на собеседование ещё не означает, что ты будешь принят на работу. Знакомство с американской жизнью принесло разочарование, откуда и появилось уныние, тоска по покинутой Родине и мысли о возвращении домой.

Мы, как могли, пытались успокоить Иринку, убеждали её в том, что со временем всё наладится, что нельзя жить с головой повёрнутой только в прошлое, что эта страна даёт возможность состояться всем, у кого есть воля, упорство и разум. А этого ей не занимать.

Понемногу наши усилия стали давать результаты. Во многом этому способствовало получение субсидированной квартиры. Теперь расходы на жильё и коммунальные услуги составляли только половину пособия и появилась возможность расходовать больше денег на одежду и другие потребности. Приобрели второй автомобиль для Алёнки, которая успешно училась в университете и стала понемногу подрабатывать.

По совету наших детей Иринка решила переучиваться. Она поступила в колледж и на курсы программирования, где пригодились её экономическое образование, знания и способности. Полученная ею новая специальность давала больше возможности для трудоустройства. После длительного и упорного поиска она нашла хорошо оплачиваемую работу программиста в штате Нью-Джерси и переселилась с Андрюшкой в город Эдисон.

Во многом ей в этот трудный период становления помогла Верочка.

71

Наша связь с родными и друзьями за пределами Америки не прерывалась. Писали письма, разговаривали по телефону, отправляли посылки. В помощи нуждались родственники в Днепродзержинске и Ленинграде, друзья на Украине и мы старались их поддержать морально и материально. Они благодарили за внимание и приглашали в гости. Очень хотелось побывать на нашей бывшей родине, навестить любимых и близких, посидеть у могилок сына, брата, родителей, но, к сожалению, реальной возможности для этого всё ещё не было.

Часто вспоминали своих одесских родственников. Большая их часть уже покинула Украину и местом их проживания стала Германия. В городе, «который я вижу во сне», «жемчужине у моря», где прошла юность, родилась любовь и образовалась наша семья, ещё оставалась только племянница Светочка с детьми. Да и они сидели на чемоданах в ожидании разрешения на выезд.

Так уж повелось, что от имени всех «одесситов» переписку вёл глава семейства Боря - дядя Боря из Одессы, как его любовно называли наши дети. Его

письма были частыми, содержательными и очень интересными. Из них можно было узнать не только подробности их жизни на чужбине, семейную хронику, детали адаптации трёх поколений Крепсов в побеждённой Германии, великодушно приютившей теперь многих своих обнищавших «победителей», но и об отношении автора к происходящим в мире событиям, о его представлении обозримого будущего, сокровенных личных и семейных планах. На восьмом десятке жизни Боря оставался таким же мечтателем, как и в далёкой своей молодости. Правда, мечты его теперь касались уже не реформ советского здравоохранения и сплошной диспансеризации сельского населения, как это было раньше, а относились больше к обустройству детей на новом месте, учёбе и профессиональной подготовке внуков, укреплению материальной и финансовой базы семьи. И ещё он мечтал о поездке в Америку и о встрече с нами.

Мы перечитывали письма Бори по несколько раз. В них были добрые советы и масса юмора. Трёх листов в почтовом конверте, ему было мало и он стал отправлять бандероли, в которых были стенные газеты размером в несколько чертёжных листов. В их издании какое-то участие принимали дети и маленькие внуки, и потому подпись под ними стояла «Дебо», что значило: дети и Боря. Конечно, всю основную работу выполнял он сам, а дети только ему помогали, но, желая поощрить их участие в этом важном деле, Боря подписывал их первыми. Редколлегия носила громкое название «Рекламно-информационное издательство хроники семейно-политизированной жизни», а издаваемый ею печатный орган почему-то назывался «Независимая газета».

Когда я как-то спросил чем вызвано такое название, мне разъяснили, что оно в духе современных тенденций. После образования независимых государств вместо братских союзных республик, теперь уже «самостийности» стали требовать автономные республики, края, области, экономические зоны и даже отдельные города когда-то «единого и могучего» СССР. Идя в ногу с модой, Боря объявил «независимой» свою большую мешпуху, которая на самом деле отделилась от своей бывшей родины. Вот почему семейную газету назвали «независимой».

Её издавали обычно к каким-то важным событиям в семейной жизни: юбилеям, дням рождения, серебряным или золотым свадьбам, смене места жительства. Газеты отличались художественным вкусом, обилием памятных фотографий и забавных карикатур, были полны тонкого юмора. Читать их было одно удовольствие.

Запомнился специальный выпуск, посвящённый золотому юбилею семьи Крепсов. Боря познакомился с Люсей в начале войны в госпитале, где она была медсестрой. Они вместе прошли по военным дорогам России, Украины, Польши, Германии. Их брачный союз состоялся в поверженном Берлине, выдержал испытания послевоенного лихолетья, оставался прочным и нерушимым на протяжении полстолетия. Они вырастили и воспитали двух дочерей и четырёх внучек, которые, как и они, стали медиками. Им было что вспомнить и о чём рассказать.

Юмористическое повествование получилось содержательным, поучительным и очень остроумным. В нём чувства родительской любви к младшим поколениям, гордости успехами детей в труде и учёбе чередовались с затаённой обидой на проявляемую порой неблагодарность, неприязнь и неуважение к старшим.

Газета призывала к взаимному уважению, семейной гармонии и полной солидарности поколений. К себе в помощь редактор привлёк гигантов мысли и известных мыслителей. Вот некоторые из приведенных там высказываний:

«Любовь к родителям - основа всех добродетелей» (Цицерон).

«Неуважение к предкам есть признак безнравственности» (Пушкин).

«К родителям относись так, как ты желал бы, чтобы твои дети относились к тебе» (Исократ).

«Отношения между родителями и детьми так же трудны и столь же драматичны, как отношения между любящими» (Моруа).

«Острее жалит боль, когда её причиняет кто-нибудь из близких» (Бабрий).

Боря не жаловался на неуважительное к себе отношение, но обида в его письмах определённо просматривалась. Его преданность своим девочкам была примерно такой же, как моей Полечки к её мальчикам. Он безумно любил детей и любое их желание выполнялось им безропотно даже тогда, когда против этого восставала Люся. И теперь, в своём преклонном возрасте, дедушка во всём старался угодить внучкам и, как только мог, помогал своим дочерям.

Под одной из остроумных карикатур в юбилейном номере газеты была надпись: «У Вики живёт дедушка, без дела не сидит, он моет всю посуду, газеты мастерит». В рифму были многие другие заметки и надписи под фотографиями.

Газету сопровождало письмо, в котором Боря убедительно просил приехать на свой день рождения, который отмечался в марте. Он и раньше часто в гости приглашал, но на этот раз его просьба была особенно настойчивой. К тому времени

здоровье его стало пошаливать и оптимизма поубавилось. Он уже не рассчитывал на возможность поездки в Америку и умолял о встрече в Европе. Что-то тревожное слышалось в его зове. Напрашивалось решение: нужно непременно ехать.

Мы решились на это, и заказали билеты на начало марта.

72

Дорога предстояла трудная и мы тщательно к ней готовились. Наш добрый и отзывчивый друг Николай из фирмы «Interport travel» позаботился о дешёвых билетах, что было весьма важно при нашем небольшом пособии. Прямого рейса из Баффало на Дюссельдорф нет и предстояли пересадки в Детройте и Амстердаме. Такую далёкую и сложную поездку мы с Анечкой совершали впервые.

Был, правда, трансатлантический перелёт из Минска в Баффало, когда мы навсегда покидали свою родину, но тогда нас в Нью-Йорке встречали представители «Хиаса», которые позаботились о нас на пересадке, а тут нужно было самим решать все вопросы по регистрации билетов, оформлению багажа, поиску нужных «гейтов». И это с нашим-то английским. Немаловажным было и то, что тогда нам ещё и семидесяти не было, а теперь по полдесятка годов прибавилось, и мы давно успели пересечь отметку официальной старости. В таком возрасте пять лет имеют важное значение.

Кроме того, ехать предстояло отнюдь не с ручной кладью. Наш багаж состоял из нескольких больших чемоданов, набитых личными вещами в расчёте на трёхнедельное проживание в гостях и подарками для многочисленных родственников.

В общем мы имели веские основания считать, что намеченная поездка окажется для нас во многом более трудной, чем наш первый перелёт через Атлантический океан.

На самом деле всё оказалось проще. Нам даже показалось, что мы перенесли эту далёкую и сложную дорогу намного легче, чем пять лет тому назад. Во-первых, не было хлопот и волнений при таможенном контроле, подобных тем, которые нам достались в Минске при посадке на самолёт. Там все наши баулы и сумки были выпотрошены наизнанку, а меня подвергли унизительному обыску в кабинете таможенного начальника. Здесь всё заняло считанные минуты и свелось к просвечиванию чемоданов, которое проводится для обеспечения безопасности полёта.

Других проблем с багажом не было. О нём нам напомнили только в конце полёта после посадки в аэропорту Дюссельдорф.

Не чувствовали мы также серьёзных трудностей и на пересадках. Нашего английского оказалось достаточно, чтобы зарегистрировать билеты, узнать расписание рейсов и даже для объяснений с пограничниками при проверке паспортов. Авиакомпании в Америке и Европе обеспечили прекрасный сервис в полёте, и мы перенесли дорогу намного легче, чем предполагали.

В аэропорту нас встречала группа родственников во главе с Борей, который выглядел молодцом и, как нам показалось, мало изменился за прошедшие пять лет. Даже морщин как будто не прибавилось. Та же копна чёрных волос, уложенных волнами, та же добродушная улыбка, те же одесские хохмы, репертуар которых заметно возрос.

Встреча была необыкновенно тёплой и волнующей. Были цветы, объятия, поцелуи. Муж Аллочки - Лёва легко справился с нашими чемоданами, усадил всех в свой небольшой, но довольно вместительный автомобиль и лихо повёл его через центр города, который показался нам уютным и красивым. Дюссельдорф по своим размерам был не больше нашего Баффало, но дома здесь отличались повышенной этажностью и было намного больше общественного транспорта, от чего он казался очень шумным. Сплошной чередой двигались трамваи, от которых мы в Америке успели отвыкнуть. У нас по улицам ходят только автобусы и то не очень часто. Основным средством передвижения являются собственные легковые автомашины.

Апартмент Бори находился недалеко от центра, в десяти минутах ходьбы от железнодорожного вокзала. Он состоял из двух комнат, довольно просторной кухни, имел все необходимые удобства и был обставлена не новой, но удобной мебелью. Конечно, ничего похожего на их большую и роскошную квартиру на Пастера, в центре Одессы, в нём не было, но он был достаточным по площади и выглядел вполне прилично.

Люся встретила нас очень радушно. В гостиной был накрыт праздничный стол с обилием закусок и напитков. Всё было почти так же, как когда-то в Одессе на больших семейных торжествах.

Наши подарки произвели впечатление и удивили хозяев обилием и добротностью. Особенно понравилась привезенная из Америки одежда, обувь,

головные уборы. Оказалось, что они вполне соответствовали здешней моде и вкусам как молодых, так и пожилых наших родственников.

По всему чувствовалось, что наш приезд стал для Бори, Люси, и их детей большим и радостным событием в однообразной и тоскливой эмигрантской жизни.

73

Разработанный Борей сценарий нашего пребывания в Европе отличался размахом и разнообразием. Тут было и ознакомление с достопримечательностями Дюссельдорфа, и прогулки в места отдыха и развлечений, и посещение местных музеев, и большая программа экскурсий по городам Германии и в соседние государства.

Каждый день был насыщен интересными мероприятиями, оставившими незабываемые впечатления, но самое большое удовольствие мы получали от общения с нашими родственниками. С Борей и Люсей мы провели почти три недели, за вычетом дней пребывания в зарубежных экскурсиях, которые им были уже не под силу. Мы вместе гуляли по городу, ходили по магазинам, посещали музеи, обсуждали проблемы детей и внуков, вспоминали прошлое. По вечерам читали рукопись моей книги, которая не была ещё к тому времени закончена и отредактирована. Она вызвала у них большой интерес. Они просили выслать её, как только она выйдет из печати. Часто включали привезенный из Одессы коротковолновый «Grundig» и слушали новости из Москвы, Киева, Минска. Наши интересы, как и раньше, были схожими и радость от общения взаимной.

В один из первых дней пребывания в Дюссельдорфе посетили выставку картин выдающегося русского художника конца 19-го, начала 20-го столетия Михаила Врубеля. Можно было только поражаться познаниям Бори в области искусства вообще и модернистского его направления в частности. Он подолгу задерживался у многих картин и делился своими впечатлениями об особенностях творчества легендарного представителя русского символизма.

Из загородных экскурсий вместе побывали только в Кельне, что в полутора часах езды от Дюссельдорфа. В сопровождении русского гида совершили прогулку по городу, который в годы минувшей войны был почти полностью разрушен бомбовыми ударами авиации союзников. Сейчас это один из красивейших городов страны,

крупный промышленный и культурный центр Западной Германии, население которого превышает миллион жителей.

Незабываемое впечатление осталось от посещения выдающегося памятника древнего зодчества - известного во всём мире Домского кафедрального собора. Красота и изящество этого удивительного строения поражают воображение. Его высота превышает 300 метров и возведено это чудо-здание из деревянных деталей. Мозаика и картины, украшающие стены храма не могут оставить никого равнодушным. Интересно отметить, что собор стал единственным высотным зданием в центре города, уцелевшим от бомбёжек.

Боря и Люся старались не отставать от группы и с интересом слушали увлекательный рассказ гида, но нельзя было не видеть каких усилий это им стоило. К концу экскурсии они совсем выбились из сил и мы были вынуждены отделиться от других туристов, чтобы дать им возможность отдохнуть. Нам они ни на что не жаловались, но без слов было понятно, что такие нагрузки им противопоказаны. Оба тяжело дышали и с трудом передвигались. В этой поездке мы воочию убедились в том, что их бравый вид является кажущимся, а на самом деле они тяжело больные люди, нуждающиеся в повышенном внимании и постоянном медицинском надзоре. С трудом нам удалось убедить их в том, что от некоторых других предстоящих нам загородных и зарубежных экскурсий им следует воздержаться.

Оберегая своих гостеприимных хозяев от чрезмерных нагрузок, мы настояли на сокращении экскурсионной программы. Из неё было исключено ряд поездок по Германии, в том числе экскурсии в Бонн, Мюнхен, Берлин, посещение Замков Рейна. С этим Боря с трудом согласился, но категорически отказался отменить экскурсии в Париж и Амстердам. Он утверждал, что такой грех на свою душу взять не может. После долгих дискуссий пришли к компромиссному решению, что во Францию и Голландию мы поедем, но без них, а они совершат туда экскурсии позднее в сопровождении детей, когда будут себя лучше чувствовать.

Побывать в Париже было мечтой моей жизни. Я в своё время уплатил бы за это любые деньги, но меня туда не пускали. Как-то в годы Хрущёвской оттепели, когда был несколько приподнят «железный занавес» и многие могли свободно выезжать на экскурсии не только в Болгарию, Чехословакию или ГДР, но и в

капстраны, мы с Анечкой решили пожертвовать своими сбережениями на турне по Европе, но не прошли комиссию в райкоме партии. Нам тогда предложили взамен поездку в Венгрию и Румынию от которой мы отказались. Не раз меня и позднее, когда я возглавлял крупное производственное объединение, исключали из списков на зарубежные служебные и научные командировки по пресловутому пятому пункту анкеты. Я с этим смирился и до нашего отъезда из Белоруссии больше на такие поездки не претендовал.

Отказаться от реальной возможности побывать во Франции и Голландии, находясь в нескольких часах езды от столиц этих государств, было выше моих сил. К тому же это было баснословно дешево. Трёхдневная экскурсия в Париж-Версаль на 4-х звёздочном автобусе с русским гидом, проживанием в комфортабельной гостинице и бесплатными завтраками стоила всего полтораста долларов, а поездка из Дюссельдорфа в Амстердам, включая прогулку по каналам, только 69 долларов! О таких ценах в Америке и мечтать нельзя. Можно ли удивляться тому, что мы уступили уговорам Бори и согласились на эти поездки.

Предлагались ещё экскурсии в Вену, Брюссель, и Женеву, но от них мы наотрез отказались, так как это сокращало и без того малое время для общения с родственниками и связано было с расходами, которые мы не могли себе позволить.

Чтобы подробно описать свои впечатления от посещения Парижа потребовалось бы написать отдельную книгу, но и не рассказать читателю хотя бы кое-что об этом удивительном городе я просто не могу.

Должен сказать, что нам очень повезло с гидом. Им оказался редкий знаток истории, в прошлом школьный учитель из Ленинграда, специализирующийся на экскурсиях по Франции и Голландии Фима Гольдштейн. Он не только мог ответить на все возникающие у нас вопросы, но обладал удивительным красноречием, от чего его повествование воспринималось, как захватывающая, чарующая сказка.

Рассказывать о Париже и его тысячелетней истории довольно сложно хотя бы потому, что немного найдётся в мире городов, которые были бы до такой степени непосредственными участниками великих событий, изменивших ход истории. Здесь состоялась Французская революция 1789-го года, считающаяся важной вехой рождения современного мира, отсюда начались знаменитые походы Наполеона, тут произошли трагические события Парижской Коммуны 1871-го года. Город не раз подвергался нашествию зарубежных завоевателей, включая римское войско под

водительством Юлия Цезаря, английскую оккупацию 1430 года и фашистское нашествие в годы Второй мировой войны. В 1940-м году Париж был оккупирован германской армией и освобождён союзными войсками только в 1944-м году. С того времени и по наши дни столица Франции, возвратившись к своим традициям свободного жизнелюбивого города, вновь сохраняет достойное место в мировой истории и культуре.

Трёхдневное пребывание в Париже было расписано по часам и произвело на нас неизгладимое впечатление. Сказочное путешествие началось с обзорной экскурсии по городу. Вспоминаю и ловлю себя на мысли: мог ли я когда-нибудь раньше предположить, что буду ездить по этим улицам, гулять по знаменитым площадям и бульварам. Многие из них были до боли знакомы из литературы, кинофильмов, фотографий и картин художников. Одни названия чего стоят: Елисейские поля, площадь Согласия, Люксембургский сад, Бурбонский дворец, Пале-Рояль, Триумфальная арка, Центр Помпиду, Лувр, Эйфелева башня... Порой, казалось, что я уже когда-то здесь бывал. Возможно во сне.

После обеда посетили Нотр-Дам - Собор Парижской Богоматери, строительство которого началось во второй половине двенадцатого столетия и продолжалось без малого двести лет. Мы любовались гармонией стиля и формы мощного и величественного фасада этого непревзойдённого памятника архитектуры средневековья, статуями Галереи Королей над порталами центрального входа, ажурным окном-розеткой над ней, фигурой Мадонны с младенцем в окружении ангелов - в центре, Адама и Евы - по бокам здания.

При входе в собор поражаешься его размерам: 130м. в длину, 50м. в ширину и 35м. в высоту. Он может вместить более 9000 человек. Стены украшены произведениями искусства 17-18 веков, а на окнах-розетках сохранились великолепные витражи 13 века. Двойная галерея покоится на цилиндрических столбах-колоннах, а верх её венчают огромные окна, сквозь которые в собор проникает мягкий тёплый свет.

Прекрасны наружные боковые интерьеры здания. С живописной набережной Сены открывается великолепный вид на южную часть собора. Примыкающая к ней улица получила известность благодаря своим букинистам, торгующим старинными и современными книгами, картинами и гравюрами. Она пронизана истинно парижским духом.

В этот день мы побывали ещё во Дворце Правосудия. Посещение замка представляет большой интерес, так как вызывает в памяти далёкие и тревожные времена заговоров и мятежей. С 16 века здание служило государственной тюрьмой. Во времена Революции, его камеры были заняты тысячами граждан, которые проводили здесь свои последние часы, прежде чем подняться по ступенькам на гильотину. Здесь были казнены король и королева Франции.

Рядом с Дворцом Правосудия расположена капелла Сент-Шапель, по праву считающаяся жемчужиной готической архитектуры. Этот комплекс зданий был построен в 13 веке по заказу Людовика 9-го и предназначался для хранения реликвий. Центральное строение венчает ажурный, устремлённый ввысь шпиль высотой в 75 метров. Конструкция отличается необычайной лёгкостью. Структурные элементы производят впечатление тонкой вышивки, изящного кружева. Кажется, что вся архитектура перестаёт существовать и остаются только, поражающие необыкновенной красотой, огромные витражные окна.

После ужина нас повезли на Монмартр - один из наиболее живописных и любопытных кварталов Парижа - притягательный центр художников. Здесь каждый из них, от самого знаменитого до мало известного, оставил след своей жизни, своего творчества. Сейчас это любимое место отдыха парижан. Здесь вечером масса народа. Работают десятки кафе и ресторанов, играет музыка, можно купить всё, что твоей душе угодно. Чем-то всё здесь напоминает Старый Арбат в Москве.

Добрая половина следующего дня была отведена посещению Лувра - главной достопримечательности Парижа. Этот огромный по размерам и удивительный по красоте архитектурный ансамбль ведёт свою историю с 13-го века, когда король Филипп-Август для оборонительных целей построил мощную крепость вдоль Сены, которая занимала только четвёртую часть «квадратного двора» современного музея. Не будучи тогда ещё королевской резиденцией, крепость за своими неприступными стенами хранила королевскую казну и архивы. В 14-ом веке Карл 5-ый сделал из неё свою резиденцию и заказал строительство Библиотеки, получив вследствие этого прозвище «Мудрый». В 16-17 столетиях были внесены большие конструктивные изменения в прежний проект в соответствии с требованиями Ренессанса, построен дворец Тюильри и большая галерея, соединившая его с Лувром, сооружён Павильон Флоры. Работы по расширению королевской резиденции были продолжены при обоих Людовиках -13-ом и 14-ом и закончились постройкой Восточного фасада с

колоннадой и окончательным формированием Квадратного двора, обильно украшенного декоративной скульптурой. Архитекторами Лувра в разное время были Леско, Делорм, Персье и Фонтен.

Когда королевский двор был перенесён в Версаль, все работы по расширению Лувра были прекращены и возобновились только при Наполеоне, построившем северное крыло. Последняя реставрация «Большого Лувра» проведена по решению президента Франции Франсуа Миттерана, задавшегося целью вернуть зданию первоначальный статус - статус музея. Из него были выселены все правительственные организации, занимавшие значительные площади Павильона Флоры. Связь между новыми залами и двором осуществляется теперь с помощью пирамиды из прозрачного стекла необычайно лёгкой конструкции. Автором этого новаторского проекта был американский архитектор китайского происхождения Ео Минг Пей.

Сбор коллекции художественных произведений, которые стали ядром собрания картин, известного сегодня во всём мире, начался в 16-ом веке, при короле Франциско 1-ом. С тех пор она значительно расширилась, особенно во времена правления Наполеона, требовавшего от всех побеждённых наций дани в виде произведений искусства.

В настоящее время каталог музея насчитывает около 400 000 экспонатов, которые можно распределить по различным направлениям: от древнеегипетских, греческих и римских - до древневосточных; от средневековой скульптуры - до современной; от прикладного искусства, куда входит и королевская коллекция драгоценностей, - до обширных собраний живописи. Для ознакомления со всеми бесценными шедеврами требуется не одна неделя, а может быть даже месяцы. Нам же было отведено только несколько часов, в течение которых мы даже обойти все залы музея не смогли, но впечатления от того, что я успел увидеть и услышать за это короткое время не померкнут в моём сознании до конца жизни.

После Лувра любовались Эйфелевой башней. Это сооружение поистине уникально и своеобразно по своему воплощению. Оно поражает своими грандиозными размерами и олицетворяет возможности человека создавать вещи, соответствующие масштабам его гения. Башня была построена для всемирной выставки 1889-го года. Это были годы промышленной революции, годы прогресса и научных завоеваний. Появились новые строительные материалы, позволившие сделать здания более лёгкими, динамичными, современными. Инженеры стали часто

заменять архитекторов. Таким инженером был Гюстав Эйфель, начертившим не только на бумаге, но на самом небе этот необыкновенный силуэт из металла, который торжественно вознёсся над Парижем и его архитектурными памятниками. И если те памятники символизируют прошлое, то Эйфелева башня - символ будущего. Она состоит из 15 000 сваренных металлических деталей и весит 7000 тонн. Её высота достигает 320 метров. А кажется лёгким ажурным сооружением. Бары и рестораны, расположенные на трёх уровнях башни, дают возможность туристам насладиться уникальной панорамой. Внизу расстилается зелень Марсова поля, бывшего военного плаца, превращённого в прекрасный парк.

Если символом Рима является Колизей, то символом Парижа безусловно стала Эйфелева башня.

Послеобеденное время было посвящено осмотру города из окон автобуса с короткими остановками в наиболее примечательных местах. Проехали по Елисейским полям - одному из самых красивых проспектов Парижа - от знаменитой скульптурной группы «Кони Марли» до Круглой площади. По обе стороны многополосной проезжей части простирается прекрасный прогулочный парк, ставший огромным салоном Парижа, местом встреч, жилым районом для наиболее влиятельных и известных лиц города. Говорят, что сегодня Елисейские поля уже не имеют прежнего аристократического блеска, но они тем не менее не утратили ни своей красоты, ни своей элегантности: роскошные магазины, кинотеатры, дорогие рестораны тянутся чередой вдоль широких тротуаров, всегда заполненных многоязычной толпой.

Далее наш путь лежал к Площади Звезды, которая теперь носит имя Шарля де Голля. От неё лучами расходятся 12 крупнейших артерий города, а в её центре царит мощная и величественная Триумфальная арка, сооружённая по велению Наполеона в честь его Великой Армии. Она украшена прекрасными барельефами, запечатлевшими основные победы императора. Под аркой находится могила Неизвестного солдата, над которой горит вечный огонь.

Побывали и в Люксембургском саду - огромном национальном парке, заполненном толпами молодёжи. Здесь большое множество фонтанов, скульптурных групп, игровых площадок. Восхищение вызывает стройная череда статуй королей Франции и знаменитых женщин, идущая вдоль парковой террасы. Здесь же известный Люксембургский дворец, построенный в 17-ом веке по проекту архитектора Соломона де Броса для королевской семьи и знаменитый Фонтан Медичи.

Успели в этот день осмотреть и ряд других достопримечательностей Парижа: дворец Шайо, построенный к международной выставке 1937-го года, Военную Академию, где учился Наполеон Бонапарт; Дом Инвалидов, сооруженный Людовиком 14-ым для солдат-инвалидов, вынужденных нищенствовать; мост Александра 3-го, построенный в 1900-ом году, как символ союза Франции и России; площадь Согласия с фонтанами, наделёнными волшебным очарованием.

Последний день пребывания в Париже начался с поездки в Версаль, построенный в годы правления Людовика 14-го в качестве главной резиденции короля. С обширной полукруглой Оружейной площади мы любовались прекрасным видом дворца с его тремя, последовательно расположенными дворами: первый называется двором Министров, в глубине которого находится конная статуя Людовика 14-го; второй - Королевским двором, куда был доступ только королевским каретам, а третий, называемый Мраморным двором, окружён старинными корпусами охотничьего замка Людовика 13-го.

Свой современный вид замок приобрёл в 1690-ом году после долгих и масштабных работ таких архитекторов, как Лево, Ардуэн-Мансар и Ленотр, который в основном занимался планировкой грандиозных садов. В 1682-ом году Версаль заменил Париж в качестве главной резиденции короля. Начиная с этого года и в течение последующих семи лет, он пережил свой блестящий период расцвета, ослепляя великолепием и пышностью двора. После возвращения короля Людовика 16-го в Париж замок пришёл в запустение и не раз подвергался грабежам, в результате чего лишился огромного числа блестящих произведений искусства. Только в 1837-ом по велению короля Луи-Филиппа была проведена реставрация замка и он стал Музеем истории Франции. В 1875-ом году здесь была провозглашена Республика, а в 1919-ом году подписано соглашение о мире с Германией.

Самым знаменитым и, без сомнения, самым прекрасным является восточный фасад замка, длина которого 680 метров. Его дивные партеры, строгий ритм колонн и пилястров, выполненных в изящном стилевом единстве, поражают своей красотой.

Много замечательных залов во дворце, но самым великолепным из них является безусловно Зеркальная галерея. Длина её - 75 метров, ширина - 10 метров. Плафон расписан Лебреном, изобразившим славные победы Франции. Парадное великолепие галереи достигается за счёт семнадцати высоких окон, выходящих в парк, которые повторяются в зеркалах на противоположной стене.

Вокруг дворца расположены знаменитые сады Версаля. Они занимают площадь в 100 гектаров и находятся в органическом единстве с его архитектурным обликом. Их строгая геометрически правильная планировка не утомляет своей монотонностью и предлагает разнообразные живописные картины: цветники, скульптурные группы, фонтаны, каскады.

Поражает красотой Фонтан Латоны - шедевр архитектора Марси, представляющий богиню с её детьми Дианой и Аполлоном. Скульптурная группа возвышается над пирамидой концентрических бассейнов. От этого фонтана длинный газон, называемый Зелёным ковром, ведёт к огромному Фонтану Аполлона, изображающего колесницу античного бога, запряжённую четвёркой коней. За этой скульптурной композицией расстилается обширное зелёное пространство парка, разделённое Большим каналом, который тянется почти на 2 км и пересекается в центре Малым каналом. Подобный шедевр парковой архитектуры мне никогда не приходилось видеть. Не знаю есть ли что-нибудь подобное в мире. Описать эту красоту просто невозможно. Версаль безусловно непревзойдённый образец высоты художественного мастерства той блестящей эпохи.

Во второй половине последнего дня незабываемой экскурсии мы продолжили знакомство с историческими памятниками и достопримечательностями города: побывали в Сорбонне - самом крупном учебном заведении страны; латинском квартале, где кипит ночная жизнь Парижа; у дворца Пале-Рояль, где когда-то была резиденция кардинала Ришелье, а теперь заседает Государственный Совет Франции; на площади Побед, созданной во второй половине 17-го столетия для обрамления аллегорической статуи Людовика 14-го; в Национальном музее современного искусства, построенного по инициативе президента Жоржа Помпиду и названного его именем.

Экскурсия завершилась прогулкой по реке Сене на катере, из окон которого можно было любоваться видами вечернего города, утопающего в многоцветных огнях иллюминации. Оценить его красоту можно разве что, перефразируя Высоцкого: красивее Парижа может быть только Париж.

В Амстердам мы выехали тем же автобусом, что и в Париж. За рулём был знакомый нам шофёр, а гидом, к нашей превеликой радости, оказался тот же Фима

Гольдштейн, из Ленинграда. На этом, однако, ограничивалась схожесть этих экскурсий. Больше между ними ничего общего не было не только потому, что Париж и Амстердам существенно отличаются между собой, но главным образом из-за того, что достопримечательностей в Амстердаме не намного меньше чем в Париже, а на знакомство с ними отводился только один день.

Из-за дефицита времени отправились на рассвете и Фима начал своё повествование с первых минут поездки, как только мы заняли свои места в автобусе. Из своего толстого портфеля он достал пачку буклетов, проспектов и рекламных листков, с которыми советовал ознакомиться до начала экскурсии. Рассказ был очень интересным и мы внимали гиду, еле успевая записывать в свои книжечки кое-какие цифры и факты. Несмотря на то, что я в своё время немало читал об истории, экономике и культуре Голландии, многое, о чём рассказывал Фима, было для меня новым.

Мне, например, было известно о высоком уровне сельскохозяйственного производства в стране, но я не предполагал, что в этой отрасли занято не более 7% населения, которые не только обеспечивают собственные нужды, но и поставляют значительное количество продуктов питания на экспорт. Небольшое государство, занимающее площадь в 40 тысяч квадратных километров (длина и ширина не превышают двести километров), достигло заметных достижений в экономике, искусстве, науке и культуре.

Как специалист мясомолочной промышленности я был осведомлён о достижениях в молочном животноводстве и производстве здесь лучших в мире Голландских сыров, но меня поразило то, что при численности населения 14 миллионов человек, здесь содержится 4,5 миллиона коров и каждая из них даёт в среднем по 22 литра молока в день или 8000 литров в год! (В Белоруссии, которая была впереди других республик по уровню развития животноводства, за удои в 3 тысячи литров доярок награждали золотыми звёздами, орденами и медалями).

Я слышал, что в Голландии любят цветы и выращивают рекордное количество сортов тюльпанов, но впервые узнал о том, что цветоводство там стало важным источником валютных поступлений в казну и от поставки на экспорт одних только тюльпанов ежегодная выручка достигает одного миллиарда гульденов.

Много ещё впечатляющих сведений об этой удивительной стране мы узнали из рассказа гида по дороге в Амстердам. Но самым интересным, конечно, было то, что

мы увидели в этом сказочно красивом, необычном городе. Его по праву называют Северной Венецией. Создаётся впечатление, что он стоит на воде. Узкие высокие дома отражаются в спокойной водной глади каналов, которых здесь около двухсот. Над ними много мостов. Их более полутора тысяч! Просторная гавань в состоянии принять океанские лайнеры любого размера. Многокилометровые дамбы защищают город от затопления.

Для знакомства с «местной экзотикой» мы проехали на автобусе по центральным улицам. Они показались нам тесными и шумными. Трамваи бешено трезвонят, проталкиваясь сквозь толпу пешеходов на перекрёстках. Туристов здесь больше, чем местных жителей. Их легко отличить по одежде, поведению и разноязычной речи. Тротуары переполнены и бедные горожане порой не могут проехать по велосипедным дорожкам. Зато в скверах и парках, которых немало в центре города, тихо и спокойно. Много зелени, цветов и обилие киосков и ларьков, предлагающих прохладительные напитки, разные сладости. Пока родители млеют в тенёчке, потягивая пиво или апельсиновый сок, их чада развлекаются на качелях-каруселях и наслаждаются мороженным и другими лакомствами.

Первые этажи домов заняты магазинами, ресторанами, барами, которые работают до глубокой ночи. Несмотря на плотный график экскурсии, Фима посоветовал заглянуть в один из центральных ювелирных магазинов, где можно по сходной цене купить кольцо с бриллиантом любого размера, ограненным на ваших глазах и вставленным в выбранную оправу. Оказывается, Амстердам считается «столицей бриллиантов».

И ещё наш гид рекомендовал попробовать пиво фирмы «Хайнекен», которое, по признанию специалистов, считается одним из лучших в мире. На каждое из этих «мероприятий» он выделил по полчаса.

Ювелирный магазин на самом деле произвёл большое впечатление. Особенно на женщин. Кое-кто из них после этого одалживал деньги на мороженное. Мужчины же по достоинству оценили своеобразный вкус голландского пива.

Совершили прогулку по Красному району, где кипит ночная жизнь столицы. Ничего особенно интересного мы там не обнаружили, ибо девушки, по раннему времени, в большинстве своём спали, но были поражены масштабами ночного бизнеса. Его заведения сплошь занимали первые этажи на нескольких улицах и переулках.

Ещё больше удивили бары со светящейся рекламой «Koffeshop». У витрины одного из них Фима пояснил, что здесь кайфуют наркоманы. Через оконное стекло можно было видеть, как за столиками, покрытыми белыми скатёрками, посетители пили кофе и курили. За одним столом компания курила одну очень длинную самокрутку по очереди. Другие курили тонкие светло-коричневые сигары. В кафе можно заказать и пирожные «с травкой». Здесь от этого не прячутся. Употребление наркотиков не запрещено.

Когда кое-кто из наших туристов начал возмущаться таким безобразием, Фима стал защищать здешние порядки и привёл ряд убедительных доводов против запрета наркотиков. Он утверждал, что табак, которым свободно торгуют во всём мире, намного вреднее марихуаны, что кофе, чай и лакомый шоколад, которые потребляются нами в больших количествах, - тоже наркотики, только послабее. Запреты только усиливают желание их заполучить. Как говорит народная мудрость: «запретный плод сладок». Самым убедительным для нас доводом было то, что согласно данным статистики в Голландии самый низкий в Европе процент наркоманов.

Когда наступило время культурной программы, Фима предложил нам на выбор: выставку картин Ван Гога, музей Анны Франк, домик Рембрандта или музей Восковых фигур, известный по имени «Мадам Тюсо». Из-за отсутствия времени мы могли посетить только одно из перечисленных зрелищ и большинство туристов предпочли обозреть фигуры из воска.

Об этом сравнительно новом виде художественного творчества мы кое-что знали из литературы, отзывов посетителей, по многочисленным фотографиям в газетах и журналах, но то, что мы увидели в музее буквально ошеломило нас. Знакомые фигуры видных государственных и политических деятелей, знаменитых артистов, художников, учёных казались живыми, способными двигаться, говорить, улыбаться. Мы подолгу задерживались в каждом из многочисленных залов и Фима, опасаясь за срыв других мероприятий, намеченных программой, торопил нас.

Разрешалось фотографироваться с фигурами и мы охотно воспользовались такой возможностью. Я нащёлкал целую плёнку и привёз на память большую коллекцию интересных фотографий.

У дома Рембрандта и музея Ван Гога автобус сделал остановку. Мы услышали интересные подробности о жизни и творчестве этих выдающихся

голландских художников. Проезжая мимо театра, узнали о том, что здесь состоялось последнее выступление Ойстраха, Калягин ставил Чехова, а Кондрашин дирижировал местным симфоническим оркестром.

Программа завершилась прогулкой на пароходике по каналам и изучением Амстердамского порта. Впечатления не поддаются описанию. Обратили внимание на огромное множество шхун, катеров, корабликов и других плавучих средств различного возраста и водоизмещения, пришвартованные вдоль береговой линии. Оказывается это один из жилых районов города. Здесь издавна живут рыбаки и малоимущие слои населения. Плавучие дома являются их собственностью и передаются из поколения в поколение. Тенденции к сокращению их численности нет. Количество жилищ на воде, наоборот, возрастает, что не украшает панораму города и создаёт многочисленные проблемы. Власти неоднократно пытались выселить или переселить жильцов на сушу, но успеха в этом деле не имели. Люди привыкли к своим жилищам и предпочитают их городским апартментам.

Всласть накатавшись по воде, мы выгрузились у вокзала и почувствовали неимоверный голод. Только теперь вспомнили, что за весь день, кроме кружки пива и небольшого бутерброда, ничего не ели. За столиками привокзального кафе мы жадно поглощали всё, что нам подавали, забыв о холестероле и нахваливая недорогое вино, которое мы на радостях заказали.

Никто не жаловался на усталость, хотя экскурсия длилась с раннего утра до позднего вечера. Амстердам покорил нас. Он завораживает отражающимися в каналах дивными силуэтами домов, плеском воды, столиками на тротуарах, уютными барами и кафе, мостовыми, выложенными из цветного кирпича, толпами туристов, снующими по его узким шумным улицам, разнообразием и красотой архитектурных шедевров и ещё чем-то, что нельзя выразить словами. Всё это и кое-что ещё неуловимое, выделяет этот город из блестящей череды других европейских столиц и заставляет о нём скучать всех, кто хоть раз там побывал.

Время нашего турне по Европе подходило к концу и мы с грустью отсчитывали оставшиеся до отъезда дни. Отменив все невыполненные ещё мероприятия из Бориной «культурной» программы, мы посвятили последние дни

пребывания в Дюссельдорфе общению с родственниками, воспоминаниям из прожитой жизни, разговорам о планах на близкую и далёкую перспективу.

Восприятие Европы и отношение к своей бывшей родине в семье Крепсов было различным. Младшее поколение, студентка Диночка и школьница Викочка, относились к покинутой Украине, как к чему-то абстрактному. Они быстро освоили язык, влились в новую среду и Германия как бы стала их новой родиной.

Более сложным в первое время оказалось положение у Аллы и Лёвы. В Одессе они оба работали по специальности, имели высокий социальный статус и прошлое ещё долго довлело над ними. Проблема их жизнеустройства была довольно сложной. Они часто сравнивали своё нынешнее и прошлое общественное положение и находились в стрессовом состоянии из-за боязни потерять работу, чего не было там, в СССР, где на службу ходили, как в собес, но увольнение никогда не угрожало. Однако, упорство и труд дали свои результаты и с каждым годом их положение улучшалось. Им удалось найти приличную работу и материально они стали жить значительно лучше, чем прежде.

Лёва, экономист с высшим образованием и учёной степенью, был, наконец, востребован по своей специальности, и его заработок многократно превышал получаемую им прежде зарплату руководителя среднего звена в научно-исследовательском институте республиканского значения.

Алла, дипломированный и опытный врач, со временем тоже получила врачебную должность и даже планировала открыть свой собственный частный офис. Их доход обеспечивал возможность снимать трёхкомнатную квартиру в центре города и безбедно жить. Они не сомневались, что сделали правильный выбор, уехав с Украины, и были вполне удовлетворены своим положением. Особенно на фоне того, что происходило в то время в республиках бывшего СССР, где свёртывалось производство, разразился экономический кризис, росла инфляция и даже мизерная зарплата своевременно не выплачивалась.

Иным было положение старшего поколения. Боря и Люся, которые приехали сюда со взрослыми детьми и исключительно из-за них, по-иному воспринимали Германию. До самого отъезда они работали, занимали ответственные должности в системе здравоохранения, пользовались уважением и авторитетом, как опытные врачи. Здесь об этом следовало забыть. Они не только работать не могли, но и общение с соседями по лестничной клетке, из-за языкового барьера, ограничивалось

двумя-тремя словами или жестами рук и наклоном головы. Им назначили вполне достаточное для безбедной жизни пособие и предоставили почти бесплатную квартиру, но они не получали от этого никакого удовлетворения, с грустью вспоминали прошлую жизнь и тянулись в милую их сердцу Одессу. Каждый год, в начале мая, они уезжали туда и возвращались обратно только осенью. Благо такая возможность сохранялась пока там находилась старшая дочь Света и была свободная комната в просторной квартире на Пастера. Какое-то время после возвращения оттуда, насмотревшись в каких условиях на их бывшей родине живут пенсионеры, они ни на что больше не жаловались и даже по достоинству оценивали социальную защиту, которую получают от государства. Однако, так продолжалось недолго. Увиденное быстро забывалось. Пессимизм и ностальгия по прошлому вновь овладевала ими. Особенно этим страдала Люся, которая боялась оставаться на чужбине, мечтала закончить свой жизненный путь на родине, где прожила долгую жизнь и где находятся могилы нескольких поколений её предков.

Боря меньше жаловался, но по всему чувствовалось, что жизнь в своеобразном гетто ему не по душе. Он, как и Люся, страдал от изменения образа жизни в старости. Их тянуло ко всему русскому: они обнаруживали ностальгическую потребность в русской культуре, русской песне, театре, кино, праздниках.

Дети, из-за предельной занятости, не могли им в этом помочь. Общественных организаций, вроде нашего русского клуба, здесь не было. Оба грустили и очень от этого страдали.

В эти дни мы с Борей не раз вспоминали давние споры по жизненным ценностям и идеалам, которые возникали между нами при встречах в Одессе и Могилёве. Он тогда удивлялся моей вере в социалистические идеи, в стереотипы моего «совкового» мышления о сущности социализма и капитализма. В отличие от меня он не тяготел к общинному сознанию и давно потерял веру в коммунистические принципы и приоритеты. Уже тогда Боря был поклонником «рыночных отношений» и утверждал, что только на их основе возможны расцвет экономики и рост благосостояния народа.

Теперь, на примере сегодняшней Украины, где такие отношения вытеснили прежние социалистические, он пришёл к выводу, что не так уж плохо было там при старом укладе жизни, и находил в той системе положительные моменты. По крайней мере тогда работой были все обеспечены и никто не боялся её лишиться. Теперь в

Одессе многие стали безработными, а другие трудятся только 2-3 дня в неделю. Да и зарплату раньше получали вовремя, а сейчас её нередко платят только 2 раза в год. Он вспоминал символические цены на городской транспорт, газеты и журналы, квартплату и коммунальные услуги, доступность театров и кино, высокий уровень школьного образования и многое другое, чего мы раньше вроде и не замечали и принимали как должное.

Даже о почётных грамотах, прогрессивках, премиях и прочих моральных и материальных стимулах, которые тогда расценивал как способ прикрытия обмана трудящихся, вынужденных трудиться на нищенскую зарплату, он теперь отзывался по другому. В их багаже нашлось место для значков «Победитель социалистического соревнования», многочисленных грамот и «адресов», которыми отмечались трудовые и творческие успехи. Они хранят эти реликвии, словно надеются когда-то кому-нибудь их предъявить. Наверное, они нужны им, как свидетельство того, что жили не такой уж ничтожной жизнью, что были честными, порядочными людьми и хорошими, уважаемыми работниками.

Боря теперь признавал, что не во всём был прав тогда в наших частых многочасовых спорах, что в то время были далеко не худшие принципы и приоритеты, которые навсегда застряли в нас. Именно на этих принципах, привитых нам той полуфантастической системой, сочетавшей в себе высокое и низкое, героизм и подлость, ещё много чего самого разного и невероятного, воспитывали нас родители, а мы воспитали своих детей. Не так уже и плохо воспитали.

Сегодня на нашей бывшей родине, где всё насквозь пропитано «духом капитализма» или, как там сегодня говорят, «духом рыночные отношений», действуют другие принципы и пока нельзя сказать, что они лучше прежних. По большей части в трудной борьбе за выживание теперь побеждает не честнейший и добрейший, а хитрейший и подлейший. Там всё решают деньги и мало кто интересуется тем, каким путём они добыты. Важно их заиметь. Они по природе своей плодоносны и способны порождать новые деньги. Те, у кого их больше, правят обществом по своему желанию. Одни, их немного, богатеют, а другие, их много, беднеют и вымирают от голода. А власть бездействует.

Оказывается, дело не только в том, какая социальная концепция является главенствующей в той или другой стране. Многое зависит от того, кто управляет государством. Вполне возможно, что если бы в России действовали демократические

методы правления, вместо диктатуры вождей, там не было бы Гулага, государственного антисемитизма и многого другого, что привело к распаду СССР. Наверное, можно было бы ожидать лучшую жизнь и в независимых государствах бывшего Советского Союза в условиях рыночной экономики, если бы ими на демократических началах управляли сильные и разумные государственные деятели.

Пришлось и мне признаться в ошибочности своих взглядов. Пример процветающей благодатной Америки убедил меня в том, что «дух» капитализма, основой которого является систематическое и рациональное стремление к законной прибыли, отнюдь не является сомнительным с моральной точки зрения. Я теперь, наоборот, был убеждён в том, что некоторые принципы, которыми мы руководствовались, в частности традиционное тяготение к общинному сознанию, к круговой поруке, к переделу собственности для достижения равенства, являлись ошибочными. Вместе с тем, у меня и теперь сохранилась уверенность в том, что социализм, как общественно-политическая формация, при определённых условиях имеет право на существование.

Боря же в принципе остался при своём мнении: нынешнее поколение, как и все последующие, совершенно точно будут жить при капитализме.

Беседы с нашими родственниками касались и многих других жизненно важных вопросов, в частности воспитания подрастающего поколения. Боря признавал свои ошибки в этом деле, например, стремление к безоговорочному удовлетворению желаний детей и низкой требовательности к ним. В этом он теперь равнялся на Анечку и обещал передать её опыт своим внучкам. Мы просыпались на рассвете и засыпали в полночь, стремясь таким образом продлить время живого общения.

Перед нашим отъездом был прощальный ужин с тостами за новые встречи. Сделали фотографии на память. Боря заставил нас принять в качестве подарка его любимый коротковолновый приёмник, с которым он не расставался на протяжении многих лет.

Волнующим было расставание. Нас одолевали грустные мысли и плохие предчувствия. Не было уверенности в том, что мы когда-нибудь ещё встретимся в полном составе.

Несмотря на то, что профессия программиста стала очень популярной в Америке, найти работу по этой специальности было довольно трудно. Особенно тем, кто не имел солидного компьютерного образования и необходимого американского экспириенса. А этого как раз и недоставало большинству русскоязычных иммигрантов, которые заканчивали краткосрочные курсы. Трудно за несколько месяцев даже самой интенсивной учёбы теоретически освоить новые перспективные компьютерные технологии и совсем невозможно в это короткое время приобрести необходимый опыт их практического применения.

Вот почему многие студенты, окончившие такие курсы, не могли найти работу в Баффало и часто её лишались в других городах, где рынок труда был намного лучше.

Чтобы быть востребованным нужно было пройти сито конкурса в 10-20, а в некоторых случаях и в 100 человек на место. Конкуренция была ужасная. Крупные компании, принимая людей на работу, на интервью с ними часто приглашали психологов, которые определяли наличие у претендентов коммуникабельности. При отсутствии этого ценного в Америке свойства нередко отказывали в приёме даже высокообразованным и опытным специалистам.

Нам была известна эта ситуации и мы были обеспокоены трудоустройством Верочки. Первые интервью проходили во время нашего пребывания в Германии и по вечерам мы с тревогой набирали телефон её друзей в небольшом городе Елизабет, что недалеко от Нью-Йорка, где она снимала комнатку во время учёбы и поиска работы.

Нас волновали не только конечные результаты собеседований и тестов, от которых зависел успех трудоустройства, но и благополучие дочери. Интервью назначались в разных городах штатов Нью-Джерси и Нью-Йорк, расположенных далеко от места её проживания и туда нужно было добираться на машине. Верочка, которая никогда не водила автомобиль в Союзе и впервые села за руль в Америке, больше всего боялась скоростных дорог. Она с трудом научилась ездить по знакомым улицам спокойного Баффало и старалась сама никуда далеко не отлучаться. В редких поездках по автострадам её обычно сопровождал Володя или кто-нибудь из друзей. Здесь же на чью-то помощь рассчитывать нельзя было. Да и дороги тут посложнее. Было чему волноваться и нам, и ей.

Выбора, однако, не было. Нужно было любой ценой решить сверхзадачу: найти работу. И наша робкая и, как нам казалось, трусливая дочь моталась с утра до

позднего вечера по сложным сплетениям скоростных шоссе в поисках свободной вакансии, которая была бы ей по душе и обеспечила сносные условия жизни её семье.

К нашей радости и большому удивлению Верочка успешно справлялась и с тестами на интервью, и с вождением автомобиля. Она успешно прошла все интервью. Их было много не потому, что работа не устраивала или условия были неприемлемыми. Ей предлагались вакансии, где зарплата была намного выше той, которую она имела в Баффало. При наличии выбора, из множества предложений нужно было отобрать лучшее, учитывая при этом не только оклад и бенефиты, но и надёжность фирмы, её авторитет в бизнесе, перспективы роста.

Когда она, наконец, остановила свой выбор на одной из страховых компаний в штате Нью-Джерси и уже дала согласие приступить к работе со следующей недели, сработало её резюме в известной фирме Нью-Йорка «Solomon Smith Barney». Работать в этой компании, ставшей одним из лидеров мирового финансового бизнеса, с давних пор считается престижно и почётно. Многие опытные специалисты мечтают попасть в эту крупнейшую в Америке фирму.

Надежды на успех в предстоящем интервью было мало и Верочка решилась на него больше из любопытства и желания попытать счастье. Больше того, она совсем не представляла себе возможность их жизни в Нью-Йорке, где дорогие квартиры, трудно найти работу для Володи и можно было столкнуться с рядом других проблем.

Вопреки нашим сомнениям ей предложили вакансию и, несмотря на то, что зарплата была несколько ниже чем в других компаниях, нужно было затратить около двух часов, чтобы пригородным поездом и метро добраться до Манхэттена и столько же обратно, она с радостью приняла приглашение и к нашему возвращению приступила к работе.

Феномен успеха Верочки в поиске работы на рынке программирования был предметом долгих дискуссий в нашей семье, в среде наших друзей и знакомых. Неравнодушными к этому были её недруги и завистники. Одни объясняли его удачными и грамотными резюме, другие положительными рекомендациями школы, где она прошла подготовку, некоторые отдавали предпочтение внешним данным и коммуникабельности. Может быть все это и сыграло какую-то роль на прошедших интервью. Однако, как потом оказалось, основное значение имели глубокие знания языков программирования, являющихся основой решения широкого диапазона задач, способность логического мышления, облегчающая путь к освоению известных

компьютерных технологий и новых направлений в этой удивительной области знаний, ставшей её призванием.

78

Америка - страна иммигрантов. Ежегодно сюда перебираются на постоянное место жительства сотни тысяч людей со всего света. Демографические прогнозы указывают, что через 50 лет здесь не будет преобладающей расы. Население США к тому времени будет только на половину состоять из белых (к началу нынешнего столетия их было подавляющее большинство). Значительно возрастёт количество латиноамериканцев и людей азиатского происхождения. В некоторых штатах эта демографическая трансформация ожидалась в течение уже нескольких ближайших лет, а во многих крупных городах страны она уже произошла.

Миграция населения из кризисных районов в благополучные вызвана, главным образом, экономическими неурядицами. У еврейской эмиграции причины, как известно, не только экономические, но и дискриминационные.

В своём отношении к вопросам национальной иммиграционной политики американское общество разделилось на два лагеря. На одном полюсе находятся сторонники иммиграции, которые уверены в том, что своим расцветом страна обязана иммигрантам многих поколений, что прибывающие новые жители вносят весомый вклад в экономику страны и благосостояние общества. Противники же иммиграции, наоборот, рассматривают приезжающих в Америку людей как экономическую, социальную и демографическую угрозу нации.

Из развернувшихся на страницах газет и журналов дебатов по этому щекотливому и трудному вопросу видно, что верх одержали сторонники ужесточения иммиграционных законов. Результатом этого стали, принятый Конгрессом в 1996-ом году Закон о вэлфере и существенные изменения в действовавших положениях о социальной защите легальных иммигрантов.

Конгрессмены не продлили срок действия поправки Лаутенберга, по которой Америка принимала евреев из бывшего СССР по статусу «беженца», чем закрыли для большинства из них въезд в страну.

Президент США Клинтон подписал Закон «О личной ответственности и улучшении трудоустройства», более известный, как Закон против вэлфера и других видов государственной помощи. По этому закону беженцам государственная помощь

должна была оказываться на протяжении только пяти лет, пока они не станут гражданами. Им были введены такие суровые правила выполнения финансового гаранта, что с тех пор не стало желающих его подписывать. Тем самым была закрыта дорога в Америку для легальных иммигрантов, получивших статус «Пароль», и право на воссоединение с родственниками.

Согласно Закона, тысячи пожилых беженцев, больных и инвалидов, получавших «SSI», должны были полностью лишиться пособия по истечении пятилетнего срока пребывания в стране. Для сдачи экзамена на гражданство нужно было выстоять очередь в течение от одного до трёх лет и всё это время нетрудоспособным старикам предстояло жить без средств к существованию.

Абсурдность этого положения была очевидной. В адрес конгрессменов, сенаторов и президента были направлены сотни писем, заявлений, жалоб. В них были веские аргументы, обосновывающие требования об отмене Закона. Там были и экономические расчёты, подтверждающие, что старые и больные люди не могут считаться обузой для государства, потому что их работающие дети, внуки и правнуки вносят в бюджет в виде налогов суммы, значительно превышающие те, что идут на их содержание.

Против антииммиграционных законов выступили известные учёные, политики, экономисты. Они убеждали, что их введение приведёт к резкому сокращению иммиграции или полному её прекращению, от чего пострадает в первую очередь Америка. Это подтверждалось убедительными цифрами и фактами.

Более года шла дискуссия в Конгрессе. Законы не отменили, но существенные поправки в них всё же были внесены. В частности выплату пособия старикам и инвалидам решено было не прекращать и после пятилетнего срока пребывания в стране. Тем самым были сняты наши волнения, вызванные угрозой лишения средств к существованию.

Условия же въезда в Америку новых иммигрантов не претерпели существенных изменений. Статус «беженца», дающий право на государственную помощь, теперь предоставлялся в редких случаях. Наши племянники, Боря и Арик, приезд которых ожидался в следующем году, на неё рассчитывать не могли.

Четверо наших внуков - Наташка, Алёнка, Илюша и Диночка уже стали студентами университетов. Только Анечка и Андрюшка ещё учились в школе. Судя по их тяге к знаниям, и они, несомненно, средним образованием не ограничатся.

Высшее образование в Америке не дань моде. Это путёвка в жизнь. От уровня грамотности, в большей мере чем на нашей бывшей родине, зависит положение человека в обществе. Если у нас порой престижней и выгодней было быть простым рабочим, чем экономистом, бухгалтером или даже инженером, то здесь образование играет существенную роль в размере оплаты труда и социальном статусе человека.

Многое значит даже не только уровень образования, но и где получена специальность, в каком университете или колледже. Гарвардский, Принстонский и Йельский университеты входят в так называемую Большую тройку. Это самые престижные высшие учебные заведения страны. Их выпускники как бы отмечены знаком: «лучше всех». Распространено мнение, что именно они призваны готовить безупречно честных министров и общественных деятелей с твёрдыми убеждениями, интеллектуалов, «аристократов таланта и добродетели» (по выражению Джефферсона).

Именно таким аристократом духа, несомненно, был выпускник Гарвардского университета Франклин Делано Рузвельт. Этот же университет закончил 35-ый президент США Джон Кеннеди. Несколько президентов страны, в том числе Дж. Форд, Дж. Буш и Билл Клинтон обучались в своё время в Йеле. Этот университет закончили писатель Дж. Фенимор Купер, изобретатель релейного устройства для телеграфа и кодовой азбуки С. Морзе. Многие другие выдающиеся политические деятели, учёные, писатели, прославившие Америку, получили путёвку в жизнь именно в этих трёх ведущих университетах страны.

В «Лигу плюща» входят еще несколько самых лучших вузов страны, славящихся высочайшим уровнем обучения и научных исследований.

При всём демократизме высшего образования в США эти престижные университеты негласно заботятся о «чистоте своих рядов». Они обладают достаточно эффективными рычагами для того, чтобы открывать двери для «своих» и держать их закрытыми для «чужих». Речь, конечно, не идёт о дискриминации по национальному признаку, которая имела место при отборе абитуриентов в привилегированные советские вузы..

Сюда отбирают, как правило, выпускников лучших школ страны с традиционно высокой предварительной подготовкой. Внутренняя политика этих университетов такова, что здоровая конкуренция возможна только среди «своих» - представителей талантливой молодёжи, в полной мере воспринявших культуру, стиль мышления и поведения, соответствующие высоким требованиям американского общества.

В отличие от «среднестатистических» американских вузов, в которых лишь половина студентов доходит до финиша и получает степень бакалавра, в таких университетах, при всей жёсткости контроля за успеваемостью, этот показатель значительно выше - 80-90%. Здесь действует своя методика организации учебного процесса, которая во многом отличается от традиционной и обеспечивает подготовку специалистов высокого класса.

После двух лет учёбы в штатном университете города Баффало, Илюша пожаловался родителям, что его не удовлетворяет объём получаемых знаний и объявил о своём намерении сменить вуз.

Не скажу, что Вова и Рита совсем не разделяли стремления сына обучаться в более престижном университете. Им лучше, чем кому-нибудь другому, были известны способности Ильи и его неуёмная тяга к знаниям. Они хорошо понимали и то, как важно для будущей взрослой жизни получить образование в первоклассном вузе. И всё же родители отнеслись к намерениям своего любимца отрицательно.

Причин на то нашлось много. Главной из них, конечно, была боязнь опасностей и соблазнов, которые подстерегали студентов, свободных от контроля родителей. Мальчику ещё двадцати не исполнилось и, как им казалось, он ещё нуждался в материнской ласке и отцовской опеке.

Была и опасность отсева из-за необычно жёстких требований, напряжённых учебных программ и непривычных условий учёбы и быта. Неизбежным было при этом и увеличение срока учёбы.

Немаловажное значение имела и стоимость обучения, которая возрастала по мере престижности вуза и необходимости оплаты за жильё и питание. Их доход в то время был совсем небольшим, а семья состояла из пяти человек.

И всё же, после долгих дискуссий, они не устояли против резонных доводов сына и дали согласие на его отъезд из Баффало.

Осенью 1997-го года Илья покинул родительский дом и стал студентом Корнельского университета, входящего в десятку самых престижных в Америке. Инженерная школа этого ВУЗа является одной из лучших не только в США, но и во всём мире. Именно её наш внук избрал для продолжения своего образования.

По тем же причинам сменила университет и Наташка. Она предпочла технологический институт в Рочестере, пользующийся широкой известностью в стране.

80

Трудоустройству Верочки, казалось, можно было только радоваться. Она достигла того, к чему стремилась: подтвердила право работать по специальности в Америке; её приняли в одну из самых крупных и престижных финансовых компаний Нью-Йорка; ей доверили ответственную должность.

Однако, новый служебный статус нашей дочери вызвал и большие проблемы. Они касались переезда семьи, поиска жилья, трудоустройства Володи, учёбы детей и многого другого, что связано со сменой места жительства. Не зря говорят, что переезд равносилен пожару.

Нужно было для начала снять апартмент. В Баффало это решалось довольно просто. Предложений всегда хватало и нужно было только выбрать, какое из них лучше по цене и удобствам. Здесь картина иная. О квартире по месту работы, в Манхэттене, не могло быть и речи из-за непомерно высокой стоимости. Дорогими были они и в других районах города. Пришлось искать жильё в пригородах. Но и здесь квартира с двумя спальнями стоила в два раза дороже, чем в Баффало. И это не в лучшем районе и с минимумом удобств. Редко какая из них была без тараканов или иных насекомых. Именно такой апартмент был снят в небольшом городке Эдисон, штата Нью-Джерси, что в полутора часах езды от Нью-Йорка. Отсюда нужно было ездить на работу поездом, метро и автобусом с несколькими пересадками, что было не только неудобно, но и дорого.

Нелёгким был поиск работы для Володи. Жаль было расставаться с конструкторским бюро, где ему впервые за годы жизни в Баффало удалось устроиться по специальности. Он разослал десятки резюме, прошёл немало разных интервью, пока, наконец, с помощью консалтингового агентства был востребован одной из крупных фармацевтических фирм для внедрения опытно-конструкторских разработок.

Работа хоть и считалась временной, но зато была довольно высоко оплачиваемой. О такой зарплате в Баффало нельзя было и мечтать.

Переезд семьи намечался к началу учебного года. Всё это время уход за детьми и досмотр дома осуществлялись нами и Полечкой, что вызывало немало своих проблем.

С грустью расставалась с Баффало наша внучка - Анечка. Она, к тому времени, закончила седьмой класс и была круглой отличницей. У неё было много подружек, нравилась школа и ей казалось, что всего этого больше не будет.

Ещё труднее решался вопрос с Игорем, который в том году закончил среднюю школу и наотрез отказывался уезжать. Здесь у него были друзья, с которыми ему не хотелось расставаться. Как и они, он решил поступать в один из крупнейших университетов штата Нью-Йорк, что находится в Баффало. Такому решению можно было и не удивляться. Немало юношей и девушек после окончания школы покидают родительский дом и продолжают учёбу в других городах. В этом как будто и нет ничего предосудительного.

Игоря, однако, было опасно оставлять без надзора. Его поведение порой не вписывалось в общие правила. Это понимали все, кроме него самого, и этого оказалось достаточно чтобы, вопреки здравому смыслу, остаться одному в городе. Никакие убеждения на него не действовали. С мнением Веры он не очень считался. Её настойчивые попытки перевоспитать его не дали нужных результатов и только обострили их отношения. Не действовали на него и уговоры отца. Игорь с годами становился всё более капризным, упрямым и несговорчивым. Он, по-прежнему, требовал безоговорочного выполнения всех его желаний и не признавал никаких авторитетов. В одном из разговоров со мной им была высказана просьба склонить Володю и Веру к согласию оставить его в покое, дать ему свободу и предоставить возможность жить самостоятельно. «Мне уже восемнадцать лет и я больше не нуждаюсь в папином поводке», - твердил он.

Ещё в школе Игорь настоял на покупке автомобиля и широко пользовался открывшимися возможностями развлечений в кругу своих друзей. Наверное, это не пошло ему на пользу и теперь сыграло свою роль в решении остаться в Баффало.

Чем больше убеждали мы парня согласиться на отъезд, тем решительнее он от этого отказывался. С упорством, достойным лучшего применения, он настаивал на своём. Как и всегда раньше, пришлось и на этот раз смириться с его желанием.

Трудно было привыкнуть к мысли, что семья Верочки больше не живёт рядом, что не нужно больше встречать Анечку из школы, искать «сейлы» на её любимые вафли с черникой, готовить борщи и куриные ножки к приходу Володи с работы, ездить на рынок за дешёвыми фруктами для большой семьи. Около года, со времени отъезда дочери, мы выполняли эти и другие обязанности по хозяйству и пришли к мысли, что не всегда заботы обременительны.

Из телефонных разговоров можно было догадаться, что нелегко им теперь на новом месте. На работу уезжали рано и возвращались поздно вечером чуть живые не столько от работы, сколько от езды. Особенно трудно было Верочке. Дорога в оба конца отнимала около четырёх часов и была очень утомительной. Поезда и вагоны метро в часы «пик» были переполнены и часто приходилось ехать стоя. После трудного дня предстояла домашняя работа: готовка, уборка, стирка.

Анечка, после школы, была одна дома и в первое время очень скучала. Она, в отличие от взрослых, была с нами откровенна и просила приехать. Мы и сами понимали, что они сейчас нуждаются в нашей помощи больше, чем когда-нибудь раньше, и откликнулись на зов любимой внучки.

Дорога была нелёгкой. Автобусом преодолели семисоткилометровый путь до Нью-Йорка, откуда по маршруту, что ежедневно совершала Верочка, добирались два часа до Эдисона. На вокзале нас встретил Володя и по пути домой мы смогли обозреть город, носящий имя великого американского изобретателя. Он чем-то напоминал райцентры в Белоруссии или на Украине и показался нам неуютным и скучным. Нет здесь обычного для американских городов Даунтауна с большими магазинами, ресторанами, увеселительными и спортивными сооружениями, красочной рекламой и иллюминацией. Улицы застроены однотипными домами небольшой этажности чем-то похожими на длинные бараки. Преобладающее население городка - индусы. Они живут большими семьями, сохранив нравы, обычаи, язык и культуру своей родины.

Семья Верочки снимала довольно просторный апартмент в получасе ходьбы от железнодорожной станции. В нём была большая гостиная и кухня-столовая на первом этаже, две спальни над ними, и полуподвальное помещение по всей ширине здания, которое вполне могло быть использовано для жилья. По своим размерам квартира была почти равной их дому в Баффало, а по обстановке и уюту выглядела

даже намного лучше. Они приобрели новую мебель, бытовые приборы и их жилище выглядело совсем не временным.

Единственное, что омрачало быт, были тараканы. Хозяева воевали с ними всеми известными методами и достигли в этой борьбе заметных результатов, но изжить их полностью не могли. Это оказалось невозможно, ибо на место уничтоженных являлись новые из смежных квартир. Соседи-индусы успокаивали тем, что тараканы отнюдь не самые страшные животные и мирное сосуществование с ними вполне возможно.

Верочка со своими домочадцами с этим были не согласны и война не только не прекращалась, а, напротив, становилась всё более ожесточённой с применением средств массового поражения. К нашему приезду в сражении наметился коренной перелом к лучшему и могло показаться, что противник неминуемо будет вынужден вскоре капитулировать. Только отдельные храбрецы из неприятельского лагеря теперь рисковали появляться в некоторых укромных местечках фронтовой полосы, и то не в дневное время. Эти вылазки жестоко подавлялись и теперь на самом деле положение можно было признать вполне терпимым.

Материально семья жила намного лучше, чем в Баффало. Возросший в несколько раз семейный доход позволял не ограничивать себя в полноценном и разнообразном питании, обновлять гардероб современной и добротной одеждой, и даже откладывать какие-то сбережения на непредвиденные расходы.

По размеру зарплаты наши дети теперь вполне могли быть отнесены к среднему классу. И это радовало.

82

Наше пребывание в Эдисоне внесло заметные изменения в быт семьи Верочки. Пока взрослые были на работе, а Анютка в школе, мы занимались уборкой, распаковывали ящики с домашней утварью, что сами упаковали в Баффало, закупали продукты в соседнем магазине, готовили вкусные и разнообразные блюда.

Когда все возвращались домой, квартира сверкала чистотой и стол был накрыт по высшему разряду на пять персон. За ужином обменивались новостями, обсуждали возникшие проблемы, решали очередные задачи. Застолья продолжались довольно долго, доставляли удовольствие и снимали усталость. Вечерами смотрели

русские фильмы с видеокассет, а перед сном совершали часовую прогулку по тихим улочкам спящего города.

В выходные дни всей семьёй выезжали на природу, совершали экскурсии, знакомились с достопримечательностями штата Нью-Джерси, который не зря называют «Garden State». Один из таких дней полностью посвятили Бруклину - известному району Большого Нью-Йорка. Я много слышал об этом городе, особенно о знаменитом Брайтоне, ставшим столицей еврейской эмиграции. Его любовно называют Брайтон-Бич. Он известен не только в Америке и в странах СНГ, которые постоянно пополняют состав его населения, но и в других государствах Земного шара. Наверное, о нём знают во всём мире. Мне давно хотелось побывать здесь. Благо это в часе езды от Эдисона.

Чтобы получить общее впечатление о Брайтон-Бич мы проехали по его улицам и переулкам, погуляли по набережной и пляжу. Оказалось, что район этот не такой уж большой, как мне представлялось. Это по существу один квартал города. Он состоит из 20 жилых блоков, зажатых между парком аттракционов Кони-Айленда и почти загородным пляжем Манхэттен-Бич. Самой важной достопримечательностью Брайтона, конечно, является главная улица Брайтон-Бич-авеню, над которой протянулись линии городского метро. На одной стороне этой улицы, той, которая ближе к океану, стоят многоквартирные дома; на другой стороне - одно-двухэтажные коттеджи. Первые этажи зданий сплошь заняты магазинами, ресторанами, кафе, барами, закусочными. Есть тут и солидные банковские, юридические, туристические и врачебные офисы, аптеки, музыкальные салоны.

Здесь мы чувствовали себя, как дома. Даже о языковом барьере забыли. Везде русские вывески и реклама. Большие продовольственные магазины, которые в Америке супермаркетами зовут, тут носят привычное советским покупателям название «Гастроном», а по наименованиям ресторанов и кафе может показаться, что ты не в Нью-Йорке, а в Одессе находишься. Не зря говорят, что Брайтон это маленькая Одесса.

Другой, может быть не менее важной его достопримечательностью, безусловно следует считать знаменитый «Бордвок» - любимое место общения горожан. Это длинный и широкий деревянный тротуар, расположенный вдоль всей пляжной полосы Брайтон-Бич, отгороженный от проезжей части улицы металлической оградой. Здесь всегда многолюдно и на многочисленных парковых

скамейках нелегко отыскать свободное место. Сюда приходят себя показать и на людей посмотреть, подышать океанским воздухом и поговорить о жизни. Одни гуляют в самых модных и роскошных нарядах, другие загорают на солнышке в пляжных костюмах. Тут хорошо и молодым, и старым, но лучше всех, конечно, детям. Им здесь многих удовольствий вдоволь.

В этот, некогда малообжитый квартал Большого Нью-Йорка, евреи из СССР стали прибывать четверть века назад. Резко возрос приток выходцев из Советского Союза в конце семидесятых. Накануне московской Олимпиады 1980-го года кремлёвские власти, пытаясь произвести благоприятное впечатление на западный мир, ослабили иммиграционные ограничения и сюда прибыло около 25 тысяч «русских» - в два раза больше, чем за предыдущие пять лет. В начале восьмидесятых, когда советские войска оккупировали Афганистан и президент Рейган пошел на открытую конфронтацию с «империей зла», иммиграция в США резко сократилась, но Брайтон-Бич уже был переполнен «русскими». Здесь, как грибы после дождя, возникали всё новые «этнические» магазины и рестораны, ставшие местом общения иммиграционной публики. Последняя волна русскоговорящих иммигрантов прибыла сюда в конце 80-х и начале 90-х годов в период распада СССР. В одном только 1992-ом году город принял более 20 тысяч евреев.

Этим людям довелось многое пережить: первые разочарования, первое знакомство с американской жизнью, первые радости и успехи. Их сюда привлекало близость океана, мягкий климат, обилие и низкие цены на продукты питания. Многим он стал стартовой площадкой для проникновения в Америку - в её общество, в её образ жизни. Сейчас Брайтон превратился в своеобразное русскоязычное гетто.

Местные евреи жертвовали десятки миллионов долларов на помощь своим советским братьям, приехавшим в США, но и те, и другие часто обижались друг на друга. Американцы хотели видеть в своих соплеменниках прежних тихих, традиционных евреев из поколения своих дедушек и бабушек. Иммигранты же совсем не укладывались в этот стереотип. Большинство из них были образованными горожанами, воспитанными в атеистическом духе, начисто лишёнными религиозных чувств.

За прошедшие годы русские евреи мало чем изменились. Большинство из них хранят верность не еврейским, а советским традициям. На улицах Бруклина слышна не еврейская, а русская речь. Она стала таким же обязательным атрибутом города, как

песок, море и солнце на его уютном пляже, как шум поездов городского метро, мчащихся над его главной улицей.

Приятно было гулять по Брайтону. Вокруг все свои. Из ресторанов и магазинов несутся звуки знакомых песен и запахи привычной, горячо любимой еды, которой здесь навалом. И всё свежее! И недорого! Это оценили и наши дети, которые часто приезжают сюда из Эдисона за рыбой, фруктами и овощами.

Из любопытства зашли в один из центральных гастрономов. Он во многом напоминал Елисеевский магазин в Москве, в добрые времена изобилия продуктов в столице. В колбасном отделе был широкий ассортимент варённых и самых разных копчёных изделий, которому мог бы позавидовать фирменный магазин московского мясокомбината. Не менее обильным был выбор русских сортов масла, творогов, кефира, рыбной кулинарии, хлебобулочных и кондитерских изделий. Товары отпускаются из-за прилавков. Продавщицы в белоснежных халатах, передниках с кокошниками на голове. Их много и они довольно проворно работают, но без очередей, являвшихся непременным атрибутом советской торговли, не обходится.

Хоть нам вроде ничего и не нужно было, но удержаться от соблазна мы не смогли и купили фаршированной рыбы, буженины, вологодского масла, творога с изюмом, ряженки и русской горчицы под названием «тёщина».

Были свидетелями незабываемого эпизода. Продавщица никак не могла понять покупателя, который что-то пытался объяснить ей по-английски. Без тени смущения она крикнула на весь магазин:

-Фира! Иди разберись, чего он от меня хочет!

Мне когда-то пришлось слышать подобный анекдот, а тут на самом деле такое произошло в моём присутствии. Нам потом рассказывали, что полицейским здесь приходиться изучать русский язык, чтобы иметь возможность общаться с бывшими советскими евреями.

На улице с лотков продают кондитерские изделия и выпечку из «братских» республик бывшего СССР. Люди толпятся у фасадов шикарных русских ресторанов и у стоек афиш, извещающих о предстоящих гастролях нынешних звёзд российской эстрады.

В последнее время число «русских» здесь заметно убавилось. Дети иммигрантов отправляются в Манхэттен в погоне за американской мечтой, в другие

районы города и страны, в фешенебельные пригороды. Молодёжь уезжает. Остаются пожилые люди.

Темпы иммиграции из бывшего Советского Союза резко уменьшились и увеличился приток выходцев из Южной Америки, Азии, стран Ближнего востока. Селятся они и на Брайтоне, и вряд ли ещё надолго сохранится его необычный колорит. Наверное, скоро здесь будет не русский, а многонациональный район, но сегодня тут всё ещё пропитано «русским духом».

До позднего вечера бродили мы по Бруклину, от чего получили несказанное удовольствие. Вроде вновь побывали на своей бывшей родине.

83

Целый месяц провели мы в Эдисоне. Взрослые освоили новую работу, Анютка привыкла к местной школе. Жизнь постепенно входила в нормальное русло. Настала пора домой возвращаться.

Последние выходные вновь посвятили поездке в Нью-Йорк. Об этом городе нам многое было известно из книг, газетных публикаций, кинофильмов и желание побывать в нём не покидало нас со времени приезда в Америку. Хоть он формально и не является главным городом страны или штата, носящего его имя, это самый большой город США, крупнейший промышленный и культурный центр американского континента, столица деловой и финансовой активности. Его не без основания считают столицей мира.

При упоминании о Нью-Йорке у меня возникали ассоциации широких и прямых улиц, застроенных небоскрёбами, миллионов движущихся по ним машин, Таймс-Сквера, пресловутого Уолл-Стрита, небезопасного Центрального парка и некоторых других известных достопримечательностей Города Большого Яблока.

Поскольку самостоятельно за один-два дня получить достаточно полное представление о Нью-Йорке невозможно, решили воспользоваться услугами экскурсовода, которых здесь огромное множество. Некоторые из них работают в официальных туристических фирмах и бюро, другие проводят экскурсии на своих собственных автобусах различных размеров и модификаций.

Мы предпочли второй вариант, избрав микроавтобус. Наш водитель и гид представился Лёвой из Киева, бывшим старшим экономистом Минфина Украины. Он занимался экскурсионным промыслом по совместительству, в свободное от работы

время. Его основная профессия в Америке - программирование. Живёт в Нью-Йорке уже 10 лет и этого оказалось достаточно, чтобы его узнать и фанатично полюбить.

Выслушав представление Лёвы, мне вспомнился анекдот, который имел хождение на нашей бывшей родине. Мальчик пяти лет спрашивает у мамы: «Чей портрет висит в кабинете нашего папы?». Мама отвечает ребёнку: «Это известный экономист - Карл Маркс». Мальчик обращается с новым вопросом: «Такой, как наш дядя Миша?». Мама уточняет: «Нет, сыночек. Наш дядя Миша - старший экономист».

Советским старшим экономистом и был в своё время наш теперешний экскурсовод. Его знания и опыт работы по прошлой специальности были совсем не лишними в его новой профессии. Гиду, оказывается, нужно быть сведущим не только в области истории, культуры и архитектуры. Уместны и другие познания, в том числе в экономике и финансах.

Свой рассказ Лёва начал с того, что город, с которым нам предстоит ознакомиться, во многом отличается от других своих американских собратьев и не имеет себе подобных не только в Америке, но и во всём мире. В нём своя жизнь, своя культура, своя экономика. Это как бы государство в государстве. Поскольку за время трёхчасовой экскурсии невозможно сколько-нибудь полно познать его историю и достопримечательности, гид предложил прослушать как бы обзорную лекцию с показом наиболее важных и интересных мест в расчёте на то, что остальное мы, по его совету, должны будем посмотреть сами. При этом он обещал показать и некоторые малоизвестные районы Нью-Йорка, куда редко возят туристов.

Маршрут начался с осмотра центра Манхэттена. Мы любовались Таймс-Сквером, который не без оснований считается сердцем города, бродвейскими театрами, музеями на Пятой авеню, шикарными магазинами на 42-й улице, архитектурой небоскрёбов и восхищались величием Человека, гений которого сотворил всё это.

Уже здесь, в самом начале тура, пришлось менять свои представления о Нью-Йорке. Прежние ассоциации не во всём подтвердились. Мы, к примеру, не увидели широченных проспектов и прямых, как линейка, авеню с многорядным движением машин в обе стороны. Большинство улиц были довольно узкими с односторонним движением транспорта. Автомобилей всевозможных видов и моделей оказалось больше, чем можно было себе представить. Они занимали не только проезжую часть

дорог, двигаясь сплошной лавиной и создавая повсеместные пробки на перекрёстках, но и нередко вытесняли людей из тротуаров, где искали место для парковки.

Превзошли ожидания представления о высотных домах Нью-Йорка и, поскольку именно они являются одной из главных достопримечательностей города, наш гид не поскупился временем для ознакомления с историей их возникновения. Она начинается со здания страховой компании «Эквитейбл», построенного в 90-х годах восемнадцатого столетия. Его высота была 43 метра. Оно имело стальной каркас и лифт, считавшиеся непременными признаками высотных построек. Со временем подобных домов появилось много и их высота постоянно росла. В 1913 -ом году был построен небоскрёб Вулворта высотой 241 метр, в 1930-ом году возвели здание автомобильного концерна «Крайслер» 319-метровой высоты, а в следующем году невдалеке от него вырос Эмпайр Стейт Билдинг, высота которого достигла 381 метра. Рекорд был превзойдён в 1972-ом году, когда возвели два небоскрёба-близнеца Всемирного торгового центра, высота которых составила 417 метров. Они до сих пор являются самыми высокими зданиями в Нью-Йорке. Их перегнал только чикагский небоскрёб фирмы «Сирс» высотой 443 метра, ставший самым высоким административным зданием в США. Много интересных сведений о высотных домах, построенных в Америке и в других странах, мы узнали из рассказа гида. Наиболее высоким небоскрёбом в России является главное здание МГУ на Воробьёвых горах, высота которого 240 метров.

У дома номер 15 на Уолл-Стрите водитель остановил автобус. Здесь в 1882-ом году журналисты Чарльз Генри Доу и Эдвард Джонс впервые стали издавать финансовый бюллетень о состоянии курса акций многих компаний и фирм, который затем получил название «Уолл стрит джорнэл». Они ввели в оборот индекс - среднюю стоимость акций 11 компаний, известный теперь под названием индекса Доу-Джонса. Сегодня курс акций на Нью-Йоркской фондовой бирже, характеризующий наравне с объёмом производства продукции и уровнем инфляции состояние экономики страны, ежедневно публикуется на первых полосах центральных газет. От положения дел на бирже теперь зависит финансовое благополучие страны и потому так вырос к ней интерес.

Наш гид Лёва оказался большим знатоком рыночной статистики и биржевой конъюнктуры. Это его хобби. Из приведенных им цифр раскрылась одна из неведомых загадочных страниц капиталистической экономики. Мне до сих пор

казалось, что бурный рост производства это всегда хорошо. Оказывается, это не совсем так. У каждого экономического показателя есть своя тёмная сторона. Когда растут объёмы выпуска продукции, уменьшается безработица и повышается зарплата. Всё это увеличивает количество денег и они дешевеют. При буме экономики инфляция может сорваться с цепи и вызвать кризис с самыми ужасными последствиями. Чтобы этого не произошло Федеральный резервный банк периодически изменяет размеры процентных ставок, под которые выдаются кредиты. При повышении ставки деньги дорожают потому, что их стараются меньше брать в кредит, чем замедляется рост производства. При её уменьшении деньги, наоборот, дешевеют. Умелое регулирование этих показателей позволяет обеспечить последовательное умеренное развитие экономики, избежать экономических кризисов и финансовых катаклизмов.

Средняя стоимость акций крупнейших компаний стала барометром финансовой погоды в стране. Их рост - свидетельство благополучия экономики, падение - признак её болезни. Индекс Доу-Джонс начал свою жизнь в 1896-ом году с отметки чуть меньше 41-го пункта. В течение 10 лет он вырос до 100 пунктов. Прошло ещё 70 лет пока он превысил 1000-ную отметку. В следующее десятилетии были колебания вокруг этой цифры, а с 1982-го года началось восхождение, продолжающееся уже почти два десятка лет. Подъём экономики, начавшийся при президенте Рейгане, продолжается до сих пор. Симбиоз компьютерной революции с рейганомикой принёс фантастические плоды.

И ещё одну интересную цифру рыночной статистики узнали мы в той экскурсии. В Америке, оказывается, более 60 процентов семей инвестируют какую-то часть заработанных денег в ценные бумаги. Каждый новый рекорд индексов на валютной бирже делает счастливыми миллионы американцев.

Следующая остановка автобуса была у Бэттери-Парка. Здесь днями открылся Еврейский музей. Этого события долго ждали. Нью-Йорку, где живёт больше евреев, чем в любом другом городе диаспоры, сам Бог велел иметь такой музей. Сбор средств и строительство заняли более 15 лет. Пред нами было величественное здание со ступенчатой крышей из серого гранита.

Наш гид присутствовал на церемонии открытия и поделился своими впечатлениями. Торжество открыл бывший мер Нью-Йорка Эдвард Коч, управлявший городом три срока и ставший инициатором строительства музея. На нём

присутствовали чудом выжившие жертвы Катастрофы, видные политические деятели, лидеры крупнейших еврейских общественных организаций.

Новый музей не повторяет известный Вашингтонский. В нём огромное количество новых экспонатов. Первый этаж посвящён бытию, культуре и искусству евреев до Катастрофы. Второй этаж освещает период Катастрофы. Здесь выставлены тысячи фотографий, запечатлевшие еврейские семьи, которых больше нет. Тут будут храниться видеозаписи из Фонда Спилберга, уникальные интервью со спасшимися жертвами Холокоста. Третий этаж представляет современную жизнедеятельность народа в Израиле и диаспоре.

Место для строительства музея выбрано не случайно. Рядом, на месте современного Всемирного Торгового центра, в 1654-ом году высадились на берег 23 еврея - беженцы из Бразилии, которые основали еврейскую общину Нью-Йорка. Музей располагается у входа на паром, откуда начинается экскурсия на остров Эллис к Статуе Свободы. Отсюда открывается прекрасный вид на этот символ Америки. Вокруг - сад скульптур, отражающих различные этапы истории Нового Света, истории иммиграции.

Гид рассказал о других еврейских реликвиях и памятных местах в Нью-Йорке, которые советовал нам посетить. В частности он рекомендовал побывать в музее еврейского искусства, мемориальном парке в Бруклине, Американском Иммиграционном Историческом Центре на Ellis Islend.

Ознакомление с городом завершилось посещением северной части Манхэттена, носящей название Washington Heights. В старину, в этой гористой, покрытой лесами части острова обитали туземцы, индейцы из племени Беквозгек и она носила название «длинные горы». В период Войны за независимость эта господствующая над местностью высота была важным форпостом колонистов.

Сочетание живописных скальных обнажений с естественной растительностью удивительно красивого района привлекло внимание Джона Рокфеллера (младшего) и с 1917-го года он начал скупать эти земли для создания здесь большого природного парка. Работы по его сооружению велись под руководством архитектора Ольмстеда, который в максимальной мере использовал все преимущества уникального ландшафта. Строительство было закончено в 1931-ом году и Рокфеллер подарил парк городу Нью-Йорку. На вершине самого высокого холма сооружена смотровая площадка с мачтой, на которой развевается Государственный флаг США.

Парк получил название «Форт Трайтон Парк» в честь последнего английского губернатора. Прелесть этого излюбленного места отдыха горожан состоит в том, что здесь сохранилась первозданность растительности и животного мира, и естественный природный ландшафт. Асфальтовые дорожки, скамейки, цветочные клумбы сооружены только на пути к смотровой площадке. Основная часть огромного Парка оставлена в неприкосновенности. Рокфеллерские сооружения обросли лианами, а лесные заросли превратились чуть не в настоящие джунгли. Трава и мох поглотили покрытие дорожек. Элегантные беседки и мостики обвиты вьюнами, многие фонари, освещающие дорожки, чуть покосились, но именно всё это придаёт неповторимое очарование. Здесь много грибов и ландышей, поют птицы, свободно гуляют белки и зайцы.

В Трайтон Парке есть ещё одна достопримечательность - музей «Клойстерс», что в переводе означает «монастыри». Это филиал Музея «Метрополитен». Здесь богатая экспозиция Романского периода, эпохи готики, экспонаты западноевропейского и византийского искусства. Тут всегда многолюдно. Опытные лекторы, экскурсоводы, садоводы и музыковеды проводят обзорные и тематические экскурсии.

Мы никогда раньше и не слышали, что на окраине Нью-Йорка имеется такой уникальный прекрасный парк, который с полным основанием можно назвать жемчужиной этого района города.

Экскурсия по «столице мира» произвела большое впечатление. Она не оставила никого равнодушным. В заключение увлекательного рассказа гид привёл длинный перечень достопримечательностей, которые не вошли в программу трёхчасовой обзорной экскурсии. Без ознакомления с ними невозможно получить сколько-нибудь полное представление о самом большом, самом важном и самом интересном городе Америки.

Однако и того, что нам удалось тогда увидеть и услышать оказалось достаточно, чтобы понять почему американцы так гордятся своей негласной столицей и почему они так беззаветно любят этот неповторимый город.

84

Читателю уже известно, что декабрь в семье Гимельфарбов был праздничным месяцем. Кроме того, что мы с Анечкой были «декабристами» по рождению, 16

декабря был днём нашего бракосочетания, который неизменно отмечался на протяжении нескольких десятков лет. 1997-ой год был юбилейным. Нашему брачному союзу исполнилось 50. Такую дату сам Бог велел отметить по достоинству. Тем более, когда полстолетия прожито в мире и согласии. Этого хотели и наши дети. Предлагались разные варианты праздничного застолья в одном из увеселительных заведений города, аренда зала в русском ресторане заграничного Торонто, что в полутора часах езды от Баффало, или, наконец, свадебный вечер в довольно просторном доме сына, что рядом с нашей квартирой.

Долго рассматривались эти и другие предложения. В каждом из них были свои преимущества и недостатки. Взвесив все «за» и «против», мы с Анечкой пришли к мысли, что немалые затраты, а главное - большие хлопоты, связанные с проведением «Золотой свадьбы», являются не совсем оправданными. Если всё это делается для возможности отметить наши положительные особенности, трудовые и ратные подвиги, верность чувствам любви, преданности и семейного долга, то мы это от своих детей, внуков, родных и друзей не раз уже слышали раньше. Такие признания ими часто выражались на семейных праздниках и годовщинах, которых было немало за время полувекового существования нашей семьи. При этом, как принято в таких торжественных случаях, не обходилось без преувеличения заслуг юбиляров, переоценки их дарований и способностей, а порой и неоправданной лести и неискренности. Нужно ли всё это нам в нашем возрасте? Стоит ли на то тратить столько средств, времени и труда? Чем больше мы об этом думали, тем увереннее склонялись к мысли, что такие затраты были бы неоправданными.

Не лучше ли отметить это событие какой-то интересной поездкой, совершить что-то вроде «свадебного» путешествия? Оно обойдётся дешевле и не доставит больших хлопот нашим детям и внукам. Идея эта возникла вначале у Анечки, а потом овладела и мною. О нём, настоящем свадебном путешествии, которое обычно совершают молодожёны по случаю вступления в брак, мы мечтали по дороге в ЗАГС, что и сейчас существует возле знаменитого одесского Оперного театра, в тот памятный зимний день 16 декабря послевоенного голодного 47-го года. Мечты эти были тогда бредовыми.

Наших доходов, включая мою «повышенную» стипендию, едва хватило только на семейный ужин с селёдкой, семипалатинской колбасой, винегретом и бутылкой дешёвого вина. Свадебную ночь, как я уже раньше упоминал, мы провели в

одной комнате с родителями, младшей сестрой Анечки - Полиной и хозяйкой квартиры Диной, у которой все они тогда снимали «угол» в её большой комнате на Малой Арнаутской. Брачным путешествием для нас - молодожёнов стала поездка в соседний Тирасполь, где мы имели месячную преддипломную практику на консервном заводе, снимали крохотную комнатку у пьяного мужика и питались отсортированными при производстве консервов овощами в заводской столовой.

Теперь, на старости лет, получая пособие беженцев, рассчитанное по здешним стандартам на покрытие минимально необходимых нужд человека, мы были, по привычным нам меркам, вполне состоятельными людьми и могли себе позволить осуществить несбывшуюся мечту своей далёкой юности. Наших сбережений было достаточно, чтобы совершить такое путешествие.

Желания у нас были довольно скромными и потому вполне осуществимыми. Здесь на это не требуется согласия КГБ, ОВИРа или партийных органов. Езжай куда душе хочется. Были бы только деньги.

Как я уже рассказывал, мы в последнее время много и с удовольствием путешествовали. За несколько лет жизни в Америке побывали во многих городах и ознакомились с известными всему миру достопримечательностями. Были в Вашингтоне и Торонто, Нью-Йорке и Монреале, Чикаго и Филадельфии, Оттаве и Квебеке, совершили турне по Великим озёрам и любовались Ниагарским водопадом. В эти немногие годы мы изъездили больше, чем за всю свою долгую жизнь на нашей бывшей родине.

Где до сих пор не успели побывать и о чём страстно мечтали, это съездить в Калифорнию, которую не зря называют золотым штатом Америки. Вот туда и решили совершить «свадебное» путешествие в свой «золотой» юбилей.. Там нас давно ждали друзья.

Прежде чем рассказать о впечатлениях, оставшихся в моей памяти от поездки по Тихоокеанскому побережью Америки, не могу не сказать кое-что о наших друзьях, проживающих там.

Инициатором поездки стала Зоя Гиворгиз из Лос-Анджелеса. Мы познакомились с ней в «Русском клубе», членом которого она стала во время своего временного проживания в Баффало. Здесь проходил резидентуру её сын Иосиф,

который недавно закончил медицинский институт, женился на привлекательной нелегальной иммигрантке из Финляндии и снимал квартиру в роскошном доме на окраине города. Когда у молодой четы родилась прелестная дочурка Даниэла, Зоя вызвалась помочь молодым в уходе за ребёнком и прожила в их семье около двух лет. Бабушка всей душой привязалась к внучке и, наверное, осталась бы с ней и дольше, но, как это нередко случается, не нашла общего языка с невесткой. Трудно сказать, что не поделили женщины. Скорее всего причиной всему был Иосиф. Обе стремились к монопольному праву любить его. А он, мужчина редкой красоты, доброты и обаяния, того безусловно стоил.

В рабочие дни, когда молодые родители работали, Зоя была занята уходом за ребёнком и домашней работой, а по воскресеньям приходила в клуб, который стал для неё вторым домом. Она с интересом слушала беседы и лекции, пела в хоре, стала ведущей участницей «цыганского» ансамбля. По внешнему виду, акценту и умению предсказать будущее её на самом деле можно было принять за цыганку. У неё были свои приёмы познания секретов человеческих судеб, она многим давала полезные советы и приносила успокоение. Обычно её предсказания были добрыми и люди благодарили её, когда они сбывались, но больше всех тому ликовала она сама, довольная своими способностями дарить радость.

Зоя - человек удивительной судьбы, подробности которой достойны отдельного повествования. По национальности она ассирийка. До войны их большая семья жила на Украине, где отец занимал высокий пост в партийной иерархии. Ему чудом удалось избежать ареста в годы сталинского террора, когда был уничтожен цвет советской интеллигенции, большая часть видных деятелей государственного и партийного аппарата. С помощью друзей они бежали в Иран и больше на родину не возвращались.

Редкая красота молодой ассирийки привлекла внимание наследника шахского престола и вскоре она стала одной из его жен. Огромное богатство и роскошь не принесли ей счастья, так как замуж она вышла не по любви. С малолетним ребёнком Зоя бежала из шахского двора и после многих приключений оказалась в Америке. Сюда перебрались её братья и сестра. Помогая друг другу, все они получили образование, нашли работу и стали обеспеченными людьми. Зоя посвятила себя детям - Иосифу и Рае, которых безумно любит. Они закончили университеты, стали

специалистами, завели семьи. Пошли внуки, ставшие для бабушки источником радости и надежды.

Все взрослые в семье Гиворгиз сохранили ассирийский язык, который считают родным. Зоя, кроме того, не забыла и русский, бывший для них когда-то основным. Она любит русскую музыку, книги, песни и танцы. Чувствует потребность общения на языке своего детства. Это и стало причиной её вступления и активного участия в работе нашего клуба.

Зоя дружила с участниками художественной самодеятельности и с большим уважением относилась к руководителям клуба. К нашей семье, в первую очередь к Анечке, её отношение было особенно тёплым. Она познакомила нас с Иосифом. От общения с ним мы получали большое удовольствие. Он на самом деле оказался прелестным человеком. Мы часто бывали в их доме и они оказались на редкость гостеприимными людьми. Приглашали их к себе, а чаще в клуб на вечера отдыха, праздничные мероприятия и концерты художественной самодеятельности.

Привязались к их маленькой Даниэле и больше не удивлялись необузданной родительской любви к ней. Отношения с Зоей стали почти родственными и было очень грустно с ней расставаться. К нашей радости они не остыли и после её отъезда. Мы часто общались по телефону и она настойчиво приглашала к себе в гости. Наш юбилей оказался для этого подходящим поводом.

86

С Тусей Зыкиной мы познакомились в первый год пребывания в Америке, когда жили ещё в Снайдере. Как я уже упоминал, это был самый трудный период наших иммигрантских будней. На оплату квартиры уходила почти вся сумма получаемого нами пособия. Нужно было помогать и Верочке, которая училась в колледже и не имела ещё постоянной работы. Главной нашей заботой тогда был язык, овладению которым отдавали всё своё свободное время. На учёбу приходилось ездить далеко и мы, собрав все свои сбережения, купили старенькую малолитражку, в которой еле помещались с Верочкой и сестрой Анечки Полиной.

В одной группе с нами училась недавно прибывшая из Одессы Туся. Мало того, что Зыкина приехала из города, который был нам и ей одинаково близок, она еще закончила «наш» институт, защитила там диссертацию, стала доцентом и читала студентам курс химико-технологического контроля производства. У нас оказалось

много общих знакомых среди бывших студентов и преподавателей. Многие из них, к сожалению, уже ушли из жизни, другие и поныне здравствуют и трудятся в именитом ВУЗе, давшем нам путёвку в жизнь и сыгравшем важную роль в становлении, как специалистов пищевой промышленности.

Наверное, всё это было только поводом к нашему знакомству. Для дружеских отношений с Тусей были другие основания. Она оказалась близкой нам по духу, интересам, мировоззрению. С ней было легко и приятно общаться. Обсуждались не только учебные проблемы, но и новости, поступающие с бывшей родины, отношения с детьми и внуками, бытовые вопросы и даже дела сугубо личного плана. Мы делились радостями и печалями, надеждами и сомнениями, старались чем могли помочь друг другу.

Зыкина приехала одна по статусу «Пароль» и, хоть была заметно моложе нас, ей было намного труднее. По закону Тусе не полагалась никакая помощь от государства. Её единственный сын Вадик, который приехал на несколько лет раньше и жил рядом с нами, старался ей во всём помочь, но и сам с трудом содержал неработающую жену и двух дочерей. К счастью, случались ошибки и ей на какое-то время назначали пособие и давали медицинскую страховку. Тогда её радости не было предела. Когда, при очередной проверке, ошибки вскрывались и все бенефиты отменялись, становилось тяжело и грустно. Положение порой казалось совсем беспросветным.

Мы предложили Тусе место в нашей машине для поездки в школу. Она долго отказывалась, не желая причинять нам неудобства, но со временем согласилась и была очень благодарна за внимание и помощь. Мы были соседями и наши отношения становились всё более тёплыми и дружественными. Такими же они остались, когда она сняла квартиру в центре города, а мы получили субсидированное жильё в пригородном районе. Зыкина по-прежнему часто бывала у нас и не скрывала свои проблемы, которых со временем не становилось меньше.

Как-то она поделилась с нами своими терзаниями личного характера. С ней давно переписывался её давний приятель из Одессы Лёва Гинзбург, который жил уже несколько лет в Калифорнии. Они давно дружили семьями и хорошо знали друг друга. Теперь, когда оба остались одни, их прежние взаимные симпатии стали возрастать и отношения постепенно переросли в новое качество. Он писал ей нежные письма, полные ласки и любви, и приглашал к себе для создания семьи. Тусе приятно было

трогательное отношение к себе, она искренне разделяла его чувства и с нетерпением ждала встречи с добрым и преданным другом.

Когда наступила развязка и пришла пора принимать решение об отъезде, у неё вдруг возникли сомнения. Она ссылалась на возраст, привязанность к двум малолетним внучкам, которые нуждались в её помощи, материальные трудности и прочие причины, которые ограничивали степень её свободы. Туся страстно желала откликнуться на зов любимого ею человека, и в то же время боялась этим обидеть сына и невестку, опасалась предстать перед ними эгоистом, заботящимся в первую очередь о своём благе.

Мы попытались развеять её сомнения и советовали поступить так, как велит разум и сердце. У детей и внуков впереди большая жизнь и много возможностей сделать её счастливой. У неё, наверное, это единственный шанс и грешно им не воспользоваться.

Вряд ли именно наши советы сыграли тогда решающую роль в принятии ею решения. Скорее всего Туся, женщина разумная, серьёзная и самостоятельная, решила эту проблему сама. Она набралась мужества сознаться сыну, что выходит замуж за милого и доброго человека, и поэтому уезжает на другой конец Америки, в далёкую Калифорнию.

С грустью расставались мы с большим и искренним другом нашей семьи - Тусей Зыкиной. Не думали тогда, что придётся ещё когда-нибудь встретиться в наши немолодые годы.

Жизнь, однако, распорядилась по другому. Нашей дружбе не помешали расстояния. Мы получаем тёплые письма из Пало Алто, что в нескольких тысячах миль от Баффало. Туся и Лёва нашли своё счастье. Они делятся радостями семейной жизни и впечатлениями от многочисленных экскурсий по сказочно красивым местам Западного побережья Америки. Нежданно и негаданно Вадик получил работу в Калифорнии и теперь она может часто видеться с ним и любимыми внучками.

У нас и у Туси давно созрело желание встретиться и мы настойчиво приглашали друг друга в гости. Первыми на это решились мы, воспользовавшись юбилейным «свадебным путешествием» в Калифорнию.

В главном аэропорту Большого Лос-Анджелеса нас встретила Зоя. Были цветы, поцелуи, объятия и всё, что бывает, когда встречаются добрые старые друзья. Как только её довольно поношенный, но роскошный и вместительный лимузин выехал на фривей (так здесь называют скоростные автомагистрали), она повела рассказ о чудесном крае - Калифорнии, который не зря называют «золотым» штатом Америки.

День близился к концу. Солнце уже зашло за горизонт, но было ещё достаточно светло, чтобы не зажигать фары. Удивительная романтика так и витала в воздухе. Она во всём: в том, что в декабре по летнему тепло; в том, что, вместо белого наряда середины зимы всё вокруг было голубым и зелёным; в красоте заката на берегу океана; в захватывающей панораме большого красивого города на фоне безоблачно-синего неба.

Здесь проживает более 4-х миллионов жителей, благодатный климат, фрукты созревают круглый год. Огромный порт уступает по загруженности в стране только нью-йоркскому. Но ни он и не крупные современные бизнесы обеспечивают рост и процветание Лос-Анджелеса (за полстолетия его население удвоилось!). Специалисты сходятся во мнении, что подлинный бум последнего 50-летия следует отнести на счёт индустрии кино. За вторую половину века эта отрасль экономики возросла в 4 раза!.

Зоя успела стать горячим патриотом города. Не умолкая, рассказывала она о нём: об удивительной архитектуре его зданий, прекрасных парках и пляжах, соборах и мостах, о роскошных проспектах, на тротуарах которых изображены звёзды с именами выдающихся артистов.

Особенно восторженно она говорила о Голливуде - общепризнанном центре мирового кино. Здесь совершается ритуал вручения «Оскаров». По решению Американской академии киноискусства обладателями этой престижной премии ежегодно становятся несколько десятков лучших актёров, режиссёров, создателей фильмов. Церемонию в телеэфире смотрят сотни миллионов людей во всём мире.

Близилось Рождество и всё выглядело особенно красочно и нарядно. Улицы, витрины магазинов, фасады домов и деревья были увешаны разноцветными лампочками. Зажглись, причудливо украшенные традиционными шарами и бантами, ёлки.

Уже стемнело, когда машина остановилась у крыльца Зоиного дома. Стол был накрыт к праздничному ужину в честь долгожданной встречи.

Программа путешествия была довольно насыщенной. Она предусматривала ознакомление с достопримечательностями Лос-Анджелеса, посещение Диснейленда, поездки по живописным местам Тихоокеанского побережья, экскурсии по городам Калифорнии и Невады, ряд других интересных мероприятий. О всех впечатлениях, полученных в ходе трёхнедельного турне, рассказать невозможно. Поделюсь только некоторыми из них.

Запомнилась поездка в Лас-Вегас в сопровождении Зои. Она часто там бывает и лучшего гида нам было не найти. Выехали утром автобусом. Стоимость проезда и проживание в гостинице оплатило казино. Это один из способов привлечения посетителей. Подобным образом поступают и другие заведения бизнеса азартных игр и развлечений. Между ними жёсткая конкуренция и непримиримая борьба за клиентуру.

Дорога была длинной и на неё потребовалось несколько часов. Всё это время водители рассказывали о природе, климате и экономике штатов Калифорния и Невада по которым мы проезжали, играли с нами в бинго, угощали фруктами, бутербродами и прохладительными напитками. И это тоже бесплатно.

Когда на горизонте замелькали силуэты высотных зданий Лас-Вегаса, разговор пошёл об истории города, его особенностях и достопримечательностях. В отличие от всех других городов мира, Лас-Вегас построен на том принципе, что количество денег, которые готов оставить в нём заезжий гость, прямо пропорционально окружающей его фантасмагории. Чем дальше он уводит людей в мир грёз, тем богаче становится.

Если все другие города привлекают туристов историческими достопримечательностями и уникальными традициями, то этот город развивается на отрицании прошлого, на разрушении старого и возведении нового. На месте устаревших отелей-фантазий строятся новые, ещё более величественные и роскошные. Если ещё совсем недавно, в 70-е годы, неоновая реклама была важнее архитектуры, и ослеплённый огнями приезжий турист покорно очаровывался окружавшим его многоцветным полыханием, то теперь в ход пошла архитектура зданий и поражающая воображение грандиозность.

Тон задают новые отели, пренебрегающие романтикой Дикого Запада или Востока и избравшие тематикой для своего оформления и набора развлечений моду и стиль старой Европы. По пути в свою гостиницу нам показали несколько строящихся отелей. Они поразили воображение размерами и парадностью. Перед отелем «Париж», к примеру, возводится 50-этажная копия Эйфелевой башни. Отель «Белладжио будет завлекать гостей коллекцией шедевров живописи, где будут представлены полотна Ван Гога, Ренуара и Пикассо, а перед парадным подъездом отеля «Венеция» на шесть тысяч номеров строится система каналов и мост над проходящей поблизости шестирядной автомобильной трассой..

Со времени незатейливых придумок основателя Лас-Вегаса, романтического бизнес-бандита Сигала, построившего здесь первый отель-казино «Фламинго», творческая мысль и финансово-строительный размах невадских подрядчиков изменились до неузнаваемости.

Мы поселились в большой комфортабельной гостинице на три тысячи номеров, которая здесь считается средней по размерам и комфортности. Как рассказывала нам Зоя, самый большой из ныне действующих в Лас-Вегасе отель MGM Grand уже не довольствуется своими пятью тысячами номеров и приступил к очередной реконструкции и расширению.

Нас не манили азартные игры казино, но совсем от них отказаться мы не могли хотя бы потому, что это было бы просто неприлично. Нам уделили много внимания, на нас затратили немалые средства именно для того, чтобы мы оставили здесь свои деньги. Стоило, однако, войти в огромный зал игровых автоматов, издающих неимоверный шум от града монет, падающих из чрева машин в смонтированные под ними металлические корыта, как атмосфера азарта захватила и нас. Создалось впечатление, что здесь все выигрывают. Наверное, так кажется потому, что слышен только грохот монет, что машины изредка выбрасывают клиентам, и совсем не слышно, когда они долго и монотонно их безвозвратно поглощают. Так как аппаратов очень много, можно подумать, что деньги так и сыпятся из рога изобилия в карманы игроков. На самом же деле всё запрограммировано как раз наоборот - на обогащение хозяев казино.

Это нам было хорошо известно и потому мы запланировали оставить здесь максимум того, что на нас было потрачено, и по нашим расчётам не превышало 50-60 долларов на человека. Зная возможности своих гостей и желая продлить их

удовольствие, Зоя посоветовала аппараты, принимающие Nickel - пятачки. Для начала разменяли по десять долларов, вместо которых получили по целому ящику металлических жетонов. Нам казалось, что их хватит на весь вечер. Игра шла с переменным успехом. Не все монеты безвозвратно проглатывались. Случалось, что машина возвращала нам небольшие выигрыши, которые впечатляли больше шумом, нежели суммой.

Наша касса на глазах опустошалась, не прошло и часа, как пришлось менять вторую десятку. Так повторялось несколько раз и мы поняли, что, если не произойдёт чуда, выделенного нами лимита едва хватит на первый вечер. Чтобы чем-то заполнить следующий день, нужно будет искать другие развлечения. Но чудо случилось! Когда запасы монет, полученные в обмен на последнюю десятку, были почти полностью исчерпаны, раздался большой силы грохот и корыто почти до краёв заполнилось пятаками. Такой же залп вскоре прозвучал и у Анечкиного автомата. От радости захватило дух. Мы почти полностью восстановили проигранные за вечер деньги. Я вошёл в азарт и был готов отменить намеченную прогулку по вечернему городу, но Анечка остудила мой пыл и мы, оставив выигрыш в гостиничном номере, направились подышать перед сном свежим воздухом. Зоя была с нами, но настроение у неё заметно испортилось. Она играла на долларовом автомате и удачи у неё в тот вечер не было.

Прогулка по центральному бульвару «The Strip», застроенного шикарными отелями и утопающего в огнях причудливой иллюминации, доставила большое удовольствие. Такое наслаждение от прогулки вряд ли можно получить в других американских городах, где часто просто отсутствуют пешеходные тротуары. Здесь тысячи людей гуляют по улицам до поздней ночи. Толпами они собираются у увлекательных аттракционов возле отелей «Остров Сокровищ» и «Мираж», где можно наблюдать искусственное извержение вулкана или инсценированное сражение между кораблями. Только к полуночи пустеет бульвар и люди разбредаются по отелям для отдыха или новых развлечений.

На следующий день, после обильного завтрака, мы вновь уселись за автоматы. Нам удалось ещё пару раз насладиться шумом падающего града монет, но всё закончилось так, как запрограммировали владельцы казино. Полностью проиграв вчерашний выигрыш и ещё в два раза больше, мы сдались на милость победителя. Ещё в большем убытке оказалась Зоя. Размер проигрыша она хранила в секрете, но,

судя по тому, что ей пришлось снимать деньги с кредитной карты, можно было догадаться, что в казино она оставила приличную сумму.

Тем не менее, поездкой все остались очень довольны. В отличном настроении покидали мы Лас-Вегас - мировую столицу развлечений.

89

Запомнилась экскурсия в Сан-Диего. Об этом удивительном городе нам много рассказывала Полечка Шеер, которая считала его чуть ли не самым лучшим на Земном шаре. Она собирала о нём сведения из художественной литературы, газет, журналов и поставила себе целью переселиться туда на постоянное местожительство. С присущей ей настойчивостью она раздобыла анкеты для записи на очередь в нескольких субсидированных домах и терпеливо ждала приглашения на приезд.

Однодневное пребывание в Сан-Диего склонило нас к мысли, что сестра Анечки была во многом права. В этом начинаешь убеждаться ещё на окраине города, расположенного у самого моря. Даже воздух здесь кажется каким-то особым. Несмотря на то, что мы находились южнее Лос-Анджелеса, где термометр в те дни показывал 30 градусную отметку по Цельсию, тут жара совсем не чувствовалась и легко дышалось. Вершины гор были местами покрыты снегом и оттуда веяло приятной прохладой.

Город во многом похож на Одессу. Такая же планировка центра и обилие трамваев, с шумом и звоном носящихся по его прямым улицам, очень много небольших магазинчиков, ларьков и киосков, такое же синее и тёплое море. Здесь редко бывает пасмурно и круглый год лето. Был конец декабря, а всё вокруг утопало в пышной зелени. Было солнечно и очень тепло. Многие загорали в купальных костюмах на прибрежных песчаных пляжах. Так у нас в Баффало бывает только в июне или июле.

Сан-Диего - второй после Лос-Анджелеса крупный центр Калифорнии с населением около 1,5 миллиона жителей стоит на берегу одноимённого залива. Добротный торговый порт и некогда пристанище Военно-Морских сил США. Прекрасный климат и близость к Мексике влекут туристов, но не они принесли процветание городу. Своему расцвету он обязан высокоразвитой электронной промышленности, производству ракет и космической техники, серьёзным научным проектам, связанным с медициной, океанографией, биологией.

Это один из самых удивительных городов Америки, город европейского типа. Бюро путешествий предлагает обзорные автобусные экскурсии, но у нас для этого не было достаточно времени. За несколько часов, что были в нашем распоряжении, невозможно сколько-нибудь полно ознакомиться со всеми достопримечательностями и потому мы решили проехать на машине по одному из маршрутов трамвая.

Наш тур начался в Старом городе, где расположен Heritage Park. Первую остановку сделали в торговом порту. Осмотрели терминал морских круизов, совершили прогулку по набережной и любовались прелестями знаменитой Siaport Village - одного из самых оживлённых торгово-развлекательных центров города. Здесь несколько десятков небольших магазинчиков, каждый из которых по своему уникален, большое число ресторанов и закусочных. Идёт оживлённая распродажа сувениров, картин, других произведений искусства, антиквариата. Тут же множество аттракционов и других видов развлечений для детей и взрослых.

Близилось рождество и всё выглядело очень нарядно. Витрины магазинов, фасады кафе и ресторанов были украшены гирляндами электрических лампочек и разноцветными шарами.

Далее наш путь лежал к центру города. Мы проехали по Kettner бульвару, Бродвею и другим главным улицам, многие из которые здесь носят цифровые названия (First Avenue, Third Avenue, Fifth Avenue и т. д.). Они расположены в шахматном порядке, застроены многоэтажными домами и выглядят очень красиво. Совершили прогулку по центральным площадям и административно-торговым центрам: Broadway Circle, Horton Plaza, Convention Center. Здесь много высотных домов разнообразного архитектурного оформления. Впечатляет зелёный наряд, множество цветов, идеальная чистота и порядок во всём.

Говоря о Сан-Диего можно найти множество определений и характеристик: очаровательный, яркий, многообразный, многонациональный. Но больше всего поражает романтика. Она во всём: в перезвонах трамваев, в захватывающей дух панораме города, его мостов и парков, в мексиканских названиях уютных кафе и ресторанов, в удивительных закатах на берегу океана.

Город настолько понравился, что мы решили последовать примеру Полечки и зарезервировать для себя право стать его жителями. В одном из лучших субсидированных государством домов для пожилых людей, что расположен в

благоустроенном районе на Market Street, мы заполнили анкеты и стали на очередь для получения квартиры

90.

Самой продолжительной и безусловно самой интересной была поездка в Сан-Франциско. Для экономии времени туда полетели самолётом. В аэропорту нас встретили Туся с Лёвой, которые проживали тогда в пригороде Пало Алто, что в часе езды от центра. Молодожёны произвели хорошее впечатление и по всему чувствовалось, что они нашли своё счастье. Несмотря на то, что им было в то время далеко за шестьдесят, они смотрели друг на друга такими влюблёнными глазами, что им можно было позавидовать.

Жили супруги Гинзбург безбедно. Снимали небольшой, но очень уютный субсидированный апартмент и без конца восхищались Америкой, проявляющей большую заботу о престарелых иммигрантах. Оба посещали школу, где усердно учили английский, готовились к экзамену на гражданство. У них было много друзей, с которыми они интересно проводили свободное время.

Нам был оказан очень тёплый приём. В течение нескольких дней хозяева возили нас по городу и Заливу, знакомили с их достопримечательностями. Туся и Лёва успели полюбить Калифорнию. О Сан-Франциско оба рассказывали с таким же восторгом, как и о своей Одессе, где родились и прожили лучшие годы жизни. Они были к нам очень добры и внимательны. Зная характер Туси, этому можно было и не удивляться.

Мы привезли с собой рукопись моей книги и наши друзья читали её по ночам (дневное и вечернее время было расписано по часам и полностью отводилось экскурсионной программе). Они сделано несколько важных замечаний о периоде жизни в Одессе и учёбе в технологическом институте. Я с благодарностью их принял и учёл при окончательном редактировании.

Первое знакомство с Сан-Франциско провели гуляя по городу. Можно было воспользоваться обзорной автобусной экскурсией, или проехать по его улицам и площадям на машине, но предпочли именно такой способ, который оказался очень рациональным. Конечно, совершать многочасовые походы в нашем возрасте - дело нелёгкое, но мы были стократ вознаграждены за трудности, которые пришлось преодолеть, вэбираясь по многочисленным холмам. Награда поджидала нас за каждым

новым поворотом, когда взору открывался необыкновенный вид на город, его мосты, соборы, на океан. Всего этого мы могли и не увидеть из окон автобуса или автомобиля.

Прогулка началась с конечной остановки одной из линий cable car (фуникулёра). Этот удивительный маленький трамвайчик, двигающийся по рельсам при помощи тросов, вот уже более ста лет служит своеобразной эмблемой Сан-Франциско. Вспомнился подобный трамвайчик, что был когда-то эмблемой одесского порта. Жителям Сан-Франциско удалось отстоять «устаревший» транспорт, чего, увы, не смогли сделать одесситы.

Каждый турист, посещающий город, спешит познакомиться с движущейся реликвией - cable car. Первый в мире трамвайчик на тросах прошёл здесь 120 лет назад. Это стало сенсацией. В течение нескольких десятков лет он был основным видом городского транспорта. В Сан-Франциско действовало 600 трамвайчиков, покрывающих расстояние в 110 миль. Во время землетрясения 1906 года многие линии были разрушены. Большинство из них не были восстановлены, так как по улицам города пошёл более современный транспорт, но 3 линии cable car сохранились и действуют до сих пор. Около сорока трамвайчиков покрывают теперь расстояние в 10 миль. Мы видели, как не только мальчишки, но и пожилые люди висят на подножках cable car. Это своего рода ностальгия по детству и юности.

Каждый год, в июне здесь устраиваются соревнования звенящих фуникулёров, которые собирают большое число участников и зрителей, и становятся настоящим праздником для горожан.

Маршрут кейбл-кара привёл нас к одному из самых больших холмов города - Nob Hill (всего их здесь - 42). Здесь расположено несколько крупнейших отелей города, основанные в 1800-е годы Стенфордом и Хопкинсом. На улице Kalifornia находится отель Fairmont, отличающийся особой помпезностью парадного фасада с развевающимися флагами всех стран мира. Это временная резиденция приезжающих в Сан-Франциско глав государств. Здесь жил в своё время первый и последний президент СССР Горбачёв.

Вход в гостиницу свободный. В роскошном вестибюле и на стенах коридоров картины и фотографии, запечатлевшие улицы города до и после ужасного землетрясения 1906 г. В стеклянном лифте можно подняться на 32-й этаж, где находится башня, из которой открывается захватывающая панорама. Оттуда виден

мост Золотые Ворота (Golden Gate Bridge), связывающий город с графством Марина. Построенный в 1937 г. мост длиной 1,2 мили, стоимостью 35 млн. долларов является таким же символом Сан-Франциско, как Статуя Свободы - символом Нью-Йорка. Он давно занесен в реестр чудес современности.

Справа от него - самый длинный в мире (8,5 мили) мост Bay Bridge, возведенный в 1936 г. Он соединяет город с островом Jerba Buena, под которым проходит самый большой на планете по диаметру туннель.

В двух кварталах от отеля Fairmont начинается Chinatown, где проживает более двенадцати тысяч китайцев. Район, занимающий площадь в 24 городских квартала, насыщен деловой суматохой и поражает красочностью зазывных витрин магазинов, ресторанов, базаров, прелестью орнаментов, венчающих фонарные столбы и фасады зданий. Особенно многолюдно на Grant Ave. Это своеобразный город в городе. По праздникам здесь проходят парады в восточном стиле, сопровождаемые песнями и барабанным боем. Тут находится музей китайской эмиграции.

Рядом с Китайским городом находится один из старейших районов Сан-Франциско - North Beach (Северный пляж). Сейчас от пляжа осталось одно название. Многочисленные волны эмигрантов создали этническое разнообразие этого района, но преобладающим его населением являются итальянцы и он поэтому называется Little Italy (миниатюрная Италия). Есть тут интересный исторический музей. Это один из самых посещаемых, любимых туристами район города.

На Русском холме, что рядом с Washington Square, издавна селились русские. Здесь находится церковь св. Петра и Павла. Роскошно её внутреннее убранство. Ошеломляющее, величественное зрелище представляет собой святилище, созданное из многочисленных видов мрамора разных цветов и оттенков.

Недалеко отсюда Coit Memorial Tower (Мемориальная башня Коит), что находится на Telegraph Hill. Её высота 210 футов. Отсюда открывается великолепная панорама берега Залива, мостов, океана, гор, островов. На вершину башни поднимаются на лифте. Этот район облюбовали представители богемы - художники, литераторы, актёры. Здесь жил выдающийся американский писатель Марк Твен.

Спускались с холма по Lombard St. - самой извилистой улице в мире, которая привела нас в удивительный мир Рыбачьей пристани. В этом районе, бывшем в прошлом центром рыбной индустрии города, жизнь кипит и ночью. Здесь огромное скопление судёнышек, катеров, курсирующих по островам залива, а также магазинов,

лотков, кафе, ресторанов. На пирсе можно увидеть лежащих на плотах морских львов и тюленей.

Рыбачья пристань - не только торговый, но и культурный центр города. Здесь находятся Музей восковых фигур, многочисленные аттракционы, несколько частных художественных галерей с интересными произведениями живописи и скульптуры. Во время нашего посещения пристани она выглядела особенно нарядно в связи с приближением праздника Рождества. Кроме красочной иллюминации мы могли полюбоваться ярко украшенной главной ёлкой города.

Прогулка по пирсу - это путешествие в историю Сан-Франциско. Тут, на пирсе, находится филиал морского музея и стоят на приколе корабли и шхуны, которым сто и более лет. С пирса мы вновь любовались удивительной панорамой города. На этом и закончилась наша первая прогулка по Сан-Франциско. К вечеру автобусом возвратились в Пало-Алто.

91

Второй этап ознакомления с городом нам организовала Зоя и её брат Георгий - эрудит, постоянно проживающий в Сан-Франциско. В течение двух дней мы на машине исколесили шумный центр и тихие окраины, побывали в удивительно красивых парках и садах, прослушали интересный рассказ об истории города. Георгий оказался прекрасным шофёром и замечательным гидом. Автомобиль представляет значительно больше возможностей для обзорной экскурсии и мы им воспользовались сполна.

Наш тур начался с Municipal Pier (городского пирса), уходящего далеко в залив. Отсюда открывается вид на ряд островов. Самым близким является остров Алькатрас, где обитает много пеликанов (по-испански пеликан и есть алькатрас). Рядом с ним расположен Angel Island (остров Ангела), где почти круглый год преобладает солнечная погода. Эти острова - место отдыха, гуляний и пикников.

Напротив Залива находится курортная зона средиземноморского типа - Sausalito, куда идут катера от здания Морского вокзала. На утёсе расположены строения Форта Мэсон, откуда во время Второй мировой войны американские войска отправлялись для боевых действий в Тихом океане. На доке стоит корабль «Jeremiad», открытый для посещения. На судах такого типа в СССР поступала продовольственная

помощь из США (до сих пор мне памятен вкус американской тушёнки в те голодные годы).

Далее путь нашей экскурсии лежал к Зелёной Марине, расположенной в лагуне и построенной в честь открытия Панамского канала в 1915 году. Здесь сейчас находится Музей изящных искусств, где в занимательной форме проиллюстрированы законы природы и достижения техники.

Очередная наша остановка была у Ротонды, сооружённой в память о землетрясении 1906 г. Изумительно подсвеченная в вечернее время, она видна с любого городского холма. Капители её колонн украшены цветами, живые прообразы которых растут тут же, у подножия. Зелёные лужайки вокруг живописного озера привлекают туристов и любителей пикников.

По улице Van-Ness подъехали к Civic Center. Главное его здание - Siti Hall построено в 1915 г. Оно во многом напоминает здание Капитолия в Вашингтоне. Наш гид с гордостью заявил, что его купол выше капитолийского на 9 футов. Вход в здание свободный. В вестибюле поражает красотой великолепная мраморная лестница, ротонда и замечательный бюст Анжело Росси - одного из мэров Сан-Франциско.

На площади ряд других административных зданий, построенных из серого гранита и образующих единый архитектурный ансамбль. В центре установлена скульптура сидящего Линкольна. Это копия статуи Мемориала Линкольна в Вашингтоне. Здесь же - величественный памятник пионерам-первооткрывателям этого края - «The Spirit of California» («Дух Калифорнии»)

Рядом, на Grove St. стоит огромное здание в классическом стиле - Civil Auditorium, где находится самый большой зрительный зал в городе. Он вмещает 10 тысяч человек. Здесь ежегодно проходит торжественное открытие сезона Pop’s Music (популярной музыки). Оно начинается парадом и концертом на улице, а затем продолжается в помещении. Концерт обычно заканчивается увертюрой П. И. Чайковского «1812 год» в исполнении симфонического оркестра и салютом.

К комплексу Civil Center относится ещё Оперный театр и Публичная библиотека, книжный фонд которой превышает 600 тысяч томов. Одна из надписей на фасаде гласит: «Золото преходяще, знание - вечно.»

По Market St. проехали к Площади Организации Объединённых Наций, которая была создана в ознаменование подписания здесь Устава ООН. Площадь является архитектурным украшением города. Здесь находится мемориал в виде

фонтана с семигранными гранитными глыбами (американцы насчитывают семь частей света, признавая отдельно Южную и Северную Америку).

При входе на площадь ООН стоит скульптура Симона Боливара. По композиционному замыслу она во многом подобна памятнику Петру 1 в Санкт-Петербурге. На ней начертаны даты многих сражений, в которых участвовал и был победителем легендарный генерал.

Нам показали несколько парков. Самым удивительным из них является Golden Gate Park. Раскинувшийся на площади, превышающей тысячу акров, он является одним из самых больших в мире. В парке растёт более 5 тысяч видов растений: монтерейские раскидистые кипарисы и пушистые сосны, сотни сортов эвкалиптов и самая значительная в мире коллекция рододендронов. В Рододендроновой долине стоит памятник создателю парка, фанатику парковой архитектуры, садовнику из Шотландии Джону Маклерену.

Здесь 12 озёр. Все они - искусственные. Каждое - по своему красиво. Почти у всех - свой водопад. Совершая прогулку по парку-музею живых растений, собранных из многих континентов земного шара, мы как бы пребываем в кругосветном путешествии.

Побывали мы и в другом большом парке - Presidia, значительная площадь которого ранее была занята объектами 6-ой американской армии. Здесь находится Музей Армии США.

По главной артерии города, Market St., проехали в Embarcadero Center. Здесь в новом архитектурном стиле сооружён комплекс современных высотных зданий с магазинами, отелями, ресторанами, офисами. Здесь же - сердце города, его финансовая империя, Западный Wall Street. В этом районе легче идти, чем ехать. Посетив Fargo Museum можно проследить всю историю города - от золотой лихорадки до наших дней.

Сан-Франциско - большой город с населением около 1 миллиона человек. Говоря о нём, нельзя не упомянуть о его удивительных особенностях. Они ощущаются во многом и как бы витают в воздухе, но прежде всего в том, что город расположен практически в Тихом Океане на полуострове в виде узкого сапожка, омываемого водами океана и Залива. Здесь всё делается по большому счёту, с любовью и уважением к прошлому, к его жителям. Если уж возводить мост, то самый

длинный в мире, если уж разбить парк, то самый большой на планете, если уж строить Дворец искусств, то один из самых величественных и крупных.

Вечером мы были гостями Зоиного брата, который жил тогда в двухэтажном доме в центре города. Два его этажа и просторный «бейсмент» казались тесными из-за большого числа полок и антресолей, где хранилось огромное количество книг, видео, и аудио кассет. Его аудиотеке мог бы позавидовать любой меломан. Мы наслаждались классической музыкой, мелодиями советской эстрады, пели песни из репертуара нашей далёкой молодости.

Трудно описать наши впечатления от посещения этого замечательного города. Мы увезли на память о нём сувениры, прекрасно оформленный альбом фотографий, много художественных открыток и, кажется, оставили там свои сердца.

Под Сан-Франциско, в прекрасном ассирийском ресторане, в тёплой компании Зоиных родственников мы встретили Новый 1998-й год и торжественно отпраздновали свою Золотую Свадьбу.

Важно отметить, что во время нашего трёхнедельного пребывания в Калифорнии Анечка забыла о своём артрите, которым заболела после возвращения из европейского турне, от чего очень страдала в последнее время. Она испытывала сильные боли в ноге, особенно при ходьбе, и ей трудно было преодолеть без отдыха одномильную прогулку по парку, прилегающему к нашему посёлку. Никакие обезболивающие лекарства ей не помогали и врачи назначали только лечебную физкультуру, которая тоже заметной пользы не приносила.

Здесь же она ни разу не пожаловалась на боль, несмотря на то, что нам приходилось очень много ходить. Трудно сказать, что было тому причиной. То ли благодатный климат, то ли экзотика здешних мест, то ли тепло, исходящее от сердец наших добрых друзей и необыкновенный эмоциональный настрой, но болезнь, как бы по мановению волшебной палочки исчезла на время поездки, но, к сожалению, возобновилась с новой силой после нашего возвращения домой.

Надолго запомнилось это удивительное путешествие по Калифорнии.

92

Со школьных лет мне было ясно, что «свобода - это осознанная необходимость». Во взрослой своей «тамошней» жизни я научился безошибочно определять рамки «прав» и «свобод», предоставляемых советской Конституцией,

которую у нас называли самой демократической в мире. Не скажу, что та демократия была мне по душе и что очень уж тосковал по ней в Америке, но и к здешней привыкнуть было очень трудно. Западная свобода обрушилась на нас, как шквал, как лавина, которой неведомы ни мера, ни границы.

Конституция США, как в своё время и Основной закон Страны Советов, гарантирует людям свободу слова, печати, собраний и митингов. Разница только в том, что там эти свободы провозглашались только на бумаге, а здесь люди пользуются ими в жизни и никто не смеет их в своих правах ограничить. Любой человек вправе воспользоваться ими в полной мере. Наверное, это в принципе прекрасно, но, как говорит народная мудрость, всё хорошо в меру, а что «занадто», то не «здраво».

Взять хотя бы детей, ради счастья которых мы уезжали. Ребёнок - человек и потому уже с рождения вправе пользоваться свободой личности. Он имеет право делать то, что хочет и сам знает, что для него хорошо, а что плохо. Няни стонут: не то что шлёпнуть - замечание сделать нельзя.

Когда дети подрастают, они своими правами пользуются в большей мере. Многие школьники в упор не видят учителя. Режутся в карты, ржут, разглядывая порножурналы. А учитель должен уважать свободу своих учеников. В результате немало мальчиков балуются наркотиками, а девочки беременеют в 12 - 14 лет. Нередко выпускники заканчивают школу, с трудом одолевая простые дроби, а другие плохо читают и без ошибок пару предложений написать не могут.

Мне кажется, что не меньше вреда лишняя свобода приносит и взрослым. Как-то прочёл в русскоязычной прессе о месячнике гомосексуалистов и лесбиянок в Нью-Йорке. Он начался «Парадом гордости приверженцев однополой любви». По городу проходили многотысячные митинги, ведущие каналы телевидения были забиты целующимися однополыми парами, которых приветствовали отцы города. И никто не отважился спросить: а чем тут собственно гордиться?

Свободу нужно уважать, но нельзя же навязывать патологию в качестве нормы. Это против всех законов божеских и человеческих. Городская же власть и даже церковь, хранительница традиционных ценностей, дрогнули под мощным и организованным напором сексуальных меньшинств: мэр сделал геям обоего пола подарок, узаконив гражданский однополый брак, а кардинал в своих проповедях призывал к сексуальной терпимости.

Из газет узнал, что Конференция американских раввинов, представляющих реформистское крыло иудаизма, большинством голосов приняла резолюцию, согласно которой «отношения однополой еврейской пары могут быть узаконены соответствующим еврейским ритуалом». Другими словами, раввин может провести бракосочетание людей одного пола, одобряя таким образом брак между двумя мужчинами или двумя женщинами.

Здоровое в основе своей общество уступает свои позиции без боя, потому что знает, что все его усилия разобьются о Первую поправку к Конституции, как волна о камень. Именно эта поправка гарантирует свободу слова, печати, собраний и митингов. Вот почему гомосексуалисты имеют право шествовать по Пятой авеню Нью-Йорка почти в чём мать родила и заходиться в страстных поцелуях на всеобщем виду.

Посягать на чью бы то ни было сексуальную ориентацию в демократическом обществе противозаконно, но допускать пропаганду и рекламу того, что является отклонением от нормы, на мой взгляд - недопустимо.

У свободы много лазеек, пользуясь которыми можно превратить её в пародию на самое себя. Это касается не только гомосексуалистов. Ещё в большей мере ими пользуются экстремисты всех мастей от Ку-Клукс-Клана до «Нации ислама». Общество вынуждено потакать акциям подобным «Маршу миллиона» и «Параду гордости» из боязни нарушить свободы, гарантированные Конституцией.

В отличие от всех советских конституций, включая Сталинскую, Хрущёвскую и Брежневскую, Конституция США на самом деле является Основным законом страны, которому беспрекословно подчинены все, начиная от рядовых граждан до президента.

Помнится у нас в ходу был политический анекдот. Поспорил американец с русским о том, в какой стране больше демократии - в Америке или в СССР. Чтобы убедить русского, американец говорит: «У нас ты можешь стать перед Белым Домом и призывать к свержению нашего президента». На это русский отвечает: «У нас ты тоже можешь свободно стоять перед Кремлём на Красной Площади и проклинать вашего президента».

В том, что в Америке можно открыто ругать и даже оскорблять Главу государства можно было убедиться в продолжавшейся два года компании по отстранению от власти Билла Клинтона. Конституция предусматривает возможность и

порядок изгнания президента из Белого Дома (импичмент) за злоупотребления властью и действия, причиняющие серьёзный вред государству и обществу. В истории Америки уже были два прецедента такого рода в Конгрессе. Первый, связанный с именем 17-го президента США Эндрю Джонсона, имел место в 1868 году. Тогда для импичмента не хватило одного голоса. Второй закончился в 1974 году добровольной отставкой Ричарда Никсона.

Ситуация в этих случаях была во многом различна, но в одном оказалась схожей. Многодневная процедура фактически парализовала политическую волю лидера страны. Кампания по отрешению Клинтона от власти показалась мне навязчивым кошмаром. Как только не обзывали президента в газетах и журналах, по радио и телевидению! Весь мир, глумливо хихикая, следил за фарсом, поэтапно проигрываемым в Вашингтоне.

Не придав в начале должного значения назревающему конфликту и недооценив грозящую ему опасность, Клинтон в январе 1998-го года не сознался в своих интимных отношениях с соблазнительной стажёркой Белого Дома Моникой Левински. Президент, лгущий всей нации под присягой в Большом Жюри! Это - уже импичмент.

Конечно же президенту врать не пристало и за это в демократическом обществе приходится дорого расплачиваться. Бесконтрольная власть быстро развращает самых стойких политиков. Нам это знакомо из поведения советских лидеров. Если общество не будет применять эффективных рычагов сдерживания, то беды не миновать! Но и здесь, как мне казалось, применяемые меры должны быть адекватны содеянному. Демократическая пресса, на мой взгляд, не в меру занялась мазаньем грязи. Все обозреватели только тем и занимались, что выясняли сорвал ли развратник Билл цветы удовольствия или не сорвал. А ведь в этом его официально и не обвиняли. Президента обвиняли во лжи под присягой (по совершенно вздорному поводу).

Я, как и многие, не сомневался, что Клинтон лгал. То, что он сделал не имеет оправдания и служит плохим примером. Давая лживые показания под присягой, он наносил удар системе правосудия. Совершённые им поступки являются серьёзным правонарушением и в демократическом государстве должны квалифицироваться, как преступление, но следует ли за это изгонять с поста президента, пользующегося доверием народа, обеспечившего невиданный взлёт экономики, огромный авторитет

страны на международной арене и не совершившего чего-то чудовищного, к примеру, предательства, измены своей стране или чего-нибудь подобного этому. Многократные опросы общественного мнения свидетельствовали, что большинство американцев не хотят изгнания Клинтона из Белого Дома.

Тем не менее антиклинтоновская публичная кампания набирала силу и Палата представителей Конгресса в октябре 1998-го года большинством голосов приняла решение о возможности импичмента президента.

Такова американская демократия. А может быть эта страна потому и великая, что может позволить себе такие вот геракловы подвиги. К чести её, правда, нужно признать, что в конечном итоге, окончательное решение в наиболее важных и принципиальных случаях принимается с учётом общественного мнения.

В вопросе импичмента президента оно было в пользу Клинтона. Согласно опросам более 60% американцев одобряли его политику и не хотели его изгнания. Наверное поэтому при голосовании в Сенате 55 из 100 сенаторов выступили против импичмента.

Американцы гордятся своими демократическими свободами, а я пока привыкнуть к ним не могу. Мне всё ещё кажется, что их слишком много.

93

Верочке Америка всё больше нравилась. Теперь, когда у нее, наконец, нашлась приличная работа по специальности, она всё более убеждалась в том, что сделала в своё время правильный выбор, уехав из Белоруссии. Наша дочь чувствовала себя здесь хорошо и морально, и материально. Единственное, что сейчас её тяготило, были жилищные условия. После проживания в собственном доме в Баффало (с ним пришлось расстаться, когда нашла работу в Нью-Йорке), она никак не могла привыкнуть к своему апартменту в двухэтажном бараке на окраине Эдисона, заселенном преимущественно эмигрантами из Индии. Беспокоило не только отсутствие языковой общности с соседями, многочасовые поездки на работу и даже не тараканы, с которыми нужно было вести настоящую войну. Ей приходилось тратить треть своей зарплаты на жильё. Кроме этого не устраивала средняя школа, где Анечке предстояло учиться с нового учебного года.

Сейчас, когда их общий семейный доход заметно возрос, они с Володей могли позволить себе купить отдельный дом или собственную квартиру. Человеку издавна присуще желание стать владельцем собственной крыши над головой, чтобы маленькую частицу огромного мира назвать своей собственностью. В Америке, больше чем в любой другой стране, это желание осуществимо. Иметь своё роскошное жильё всегда являлось частью Великой американской мечты. Теперь, когда страна переживала самый высокий за последние 30 лет подъём, для большинства семей среднего достатка появились реальные шансы для её воплощения. Для этого вовсе не нужно владеть суммой, равной стоимости дома. Здесь можно стать домовладельцем и за чужие деньги. Их охотно предоставляет банк в виде займа - моргиджа. После определённого первоначального взноса покупатель обязан ежемесячно выплачивать свой долг. Обычно эти платежи длятся довольно долго, до тридцати лет. Приходится платить и проценты за пользование ссудой. В случае неуплаты в определённый срок можно лишиться дома, но в общем это удобная форма вложения денег и приобретения недвижимости. Многие видят в этом практический смысл. Кроме создания максимальных житейских удобств, в этом находят наилучший способ инвестирования денег, воплощая их не в рискованную покупку новых акций, а вкладывая сбережения в элитарное жильё. В этом есть и какой-то резон самопоощрения: мы хорошо потрудились и заслуживаем для себя лучшего жилья.

Конечно, степень роскоши зависит от возможностей. Богатые люди стремятся к экстравагантности. Они стали предпочитать мрамор и другие дорогие материалы в архитектурном оформлении зданий, домашние театры, гаражи на три автомобиля. Популярность получили комнаты для воздушных ванн, бильярдные, гимнастические залы, ванные в каждой спальне. Наблюдается рост спроса на дома-люкс. В Америке самым массовым становится «верхний класс». Уже около 10-ти миллионов семей получают доходы более чем 100 тысяч долларов в год. Их количество за последнее десятилетие возросло почти вдвое. Они имеют возможность строить не жилища-приюты, а дома, удовлетворяющие всем запросам современного человека.

В Нью-Йорке, где работала Верочка, в то время строилось особенно много дорогого жилья. На Манхеттен Бич, например, в парковой прибрежной зоне возводились односемейные дома-дворцы с окнами на океан, бассейнами, многоместными гаражами и зелёными лужайками, стоимость которых превышает миллион долларов. Цены на дома здесь росли в среднем на 15-20% в год.

В районе Брайтон Бич, на берегу океана, в те годы возводился живописный показательный жилой комплекс «Ошеан». В многоэтажных домах размещались роскошные квартиры-люкс с прекрасным видом на океан, а окружаюшие их строения оригинальной архитектуры предназначались для развлечений и досуга. Начальные цены на такие апартаменты в прибрежных зданиях начинались с 400 тыс. долларов и доходили до миллиона с лишним для больших пентхаузов. Среди покупателей немало было «русских» иммигрантов.

По своему доходу семья Верочки ничего подобного себе позволить не могла. Они с Володей должны были тщательно планировать свой бюджет. Семья - это экономическая ячейка общества, которая имеет свой определённый доход, затраты, сбережения и долги. При этом доход должен непременно превышать расход. Эта простая истина была им хорошо известна. Увлекаться большими кредитами очень опасно.

Не по карману им была даже самая скромная «трёхбедрумная» квартира в Нью-Йорке. Она не вписывалась в их бюджет. Зато в окрестностях, в часе езды от города они вполне могли приобрести приличный дом или квартиру. Так они и поступили, когда купили сравнительно хороший кондоминиум в Бриджвотере - живописном районе штата Нью-Джерси.

По своим удобствам всё здесь было на порядок выше чем в их доме в Баффало. На первом этаже - гостиная с камином, уютная столовая, спальня для хозяев с ванной и «джакузи», просторная кухня, напичканная всевозможными встроенными устройствами, прачечная и гараж. На верхнем этаже размещались спальные комнаты и офис, а в бейсменте - домашний кинотеатр, музыкальный центр, устройства для централизованного кондиционирования воздуха и очистки воды.

Переселение семьи Верочки в новый дом стало важным событием в их иммигрантской жизни и доставило всем нам много радости. Мы приняли деятельное участие в этом мероприятии, которое завершилось к началу нового учебного года. Больше всех ликовала Анечка, которая пошла в девятый класс одной из лучших школ штата Нью-Джерси.

Все эти годы мы как бы вновь возвращались в своё детство. Начали учиться с первого класса. Регулярно посещали созданную при «Русском клубе» школу, которая

не прекратила своего существования и после его развала. Здесь ещё какое-то время работала Kathy Krotty - учительница от Бога и прекрасной души человек. Никогда не забуду её невероятное терпение в стремлении помочь нам «разговориться» по-английски. Она могла повторять трудную тему по десять раз, «разжёвывать» каждое слово, лишь бы мы что-то освоили и запомнили. На её уроках был образцовый порядок. Все её внимательно слушали и очень старались.

Со времени ликвидации «Русского клуба» нам стало недоставать возможности общения. И не только по-английски. Школа в какой то мере возмещала этот дефицит. Большинство студентов отличались высоким уровнем культуры. Среди нас были инженеры и врачи, юристы и педагоги. Некоторые имели учёные степени и почётные звания. Между нами завязались неформальные, дружеские отношения, формировался нужный круг общения. За этим, почти так же как за английским, приходили мы сюда. В общем в школу мы ходили с удовольствием.

Титанический труд и старания Kathy принесли определённые результаты. Мы научились читать и даже, худо ли - хорошо ли писать под её диктовку. Овладели всеми формами глагола и почти безошибочно стали пользоваться каверзными английскими предлогами. Единственное, что никак не удавалось - отважиться заговорить по-английски.

Любимая учительница сочувствовала нам и очень старалась в этом помочь, понимала психологическое состояние своих пожилых учеников, отличавшихся высоким уровнем образования, но плохо воспринимавших незнакомые слова чужой для них речи. Она устраивала в классе диспуты на актуальные темы: как снять квартиру, как разговаривать с лендлордом, как заказать что-то по телефону, как объясниться с врачом. Мы получали обширную житейскую информацию, пытались беседовать на бытовую тематику, но язык «брался» очень туго.

Со временем на её уроках нам стало казаться, что дело сдвинулось с мёртвой точки. Мы стали в той или иной мере объясняться по-английски, начали понимать сугубо американский юмор, как-то воспринимать американскую идиому, к месту употреблять нужное слово.

Kathy добивалась, чтобы мы научились думать по-английски, а не пытались буквально переводить с русского прежде чем что-нибудь сказать. При ней мы уже кое-что говорили, рассказывали и даже спрашивали. А это ведь особое искусство - задавать вопросы по-английски.

Может быть чудо-учительница в конце концов и заставила бы нас заговорить, если бы её не свалила коварная и неизлечимая болезнь. Она надолго слегла в больницу и всё реже возвращалась к своей любимой работе. Теперь уже мы сочувствовали Kathy, сопереживали её беде, пытались чем-то помочь. Навещали её в больнице. Мы с Женей нередко бывали у неё дома. Она была очень благодарна нам и радовалась тому, что некоторые её ученики могли с ней общаться по-английски.

Врачи сделали всё что могли, но только на какое-то время продлили ей жизнь. Даже американская медицина здесь была бессильна.

С уходом Kathy школа для нас потеряла прежнюю прелесть. Мы ещё какое-то время посещали её, пока там работала молодая и очень способная учительница Shelly. Она прилагала невероятные усилия для увеличения нашего словарного запаса. Добрая половина каждого урока отводилась ею для зазубривания новых слов. Результаты казались ощутимыми и мы ей были очень благодарны. Может быть с ней мы когда-нибудь и достигли бы заметных успехов, но вскоре класс пополнился молодыми студентами из стран Юго-Восточной Азии. Они почти свободно разговаривали по-английски, но плохо писали, читали и совсем не знали грамматики. Школа им нужна была для подготовки к поступлению в колледж или на работу. Нам стало как-то неуютно на уроках.

Была у нас ещё пожилая учительница Сильвия. Она давно вышла на пенсию, но без работы не представляла себе жизни. Школа для неё была не только службой, но и любимым хобби. На урок приходила, как на праздник. Всегда в свежем наряде, весёлая и жизнерадостная. К занятиям готовилась тщательно и от души старалась передать нам максимум полезной информации. Сильвия вела у нас грамматику и в том, что мы неплохо освоили глаголы и предлоги бесспорно есть и её заслуга. Но разговорной речи мы у неё научиться не могли.

Когда с начала учебного года от нас ушла Shelly (ей предложили престижную работу), заметная часть пожилых студентов, в том числе и мы с Анечкой, оставили школу. В уроках мы не видели смысла, так как они более не повышали уровня знаний, а главное - не прибавляли опыта разговорной речи.

Нельзя сказать, что пятилетнее школьное образование принесло нам мало пользы. Мы многому научились. Хоть и со словарём, но читаем, хоть и с ошибками, но пишем, хоть и с трудом, но понимаем. Обходимся без посторонней помощи в быту и в магазинах, у врача и у лендлорда, смотрим телевизор и слушаем радио. Чего мы

так и не смогли постичь это возможности свободно общаться на языке страны, ставшей нашей новой родиной. Не думаю, что этому мы теперь уже когда-нибудь научимся. Скорее всего это непостижимо в нашем возрасте.

95

Пошёл уже шестой год жизни в Америке. Пришло время становиться гражданами этой великой державы, давшей нам приют и свободу. Мы давно к этому созрели, но закон требует пятилетнего срока проживания в стране. Кроме того нужно было сдать специальный экзамен на гражданство, включающий знание истории США, принципов управления государством, умения читать, писать и говорить по-английски.

Что касается первых двух требований, то для нас не составляло труда их выучить. Благо Америка - молодое государство, а в его Конституцию и демократические основы правления на протяжении непродолжительного исторического периода внесено совсем немного поправок и изменений.

Другое дело - знания английского в той мере, чтобы сдать экзамен на гражданство. В этом для пожилых людей была проблема и весьма серьёзная. Большинство не в состоянии овладеть чужой речью, так как с возрастом многие способности покидают человека, и в 65 или в 70 лет трудно выучить новый язык.

По этой причине многие так и не смогли стать гражданами страны и доживали свои годы без американского паспорта. Его заменял документ, удостоверяющий право на постоянное жительство - гринкарта. До 1996 года единственная разница между гражданином и негражданином заключалась в том, что негражданин не мог голосовать. Он пользовался всеми другими правами без всяких ограничений и выполнял те же обязанности, что возлагались Конституцией и другими законами на граждан.

С введением «Закона о реформе вэлфера» положение изменилось. Легальные иммигранты, не ставшие после пяти лет проживания в стране гражданами, лишались ряда льгот, которые у них были. Такое положение никак нельзя было назвать справедливым. По действующему положению люди, которые прожили в США 20 лет и им самим больше 50, или им больше 55 лет и они прожили здесь 15 лет, могут сдавать экзамен на родном языке, а от семидесятилетнего или восьмидесятилетнего старика, который прожил в Америке только пять лет, требуют знания английского. Начинать учить язык в этом возрасте и знать его в достаточном объёме, чтобы сдать

экзамен по истории США выше его сил. Заставлять людей такого возраста сдавать экзамен на чужом языке - наказание. Трудно сказать какой логикой руководствовались авторы этого закона.

Но с законами не спорят. И старики учили язык. Занимались в школах, ходили на курсы, брали уроки дома. Не были исключением и мы с Анечкой. Ко времени сдачи экзамена мы уже в школу не ходили, но занятия в ней в течение пяти лет определённые результаты дали. Нам было легче чем многим другим, которые такой подготовки не имели.

Мы вызубрили ответы на стандартные 100 вопросов, которые обычно задают на экзамене, потренировались по правописанию, проштудировали анкету и во всеоружии ждали вызова в Центр Иммиграции и Натурализации, где проводились интервью на гражданство. Ждать пришлось более года и материал мы знали назубок. Для Анечки этого было вполне достаточно. Она блестяще ответила на полтора десятка вопросов, без ошибок написала продиктованные предложения, выдержала тест по анкете и заслужила похвалу экзаменатора.

Для меня этого оказалось мало. Я был подвергнут настоящему допросу по моему «революционному» прошлому, подобному тому, что был на интервью в американском посольстве шесть лет тому назад. На столе лежало то же досье с материалами о моём продвижении по службе, полувековом пребывании в партии, боевых и трудовых наградах. Дело усугубилось тем, что экзаменатор, не зная русского, принял решение суда о моей реабилитации, как обвинительный приговор. Он пришёл к выводу, что человеку, занимавшему видное место в правящей партии тоталитарного государства, да ещё и с уголовным прошлым, не место в свободном демократическом обществе.

Трудно сказать, чем бы закончился этот экзамен, если бы к финишу не подоспел менеджер, чуть знавший русский и сумевший с моей помощью разобраться в сути судебного решения. Он также убедился в том, что меня подвергали многолетним гонениям и преследованиям на национальной почве и потому я по праву получил статус беженца. Интервью и на сей раз закончилось для меня благополучно.

3-го сентября 1998-го года мы с Анечкой приняли присягу, нам в торжественной обстановке вручили Certificate of Naturalization и мы стали гражданами Соединённых Штатов Америки.

9-е ноября был красным днём в нашем семейном календаре. В этот день мы ежегодно праздновали рождение мальчиков-близнецов - Вовочки и Мишеньки. Они родились вместе, росли и учились рядом, закончили одну школу, один институт, получили одинаковую специальность - «технология сварочного производства» и были направлены на работу по распределению молодых специалистов в один город. Мальчики были настоящими братьями: дружными, болеющими друг за друга, заботливыми, защищающими один другого, оберегающимися сообща от бед, не завистливыми

Так случилось, что эта дата стала днём рождения не только наших детей, но и внучки Диночки и племянника Бори. Каждый год мы поздравляли своих именинников, по достоинству отмечали их успехи в учёбе, труде, творчестве. Особенно широко праздновались круглые даты.

Больше других запомнился день, когда ребятам исполнилось по двадцать лет. Они тогда успешно учились в институте, а мы к тому времени достигли вершины служебной карьеры и пожинали плоды своих успехов. Все были в расцвете сил и будущее виделось нам в розовом цвете.

К сожалению, не все юбилейные даты были такими счастливыми. Их тридцатилетие было омрачено очередной волной антисемитизма, гонений и преследований на национальной почве, которые на этот раз коснулись непосредственно и нас. Шло следствие и надо мной тогда нависла явная угроза лишения свободы.

В печали прошло сорокалетие сыновей. Оно отмечалось у постели смертельно больного Мишеньки. Не зная, что болезнь неизлечима и дни его сочтены, он тогда по-детски радовался обилию цветов, множеству подарков и особенно шикарному импортному магнитофону, о котором давно мечтал. Недолго ещё доставляла ему удовольствие эта дорогая в то время чудо-техника и воспроизводимые ею песни любимых бардов. Через три с половиной месяца, 23-го февраля 1989-го года, его не стало и цветы в дни его рождения мы стали приносить к его памятнику на Северном кладбище в Минске.

В 40 лет, в расцвете сил и творческих дарований, ушёл из жизни прекрасной души человек - добрый и преданный сын, верный и любящий муж, чуткий и заботливый отец. У меня было ощущение, что с ним умерла часть моей души.

Произошел необратимый психологический надлом. Не легче, а скорее всего ещё тяжелее, перенесла утрату мать. Мы как-то сразу постарели и стали совсем седыми. Эта дата с тех пор стала горестной.

Для меня тогда открылись самые печальные стороны жизни: оказывается люди не вечны. Они умирают. В том числе и самые близкие, самые дорогие. Кто от болезней, кто от старости, а кто от несчастного случая, как это было с нашим Мишенькой. Самое страшное, когда из жизни уходят дети и их провожают в последний путь несчастные родители.

С годами я понял, что потрясение, вызванное утратой сына, не прошло бесследно. Оно усилилось со временем, глубокая рана в душе не заживает. Боль от неё не проходит и не становится меньшей. Когда был помоложе, мне хватало мужества в горестные дни собраться с силами, перестраиваться, целиком уходить в работу, в творчество. Я любыми путями старался победить свалившееся на нас горе. И мне это как-то удавалось. Здесь же, в Америке, и сил стало меньше, и вдохновения не стало.

Грусть воспоминаний в такие дни целиком овладевает мной и нет мочи от нее скрыться. Мне представляется каким бы стал наш сын, чего достиг бы в жизни, как бы радовался успехам Алёнушки и Андрюшки, которые были его счастьем и гордостью. Нет ничего страшнее, чем думать о детях в прошедшем времени. От таких раздумий меня настигает нервный срыв и я начинаю побаиваться необратимого заболевания. Депрессия, вызванная невосполнимой утратой приводит к апатии, потере интереса к жизни. Единственное на что пока хватало мужества, это скрывать свою хворь от Анечки и детей. От этого им было бы вдвойне тяжело.

В памятном 1998-ом году отмечалось пятидесятилетие со дня рождения наших сыновей. Впервые круглая дата праздновалась в далёкой Америке и без Мишки. Он остался ТАМ, в стране где родился, на своей родине и совсем один. Даже цветы на могилу в день его рождения теперь возложить некому.

Праздновали теперь Золотой юбилей Вовочки. Его жена Рита, ставшая нам в эмиграции ещё роднее и ближе, решила по достоинству отметить эту дату. Не считаясь с расходами, она сняла банкетный зал в роскошном русском ресторане Торонто и пригласила на праздник всех наших родственников и друзей. Было много гостей, которые прибыли в негласную столицу Канады не только из Баффало и штата Нью-Йорк, но и других городов Америки, включая и столичный Вашингтон. Стол был похож на произведение искусства. Преобладающими были традиционные блюда

русско-еврейской кухни, но среди них пестрели и американские деликатесы, в том числе и самые дорогие. Ресторан был празднично декорирован, гремел оркестр, было много цветов.

Мы любовались Вовочкой. Как гостеприимный хозяин он тепло встречал гостей, которые душили его в своих объятиях, одаривали подарками и цветами. Он выглядел моложе своих лет и вместе с красавицей-женой был украшением всей шумной нарядной компании.

Мне, как отцу юбиляра, главе семейства и старейшине общества было предоставлено почётное право открыть торжество. Речь моя была пятиминутной, но мне всё же, кажется, удалось выразить в ней родительские чувства к любимому сыну, ставшим для нас источником гордости, радости, счастья. Говорилось в ней о трудностях полувекового этапа его жизни и достигнутых успехах - высоком образовательном цензе, творческом потенциале, незаурядной трудовой квалификации, свидетельством которых стала успешная защита диссертации, десятки патентов на изобретения, должность технического руководителя американской фирмы. Бесспорными были успехи и на семейном фронте. Риточка - его первая и единственная серьёзная и взаимная любовь, которой они верны уже четверть века. У них двое замечательных, одарённых детей, которых они безумно любят и которыми по праву гордятся. В их семье царят любовь, дружба, уважение и почитание родителей, достаток и счастье. Я говорил о родительских чувствах к Вовочке и высказал предположение, что своими мыслями о нём, наверное, поделятся его жена, дети, родственники, друзья. Не сможет только это сделать брат Мишенька, которому сегодня тоже исполнилось бы пятьдесят. Завершалась речь пожеланием сыну пройти вторую половину жизни ещё более успешно и тостом за здоровье юбиляра, за новые достижения в работе и жизни, за счастье всей его замечательной семьи.

Ещё в ходе своего выступления меня охватил нервный шок. Он начался когда, невзначай, коснулся имени покойного сына. В какой-то момент у меня мозги затуманились. С трудом удалось тогда довести речь до конца. Я почувствовал явное недомогание. Не хватало воздуха, стало трудно дышать, мною овладели тяжкие мысли. Ещё какое-то время оставался за столом, допил свою заздравную чашу, закусил, отвечал на какие-то вопросы соседей.

Может быть мне и удалось бы тогда выйти из шока, если бы к нам не подошла Алёнка. В своем нарядном тёмном платье она была удивительно красива, но очень

печальна. Никогда раньше она не казалась мне такой похожей на своего отца. Усадив её на своё место, я долго, стоя, любовался ею. И вновь хлынули воспоминания о Мишке.

Кто-то увлёк меня танцевать. Оркестр исполнял фрагменты из весёлых еврейских мелодий. Надеясь, что всё вскоре пройдёт, не стал признаваться в своём плохом самочувствии Анечке и детям. Было очень шумно, душно и невмоготу стало оставаться в помещении. Поднялся с кресла, чтобы выйти на свежий воздух, но стали подкашиваться ноги. Наверное, не удержался бы на них, если бы не поддержали Анечка и соседи по столу. Меня вывели на улицу и вызвали скорую, полагая, что случился сердечный приступ. Врач долго возился со мной и собрался доставить в госпиталь, чему я категорически воспротивился. Наш сын, оставив гостей, отвёз меня и напуганную до полусмерти жену в гостиницу.

Не желая того, испортил праздник не только себе и Анечке, но и детям, родственникам и гостям.

97

Работа в «Structural Ceramics Corporation» стала для нашего сына как бы вершиной служебной карьеры в Америке. После ухода отсюда в прошлом году на предприятие по упрочению деталей, администрация фирмы, по достоинству оценив способности и таланты Вовы, приложила немало усилий для его возвращения. Ему повысили зарплату и назначили главным инженером. Больше всех этому была рада Рита. Что может быть лучше для жены, чем признание достоинств её мужа и хорошо оплачиваемая работа рядом с домом? На жизнь теперь вполне хватало, не нужно было волноваться за его поездки в чужой город на службу, больше стало свободного времени для семейного досуга, отдыха, развлечений. Это казалось пределом мечтаний. Так думали и мы, родители, родственники, друзья. Все, кроме самого Вовы. Не по душе оказалась эта работа, не принесла она ему удовлетворения и успокоения.

Он был однолюбом не только по отношению к женщинам, но и в работе. Любил только «свою» родную, избранную на всю жизнь профессию и никакая другая не приносила радости и вдохновения. Это чувство в нём ещё более окрепло здесь, в Америке, когда он понял, что его знания и опыт могут быть востребованы, когда увидел плоды своего труда, когда почувствовал силу своих потенциальных возможностей.

Нельзя сказать, что Вова не старался в своей новой должности. Совсем наоборот. Он не боялся любой работы и филонить не умел. Голова у него работала, как компьютер. За сравнительно короткое время были разработаны и внедрены ряд новых устройств, заметно усовершенствованы процессы труда, проведены важные исследования в области технологии производства керамики.

Вова знал, что нужно делать и делал это добросовестно, заботясь о результатах, а не о том, чтобы демонстрировать своё служебное рвение. Он понимал, что если не будет существенных результатов, их полунаучное, полупроизводственное предприятие просто прикроют. Потому и старался изо всех сил.

Как это часто бывает непомерный творческий порыв и рвение разбудили вечно тлеющее недоброжелательство малоодарённых людей, знакомое нам из прошлой жизни. Оказывается, Америка в этом плане ничем особенно не отличается. Его хвалили только тогда, когда уже нельзя было не похвалить. А долбали много, причем за то, за что этого делать не следовало.

У сына есть незыблемые принципы отношения к выполняемой работе. Самый главный из них: её результат должен удовлетворять его самого. Для него всего важнее является самооценка. Он должен сам себе нравиться. Этого как раз в «Benchmark Corporation» и не было. Он был недоволен собой и стал вновь искать работу по специальности. Таких фирм в Америке немного и почти во все были направлены резюме. Во все, кроме той, из которой пару лет назад ушёл сам. О возврате в «Heany Ceramics & Coatings», казалось, не могло быть и речи.

Были интервью и даже неплохие предложения. Самым лучшим из них стало приглашение на свободную вакансию по специальности с хорошей зарплатой в Бостон, которое наш сын с радостью принял. Когда вопрос был почти окончательно решён и Вова стал готовиться к отъезду, в дело вмешался его босс, который воспротивился увольнению. Он уговаривал остаться, обещал улучшить условия работы и обстановку в коллективе, а когда методы убеждения себя исчерпали, пригрозил помешать приёму на другую работу. Трудно было поверить в то, что солидный, образованный и в общем порядочный человек, каким казался его хозяин, на такое способен. В этом пришлось убедиться, когда бостонская фирма отменила прежние договорённости из-за нелестного отзыва.

Невыносимо больно было смотреть на страдания сына. Наше положение усугублялось тем, что о своих служебных делах Вова ничего не рассказывал. На наши

вопросы следовал неизменный ответ: «Всё нормально». От него и приятную новость не услышишь, а уж плохую тем более. Таков уж характер. Нам с трудом удавалось кое-что узнавать окольными путями, а о многом мы просто догадывались.

Казалось, что из создавшегося положения нет выхода. Трудно сказать чем бы всё это кончилось, если бы из фирмы «Heany Ceramiks & Coatings» не поступило предложение вернуться на прежнюю работу. При том не просто вернуться на старых условиях. Они теперь готовы были выполнить практически любые требования. Когда Вова запросил сохранить ему получаемую зарплату, которая была значительно выше прежней, это не встретило никаких возражений. Наверное, если бы он назвал ещё большую сумму, они бы и на неё согласились. Никакие наговоры его босса здесь воздействия не имели. Да они и не нуждались в его мнении.

Как потом оказалось, щедрость прежних хозяев имела свои причины. За последние два года, что прошли после ухода от них Вовы, они растеряли многих богатых клиентов, количество заказов резко сократилось и предприятие было на грани банкротства. Одной из причин этого стало отсутствие грамотного руководства производством и снижение качества изделий. Фирма не выдержала конкурентной борьбы и нависла угроза её существованию.

Нелегко было сыну вновь возвращаться на старое место. И не в одном уязвлённом самолюбии было дело. Даже не полуторачасовая дорога на работу была тому причиной. Его пугало состояние предприятия и неуверенность в возможность предотвратить его развал. Он хорошо помнил каких усилий стоило тогда наладить производство и достичь приемлемого качества продукции. Результатом этого стали рост спроса на услуги и приход новых заказчиков. Процесс тогда казался необратимым. На самом же деле всё покатилось в обратную сторону быстрее, чем можно было предполагать в самом худшем случае. Это и вынудило хозяев предпринять экстренные меры, в том числе и искать грамотного и опытного специалиста по «Coatings» (упрочнению деталей напылением).

Вова хорошо представлял себе все трудности, но всё же пошёл на риск и дал согласие вернуться. Перед самым рождеством, лишив себя праздничных каникул и вознаграждения по итогам года, наш сын возвратился в свою прежнюю фирму в Рочестер.

Самыми близкими нашими родственниками за пределами Америки была семья Крепсов. После последней встречи в Дюссельдорфе Боря и его «команда» стали как бы милее, роднее и ближе. Мы поддерживали с ними постоянную связь по телефону и часто обменивались письмами. К нашей «Золотой свадьбе» получили специальный выпуск «Независимой» газеты под редакцией «Дебо», посвященной полувековому семейному юбилею. В ней были тёплые поздравления в прозе и стихах, душевные пожелания, дружеские шаржи. Она была пронизана тонким одесским юмором, теплом и любовью. Боря вновь блеснул поэтическим даром и неувядаемым художественным талантом.

Последнее время нас одолевала тревога о его здоровье. Хоть он ни на что конкретно не жаловался и в своих письмах оставался прежним оптимистом, мы теперь, после трёхнедельного общения с ним в позапрошлом году, хорошо себе представляли, что он серьёзно болен. Предметом особого беспокойства было его сердце, что подтверждалось одышкой и потребностью частого отдыха при ходьбе.

27 марта - день рождения Бори. По нашим расчётам в прошлом году ему исполнилось 75 лет, хотя по паспорту был на пару лет старше (он приписал их в начале войны). Мы позвонили в начале марта, чтобы узнать о самочувствии. В трубке раздался бодрый голос:

-Мы здесь и вас внимательно слушаем.

Разговор пошёл в обычном шутливом тоне и не предвещал никакой опасности. К своему предстоящему дню рождения Боря отнёсся без особого интереса, отметив, что он мог бы стать для него большим праздником только в случае нашего приезда. Прощаясь, он между прочим сказал, что на несколько дней ложится в больницу для замены сосудов, питающих сердце, и просил об этом не беспокоиться, так как такие операции в Германии стали обычными и не должны вызывать тревогу.

Для нас это стало неожиданностью и, несмотря на то, что операции на сердце теперь перестали быть редкостью и возвращают к нормальной жизни многих безнадежно больных людей, мы попытались уговорить Борю пересмотреть своё решение. Он категорически отказался, утверждая, что всё решено окончательно и волноваться нам не следует. Мы тепло попрощались с Борей и договорились на следующей неделе связаться по телефону. Не было тогда и мысли, что этот разговор станет последним.

На наш очередной звонок ответила Люся, которая сквозь слёзы обронила как будто заученную фразу:

- Бори нет. Он умер.

Только вечером узнали от Аллочки подробности происшедшей трагедии. После, казалось, успешной операции по замене до предела забитых сосудов и отключения искусственного сердца, его родное сердце отказалось принять на себя свойственные ему функции. Долгие и мучительные усилия врачей результатов не дали.

Он скончался на операционном столе, не успев даже попрощаться с родными и близкими, передать «дела» главы семейства, сделать какие-то предсмертные поручения. 3-го марта, тихим солнечным днём ранней весны 1999-го года, ушел из жизни Борис Абрамович Крепс. Для Люси он был милым и верным мужем, для детей - заботливым отцом, для внуков - добрым дедушкой, для Анечки и её младшей сестры Полечки - любимым старшим братом, для всей нашей большой мешпухи - весёлым, умным, обаятельным «дядей Борей из Одессы», а для меня не столько родственником, сколько другом. Мы были нежно дружны с первых дней нашего знакомства, ещё до того, что стали родственниками.

Часто и подолгу мы сиживали с ним и беседовали на бытовые, семейные, личные, служебные, общественные и философские темы. Говорили обо всём на свете. Нам всегда на это не хватало времени. Не во всём я был согласен с Борей и часто спорил с ним, защищая свою точку зрения, но всегда получал большое удовольствие от общения со своим верным и добрым другом.

Аллочка успокаивала нас тем, что смерть ему досталась лёгкой. Он не испытывал предсмертных мучений. Уснул навсегда. Наверное, скоропостижная кончина на самом деле хороша для покойника. Остальных, не ожидавших её и не успевших подготовиться к беде, она оставляет в недоумении: зачем? почему? За что? Мы упрекали себя в том, что не смогли отговорить его от операции, не заставили ещё раз удостовериться в её срочности,, не подумали о месте её проведения. Смерть в таких случаях не даёт ответа на эти и другие вопросы. Она их только ставит тем, кто остался и потому воспринимается ими ещё трудней и мучительней.

Боря прожил три четверти века, точнее 75 лет, 11 месяцев и 6 дней, не дожив всего три недели до своего очередного дня рождения. Он родился в зоне оседлости, на Украине, на заре становления там советской власти. Жил в стране Советов с первых

лет её рождения до последнего вздоха и на всех этапах её существования, начиная с НЭПа, индустриализации и коллективизации, и кончая «перестройкой», она напоминала ему об его еврейском происхождении. На этом основании его вычеркивали из многих списков, куда-то не пускали, чего-то не давали. Его полувековая медицинская карьера началась в военном госпитале, с которым он прошёл всю войну, и закончилась должностью рядового врача по диспансеризации сельского населения Одесской области. Его сверстники по институту занимали высокие посты в системе здравоохранения, стали именитыми профессорами, заведовали клиническими больницами или кафедрами в медицинских ВУЗах, а он прожил всю свою жизнь в одной и той же должности. И на ней достиг многого: пользовался высоким авторитетом у больных, стал инициатором сплошной диспансеризации сельского населения, практически лишённого врачебного надзора и квалифицированного медицинского обслуживания, был автором многих научных публикаций.

Именно на этой работе, в постоянных поездках по глухим сёлам Одессщины, он рано постиг подлинный чудовищный смысл всего происходящего, стал противником системы, потерял веру в возможность осуществления социалистических идей, достижения светлого будущего, истинной свободы и всеобщего равенства в Советском государстве.

Не находя реальных возможностей борьбы с системой, он замкнулся в работу, которой отдавал все свои силы, знания и большой опыт, в воспитание детей и внуков, которых безумно любил. При этом ему всегда удавалось сохранять доброжелательность и спокойствие. Мы неизменно пользовались его добрыми советами. Он приходил на помощь в трудную минуту и приносил успокоение.

Боря никому не завидовал и ненавидел людей, живущих по принципу: не то хорошо, что мне хорошо, а то, что другому плохо. Его любили, к нему относились с большим уважением не только родные, близкие, друзья, но и совсем чужие люди, хоть раз получившие возможность пообщаться с ним.

Даже на чужбине, где ему пришлось прожить последние годы, все соседи, с которыми он не мог общаться из-за языкового барьера, ему всегда вежливо и учтиво кланялись.

Мы очень тяжело перенесли внезапную кончину Бори. Она стала для нас невосполнимой потерей. Светлая память об этом замечательном человеке останется с нами на всю оставшуюся жизнь.

99

Анечка после нашего турне по Европе почувствовала сильные боли в позвоночнике, которые со временем переместились на колено, а затем охватили всю левую ногу. Они усиливались в холодную сырую погоду, при ходьбе, физических нагрузках и несколько ослабевали по утрам, после сна, особенно в солнечные тёплые дни, но полностью не прекращались никогда. Единственным исключением стало время нашего путешествия по Калифорнии в декабре 97-го года, о чём я уже упоминал раньше. Она тогда совсем забыла о болях и была в состоянии совершать, как и раньше, многочасовые пешие походы по Дисней-Лэнду, Лос-Анджелесу или Сан-Франциско. Мы тогда отнесли этот феномен за счёт чудодейственного климата удивительного края и с тех пор не расставались с мыслью переселиться туда на постоянное место жительство.

Не знаю точно, что послужило причиной болезни. Поскольку она берёт своё начало с наших экскурсий по Парижу и Амстердаму, мы связывали её с перегрузкой во время утомительных походов по этим городам. Врачи же считают, что этот недуг вызван неблагоприятными жилищными условиями, о чём сказано в официальном медицинском заключении. Дело в том, что под бетонным полом нашей квартиры постоянно скапливается дождевая вода из-за неисправности ливневой канализации, что вызывает повышенную влажность. Наши многократные жалобы лендлорду встречали искреннее сочувствие, но не стали основанием ни для ремонта, ни для переселения в другую квартиру. Милая и вежливая хозяйка «Brewster Mews Apartments» заявляла, что для перекладки канализационной магистрали нет средств, а предоставить нам другую квартиру она не может, так как мы ничуть не лучше других жильцов, которым достанется наш сырой апартмент.

- Если вам не нравится здесь, - утверждала mss Mary Kay, - вы вправе сменить место жительства по своему желанию. В городе много свободных квартир.

Формально всё верно, но, во-первых, мы не в состоянии были снять жильё за полную стоимость, ибо на это не хватило бы получаемого нами пособия, а на другую субсидированную квартиру нужно было выстоять длинную очередь. Во-вторых, не

хотелось уезжать с обжитого места, где чистый воздух, красивая природа и рядом жили наши дети, родственники и друзья. Всё, что требовалось, это отремонтировать канализацию, что является обязанностью владельца дома. В нашем родном отечестве на это можно было пожаловаться в партийные или советские органы, которые, наверное, заставили бы это сделать. Здесь другие порядки: не нравится эта квартира - сними другую, какая тебе по душе и по карману. Так американцы и делают. Они, в отличие от нас, не живут всю жизнь на одном месте. Мы вынуждены были так поступать там, ибо могли не успеть за одну жизнь дождаться второй очереди на улучшение жилья. Нам и здесь приходится придерживаться старых привычек, потому что уже не в состоянии работать и не можем платить полную стоимость рента.

Как бы там ни было, но нам ничего не оставалось, как жить в сырой квартире на протяжении нескольких лет, что усугубило болезнь Анечки. Боли стали просто невыносимыми. Мне казалось, что я их чувствую не меньше её и на вопросы родственников и друзей о здоровье не без основания отвечал: «У нас болит нога».

Нельзя сказать, что уделялось мало внимания лечению. Мы обращались к лучшим врачам города, были под наблюдением ведущего специалиста госпиталя, занимающегося только болезнями позвоночника. Доктор Kawen был очень внимателен к нам. По всему чувствовалось, что он сопереживал нашей беде и от души хотел нам помочь. Он подолгу рассказывал о характере болезни и причинах боли. Оказывается артрит - одно из самых распространённых заболеваний нашего века, особенно среди людей пожилого возраста. Точнее, это не одно заболевание. Артрит - общее название для многих разных недугов, признаком которых является то, что болезнь поражает суставы или соединительную ткань. Причиной болей является недостаточная смазка движущихся частей. Противовоспалительные лекарства редко помогают и вызывают разрушительные побочные эффекты. Единственное безвредное средство в таких случаях - физические упражнения. Нам их и назначали. Один курс сменялся другим, они выполнялись под наблюдением больничных методистов и дома, но боли, к сожалению, не прекращались.

Выезжали мы на консультации и к русским светилам в Нью-Йорк, но лучше от этого не становилось. Они изучали плёнки MRI, рентгеновские снимки и подтверждали заключения местных специалистов.

Когда стало совсем невмоготу, решили обратиться к нетрадиционной медицине. Благо, в Америке такие услуги наперебой рекламируются в средствах

массовой информации. Газеты пестрят сообщениями о феноменальных целителях, способных облегчать страдания и возвращать в строй абсолютно безнадёжных больных. Чаще других встречалась реклама об удивительных способностях Бориса Голубова. Его называли человеком-феноменом, человеком-магнитом, сравнимым только разве что со знаменитым Вольфом Мессингом.

Приводились примеры чудес, творимых легендарным Борисом. Он, якобы, единственный человек в мире, обладающий уникальным даром удлинять конечности и наиболее эффективно лечить заболевания позвоночника, костей и мышц. Снимая боли, уникальный целитель возвращает людям радость жизни. Под его воздействием, говорилось в пространной рекламной публикации, кости человека становятся пластичными, и он лепит их, как пластилин, по желанию пациента. Всё это достигается благодаря его уникальной биологической энергетике. Указывалось о достигнутых им успехах в Израиле, Голландии и на Кипре, признании его феноменальных способностей Национальным институтом здоровья США и что в России, откуда он недавно прибыл, ему присваивалось звание лучшего целителя страны.

Как было пройти мимо такой рекламы, когда боль затмила интерес к жизни? Мы позвонили по указанному телефону и договорились о приёме. Неважно, что для этого нужно было ехать в Нью-Йорк, что каждый сеанс стоил 100 долларов, а количество сеансов и продолжительность лечения нельзя было предсказать, что ожидались неизбежные проблемы, связанные с проживанием в отрыве от дома и поездками на окраину Бруклина. Мы были на всё готовы. Чтобы снять или хотя бы уменьшить боль.

В помощь нам подключились Верочка и Володя, которые взялись возить нас по субботам на машине в Нью-Йорк, и мы настроились на оптимистический лад. Первый визит к Голубову не изменил наш настрой. Хоть небольшая «однобедрумная» квартира, ставшая его офисом, и внешний вид чудо-целителя особого впечатления не произвели, мы были полны надежд на успех. Этому в какой-то мере способствовало знакомство с клиентами, дожидавшимися приёма. Они прибыли сюда из разных концов страны и не сомневались в верности избранного ими пути. Произвела впечатление и толстая книга отзывов на столике в прихожей, многие из которых были просто восторженными.

Даже искорёженное болью лицо Анечки после первого сеанса и синяки на её спине от интенсивного массажа не убавили оптимизма. Борис не сомневался в успехе и утверждал, что мы в этом сможем убедиться после нескольких очередных сеансов. Он расписал приёмы до конца месяца и советовал избегать повышенных нагрузок и долгой ходьбы в ходе лечения.

Настроение наше резко изменилось на второй день, когда больная не могла подняться с кровати. Ни о каких прогулках, нагрузках и лечебных упражнениях не могло быть и речи. Она чувствовала себя словно избитой. Любое прикосновение к позвоночнику вызывало ужасную боль. Синяки от вчерашнего массажа потемнели и стали совсем чёрными. Анечка наотрез отказывалась от следующего сеанса и умоляла увезти её домой. Мы же хором уговаривали её потерпеть и не торопиться с выводами. Поначалу это успеха не имело, но, когда через пару дней боль несколько приутихла, её надежды возродились и она согласилась на очередную поездку в Бруклин.

Учитывая жалобы больной и сохранившиеся ещё синяки, массаж Голубова на этот раз был менее интенсивным, но уверенности у целителя поубавилось. Он теперь утверждал, что при меньших усилиях не всегда достигается нужный эффект.

Расчёт произвели по полной цене и назначили очередной визит на следующую субботу. У нас ещё теплилась слабая надежда и мы робко убеждали Анечку продолжить лечение, но на этот раз она категорически от него отказалась и мы возвратились домой с прежними болями, оставив в Бруклине только деньги и впустую потраченное время.

Может быть кому-то феномен Бориса и помогает, может наша болезнь оказалась не в сфере его компентенции, а может мы были недостаточно терпимыми к его методам лечения, но после этого случая все в нашей семье стали менее доверчивыми к обещаниям американской рекламы и теперь реже следовали её призывам к трате времени и средств.

Не помог нам тогда чудо-магнит Голубова и от боли в ноге мы продолжали страдать с прежней силой.

100

Невестка Ирина, как и наши дети, приехала в Америку ради своих детей - Алёнки и Андрюшки и не сомневалась в том, что всё сможет вытерпеть ради них. Подобно другим специалистам-профессионалам она испытывала эйфорию накануне

отъезда и глубокое разочарование в первые месяцы пребывания здесь. Для неё, больше чем для других, внезапное переселение в другую страну на самом деле оказалось прыжком в пропасть без парашюта. Ей было труднее, нежели многим другим беженцам из бывшего Союза, перечеркнуть прошлое и входить в совершенно новую жизнь, где нужно забыть всё и начинать с нуля, учить язык. Главной причиной было, наверное, то, что она, в отличие от нас, на своей Родине не была изгоем, не подвергалась дискриминации, а наоборот пользовалась привилегиями человека основной национальности. Немаловажное значение имела вдовья судьба, лишившая её прочной жизненной опоры, которой для неё раньше был наш покойный сын. Теперь на ней одной лежала вся ответственность за воспитание детей. Наверное, сказывались и особенности характера.

Известно, что каждый иммигрант должен съесть причитающуюся ему норму дерьма, прежде чем он преодолеет проблемы адаптации. Нельзя сказать, что Иринке его досталось больше, чем положено. Наверное, ей пришлось даже намного легче, нежели Вове, прибывшему сюда с семьёй из пяти человек с пустым кошельком и проработавшему несколько лет с дипломом кандидата наук подсобным рабочим, добывая тяжёлым трудом средства для существования. Или Верочке, которой довелось, забыв об институтском дипломе, работе, бывшей сродни творчеству, начинать всё сначала: брать язык, переучиваться, выполнять работу няни и домработницы.

Но и того, что выпало на долю невестки оказалось достаточно, чтобы потерять чувство уважения к самой себе, уверенность в свои силы и способности. Казалось, это было началом депрессии. Но так только казалось. Понадобилось чуть больше года, чтобы Иринка вновь поверила в себя. Не исключено, что этому как раз и способствовал пример наших детей, возможно на неё как-то подействовали утешения родственников, а может и сама она за это время созрела, но её настрой менялся прямо на глазах.

После окончания колледжа и курсов программистов, она, как и Верочка в своё время, поставила пред собой сверхзадачу: любой ценой найти работу. Так поступают все студенты после завершения учёбы и почти всем это в какое-то время удаётся. У американцев в этом, как правило, серьёзных проблем не бывает. Для иммигрантов с плохим английским и отсутствием опыта работы по специальности поиск работы длится порой довольно долго. Некоторые так и не могут пройти через «чистилище»

многократных интервью, которые проводят с ними сотрудники фирм или консалтинговых компаний. Часты случаи, когда прошедшие собеседования не выдерживают испытательного срока и увольняются через несколько месяцев после зачисления на вакантную позицию. Нередко из-за боязни потерять работу новички находятся годами в стрессовом состоянии. С Иринкой, однако, такого не было и этому можно было и не удивляться.

Ещё в Союзе мы заметили, что она обладает редким искусством обаяния, умением расположить к себе людей и демонстрировать свои лучшие качества, что, наряду с высокой эрудицией, позволяет ей утвердиться в разных обстоятельствах и практически в любых условиях. Её успехи в работе достигаются не тупым нахрапом, а как-то изысканно. Она всегда выделялась скромностью, старанием и высокой работоспособностью.

Помню, как во время болезни Мишеньки мне с большим трудом удалось её пристроить экономистом в Комитете цен при могилёвском облисполкоме. Тогдашний заведующий этой организации Жбанков, с которым мы были знакомы по прежней работе, вроде мне сделал большое одолжение, не рассчитывая при этом на особую пользу от моей родственницы, не отличавшейся от других претендентов на свободную вакансию никакими особыми данными. Она поработала там буквально несколько месяцев до возвращения в Минск, а Жбанков, после отъезда, не переставал её хвалить и предлагал мне повысить её в должности и увеличить оклад в случае возвращения на прежнее место работы.

Так было и в Минске, где она последовательно выдвигалась на более высокие позиции в финансовых органах и дослужилась до престижной должности в Национальном банке республики.

В Америке, конечно, такого продвижения по службе мы не ожидали, но и страха лишиться работы, которую она сравнительно легко получила в штате Нью-Джерси после окончания курсов программистов, никто из нас не ощущал.

Не знаю какую зарплату ей теперь платят (об этом в Америке считается неприличным спрашивать даже у родственников), но не сомневаюсь в том, что она здесь получает в год столько, сколько за всю свою трудовую жизнь не заработала бы там. Этого вполне достаточно для достойной жизни её семьи.

Как-то мы были её гостями на новой квартире в Нью-Брансвике, что рядом с работой и Андрюшкиной школой. Здесь всё на порядок выше, чем было в Эдисоне.

Чувствуется во всём достаток. Особенно это заметно по Андрюшке. Ему ни в чём нет отказа и это благотворно сказывается на его развитии. Он отлично учится, свободно пользуется компьютером, физически окреп.

Нас обрадовала новость: Иринка собирается взять кредит для покупки собственной квартиры. Она полна оптимизма в планах на будущее. Поубавилось ностальгии по Родине.

Её путь в новую жизнь был нелёгок и тернист. Она в чём-то воспользовалась советами, полными жизненной мудрости, но в главном поступала так, как подсказывал её интеллект и интуиция. Успеху во многом способствовали вера в свои силы, в своё призвание. Дай ей Бог счастья.

101

С каждым годом наши внуки всё более приближались к заветной цели - самостоятельной взрослой жизни. С возрастом они становились серьёзней, образованней, всё более ответственно относились к своим поступкам. Сейчас, когда самый младший из них Андрюшка, заканчивал последний класс Midlschool, мне приходится признать, что со временем у меня изменилось отношение к американской школе. Это не значит, что я совсем отказался от критики в её адрес, которая звучала в предыдущих главах. Все теневые стороны здешней образовательной системы, о чём там шла речь, мною не придуманы и о них можно было бы рассказать и больше. Их не скрывают и сами органы народного образования.

Американскую школу ругают все. И учат мол так себе, и воспитанием детей никто серьёзно не занимается, так что они предоставлены сами себе и начинают баловаться наркотиками и пистолетами. Ругать школьное образование стало модным. Однако не всегда на это есть должные основания. На примере наших внуков мы убедились в том, что в этой стране имеется всё необходимое для получения подрастающим поколением прочных знаний.

В нашем семейном архиве хранятся веские тому доказательства: «Student Report Card», где преобладающей буквой по всем предметам является «А», «Individual Student Report» с цифрами по большинству дисциплин приближающимися к предельно возможным, благодарственные письма должностных лиц разного уровня, включая и президента США Билла Клинтона.

К счастью, не оправданными оказались наши опасения относительно опасности вовлечения детей в преступные группировки, употребления наркотиков, увлечения азартными играми и других страхов, о чём мы постоянно слышали по радио, что часто видели на экранах телевизора, читали в газетах и журналах.

Не скажу даже, что родители наших внуков прилагали какие-то особые усилия, чтобы оградить своих детей от пагубного влияния окружающей среды, от тупого просиживания перед телевизором, из которого грохочет стрельба, сочится кровь и демонстрируются пошлости секса, от безделья в нешкольное время и в каникулы. Им на это не хватало ни времени ни возможности. Они до предела были заняты работой, учёбой, проблемами жизни в этой стране, в этом мире.

Не было на это и большого желания у наших школьников. Им некогда было маяться от безделья. Ранним утром уходили они с тяжеленной сумкой до предела загруженной книгами в школу, откуда возвращались в три, а то и в четыре часа, выполняли домашние задания, на что требовалось немало времени и, как правило, ещё подрабатывали на карманные расходы. Нередко, когда родители засыпали, в спальне детей ещё долго горел свет: выполнялись домашние задания или очередной «Project». Порой было жаль, что недосыпают дети, досуга и развлечений им не хватает, отдыхают маловато. Пытались даже своими советами внести коррективы в режим дня и расписание занятий, но заметного влияния это не оказало.

С годами раскрывались их души, способности, достоинства и не стала помехой окружающая среда, о которой набили оскомину рассуждения в газетах и по телевидению. Если бы это касалось кого-то одного из наших внуков, можно было бы говорить об индивидуальных особенностях ребёнка, а когда это относится ко всем детям наших детей, нельзя не признать заслуги американской школы.

Вполне возможно, что в этом сказалось положительное влияние советской педагогики, опирающейся на идею ведущей роли обучения в развитии ребёнка, единстве учебного и воспитательного процесса, на принципе высоких требований к учащимся. Эти идеи и принципы они таки «оттуда» привезли. Ведь наши дети и внуки и «там» отличниками были. Они приехали сюда с весомым багажом. Но и роль здешней образовательной системы в этом бесспорно велика. Если бы меня сегодня спросили, как я оцениваю уровень обучения в Америке, я бы, не задумываясь, дал положительную оценку. И это при всех тех пороках американской школы, о которых не без основания говорят и пишут в средствах массовой информации. Без этих

изъянов образовательная система страны была бы намного лучше и более соответствовала уровню и возможностям самой богатой и могущественной мировой державы. Но и сегодня здесь есть условия для получения всесторонних и прочных знаний.

Летом 99-го года мы присутствовали на выпускной церемонии (graduation) в технологическом институте Рочестера, студенткой которого была наша старшая внучка Наташа. Она первой из младшего поколения Гимельфарбов закончила американский ВУЗ. Это стало большим праздником для всей семьи. Нас ошеломила торжественность и грандиозность события. Нарядно украшенный вместительный актовый зал был до предела заполнен студентами, их родителями, родственниками, друзьями. Выпускники, получившие звание бакалавра, в красочных мантиях поочерёдно подымались на сцену для получения диплома, напутствий и поздравлений своих учителей - именитых профессоров. Счастливыми были их лица. Эйфория праздника, всеобщей радости охватила всех. Объятия, поцелуи, подарки, цветы... Всего этого с лихвой досталось и нашей внучке.

Мы побывали в студенческом городке, осмотрели учебные корпуса, лаборатории, библиотеку, спортивные сооружения, места отдыха и развлечений. Были в общежитии и познакомились с друзьями Наташки. Невольно вспомнились свои студенческие годы в послевоенном голодном лихолетье. Мечтать о чём-нибудь подобном у нас и фантазии не хватало.

В следующем году предстоят «graduation» у Илюшки и Диночки. На очереди за ними и Алёнка. Все они станут бакалаврами. Только профессии будут разные. В школе ещё остались только самые младшие - Анечка и Андрюшка.

А Наташке института оказалось мало. Она решила продолжить учёбу на степень «Master degree».

102

Прошло более двух лет со времени поступления Верочки в престижную, известную на всю Америку нью-йоркскую фирму «Solomon Smith Barney». Хоть работа для неё в принципе была не новой, и по образованию да и прежнему опыту как будто соответствовала её профессии, она на самом деле оказалась в ином мире, где всё было непривычно. Ей нужно было входить в совершенно новую жизнь. Тут другой

стиль, другие порядки. Их нужно знать и принять. Не было уверенности в завтрашнем дне (здесь никто в этом не уверен, даже президент).

Пока есть работа решаются все бытовые, медицинские и финансовые вопросы. Стоит её лишиться, что может случится в любой день, они становятся неразрешимыми. А дочь ещё к тому - основной кормилец в семье. Работа Володи была ещё не постоянной и не обеспечивалась медицинской страховкой. Опасность её потерять у него была не меньшей, чем у неё. В семье тогда ещё учились трое детей. Двое из них в колледжах других городов. Нужно было выплачивать ссуду за недавно купленный дом. Эти и другие насущные житейские проблемы угнетали и вынуждали трудиться в поте лица, чтобы остаться на плаву и не лишиться места в богатой фирме. И наша дочь старалась изо всех сил.

Она набралась американского опыта, пополнила свои знания, стала и по здешним меркам полноценным специалистом в области компьютерного программирования. Всё это достигалось не столько благодаря запасам знаний и способностям, сколько за счёт усердия и невероятной работоспособности. Трудно было себе представить откуда черпались силы и терпение.

Кроме напряжённого восьмичасового рабочего дня, по-прежнему около четырёх часов уходило на изнурительную дорогу туда и обратно пригородными поездами, метро и автобусом, не меньше времени требовала домашняя работа и самообразование. Нужно было много читать, работать на компьютере, чтобы быть всегда в форме и не отстать от быстро прогрессирующей технологии программирования. А были ещё и языковые проблемы.

Трудилась Верочка самозабвенно. Её рвение на службе заметили и стали доверять всё более ответственные и сложные задачи. По итогам года ей заметно повысили зарплату и одарили щедрым вознаграждением.

Старшей в её группе была уже немолодая китаянка, которая работала с потрясающей увлечённостью и задавала немыслимый темп интенсивности. Такой же одержимости она ожидала и от других. Для специалиста живые примеры безграничной преданности делу и самоотдачи заразительны. И Верочка изо всех сил тянулась за ней.

Первый год она была в эйфории. Работа ладилась. Её признали полноценным специалистом и нередко отмечали похвалами и другими знаками внимания.

Получаемой зарплаты вполне хватало на приличную жизнь. Они обзавелись новой мебелью, бытовой техникой и электроникой, модной одеждой.

Всё это достигалось невероятными усилиями и дочь всё больше стала ощущать накопляющуюся усталость. К концу второго года она почувствовала признаки явного недомогания и какую-то безнадёжность. Кроме работы не было никакой жизни. Не читала книг, не ходила в театр и на концерты, почти не встречалась с друзьями. Выходные дни поглощали домашние дела, работа с пособиями и с компьютером. Она поняла, что так больше продолжаться не может, что её силы не безграничны, что кроме работы существуют и другие ценности, которых нельзя себя лишать. Эти мысли всё больше поглощали её и со временем привели к решению о необходимости сменить работу.

Спрос на программистов к тому времени заметно спал, но её резюме, где значилась двухлетняя работа в такой авторитетной фирме как «Solomon Smith Barney» сработало, и вскоре было получено приглашение в довольно крупную и известную в стране корпорацию «Merill Lynch».

Может быть она была чуть менее знаменитой, чем престижная нью-йоркская, но зато находилась в получасе езды от дома. Во всём остальном, включая и зарплату, новую работу можно было считать никак не хуже прежней.

103

Работая на протяжении нескольких десятков лет директором предприятий и организаций пищевой промышленности, мне приходилось больше заниматься экономикой, нежели технологией, являющейся моей специальностью по образованию. Недостающие для этого знания я пополнял из учебников, научных исследований и с опыта работы талантливых экономистов.

В нашей отрасли промышленности их было немного, но мне посчастливилось поработать с некоторыми из них, что не только повысило мой образовательный уровень в этой области, но и привило вкус к анализу хозяйственной деятельности, поиску путей её совершенствования, пробудило на всю жизнь интерес к экономике. Одним из таких незаурядных специалистов в этой области являлась Ида Абрамовна Сильнова. Она была экономистом от Бога и равного ей я не знал не только в Белоруссии, где прошла вся моя трудовая жизнь, но и на предприятиях нашего ведомства во всём Союзе.

Мы встретились в первый год моей работы в промышленности, когда я был начальником цеха по производству мясных консервов в Орше. Она тогда заведовала плановым отделом Главка и приехала к нам из Минска, чтобы выяснить причины миллионных убытков и перевода предприятия на особый режим кредитования. Глубокому анализу подверглась тогда работа возглавляемого мною цеха. В ходе проверки Сильнова не только досконально разобралась в причинах убыточности производства, но и преподнесла нам предметный урок грамотного анализа себестоимости продукции и путей её снижения. Я слушал Иду Абрамовну с открытым ртом и мне казалось, что за несколько дней общения с ней у меня выросла вторая голова, в которой навсегда осел багаж знаний, несравнимый с теми, что остались от институтского курса «Экономика промышленности» и самообразования по учебникам и методическим пособиям.

Эффективности тех уроков не в малой степени, вероятно, способствовало то, что учителем оказалась обаятельная и очень интересная женщина, слушать которую было одно удовольствие. К счастью, они были только началом многолетней учёбы, которой я обязан не только познанием экономики, но и большой любви к этой замечательной науке. Более двух десятков лет Сильнова была моим наставником, советчиком в трудные годы гонений и преследований, которым и она не раз подвергалась из-за своего еврейского происхождения. Её служебная карьера поэтому пошла по нисходящей и закончилась в должности заместителя начальника планового отдела министерства, хотя по знаниям и многолетнему опыту она за пояс заткнула бы любого руководителя экономических отделов и управлений ведомства.

Ида Абрамовна со временем стала для меня не только прекрасным учителем, но и настоящим другом, с которым делил все радости и горести нелёгкой жизни. Я часто бывал у неё дома, хорошо знал её мужа Виктора Павловича - талантливого архитектора, замечательных детей Юлика и Иринку, которые тогда ещё были студентами. Это была прекрасная семья, которая во многом служила для нас с Анечкой хорошим примером. Там царила беззаветная преданность, взаимное уважение и искренняя любовь. Мы долгие годы дружили семьями и гордились этим. О Сильновой можно было бы рассказать подробнее. Здесь же я о ней вспомнил только в связи с моим отношением к экономике.

Сегодня, по прошествию многих лет, когда покойной Иде Абрамовне ни к чему моя лесть и признания, могу с полной уверенностью сказать, что высоким

экономическим результатам, которых достигали руководимые мною трудовые коллективы, правительственным наградам, которыми их неоднократно награждали, они во многом должны были быть благодарны моему учителю. Ей я обязан тому, что на всю жизнь полюбил экономику и даже в свои преклонные годы продолжаю ею живо интересоваться.

Вот и тут, в Америке, мимо меня не проходят экономические обзоры в газетах и журналах, анализы развития ведущих отраслей промышленности США и положения страны среди ведущих государств мира.

Уже семь лет мы живём здесь и всё это время не перестаём восхищаться процветающей американской экономикой. Все эти годы без перерывов и спадов продолжается её подъём. Темпы среднегодового роста достигли 4%. Это один из лучших показателей для высокоразвитых стран мира. Число рабочих мест возросло на 20 миллионов, уровень безработицы опустился с 8 до 4% и стал самым низким за последние три десятка лет. Инфляция держится в пределах 1,5 - 2%. Статистика свидетельствует, что такого не случалось за более чем двухсотлетнюю историю США.

Непрерывно растут доходы американцев. Материальное благосостояние нации просто поражает. С 1970-го года средняя жилая площадь удвоилась и составляет теперь более чем 800 футов на человека. Количество семей, имеющих два и более автомобилей возросло в два раза и превышает 60%, а число воздушных путешествий увеличилось в четыре раза.

Конечно, не все богатеют одинаково быстро. Наибольшую прибыль получают люди, которые осваивают бизнесы в области «новой экономики» и в первую очередь в информационных технологиях. Служащие и менеджеры в этой сфере могут побаловать себя зарплатой в четыре раза большей, чем у их собратьев, занятых в традиционной экономике. Горячие дебаты по этому поводу уже не один год идут в Конгрессе и на страницах американских газет. В период избирательной компании они становятся особенно жаркими.

На протяжении последних двадцати лет разрыв между богатыми и бедными непрерывно возрастал и в 1999 году доход 5% самых благополучных семей был почти в двадцать раз выше, чем у 20% самых бедных семей.

Но с недавних пор эта тенденция стала как будто меняться. Как то читал опубликованный в печати отчет экономического совета при президенте США, в котором сообщалось, что за последнее пятилетие резко возросли доходы

малообеспеченных американцев, что впервые за тридцать лет привело к некоторому уменьшению разрыва между богатыми и бедными. По мнению многих экономистов, разрыв в уровне доходов - это проблема, которая в обозримом будущем решится сама собой. Они полагают, что в любом случае лучше доверять законам рыночной экономики, чем пытаться государственным вмешательством перераспределять имущество.

Однако многих в Америке такое положение глубоко тревожит, а некоторые видные специалисты даже видят в существующем неравенстве чуть ли не главную угрозу национальной безопасности страны.

Совокупное состояние 400 богатейших американцев теперь равно уже триллиону долларов, что превышает годовой валовый внутренний продукт такой страны, как Китай. В среднем на каждого из них приходится около 2,5 млрд. долларов. Недавно американский журнал «Форбс» опубликовал свежий традиционный список самых богатых сограждан. Шесть лет подряд его возглавляет основатель корпорации «Майкрософт» Билл Гейтс, личное состояние которого достигло в 1999-ом году 85 млрд. долларов (в предыдущем году оно оценивалось чуть меньше 60 млрд.). Чтобы попасть теперь в «клуб 400» нужно иметь личный капитал выше 625 млн. долларов. Годом раньше эта планка держалась на 500 млн., а пять лет назад - на 300 млн. долларов.

В 1982 году, когда этот журнал впервые опубликовал свой список, общее состояние «клуба богачей» составляло примерно 90 млрд. долларов, полтора десятка лет спустя оно превысило 700 млрд. В 1999 году зафиксировано новое рекордное число миллиардеров в США - 268, что на 35 человек больше, чем годом раньше. Только за последние 5 лет в стране появился миллион новых миллионеров.

Теперь стало возможным разбогатеть без большого труда. Старая добрая трудовая этика канула в Лету. Телевидение, газеты и журналы только подогревают «золотую лихорадку». Из них можно узнать о торговцах на бирже, сколотивших состояние чуть ли не за один день, или об интернетовских магнатах, ставших миллиардерами ещё до того, как их компании получили сколько-нибудь значительную прибыль.

Три дня в неделю Америка прикована к телеэкранам в ожидании начала программы Who Wants to be a Millionaire - «Кто хочет быть миллионером». Это шоу стало настолько популярным, что ежедневно на телевидение поступают тысячи

звонков от желающих в нём участвовать. Смотрим и мы эту программу и убеждаемся, что некоторые из желающих быстро разбогатеть этого достигают. Если не сразу миллионом вознаграждаются, то суммами в несколько десятков тысяч довольно часто премируются.

Большинство американцев с надеждой смотрят в будущее и на это у них есть веские основания. На самом деле жизнь даже самых бедных, включая и нас, неимущих эсэсайщиков, живущих за чертой бедности, из года в год становится лучше.

Есть, однако, и пессимисты. Их прогнозы выглядят не менее обоснованными. И действительно, случись сейчас рецессия, вызванная крахом фондового рынка и среднему классу наряду с беднейшими слоями населения придётся лить слёзы об упущенных возможностях. Никакими заумными теориями невозможно будет объяснить реальные трудности небогатых американцев, какими пока ещё являются наши дети и внуки.

В СССР, в годы «застоя» появилась новая наука «Конкретная экономика». Она пыталась раскрыть причины замедленного роста важнейших показателей, характеризующих развитие страны, дать рецепты повышения эффективности производства и улучшения на этой основе материального благосостояния советских людей. Главным лозунгом в то время была цитата, позаимствованная из какой то речи Брежнева: «Экономика должна быть экономной».

Мне в течение нескольких лет пришлось быть руководителем семинара в сети партпросвещения, где мы изучали эту науку, учились снижению расходов и рациональному финансовому планированию. Судя по результатам, эти занятия были весьма полезными и остались в памяти до сих пор.

Как мы смогли убедиться, иметь прочное и стабильное финансовое положение не менее важно и в Америке. При том не только в бизнесе, но и в семье. Оказывается оно зависит не только от того, как много (или как мало) мы получаем, но и в большой мере от того, как мы распоряжаемся нашими деньгами, насколько полно и рационально пользуемся нашими бенефитами. Здесь нам и особенно нашим детям и приходит на помощь экономическое планирование, в основе которого лежит всемерная экономия средств и применение финансовых стратегий для достижения поставленных долгосрочных целей: обеспеченная пенсия, образование детей, покупка комфортного жилья, оплата долгов, создание семейного резерва.

Подлинным стратегом в этой области и примером для подражания в нашей семье является Анечка. Она умудряется так разумно распоряжаться нашим небольшим пособием, что его не только хватает на безбедную жизнь и подарки детям и внукам ко дням рождения и юбилейным датам, но находится ещё возможность в любое время из образовавшихся наличных резервов оказать временную или безвозмездную помощь нашим родственникам. Речь, конечно, не идёт о больших суммах. Об этом при наших теперешних доходах не может быть и разговора, но даже сама возможность в принципе помогать своим близким и никогда не нуждаться в их денежной помощи о многом говорит.

Наш семейный финансовый стратег охотно делится своим опытом с детьми и внуками, что давало определённый эффект, которым она, к слову, редко была довольна. Они же по достоинству оценивали её умение заставить рыночную экономику работать на нас.

104

День Победы теперь в Баффало уже не отмечали так широко и торжественно, как это было раньше, когда был «Русский клуб» и действовавший при нём Совет ветеранов. Тогда проводили торжественные собрания с воспоминаниями участников войны, концертами самодеятельности, на которых звучали милые сердцу стихи и песни военных лет, зажигали свечи, читали кадыш и провозглашали тосты в память о погибших. Убелённые сединой воины приходили на эти собрания в боевых наградах, их чествовали вниманием и подарками. Теперь нет клуба и такие встречи в нашем городе не проводятся.

Как-то незаметно стал отмечаться этот день и в других городах Америки. На страницах русскоязычных газет появились даже призывы отмечать 9-го мая не День Победы, а день покаяния за грехи сталинизма. Авторы этих выступлений аргументировали это тем, что Красная Армия навязала советский образ жизни народам Восточной Европы, что на советских орденах и медалях имеются атрибуты советского строя: красные звёзды и знамёна.

Эти и другие призывы против «праздника со слезами на глазах» получили должную отповедь ветеранов войны и поколения, хлебнувшего горя военного лихолетья, бывшего современником этих грозных событий. Они ли ответственны за действия и политику советских правителей? Им ли стесняться своих боевых наград?

Ветераны пришли в Европу, преследуя врага, и трудно сказать как бы окончилась война, если бы озверелые фашисты не были добиты в их логове - Берлине.

Нисколько не умоляя заслуг союзников по антигитлеровской коалиции, нельзя забывать, что основную роль в разгроме фашизма сыграла всё же Красная Армия. Самые большие потери в войне пришлись на долю Советского Союза. Даже по явно заниженным данным Совинформбюро СССР, опубликованным в 1946 году, погибло 7 миллионов человек. По данным же мировых источников потери Советского Союза составили 40 миллионов человек, в их числе 11 миллионов погибших на фронте и умерших от ранений, 4 миллиона умерших в плену. Убито 17 миллионов гражданского населения, в том числе 3 миллиона евреев. Всего потери воюющих стран в период Второй мировой войны составили свыше 50 миллионов человек.

Из советских солдат призыва 41-го года чудом выжили единицы. За каждой военной наградой - пролитая кровь. Нужно ли нам, солдатам войны, стыдиться своих орденов? По моему глубокому убеждению ими можно гордиться так же, как это делают американские ветераны, пользующиеся в своей стране такими материальными и моральными льготами, о которых мы и мечтать не могли на своей бывшей родине. А мы ведь с ними были союзниками и сражались против общего врага. Порой обидно становится, что щедрая, богатая Америка до сих пор не уровняла нас в правах со своими ветеранами. Думаю, что рано или поздно это случится. Только кто из нас доживёт до этого?..

Помнится, что попытки упразднить День Победы или уменьшить его значение предпринимались и раньше. Ещё при жизни Сталина день 9-го мая стал рабочим и был низведен до профессионального праздника, подобно Дню шахтёра или железнодорожника. Позднее эта ошибка была исправлена. День Победы вновь стал выходным и отмечался всегда не менее торжественно, чем другие революционные праздники. Лично для меня он был и остался самым важным из всех торжественных дней в году.

Обидно, что противниками празднования 9-го мая стали некоторые мои друзья, в том числе и самые уважаемые из них. Они придерживаются мнения, что в этот день нужно только вспоминать погибших.

Конечно, забывать об ушедших в той страшной войне - непростительный грех. Стало традицией праздника первый тост посвящать погибшим. В нашей семье не забыты мои братья Сёма и Зюня, не вернувшиеся с войны, наши многочисленные

родственники, ставшие жертвами Холокоста. В их память зажигаются свечи и произносятся святые слова кадыша. Мы вечно будем их помнить, как и милых родителей, скончавшихся в голодные тридцатые годы на Украине. Но это вовсе не значит, что не нужно праздновать Победу в ужасной войне с фашизмом.

Как всегда раньше, я и в этом году праздновал День Победы. Праздновал и вспоминал фронтовых друзей, не дошедших до победы, родных и близких, сгоревших в пламени войны.

105

Не перестаю восторгаться дорогами Америки. Они ошеломили меня в первые дни пребывания здесь не меньше, нежели изобилие продуктов в супермаркетах и продолжают удивлять все эти годы. Мне, прожившему всю свою жизнь в стране победившего социализма и не выезжавшему ни разу за её пределы (трёхнедельный отдых на черноморском побережье дружественной Болгарии исключением считать нельзя), стоило больших усилий поверить, что проезжая часть переулка Maple Court в пригородном Снайдере, где мы прожили первый год иммигрантской жизни, может содержаться в таком же отличном состоянии, как и первоклассные трансамериканские хайвэи. Внешне отличия между ними сводятся только к насыщенности дорожной информацией, количеству рядов и разрешённой скорости движения транспорта. Асфальтовое покрытие на нашей маленькой улочке было таким же ровным и чистым, как и на центральных улицах города или на многорядных магистралях вокруг него. Так здесь содержатся все дороги, независимо от их размеров и значения. Все они имеют исправное покрытие, требуемую разметку, снабжены дорожными знаками и необходимой информацией. Как тут не вспомнить разбитые дороги на улицах советских городов и сёл, из-за чего передняя подвеска автомобиля была самой дефицитной запчастью в Союзе, заполучить которую можно было только за большие деньги у спекулянтов или по особому блату.

Конечно, сходство дорог в Америке является только кажущимся. На самом деле они имеют существенные различия в зависимости от их значимости и напряжённости движения транспорта. Они разные по конструкции, классности, отличаются по наличию и насыщенности зон отдыха, других удобств для водителей и пассажиров, но все, без исключения, содержатся в хорошем состоянии.

Страна покрыта густой сетью дорог разного назначения: государственные, сквозные, межштатные, провинциальные, локальные. Часть из них бесплатные (Free Limited Access Highways), другие являются платными и за пользование ими взымается пошлина (Toll limited-Access Highways).

Не перестаю любоваться и организацией ремонта дорог. Их здесь выводят на ремонт по утверждённому графику примерно в таком же порядке, как производится планово-предупредительный ремонт самолётов, отлетавших установленный для них ресурс. Порой удивляться приходится тому, что совсем ещё исправные внешне участки дороги выгораживаются для ремонта. Всё это делается в большинстве случаев без остановки движения транспорта. Ремонтируются, как правило, отдельные полосы многополосных магистралей или половина однорядной дороги. Работы производятся настолько аккуратно, что водители почти не ощущают никакого дискомфорта. Когда нельзя избежать объезда, то и тут не возникает больших неудобств, так как для этого используются другие исправные дороги с твёрдым покрытием.

Воскресают в памяти объезды в Союзе по грунтовым и пыльным просёлочным дорогам во время ремонта основных магистралей, сокращавшие и без того короткую жизнь отечественных автомобилей и являвшиеся настоящим бедствием для водителей и пассажиров

Автомобильный транспорт стал главенствующим в Америке. Не железнодорожный, как в бывшем СССР, и даже не воздушный, хоть и он здесь получил большое развитие, а именно автомобильный. Этому способствует высокий уровень автомобилестроения (в Америке за год производится почти столько же транспортных средств различного назначения, сколько их было выпущено за все годы советской власти) и технического обслуживания автомобилей. Огромное количество мастерских по ремонту, расположенных на автомагистралях и по близости от них, в состоянии обеспечить быстрый и качественный ремонт любой автотехники.

Дорожное движение на улицах городов регулируется светофорами. Их много и они чётко выполняют свои функции, благодаря чему удаётся , даже в часы «пик», когда машины движутся по всем полосам сплошным потоком, избежать пробок.

Трудно себе представить уличное движение даже в небольшом американском городе или посёлке с тем количеством светофоров, которыми были оснащены дороги в наших городах областного и тем более районного подчинения, где их можно было

сосчитать на пальцах одной руки. Даже в таком крупном промышленном центре Белоруссии, каким являлся Могилёв, где мы прожили несколько десятков лет, на пересечении центральной улицы с площадью имени Ленина, являвшейся главной в областном центре, движение регулировалось одним светофором, а их общее количество на всех городских магистралях было меньшим, чем на любой второстепенной улице Баффало.

На американских же хайвэях в светофорах вообще нет необходимости, так как они пересекаются в разных плоскостях, количество которых зависит от напряжённости движения. Ничего подобного не приходилось видеть даже на самой лучшей нашей автостраде «Москва-Брест», что связывала столицу страны с Европой.

Другие в Америке и автомобили. Главное их отличие - автоматическая трансмиссия. Удобства такой системы переключения скоростей очевидны всем. Для меня же, при отсутствии возможности использовать для этой цели левую ногу, это особенно важно. В Союзе я мог водить машину только после её оснащения дополнительными рычагами ручного управления. Кроме дискомфорта, который ощущался при этом, просто рук не хватало для переключения скорости и управления рулевым колесом. Даже на самой последней модели «Жигулей», которую мне удалось купить по льготной очереди, не было автоматической трансмиссии и машину необходимо было дополнительно оснащать системой ручного управления.

Простота и удобства управления автомобилем позволяют пользоваться им в равной мере мужчинам и женщинам, подросткам и глубоким старикам. Даже инвалиды, передвигающиеся в своём доме на колясках, могут ездить на автомашинах. Вот почему в Америке автомобиль стал непременной принадлежностью человека на протяжении всей его самостоятельной жизни. Этому способствует и доступность его приобретения. Здесь не нужно, как это было в Союзе, дожидаться многолетней очереди. Диллеры наперебой предлагают машины новые и бывшие в употреблении, дорогие и дешёвые, отечественные и импортные. Их можно купить в кредит с гарантией на бесплатное обслуживание и ремонт в течение нескольких лет.

Всеамериканская автомобильная ассоциация, имеющая широкую сеть филиалов по всей стране и известная по сокращённому названию «ААА», обеспечивает инструктаж водителей, отправляющихся в дальние путешествия, снабжает их необходимыми маршрутными картами, резервирует комнаты отдыха в пути следования. За небольшую плату оказывается необходимая помощь при

неисправности автомобиля в дороге. Если требуется серьёзный ремонт, машину доставят по вашему указанию на станцию техобслуживания или в гараж.

В первое время мы никак не могли спокойно спать, оставив свою машину на никем не охраняемой стоянке (паркинге). Ещё свежи были в памяти случаи, когда в подобной ситуации «ТАМ» мы утром обнаруживали, что у машины не стало колёс, аккумулятора или радиоприёмника, а порой её просто целиком уводили. Теперь, наша «Тойота» в пригороде Баффало годами стоит на улице без всякого присмотра, а мы абсолютно спокойны за её сохранность.

Может быть обо всём этом мне и не стоило так подробно рассказывать. Американского читателя этим не удивишь. Это ему и так хорошо известно и восторженные эмоции на сей счёт не часто приходится слышать. Более того, в газетах, по телевидению и на радио нередко звучит критика и в адрес компаний, которым принадлежат дороги, и фирм - производителей автомобилей, и полиции, обеспечивающей порядок на улицах и магистралях.

На меня же это произвело неизгладимое впечатление. Такое пришлось увидеть впервые. Я не мог об этом умолчать и не в силах воздержаться от восторга.

Жизнь в нашем постсоветском отечестве меня по-прежнему интересовала и волновала. Я, как и раньше, с жадностью ловил любую информацию о событиях в России, Белоруссии, Украине. Теперь, когда почти все наши родственники покинули просторы «родины чудесной» и письма оттуда приходили реже, её источниками стали газеты и голоса различных радиостанций.

Прошло уже восемь лет с начала рыночных реформ и почти столько же со времени правления Россией Ельциным, а положение к лучшему не изменилось. Особенно плачевным оно стало после переизбрания его президентом на второй срок в 96-м году. Теперь уже мало кто сомневался в том, что этого делать не следовало. Народ тогда выбирал меньшее из двух зол и надеялся на выполнение им своих предвыборных обещаний. Каждый губернатор перед теми выборами думал прежде всего о себе и о том, что будет с ним, если к власти придёт лидер коммунистов Зюганов. Всем им нужен был Ельцин, который хоть мало чего полезного делал, но их не трогал.

Немощному, больному президенту перед теми выборами следовало назвать своего преемника на высшую должность, а он назвал себя, чем совершил преступление перед страной и своим народом. Он бил себя в грудь на экранах телевизоров, обещая избирателям золотые горы, а после своего избрания от своих клятв отрёкся. Вдохновлённый своей победой и полной бесконтрольностью, Ельцин отыграл назад все сделанные общественному мнению уступки (прекращение войны в Чечне, выплата задержанных зарплат, увольнение одиозных фигур и многое другое) и стал ещё менее разборчивым в выборе средств для достижения своих целей.

Если в 95-м году в стране простому труженику ещё как-то можно было жить, ещё не всё было распродано за бесценок и разграблено, то после выборов началась уже полная вакханалия.

Страна, как и раньше, не могла накормить себя продуктами собственного производства. Недавние «битвы за урожай» сменились почти полным безразличием к засухам и другим капризам природы. Когда-то руководителей регионов пугали: «...не соберём урожай, соберём пленум ЦК». Теперь угрожать перестали. Выработали новую тактику: «...меняем нефть на колбасу».

Кризис в сельском хозяйстве России, как и в других отраслях экономики, достиг чрезвычайных масштабов. Поголовье крупного рогатого скота с 1992-го по 1999-й год сократилось почти вдвое. Ежегодно уменьшались посевные площади под зерновыми культурами, а урожайность достигла рекордно низкого уровня - меньше 12 центнеров с гектара. Тракторный и автомобильный парк на селе сократился за эти годы более чем в два раза, а использование минеральных удобрений почти в десять раз.

Единственным спасением от голода стали приусадебные участки, которые давали теперь около половины всей производимой в России мясомолочной продукции, 80% картофеля и овощей.

В газетах того времени часто печатали статьи Александра Солженицина, проникнутые болью за свою Родину. В одной из них «разгром России» великий писатель клеймил позором кремлёвских правителей. Он утверждал, что в результате ельцинской эпохи разгромлены или разворованы все основные направления государственной, народнохозяйственной, культурной и нравственной жизни. Этот тезис подтверждался им убедительными фактами.

В стране наступил административный хаос. Перестали действовать единые законы. Каждый регион имел какие-то особые договоры с Центром. Автономные республики, ставшие неуправляемыми, сами определяли свои конституции, свои международные связи, сами брали кредиты в зарубежных банках. Делалось всё для распада страны.

Финансовые магнаты, так называемые олигархи, незримыми нитями по существу управляли всей исполнительной властью и диктовали свою волю правительству, важнейшим отраслям экономики, средствам массовой информации.

25 миллионов россиян, отрезанные межами СНГ, стали бесправными и беззащитными иностранцами в чужих государствах. Их бросили на произвол судьбы.

Приватизация разграбила национальное достояние. Ценнейшие объекты были отданы за 1-2 процента реальной стоимости. Остальные 98 процентов украдены и безвозвратно осели в иностранных банках.

Государственный аппарат поразила коррупция и никаких мер против этого до сих пор не принималось. Все между собой были воедино связаны и в одном и том же замазаны. А президент всё обещал неуклонно продолжать реформы. Те самые реформы, что привели к обнищанию большинства населения страны. Без отказа от их пороков, от их возмутительного издевательства над народом.

Классик русской литературы призывал спасать Россию. Спасать не словами и обещаниями президента, а конкретными делами, оздоровительными, действенными мерами. Спасать немедленно.

Как-то в программе радиостанции «Свобода» слушал выступление своего племянника Валерия Елизарова, по-прежнему возглавлявшего в МГУ Центр по изучению проблем народонаселения и ставшего одним из видных учёных-демографов страны. Он утверждал, что Россия вступила на путь деградации и вымирания, прямо угрожающий будущему её народов. С 1992-го года смертность стала устойчиво превышать рождаемость. Явно прослеживалась тенденция к сокращению продолжительности жизни россиян. Особенно резко она снизилась у мужской части населения, где упала до рекордно низкой отметки в 60 лет. Рождаемость продолжала сокращаться. Она была почти в два раза меньше, чем необходимо для простого воспроизводства населения и причиной тому стали главным образом экономические факторы.

Неблагоприятное развитие демографической ситуации означало и неблагоприятный демографический прогноз. Уменьшалась доля детей и возрастала доля пожилых, что привело к росту экономической нагрузки на трудоспособное население. Чтобы избежать демографической катастрофы требовались немедленные и эффективные меры.

Уровень жизни основной массы населения из года в год снижался. Цены на продовольственные и промышленные товары неуклонно росли, зарплата выплачивалась несвоевременно, реальное потребление сокращалось.

В поисках выхода из создавшегося положения президент стал часто менять правительство. Вместо Виктора Черномырдина, возглавлявшего кабинет министров в течение пяти лет правления Ельцина, был назначен молодой и энергичный Сергей Кириенко (36 лет), который проявил себя на посту министра топлива и энергетики России. По его мнению, самым слабым местом было положение с бюджетом и его важнейшей составляющей - сбором налогов, которых при прежнем правительстве удавалось собрать не более половины уровня, предусмотренного в бюджете страны.

Новый премьер-министр начал наступление на крупные акционерные компании, пытаясь заставить их вносить в казну полную сумму причитающихся налогов. Первой и самой богатой из них была «Газпром», собственность которой во всём мире превышала 1,5 млрд. долларов. Кроме того был составлен список 1000 самых богатых людей России, у которых с помощью налоговой полиции намеревались заполучить установленные законом отчисления от получаемых ими доходов. В числе этой тысячи были те самые олигархи, которые держали в своих руках все государственные структуры страны, включая администрацию президента и его семью.

Не было ничего удивительного в том, что из этой затеи ничего не получилось. Кириенко пришлось отступить. В то же время некие силы начали игру на понижение стоимости рубля и он стремительно ускорил своё падение. В магазинах резко подскочили цены. Недовольные многомесячными задержками зарплаты и ростом цен забастовали шахтёры и стали перекрывать железные дороги. Их поддержали учителя и врачи, которые тоже не получали зарплату по много месяцев. Результатом этого стали многомиллионные убытки. Во многих регионах не хватало продовольствия.

Пытаясь увеличить поступление денег, правительство сделало очередной роковой шаг, оказавшийся последним. Был введен трёхмесячный мораторий на уплату займов, сделанных за рубежами страны, и процентов по ним. Прекратили также

выплаты по государственным казначейским обязательствам (ГКО). Последствия этого шага оказались катастрофическими. Заграничные кредиторы стали добиваться своих денег в судебном порядке. На российскую собственность за рубежом были наложены аресты, а кредиторы стали панически бежать из страны, которая отказалась платить по своим долгам. Банки были не в состоянии выплачивать клиентам по вкладам. Пришел в полное расстройство денежный рынок.

В создавшихся критических условиях Ельцин растерялся, отправил в отставку кабинет Кириенко и решил вновь призвать на пост премьера Черномырдина. Несколько попыток провести через нижнюю палату парламента его утверждение закончились безрезультатно.

Положение в стране стало критическим. Стоимость рубля упала в 4 раза, соответственно выросли и цены. Из магазинов исчезли продукты питания и большая часть остальных товаров. Население Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов вдруг вновь увидело пустые прилавки - стало хуже, чем было даже во времена Брежнева.

Проявленная президентом слабость воли в противоборстве с Думой и его ухудшающееся физическое состояние привели к расколу в органах власти. По всему было видно, что эре Ельцина в истории России пришёл конец.

Под угрозой импичмента за бессмысленную бойню в Чечне, не давшую ничего стране, но стоившую тысячи жизней солдат и офицеров, Ельцин был вынужден согласиться на предложенную лидерами Думы кандидатуру премьер-министра. Им стал Евгений Примаков - известный политик, экономист и общественный деятель. Он привлёк на ведущие посты в правительстве «проверенные кадры» советских времён и приступил к осуществлению крутых мер борьбы с коррупцией, важных мероприятий в экономике и налоговой политике. Главными принципами в новом кабинете стали порядок и дисциплина. В чём-то это напоминало стиль работы генсека Андропова.

Началось наступление на «новых русских», наживших за последнее время несметные богатства нечестным путём. Они построили роскошные дачи, купили просторные квартиры с саунами и соляриями в престижных новых домах, владели дорогими машинами, проводили отпуск на лучших курортах мира. Только в Москве из кредитно-банковских учреждений и совместных предприятий было уволено более 200 тысяч человек. На некоторых олигархов, в том числе на самого видного их них,

Бориса Березовского, было открыто уголовное дело и выдан ордер на арест. Ожидались жуткие разоблачения.

Всё это было не по душе Ельцину. Потихоньку ордер на арест олигарха заменили подпиской о невыезде, подписку о невыезде аннулировали, прокурора, выдавшего ордер на арест отстранили от ведения дела, а Березовский на своём самолёте вновь стал летать по заграницам.

В мае 99-го года, как гром среди ясного неба, грянул Указ президента об освобождении Примакова, который ещё недавно считался залогом стабильности и успеха. Менее девяти месяцев просуществовало его правительство (чуть больше кабинета Кириенко).

Конечно, отставка кабинета была произведена не только по личным мотивам. Был целый ворох других причин: непослушность премьера воле президента, его возросший авторитет и рейтинг (у Ельцина они постоянно снижались), возможность разгона Думы, которая откажется утвердить нового главу кабинета и многое другое.

Неожиданное смещение Примакова общество восприняло как результат заговора олигархов, банкиров и других крупных собственников, испугавшихся слишком крутых мер борьбы с коррупцией, которые распространялись и на круги близкие к «семье» Ельцина.

Новым премьером стал Сергей Степашин - бывший шеф контрразведки, бывший министр юстиции и нынешний министр внутренних дел. Он дал клятву на верность реформам и демократии, и был сравнительно легко утверждён Думой. Главными его особенностями были послушность и беспредельная верность президенту.

Деятельность главы правительства началась с поисков денег, источники которых, по его мнению, находились в Америке. Но здесь больше кредитов не давали. В глазах Вашингтона пост российского премьера претерпел сильную девальвацию, подобную рублю. На самом деле, если за неполных два года вышвырнули Черномырдина (дважды), Кириенко и даже казавшегося непотопляемым Примакова, то где гарантия, что та же судьба не постигнет Степашина.

Нетвёрдо стояли на ногах не только верхи России, но и вся страна. Весь российский федеральный бюджет был равен расходам правительства США на программу помощи малоимущим продовольственными талонами. Острословы

перекрестили известную комиссию экономического сотрудничества двух государств Гор - Черномырдин, в её новом составе, в комиссию «Принц и нищий».

В американских коридорах власти к новому российскому премьеру отнеслись с подозрением не только потому, что он премьер нищей страны, но и потому, что он «профессиональный полицейский», что здесь не высоко котируется.

Экономические показатели страны между тем всё более ухудшались, а цены на продовольствие продолжали расти. Этому в большой мере способствовал неурожай, вызванный сильнейшей засухой 99-го года

Резкий поворот вправо, вызванный назначением Степашина, привёл к активизации левых сил и усилению позиции лидера коммунистов Геннадия Зюганова, выходившего на первое место при опросах общественного мнения о возможной кандидатуре на пост президента. Такой ход событий для Ельцина мог оказаться самым опасным и он начал готовить отречение от престола в пользу им лично выбранного наследника.

Им оказался Владимир Путин, который стал премьером вместо Степашина и согласно Конституции автоматически становился президентом, если Ельцин сам покинул бы свой пост. Правда, лишь на три месяца, в течение которых должны быть проведены выборы. Но за эти три месяца в руках Путина оказывалась почти неограниченная власть, которая позволяла новому премьеру совершить прыжок в Кремль уже в результате выборов.

За 18 месяцев Ельцин сменил пять премьеров. Каждый из них потенциально мог сменить его на посту главы государства. Четверо из них не оправдали доверия и были им смещены.

Преемник Ельцина должен был сыграть для него ту же роль, какую когда-то президент США Джеральд Форд сыграл для подавшего в отставку Ричарда Никсона, объявив ему полную амнистию за всевозможные нарушения законов. В такой амнистии нуждался не только Ельцин и его семья, но и немалое число членов администрации.

О Путине, до его назначения на пост премьера, почти никто ничего толком не знал. Из его биографии выяснилось, что он служил в КГБ, был послан агентом в Германию и недолгое время занимал пост шефа Госбезопасности. Несмотря на это, популярность «тёмной лошадки», как метко окрестили в народе нового главу правительства, быстро росла. За считанные недели его рейтинг поднялся до рекордной

отметки - 60-70%, оставив позади всех политических соперников. Путин стал безальтернативным кандидатом в президенты. Этому в большой мере способствовали победы в чеченской войне, начатой им после вторжения банд исламских экстремистов в Дагестан и беспрецедентных террористических актов со взрывами жилых домов в Москве и других городах России (реванш армии за унизительное поражение 95-96гг). Сыграла свою роль и хорошо организованная пропагандистская компания.

Через восемь лет после установления демократии и начала рыночных реформ в России свершались небывалые преобразования: глава государства добровольно отказывался от власти и передавал бразды правления преемнику. Впервые в истории страны такой акт совершался согласно конституционной процедуры, при жизни уходящего в отставку лидера государства и без его насильственного смещения.

106

20 сентября 99-го года Полечке «Маленькой» (так в нашей семье называют мою сестру в отличие от сестры Анечки - Полечки «Большой») исполнилось семьдесят. Праздник отметили тепло и торжественно. Юбиляра пришли поздравить многочисленные друзья, все наши родственники, живущие в Баффало, и, что для неё было особенно важно, сын Боря с женой Таней и внуком Алёшей, которые совсем недавно приехали в Америку. Тамадой и главным организатором праздника был наш друг Женя, который стал и её хорошим приятелем.

Открывая торжество, я упомянул основные вехи из жизни Полечки, которую иначе, как человеком из легенды, назвать нельзя. У наших родителей, как я уже рассказывал, было четверо детей и самой младшей была Полечка. Может быть поэтому, а может потому, что среди нас она была единственной девочкой, все в нашей семье, многочисленные родственники и соседи её очень любили. Для этого были все основания: она была не по возрасту умна, способна и очень красива. Нельзя сказать, что мне и моим старшим братьям любви не досталось, но нам всегда казалось, и не без оснований, что младшую сестрёнку родители любят больше. Они как будто чувствовали, что им не хватит времени, чтобы отдать своему мизинцу положенную порцию любви и ласки.

Предчувствие их не подвело. Папы не стало, когда Полечке ещё пяти лет не было, а мама ушла ровно через два года, не успев даже отвести её в школу.

Эстафету любви к нашей любимице принял на себя старший брат Сёма, который унаследовал отцовский характер и в голодные тридцатые годы заботился о ней и обо мне до самопожертвования. Полечка отвечала на это послушанием, прилежностью, добротой и ответной заботой о братьях. Тогда она больше заботилась обо мне. Наверное, потому, что я был младшим из братьев. Эти качества у неё от родителей. Уже в детстве ей нужно было о ком-то самоотверженно заботиться.

Как и её старшие братья, Полечка была любознательной и отлично училась в школе. Никто не сомневался в том, что незаурядные умственные способности, доброта и отличные внешние данные обеспечат ей счастливое будущее. Этому помешала война.

Оказавшись одна в оккупированном немцами Немирове она изо всех сил служила соседям и окружающим её людям. Не все остались к этому равнодушны и две украинские женщины спасли её, еврейку, от неминуемой смерти.

После войны она встретила сержанта Володю, в которого влюбилась и посвятила свою жизнь заботе о нём и семье, не думая о своём будущем. С рождением детей, забота перешла на них, и всё остальное в её жизни, включая образование и приобретение специальности, оказалось второстепенным. Так продолжалось многие годы и не прекращалось никогда до самой её старости. Даже теперь, в свои 70 лет, когда дети в её помощи уже давно не нуждаются, она всецело отдана им, позабыв о своём здоровье и покое.

Мне, её брату, единственному родственнику, оставшемуся в живых из всей нашей большой семьи, было всегда обидно и больно за Полечку. Все послевоенные годы я убеждал её в необходимости позаботиться о себе, своём образовании, лечении, отдыхе. Единственное, о чём просил её и за праздничным столом - подумать о своём здоровье. К сожалению, мои убеждения не вписывались в её мировоззрение, в её жизненную философию. Не изменилось её поведение и теперь. Она и сегодня, разменяв восьмой десяток, думает и заботится в первую очередь только о детях. Это вызывает моё возмущение и заметно портит наши отношения, хотя я её по-прежнему очень люблю.

Застольную речь на юбилее своей сестрёнки, после пожеланий долголетия и здоровья, я закончил призывом: «Уймись Полечка! Жизнь не бесконечна и даётся нам только один раз».

Было много тостов на том празднике, обилие подарков, добрых слов и пожеланий. Все восхищались замечательными человеческими качествами юбиляра, её добротой, вниманием к людям, заботой о детях и внуках. Все веселились, обнимали и целовали Полечку, дарили ей цветы. Она всем улыбалась и сияла от счастья.

Мне же было очень грустно на том юбилее.

107

До очередных президентских выборов в Америке оставалось ещё более года, а избирательная кампания уже шла полным ходом. Выборы главы государства, конгрессменов и сенаторов здесь всегда является важным политическим событием.

Мне, бывшему советскому еврею, а ныне «молодому» гражданину США всё ещё трудно привыкнуть к необычной свободе выбора и выражению различных взглядов по отношению к кандидатам в президенты. Всё это совсем не похоже на прошлое обязательное единодушие, когда все в «едином порыве» отдавали свои голоса за тщательно отобранных, но не всегда достойных людей. Это были те самые «народные избранники», кандидаты «единого и нерушимого блока коммунистов и беспартийных», которые проводили политику государственного антисемитизма, дискриминации и неравенства.

Мои воспоминания о прошлом подчеркивают необычность и интерес к новой для меня политической жизни в Америке.

Специфическая особенность избирательной компании, начавшейся в 1999 году состояла в том, что страна процветала, причем так долго, как никогда в прошлом. Казалось, что не за что критиковать действующее правительство. На самом же деле всё было наоборот. В американской истории такого ещё не было, чтобы народ так осуждал личные качества своего президента, но при этом настолько сильно его поддерживал. Трудно сказать, избрали бы Клинтона в третий раз, если бы это допускалось Конституцией США, но нет никакого сомнения в том, что все эти противоречивые эмоции избирателей скажутся на его возможном преемнике - Альберте Горе.

Не исключено, что впоследствии историки оценят нынешнего главу государства, как одного из самых противоречивых президентов страны. Его правление ознаменовалось неслыханными по аморальности скандалами, за что Клинтон снискал стойкую нелюбовь со стороны многих американских избирателей. В то же время он

покинет свой пост в беспрецедентной для Америки ситуации, когда она достигла пика своего экономического и военного могущества. У неё практически нет серьёзных внешних врагов, её не раскалывают непреодолимые социальные или политические проблемы. По своему психологическому состоянию нация охвачена чувством глубокого удовлетворения.

Конечно, ещё остаются проблемы преступности, реформы образования, здравоохранения и социальной системы, но перспективы их решения выглядят вполне реальными. Порой даже кажется, что страна просто не знает, куда ей девать деньги.

Среди важных достижений президентства Клинтона безусловно является создание более 20 миллионов новых рабочих мест, снижение безработицы до самого низкого за последние 30 лет уровня, достижение наивысшей доли домовладельцев среди граждан за всю историю страны.

И тем не менее, несмотря на эти и многие другие колоссальные достижения, несмотря на горячие призывы Клинтона поддержать Гора на предстоящих выборах, положение демократической партии США совсем не казалось предпочтительным. Такого тоже ещё не было в американской истории. До сих пор почти железным правилом было: если в экономике всё в порядке, то правящую (президентскую) партию избиратели не меняли.

Опросы общественного мнения показывали, что при всех заслугах нынешней администрации вице-президент Гор отставал в рейтинге от республиканского конкурента Буша младшего почти на 30%.

Кроме аморального поведения Клинтона, на рейтинг Гора оказывали влияние финансовые трудности избирательной компании демократов и отрицательные комментарии в его адрес в американской прессе.

Стать президентом США довольно трудно. Кроме всего другого, для этого нужны большие деньги. Кандидат республиканцев Джордж Буш стал первым в истории Америки политиком, собравшим на свою избирательную компанию более 100 млн. долларов, а его главный соперник на выборах Альберт Гор смог собрать только немногим больше 30 млн. Основную сумму фонда республиканской партии (около 95 миллионов) внесли богатые корпорации и доноры из так называемого «клуба ста». Пожертвования в фонд демократов поступают от профсоюзов, организаций американских учителей, ученых, врачей, юристов. Финансовую поддержку им оказывают и представители большого бизнеса, но их размер заметно скромнее.

Что же касается комментариев в адрес демократического кандидата в президенты, то они сводились к тому, что Гору не хватает темперамента, он чересчур официален, уныл, скучен и такой правильный, что и зацепиться для критики не за что.

Будучи сторонником демократов, мне было обидно читать такие характеристики в газетах и журналах, но если быть объективным, нельзя было не согласиться, что в них немало правды.

Гору нужно было что-то предпринять, чтобы выйти из тени темпераментного Клинтона. И нужно признать, что он приложил для этого немало усилий. Я видел по TV речь Гора в его родном городе Картедж, штат Теннеси. Она была горячей и темпераментной. Срывающимся от крика голосом, делались заверения, что Америка при его президентстве войдёт в новое тысячелетие ещё более сильной, богатой и безопасной, что американцы получат доступ к лучшему образованию, что процветание достигнет малообеспеченных слоёв общества, новых иммигрантов, ферм и мелких городишек. Он обещал, что сделает Америку не только богаче, но и лучше, что после его избрания вся благодать снизойдёт на страну в виде сокращения рабочего дня, улучшения качества образования в государственных школах, бесплатных детских садов и государственной опеки над стариками.

Отвечая на каверзные вопросы он признал, что Клинтон совершил непростительный поступок, заставив страдать свою семью и своих друзей. Это была сильная речь. Газеты писали, что такого Гора ещё никто не видел. Такими же эмоциональными оказались и многие последующие его выступления.

Это, как и дополнительные денежные поступления в избирательный фонд демократической партии, не замедлило сказаться на ход избирательной кампании и рейтинг Гора. Сторонникам республиканского кандидата пришлось поумерить свой оптимизм.

Но и губернатор штата Техас Джордж Буш не скупился на обещания. В своих речах он заявлял:

-Налоги сокращу. Верну избирателям деньги, узурпированные Вашингтоном;

-Аборты запрещу, чем спасу жизни нерожденных младенцев;

-Частные религиозные школы профинансирую;

-Обороноспособность страны укреплю;

-Расходы на вооружение увеличу;

-Национальную противоракетную оборону построю;

-Защищу жизнь наших детей от террористических государств;

Подобные лозунги республиканцы уже провозглашали при Рейгане в начале восьмидесятых, что привело страну к всевозрастающему финансовому дефициту. Снижение доходов государства за счёт уменьшения налогов при одновременном увеличении расходов на вооружение не могло не привести к отрицательному итогу в бюджете страны. Около двадцати лет понадобилось, чтобы из этой ловушки выкарабкаться.

Тогда оправданием для Рейгана была холодная война и желание разорить в военном соперничестве «империю зла». Теперь, когда в мире осталась только одна сверхдержава - Америка, для этого не было достаточных оснований.

Тем не менее призывы республиканских кандидатов в президенты (а их, кроме Буша, было ещё восемь) и особенно обещания значительно снизить налоги, нашли многих сторонников.

Я с большим интересом следил за избирательной кампанией и сравнивал её с тем, как проходили выборы в бывшем родном отечестве. Демократия бедной страны ущербна, потому что бедный человек несвободен. Ему нечего терять и потому ему всё равно кого выбирать.

Другое дело - собственник недвижимости, человек с неуклонно растущим доходом. Такой и будет дотошно сверять программы и искать в них личный интерес. Сытый и довольный избиратель способен и о моральных ценностях, и о душе подумать, и в будущее заглянуть. В этом основа президентской кампании: дальнейшее благоденствие и моральные ценности.

К предстоящим выборам большинство взрослых членов нашей семьи стали гражданами этой великой страны и впервые готовились участвовать в свободном волеизъявлении. Мы сознательно и искренне намеревались отдать свои голоса тому кандидату в президенты, который понимает насущные проблемы новых американцев, кто обеспечит лучшие условия для получения образования нашим внукам, работы нашим детям, достойной и обеспеченной жизни пожилым людям.

Дискуссия республиканцев с демократами - это конфликт двух социальных моделей общества. Население страны стареет и нужно решать, что делать с социальными программами. Теперь на одного пенсионера приходится четверо работающих, а через тридцать лет двум работникам придётся кормить трёх пенсионеров и примерно к этому времени, по расчётам специалистов, будет исчерпан

фонд «Social Security». Фонд «Medicare» может быть израсходован ещё раньше - через полтора десятка лет. По программе Клинтона-Гора эти фонды следовало пополнить за счет бюджетного профицита, который к тому времени достиг огромной суммы. Республиканцы же предлагали вернуть излишки федеральных средств гражданам в виде сокращения налогов и в этом случае, по их мнению, не потребуются в таких масштабах эти и другие социальные фонды.

Обе стороны признали необходимым реформировать образование и укреплять семью, но одни предлагали для этого дать родителям больше свободного времени для общения с детьми, а другие говорили, что надо запретить аборты, иначе скоро общаться будет не с кем. Это, конечно, грубая и примитивная схема, но из неё можно составить представление о социальной философии оппонентов.

Выборы решат какой программе отдадут предпочтение избиратели. Единственное, в чём можно не сомневаться - незыблемыми останутся американские принципы демократии, прав человека и свободной рыночной экономики.

Двадцатый век стал поистине веком Америки. Она стала гегемонистской державой и превратилась в мировую империю. Что бы не происходило в мире, многие смотрят на события наших дней американскими глазами. Здесь сегодня определяются стандарты мировой культуры и цивилизации. В ведущих университетах, начиная от Гарвардского на востоке страны и кончая Стенфордским на западном её побережье, крупнейших исследовательских центрах и технологических концернах США сконцентрированы знания, ставшие важным источником прогресса мировой науки. Успехи в развитии телекоммуникаций и компьютерные программы в Интернете произвели революцию в области средств связи. Военный потенциал страны, который в конечном итоге гарантирует экономическую и политическую мощь, более чем достаточный и обеспечивает превосходство единственной в мире сверхдержавы.

Мало кто сомневается в том, что господство США сохранится и в следующем веке. Потомки иммигрантов самодовольно взирают на мир и убеждены , что призваны сыграть важную роль в его экономике и политике.

108

У меня создалось впечатление, что американцы лишены права на ежегодный отпуск в том смысле, в каком мы понимали его на нашей бывшей родине. У нас это право гарантировалось Кодексом законов о труде и обеспечивалось широкой сетью

домов отдыха, туристических баз, санаториев и профилакториев, где подавляющее большинство трудящихся могли провести свой оплачиваемый отпуск. На предприятиях и в учреждениях составлялись графики отпусков, согласованные с профсоюзным комитетом, и все мы с нетерпением ждали возможности оторваться от трудовой повинности и провести несколько недель вдали от работы. Минимальная продолжительность ежегодного отдыха рабочих была двух или трёхнедельной, а инженерно-технические работники и большинство служащих имели месячный отпуск и использовали его одновременно, в основном в летнее время.

В пик отпусков казалось замирала жизнь в крупных городах и промышленных центрах. Народ устремлялся на юг - к морю, к солнцу. Курортные города черноморского, каспийского и азовского побережья были переполнены отдыхающими по путёвкам и «дикарями», снимающими «углы» и «койки» у местных жителей. Не пустовали и пляжи в Прибалтике, санатории Всесоюзной здравницы на кавказских Минеральных Водах и в Карпатах, другие известные лечебные центры и места отдыха. Самой серьёзной проблемой для отпускников в летние месяцы были билеты на самолёты, поезда и автобусы дальнего следования.

У американцев почему-то иное представление об отпуске. Я никак не мог понять причину такого положения и пытался воспользоваться для этого исследованиями специалистов. Интересной оказалась публикация журналиста Руденского в газете «Новое русское слово». Ответ на этот вопрос, оказывается, следует искать в исторически сложившихся особенностях американской психологии. Здесь к отпуску противоречивое отношение - они и хотят им воспользоваться и боятся возможных последствий. Им трудно расстаться с работой и расслабиться. Своё свободное время американцы часто используют для всякого рода деятельности: профессиональной, религиозной, общественной. Досуг и труд тут категории одновременно и противоположные и тесно между собой связанные. Стремление сочетать «потеху» с «делом» наблюдается в самых разных слоях американского общества. Многие богатые корпорации проводят ежегодные конференции по проблемам своего бизнеса в живописных заповедниках, другие устраивают сборы на курортном океанском побережье и беседуют там не столько о житейских удовольствиях, сколько о профессиональных делах. Специалисты по современным технологиям нередко выезжают в отпуск с портативным компьютером, чтобы

трудиться над незаконченным проектом. Благодаря развитию телекоммуникаций стало легко брать работу с собой.

В начале прошлого века американцы имели только отдалённое представление о ежегодном отдыхе. Длительный перерыв в работе воспринимался как отклонение от протестантской трудовой этики. Только к 1850-м годам слово «отпуск» приобрело права гражданства в американском варианте английского языка.

В публикациях отмечается ещё одна отличительная черта американского отношения к отдыху. Если европейцы считают, что отпуск принадлежит им по праву, то здесь многие воспринимают его как дар работодателя. Оказывается идея ежегодного оплачиваемого отпуска дошла до Америки только в двадцатом веке, а достоянием большинства работников такой отпуск стал только в течении нескольких последних десятков лет. Однако, и теперь он менее продолжителен, чем в Европе, многих других странах мира и редко превышает две, три недели. Но даже это сравнительно короткое время американцы не могут полностью посвятить «потехе», позабыв о «деле». Они дробят его на две-три части, позволяя себе оторваться от работы, как правило, только на одну неделю. Создаётся впечатление, что для них лучший отдых - работа.

Нет в Америке и оплачиваемых отпусков по болезни. Здесь не выписывают больничных листков. Каждая фирма устанавливает свой лимит неявок на работу в связи с болезнью. Обычно он бывает небольшим и ограничивается несколькими днями в году.

Меня эти жесткие правила уже не коснулись, а вот детям нашим к этому пришлось привыкать. Они поначалу довольствовались только недельным отпуском, затем к нему прибавилась вторая неделя, а в последнее время уже удостоены трёхнедельного отдыха. Как и большинству американцев, им приходится делить годовой лимит отпуска на несколько частей и расставаться с работой только на одну неделю. Тем не менее они многое успели увидеть во время своего отдыха. Побывали в живописных местах Америки и Канады, совершали круизы на комфортабельных теплоходах по странам Карибского бассейна, отдыхали в Мексике и Доминиканской Республике, а Верочка, кроме того, успела даже съездить в увлекательное путешествие по Испании. И всё это с высокой степенью комфорта. Такое им в своём отечестве и присниться не могло.

Оказывается, и к «жёсткому» режиму отпусков на новой родине привыкнуть не так уже и трудно.

109

Мне помнится не столь далёкий 1992-й год, когда в бытность работы директором проектно-конструкторского бюро, я загорелся желанием заиметь персональные компьютеры для повышения производительности труда конструкторов, проектировщиков, сметчиков и других работников нашей фирмы. Мне и самому ужасно хотелось тогда освоить эту чудо-технику. Тогда ещё в Белоруссии компьютеры в проектных и конструкторских организациях почти не применялись. Не было специалистов, умеющих ими пользоваться. О компьютерном черчении знали ещё только понаслышке. Да и возможности приобретения дорогостоящих машин были ограничены. О домашних компьютерах в стране вообще ещё никто не мечтал.

У нас же тогда появились деньги, заработанные на внеплановых заказах, и я был готов их потратить на покупку ЭВМ. Мне уже мерещились радужные перспективы их эксплуатации. Стал советоваться со специалистами о типе процессора, объёме памяти, обучении работников (сам я в этом деле был полным невеждой). Единственное что мне было известно - наше проектирование на уровне прошлого века и пришла пора выполнять эту работу на современном уровне.

Не знаю какими бы были результаты осуществления такой идеи, но не сомневаюсь в том, что приобретя компьютеры мы бы в конечном итоге отказались от черчения вручную. По крайней мере сметную, расчётную и машинописную работу безусловно усовершенствовали бы. Помешал этому мой уход из ПКБ в связи с предстоящим отъездом в Америку и отсутствие энтузиастов, которые бы занялись этим делом после моего увольнения.

Желание учиться пользоваться компьютером осталось моей мечтой. Оно окрепло в Америке, когда я задумал писать мемуары. Первые главы книги были написаны от руки. Они многократно переписывались и корректировались. Даже печатной машинки с русскими буквами не было. Это была трудная работа. Наверное, от этой затеи пришлось бы отказаться, если бы мне не подарили старый компьютер, который уже не годился для выполнения сложных операций, но мог быть использован для печатанья и сохранения в памяти отредактированных глав.

Этому приобретению я обязан Верочке и Володе. Они помогли отремонтировать процессор и принтер, снабдили кейборд русским шрифтом, обеспечили бумагой.

Но компьютером надо было ещё и уметь пользоваться. В Америке этому обучают в школе и ученики даже младших классов пользуются такой техникой. В большинстве американских семей компьютеры имеются дома и на них свободно работают и взрослые, и дети. Я же, как почти все советские граждане того времени, в этом был абсолютным профаном и учиться пришлось с азов. А любая учёба в моём возрасте даётся очень трудно. Можно только удивляться терпению моего сына Вовы, которому удалось снабдить меня минимальными знаниями и привить некоторые навыки общения с компьютером. Шаг за шагом мы прошли с ним начальный курс обучения. Я освоил азы операционной системы «Windows», научился печатать и форматировать текст, используя «Word», постиг несложные приёмы организации и хранения базы данных.

Компьютер начал слушаться моих команд и стал мне верным помощником и другом. Он оказался несравненно удобней любой, даже самой совершенной печатной машинки. Там для исправления ошибки или опечатки приходится пользоваться специальной замазкой, что выглядит неопрятно, или перепечатывать всю страницу. Здесь можно легко не только исправлять ошибки, но и вносить любые изменения в текст, редактировать и форматировать страницы, записывать их на дискеты и размножать в нужном количестве экземпляров на принтере. Компьютер даже умеет проверять орфографию и находить допущенные ошибки.

Со всеми этими задачами вполне справлялся тот старый, маломощный компьютер. Благодаря ему мне удалось в сравнительно короткое время подготовить к изданию первые две части мемуаров. Но на этом его возможности были исчерпаны. На нём нельзя было пользоваться Интернетом, электронной почтой, обширной информацией по разным отраслям знаний. Более того, к концу работы над второй частью книги он стал всё чаще давать сбои и только нашему Илюшке удавалось время от времени его реанимировать.

Я же, как и абсолютное большинство людей, начав пользоваться компьютером, уже не мог от него отказаться. И дело здесь не просто в привыкании, а в том, что познав многие пришедшие с ним удобства, мне стало просто невмоготу без них обходиться. Раньше других это поняли наши дети, которые уже давно обзавелись

современными домашними компьютерами и не мыслили себе жизнь без них. Может быть поэтому, а может и потому, что они искали подарок к нашему юбилею, но осенью 1999-го года у меня появился новенький сверхсовременный компьютер. Порыв детей оказался заразительным для Анечки и она подарила мне ко дню рождения монитор с большим экраном. Не помню, чтобы какие-нибудь другие подарки за всю прошлую жизнь принесли мне столько удовольствия. Так, наверное, могут радоваться только дети, заполучившие игрушку, бывшую предметом их сокровенной мечты.

Появились новые колоссальные возможности и грешно было не воспользоваться хоть некоторой частью из них. Первое, что увлекло, был Интернет. Это чудо двадцатого века меняет жизнь людей так же сильно, как в своё время её изменили телефон и телевизор, а может быть ещё сильней.

Прошло лишь 30 лет со времени этого величайшего изобретения, а уже десятки миллионов американцев работают в собственных четырёх стенах на персональных компьютерах. Их владельцы только в США ежедневно посылают по электронным линиям связи 2,2 миллиарда отправлений - в 10 раз больше, чем по обычной почте. Таким способом сегодня посылают не только письма, но и целые пакеты информации с фотографиями, чертежами, видеосюжетами, рисунками, музыкальными записями.

Большинство пользователей этой всемирной паутины делают через неё покупки и оплачивают товары и услуги с помощью кредитных карточек. Стоит найти нужный сайт и можно проводить самые разные операции: от установления бизнес-контактов до любых заказов и покупок.

Быстро развивается экономика Интернета. Она ежегодно удваивается. Как-то прочел в газете интересную информацию: за один только прошедший год с помощью Интернета получен доход в 300 миллионов долларов и создано более миллиона новых рабочих мест.

Видные футурологи заговорили о приближении нового века, в котором информация станет наиболее ценным сырьём. Это обещает не менее значительные сдвиги, чем в эру замены мышечной силы механической. По их мнению общество скоро расколется на два класса: обладателей знаний, имеющих доступ к информации в Интернете, с одной стороны, и людей, не владеющих современной технологией общения (новый низший класс) - с другой.

Наш внук Илюша, заканчивающий Корнельский университет по специальности Computer Science, рассказывал, что Америка стоит на пороге величайших потрясений. Уже начало следующего тысячелетия, по его мнению, будет ознаменовано революцией, какой ещё не видел мир. Резкий прорыв в киберпространстве, которого ждут в США вызовет радикальные перемены в повседневной жизни миллионов обычных американцев, а вместе с ними и большинства жителей Земли.

Администрация президента Клинтона выступила с инициативой о разработке проекта «Интернет-2». Этот новый революционный призрак уже бродит по коридорам власти и в научных лабораториях, где будоражит воображение политиков и исследователей. Альберт Гор в ходе избирательной компании поставил перед нацией грандиозную программу-минимум: в кратчайшие сроки разработать и внедрить принципиально новые компьютерные системы и средства связи, которые позволят увеличить скорости и объёмы передачи информации в сотни и тысячи раз. Рекламируя технологическую инициативу Белого дома, он утверждал, что перспективы, открывающиеся с запуском этого проекта сравнимы, а то и превосходят такие величайшие изобретения человечества, как письменность и книгопечатание.

Интернет нового поколения обещает стереть пространственные и временные границы на планете. В недавней публикации на эту тему в одной из русскоязычных газет читал о перспективах одного из направлений проекта - телемедицине. Новые информационные сети смогут спасти тысячи жизней. Возможность быстрой передачи звука и видеоизображения позволит опытным врачам из крупных медицинских центров консультировать хирургов, делающих неотложные операции на сердце в далёких провинциях. Диагностика на расстоянии позволит заблаговременно начать борьбу с ещё не заявившими о себе недугами.

Если в России с её допотопными телефонными линиями приличной до последнего времени считалась скорость передачи информации объёмом в одну страницу за секунду, а в наиболее развитых странах она достигла 30 страниц за такое же время, то через несколько лет в США должны вступить в строй такие линии, которые смогут пропустить 30 книжных томов за ту же секунду. Фантастика! Уму непостижимые скорости и возможности.

Это даже понять трудно. Новые компьютерные системы и средства связи будут осваивать наши внуки. Мне же и сегодняшний Интернет уже не осилить. Я в нём довольствуюсь очень малым.

Читаю, например, свежие газеты на родном языке, издающиеся в Москве, Минске и Нью-Йорке, слушаю радио «Свобода», «Би-Би-Си», «Маяк» и «Голос Америки», вещающие на русском. Это доставляет огромное удовольствие. Мне теперь и не нужны коротковолновые приёмники, передачи которых ещё недавно глушились, а теперь плохо слышны из-за разных помех. Любую интересующую меня газетную публикацию или важное интервью можно тут же отпечатать на принтере.

Я стал широко пользоваться электронной почтой и веду интенсивную переписку с адресатами, живущими не только в Америке, но и в других странах. Особенно важно иметь возможность писать в Россию и получать оттуда письма, ибо почта там пока ещё работает по-прежнему плохо и многие почтовые отправления либо идут месяцами, либо вовсе не доходят. Новая форма связи действует быстро и безукоризненно не зависимо от расстояния.

Возможностью делать покупки через Интернет широко пользуются наши дети. У нас же потребности небольшие и мы поэтому редко обращаемся к такой форме торговли. Тем не менее новый наш монитор мы приобрели по Интернету и притом намного дешевле, чем в магазине.

Многим не пользуемся только потому, что ещё не умеем, а тому что научились мы благодарны детям и мужу нашей внучки Алёнки - Вите, который чувствует себя с компьютером, как птица в полёте или рыба в воде.

Есть, однако, и свои минусы в Интернете. Многие уходят в него так глубоко, что забывают о семье, детях, работе. Первыми тревогу забили в Америке, где уже около половины семей имеют дома компьютеры, а примерно треть из них подключены к сети Интернет. Именно это увлечение, по мнению психологов, стало причиной семейных проблем и многих разводов.

Ряд видных учёных считают Интернет наиболее изощрённой технологией, изобретенной человеком для самоизоляции. Он во многих случаях делает человека отшельником, отрывая его от общественной жизни даже сильнее, чем телевизор. Последствия длительной сетевой коммуникации оказываются иногда плачевными и вызывают порой психическую патологию.

Нам, безусловно, всё это уже не грозит. Компьютер, в том числе и Интернет обогатил нашу жизнь и доставляет нам огромную радость и удовольствие.

110

Пришёл декабрь - месяц семейных праздников. Как вы, наверное, помните в начале, 6-го числа - день моего рождения, в середине, 16-го - день образования нашей семьи, а в конце, 30-го, перед самым Новым годом - день рождения Анечки. Нам обоим исполнялось 75. Дата круглая и знаменательная. Трудно сказать сколько их ещё будет и будут ли они вообще ещё в нашей жизни. В таком возрасте загадывать трудно.

Все праздники отметили в один день - 16 декабря. Так решили потому, что вот уже полстолетия всё у нас с Анечкой стало общим или одинаковым: стремления и интересы, образование и специальность, успехи и неудачи, радости и беды. Все важные события, и в первую очередь праздники, отмечались сообща. Тем более, когда они совпадают по времени. Все в одном месяце.

Семейные торжества, подобные этому, в нашей семье проводятся нечасто, но когда важные события отмечаются, то всегда это делается широко и торжественно. Так было и на этот раз.

В большом зале Brewster News Apartments собрались гости: родственники, друзья, приятели. За отдельным столом сидели внуки - третье поколение Гимельфарбов. Это - наша гордость, наше будущее, самый ценный наш капитал. Они теперь редко встречаются вместе. Сегодня их собрал сюда юбилей бабушки и дедушки. Как повзрослели и похорошели! Я восхищался ими и в уме благодарил их за трудолюбие, прилежность, скромность, уважение к родителям.

Рядом с нами за праздничным столом разместились дети. Напряжённым трудом, большим терпением и невероятным упорством они нашли себя в Америке и вот уже несколько лет успешно работают здесь на инженерных позициях. Чем старше становятся дети, тем больше мы восхищаемся ими и любим их.

Мне даже показалось, что родственники и гости, как и мы, смотрели на наших детей и внуков с восхищением и по-доброму нам завидовали. Не скажу, что на это у них было мало оснований.

Заботы о подготовке и организации вечера добровольно взвалила на свои хрупкие плечи наша невестка Рита. И в том, что праздничный стол выглядел

удивительно красиво, и в зале был образцовый порядок, и обслуживание гостей было как в хорошем ресторане, была в первую очередь её заслуга.

Роль главного режиссёра праздника, как всегда, исполнил наш добрый и заботливый друг Женя. Он и на этот раз отличился своим незаурядным творческим талантом: подготовил остроумный сценарий, сочинил стихи и песни, посвящённые юбилярам, разработал музыкальную программу, блеснул даром тамады.

Пока Рита и Женя заканчивали приготовления к застолью, принимали и усаживали гостей, я мысленно обозревал длинную дорогу от детства до старости. Путь в три четверти века. Века сокрушительных перемен, ломавших жизни и судьбы миллионов. Мне довелось пройти весь путь, выпавший на долю гражданина страны Советов, прошагать с этой страной долгие годы до последнего её вздоха, быть активным творцом социалистической системы. Я искренне верил, что именно она приведёт нас к светлому будущему, за что и поплатился многолетними гонениями и преследованиями. Кроме «пятого пункта» была ещё зависть. из-за которой меня часто вычеркивали из разных списков, в чём-то подозревали, что-то не додавали, куда-то не пускали. Только к концу жизни я вроде прозрел, стал лучше понимать мир и самого себя. Может быть, если бы я такой, какой я есть сейчас, начинал жить заново, мне бы удалось избежать каких-то ошибок, совершённых по недомыслию или по наивности. Возможно. Это мне не дано знать и нельзя уже исправить. Может быть эти ошибки будут уроком для моих внуков.

Кое-кто из друзей и доброжелателей советовали мне «не высовываться». Они искренне считали, что я часто страдал от того, что нарушал этот неписаный закон, якобы гарантирующий спокойную жизнь «лицам еврейской национальности», как величали евреев в нашем отечестве. Мне было трудно с этим примириться. Многие мои коллеги - евреи, следовавшие этому принципу, теряли к себе уважение. Они сознательно лишались человеческого достоинства. Моё кредо было иным: я считал себя полноправным членом общества, трудился в полную силу и хотел чтобы меня, как других, уважали за это, несмотря на мою еврейскую фамилию.

75 лет для человеческой жизни это большая высота. Наверное, это уже та критическая отметка, когда начинается движение в обратную сторону, когда человек, как говорил Шолом Алейхем, уже идёт с ярмарки. Мне же порой кажется, что к старости я не то, чтобы стал умнее - это, наверное, невозможно, а стал нравственнее, добрее. Не зря же в английских поговорках сказано: «С годами ты становишься не

старше, а лучше» или: «С возрастом приходит мудрость». Я всё больше убеждаюсь в том, что возраст не обязательно определяется количеством лет. В мои молодые годы 50-летние считались стариками. Сегодня мой приятель и партнёр по шахматам Иосиф Эрман, которому за 70, ежедневно пробегает по 3-4 километра так, что не каждому молодому за ним угнаться. Он советует забыть о календаре и перестать считать свои дни рождения.

И всё же, поговорки поговорками, но что бы кому не казалось и что бы кто не советовал, а возраст есть возраст и на восьмом десятке не покидает мысль, что всё главное в твоей жизни в прошлом.

Какой же была она (жизнь)? Было в ней и хорошее, и плохое. Если отбирать в памяти всё хорошее, то хорошая жизнь получается. Если же вспоминать всё плохое, то вроде бы получается плохая жизнь.

Нельзя сказать, что я малого достиг в прошлом. Был довольно быстрый рост по службе, когда к 30 годам стал главным инженером, а в 40 уже был генеральным директором большого предприятия. Избирали меня депутатом Советов разных уровней, наградили многими орденами и медалями. Десятки моих творческих разработок удостоены авторских свидетельств и патентов, отмечены золотыми и серебряными медалями, почётным званием Заслуженного изобретателя. Были титулы, признание, успехи. Они, правда, мне давались со значительно большими усилиями, чем другим, и не с первого захода. В этом, наверное, их ценность.

Были ли периоды счастья? Конечно были. И немало. Жизнь становится счастливой и интересной, когда ты к чему-то стремишься, чего-то добиваешься и достигаешь. А я ко многому стремился и немало чего достиг.

Много хорошего всё же досталось мне на моей бывшей родине. Это факт. От него никуда не уйдёшь. Там я был долго и по-настоящему счастлив. И в любви, и в семье, и в дружбе, и в работе.

Были и трагические периоды. Не обошлось без потерь. Рано ушли родители, погибли в войну старшие братья, расстреляны в гетто все мои родственники. Самой ужасной трагедией стала болезнь и смерть нашего сына Мишеньки. С ним как бы ушла часть моей души, моей жизни.

Много горя и страданий принесла война! Она отняла здоровье и сделала меня на всю жизнь инвалидом. А сколько душевной боли довелось вытерпеть, находясь в многолетней опале, из-за незаслуженных обид, травли, гонений, преследований.

Терпеть и страдать стало делом привычным в те трудные годы. Я утешаю себя тем, что всё же как-то выжил в годы борьбы с космополитизмом, международным сионизмом и в других кампаниях государственного антисемитизма. Другие, подобные мне, лишались постов и званий, оказались в тюремных застенках и котлованах ГУЛАГа. Многие не вынесли террора.

Нелегкой была жизнь. Она чем-то зебру напоминает: чёрные полосы чередовались со светлыми. И всё же, обозревая прожитое с высоты своих лет, прихожу к выводу, что она сложилась в общем хорошей, богатой важными событиями и была полна борьбы. И хоть в ней не всегда были победы, я могу сказать с полной уверенностью, что своим поведением, своей жизненной позицией в борьбе за выживание и человеческое достоинство я, в общем, доволен и мне мало о чём приходится сожалеть. В итоге можно признать, что жизнь удалась. Она была трудной, но в целом счастливой.

Главной удачей в ней считаю свою семью. Миф о счастливом браке гласит, что у каждого человека где-то в мире бродит идеально подходящая ему вторая половина, которую нужно лишь только найти, а дальше дело пойдёт само собой. Но это только миф. А правда заключается в том, что прожив рядом долгие годы не все и не во всём понимают друг друга. Теперь, когда нашему брачному союзу исполнилось более полвека, я могу с полной уверенностью сказать, что в далёкой своей молодости мне удалось отыскать идеально подходящую мне вторую половину. Это совсем не значит, что по каждой жизненной ситуации мы имеем одно мнение, придерживаемся одинаковых взглядов. Совсем наоборот. Мы часто спорим и доказываем друг другу свою правоту, В результате приходит согласие. Часто при этом мне приходится уступать.

За полстолетие я ни разу не усомнился в правильности своего выбора, в прочности своего тыла, в верности своего спутника жизни, её беззаветной преданности мне, детям и внукам. Она всегда была нашей опорой и надеждой и я до конца своей жизни буду ей за это безмерно благодарен. Сознаю, что часто огорчал её и от души об этом сожалею.

Существует расхожее мнение, что жена это профессия. Я полностью с этим согласен и могу сегодня сказать, что своему здоровью и работоспособности на восьмом десятке лет я обязан в первую очередь высокому профессиональному уровню и отличным деловым качествам супруги.

Отцы и дети - вечная проблема. Сейчас она стала особенно острой. Очень важно не отпугнуть детей и внуков, сохранить нить, которая связывает нас воедино. Мы с женой понимаем это и стараемся им советами не надоедать, но в исключительных случаях всё же это делаем и очень признательны за понимание и терпение. У нас, конечно, разные взгляды и подходы к житейским проблемам и они не всегда беспрекословно слушаются наших советов, но мы с Анечкой едины в том, что нам здорово повезло в жизни: у нас прекрасные дети и замечательные внуки.

Теперь наступил рубеж старости. Никуда от этого не уйдёшь. Согласно классификации геронтологов, возраст от 75 до 90 лет считается уже старческим, а от 90 и выше - век долгожителей. Наверное, мне это не грозит. Хочется надеяться, что старость не будет сопровождаться только отрицательными атрибутами - ворчанием, шаркающей походкой и специфическими для этого возраста болезнями.

Старость - это часть нашей жизни и у неё могут и должны быть свои радости. У нас с Анечкой немало оснований быть в эту пору счастливыми. Наш роман начался в первом послевоенном году и продолжается до сих пор. Чувства, которые соединили нас, удалось сохранить. Больше всего я ценю в ней внимание, теплоту и доброту ко мне, заботу о наших детях и внуках. У нас много общих интересов и нам вместе никогда не бывает скучно.

Мы не обделены вниманием и чуткостью детей. В их радостях и удачах - источник нашего счастье. Уже почти взрослыми стали внуки. Они радуют своими незаурядными способностями. Скоро окончат университеты и уйдут в большую взрослую жизнь. Есть все основания надеяться, что она будет успешной.

Для меня самой большой радостью в жизни был труд и общение. Слава Б-гу, в свои преклонные годы я ещё могу работать и пользуюсь этой возможностью с удовольствием. Как и раньше, мой рабочий день начинается не позднее шести утра. Я много читаю, пишу, люблю природу, шахматы, музыку. У меня хорошие друзья и общение с ними мне очень приятно. О старости вроде и думать некогда. Я занят по уши и на восьмом десятке.

Воспоминания прервал Женя Шусторович, объявивший начало вечера. Его вступительное слово было торжественным и полным тонкого юмора. Разработанный им сценарий, кроме многочисленных тостов, включал весёлые игры, музыку, песни и танцы. Была викторина с призами победителям и многое другое.

Запомнились поздравления и тосты детей и внуков. Некоторые из них были в стихах. Приветственный адрес тамады был насыщен хвалебными эпитетами, которыми явно завышались достоинства и заслуги юбиляров. Наверное, так принято в подобных случаях и мы воспринимали это с понижающим коэффициентом на юбилей.

Наш гость Эмма Зельдина, профессиональный музыкант и дирижёр, возглавила импровизированный хор, исполнивший много русских и еврейских песен из репертуара нашей молодости. Вместе с Женей они спели несколько задушевных песен, сочинённых им специально к этому торжеству. Допоздна танцевали и веселились участники праздника.

Сердечные поздравления и душевные чувства, выраженные в прозе, стихах и музыке вызвали у нас, юбиляров, эффект опьянения. От всего сердца благодарили мы гостей за добрые слова и тёплые пожелания.

Юбилей на долго останется в нашей благодарной памяти.

111

Шёл декабрь 1999-го года. Стремительной поступью приближался новый 2000-й год, новое столетие - тысячелетие. Круглая цифра с тремя нулями обладает магической притягательностью. Миллениум - это ведь не простая астрономическая смена летоисчисления. На рубеже веков, тем более тысячелетий, одни ожидают «конца света», другие подводят итоги прошедшего или пытаются заглянуть в будущее. Не стало исключением и наступление 21-го столетия.

Когда большинство жителей планеты Земля готовились торжественно отметить знаменательную дату и предвкушали радостный миг боя часов и звона бокалов с шампанским во славу нового века, другие в тревоге ждали решения «Проблемы-2000» или, как её ещё называли «Ошибки -2000».

Рациональный автоматизированный мир, управляемый главным образом компьютерами, подбросил человечеству задачу, над разрешением которой весь уходящий год бились не только лучшие специалисты-программисты ведущих стран мира, но и, казалось бы, далёкие от всего этого видные политики, экономисты и государственные деятели всех континентов Земного шара.

Пресловутая загадка 20-го века была зачата в начале 50-х годов, когда писались первые компьютерные программы по обработке дат. Затраты на хранение информации были большими, и вместо четырёхзначного обозначения года ввели

двухзначное. Никому тогда в голову не пришло, что когда-то настанет 31 декабря 1999-го года, часы пробьют полночь и придёт Новый год. Двухтысячный. И программа обработки дат в компьютерах сменит две девятки года на два нуля. И случится Хаос... Одни компьютеры просто зависнут, другие - будут гнать ошибки и давать сбои. А что такое ошибка компьютера в аэропорту или, скажем, на атомной электростанции? Катастрофа.

«Недоразумения», связанные с некорректной обработкой дат с 1-го января 2000-го года, могли коснуться многочисленных структур, которые связаны с такими областями, как финансы, планирование и, что ещё во сто крат опаснее, запуск баллистических ракет или управление спутниками. По худшим предсказаниям, несвоевременное исправление допущенной полвека назад ошибки могло привести к страшным бедствиям с непредсказуемыми последствиями.

Конечно, люди, которые несли ответственность за предотвращение катастрофы, не сидели сложа руки. К решению этой проблемы привлекли тысячи лучших специалистов. Фирмам, занимавшимся предотвращением этой беды были выделены многомиллионные специальные кредиты. Именно потому, что компьютерная индустрия охватила самые разнообразные сферы деятельности человека и масштаб её проникновения в нашу жизнь стал таким большим, работа предстояла поистине огромная. Наибольшая опасность нависла над высокоразвитыми странами и, в первую очередь, Америкой. Всерьёз озаботились американские сенаторы и правительство США. Лидеры «Большой восьмёрки» на встрече в Бирмингеме приняли по этому поводу специальное решение.

Оптимисты заверяли, что задача будет решена, и Чернобыль в 2000 году не повторится. И всё же тревога сохранялась до самой новогодней ночи. Только с наступлением первых дней нового столетия люди свободно вздохнули, поняв, что эта проблема им больше не грозит.

Вместе с тем «Ошибка-2000» показала, что компьютерная революция, кроме благ, которые она сулит человечеству, таит в себе и немало тревог. С серьёзными предупреждениями на этот счёт выступили социологи и демографы, юристы и политики, специалисты компьютерных технологий. Она оказывается таит в себе опасность для демократии, угрожает независимости личности, несёт угрозу здоровью людей и окружающей среде. Многие педагоги считают, что компьютеры не сделают детей умнее и счастливее, а напротив, они могут стать более одинокими,

депрессивными и даже интеллектуально и нравственно отсталыми. Врачи говорят, что длительное нахождение у голубого экрана может вызвать эмоциональную и физическую деградацию человека. Особую тревогу вызывает усиление влияния крупнейших корпораций на внутреннюю и международную политику, а также возможность тотального контроля за направленностью интересов и поведением граждан. Страшную опасность представляет потенциальная возможность злоумышленников проникать в компьютерные сети военных ведомств и систем управления ракетно-ядерным оружием. Новые компьютерные технологии могут иметь и другие серьёзные негативные последствия.

Есть, однако, основания надеяться, что все возможные беды удастся предотвратить и в наступающем столетии электронная технология будет способствовать небывалому в истории экономическому прогрессу, росту образования и культуры, утверждению социальной справедливости и демократии, сближению народов.

К сожалению, на рубеже веков эти проблемы оказались не единственными. В обозримой истории человечества самыми опасными были периоды смены одной технологической эры другой. Это можно проследить на примерах перехода из кочевого состояния в оседло-земледельческую эру и смене её индустриальным периодом. В первом случае процесс становления великих империй Египта, Китая и Рима сопровождался мучительными социальными и военными конфликтами, приведшими к сотням тысяч загубленных жизней, а второй сопровождался серией революций и войн, в том числе и мировых, сотрясавших почти все европейские нации и государства, жертвами которых стали десятки миллионов людей. Паровая машина и электрический генератор настолько меняли привычное устройство жизни, что социальные катаклизмы оказались неизбежными. Не обходятся и сейчас без революций и гражданских войн многие страны, вступившие в период индустриализации.

С конца Второй мировой войны человечество сделало следующий шаг и входит в новую хозяйственно-экономическую эру. Бурное развитие новых технологий проникает во все отрасли производства, в вооружение и коммуникации, расшатывает привычные формы существования. Оно изменяет скорость общественных процессов и может стать опаснейшим порогом для индустриально развитых стран в 21-ом веке.

Кровавые смуты, поджидающие нас в наступающем столетии, могут быть не меньшими, чем они оказались в прошлом 20-ом веке.

Уходящее столетие, потрясённое двумя мировыми войнами и кровопролитиями в поистине апокалипсических масштабах породило большевизм и фашизм, приведшие к гибели более ста миллионов жертв. В мире не было и нет ничего страшнее гитлеровских лагерей смерти и сталинского ГУЛАГа. Век уходящий прошел под знаком массового человекоубийства, виновниками которого стали честолюбивые политики, фанатики, злодеи и невежды. Это должно стать главным уроком 20-го века, ставшего страшным символом тоталитаризма.

Что принесёт нам 21-е столетие?

С развалом СССР окончилось противостояние двух сверхдержав, напичканных запасами ракетно-ядерного оружия, которого хватило бы не только для их взаимного самоуничтожения, но и для всемирной катастрофы и гибели цивилизации на планете Земля. К концу века осталась только одна сверхдержава - США и нет больше холодной войны между мировыми гигантами, которая в любое время могла стать настоящей - горячей. Америка - демократическое государство, которому чужды идеи тоталитаризма и агрессии. Но есть ли уверенность, что новое столетие будет мирным?

Отнюдь нет. Пожары войны не затухают во многих странах, но самым опасным очагом эпохального побоища стал Ближний Восток. Можно с большой долей достоверности утверждать, что военная история второго тысячелетия не знает аналогов событиям, произошедшим на древней земле моей исторической Родины за полстолетия существования государства Израиль. В этом коротком по историческим масштабам отрезке времени оно успело пережить пять войн с арабскими странами, армии которых по численности и количеству военной техники значительно превосходили израильскую. Здесь складывается парадоксальная ситуация. Чем сильнее стремится Израиль к миру, тем больше препятствий возникает на его пути. Пять десятилетий отмечены слезами и кровью.

Сразу же после Шестидневной войны, из которой еврейское государство вышло победителем, оно провозгласило своё согласие возвратить большинство завоёванных земель в обмен на мир. Последовало более трёх десятков лет террора и смерти.

Стремлением к миру были продиктованы соглашения с палестинцами подписанные в Осло в 93-ем году, когда Израиль, для прекращения опасного противостояния с соседними арабскими государствами, пошёл на неслыханные уступки. Не многие дипломатические акты конца нашего века вызвали столь противоречивую оценку. Одни называют эти договорённости судьбоносными, видят в них не только продолжение ближневосточного мирного процесса, но и основу для всеобъемлющего договора с арабами и начала новой эры в жизни этого взрывоопасного региона. Другие, в самом Израиле и в диаспоре, проклинают инициаторов этого договора и видят в нём очередной шаг к национальной катастрофе, началом которой может стать провозглашение палестинского государства. Они возмущаются, предупреждают, негодуют...

Обе стороны выдвигают веские аргументы в свою пользу. Противники соглашения исходят из того, что лидерам палестинцев во главе с Арафатом верить нельзя. Их глобальная цель - уничтожение Израиля и никакие договорённости ничего изменить не могут. В подтверждение этому, к сожалению, немало оснований. Исламские фундаменталисты открыто заявляют о непризнании любого договора с израильтянами, продолжении террора и войны с ними. Об этом не перестают повторять политические и религиозные лидеры из Багдада, Тегерана и Дамаска. Не прекращается антиизраильская пропагандистская кампания в средствах массовой информации. В палестинских школах дети воспитываются в духе непримиримости и ненависти к евреям. Мечети всецело находятся в руках воинствующих исламистов.

Многие военные специалисты утверждают, что для небольшого еврейского государства, не обладающего стратегической глубиной для обороны страны, передача значительной территории губительна, так как лишает его оперативного простора для развёртывания своих войск в случае нападения соседей.

Предусмотренное соглашениями освобождение из тюрем соучастников террора усиливает ряды бандитов и приводит к эскалации кровавых акций против мирного населения Израиля.

Создаваемые по этим договорённостям «коридоры» между сектором Газы и Западным берегом реки Иордан станут источником всяческого беспокойства и разрежут страну кровавыми полосами.

Выдвигались и другие не менее важные доводы «против», которые в целом сводятся к тому, что образование независимого палестинского государства на Святой земле грозит существованию государства Израиль.

Сторонники приведенных взглядов не только возражали, предупреждали и угрожали, но и привели некоторые свои угрозы в исполнение. Их жертвой стал инициатор соглашения с палестинцами, глава правительства Израиля Рабин.

И всё же большинство израильтян поддерживают курс на продолжение мирного процесса. Курс правительства Натаниягу и особенно, пришедшего ему на смену кабинета Барака свидетельствует о стремлении к миру, реализме лидеров страны в оценке будущего всего Ближнего Востока, их понимании безусловной истины: военного решения ближневосточной проблемы не существует.

Арабы могут проиграть ещё несколько войн, но их противостояние будет всегда дамокловым мечом, висящим над Израилем. С другой стороны - враждебные еврейскому государству силы никогда не смогут добиться своей заветной цели - уничтожить эту страну.

Если мировое сообщество добьётся от палестинских лидеров выполнения договорённостей о прекращении антиизраильской пропаганды, то в обозримом будущем может произойти перелом в сознании и возникнет новый политический и психологический климат в отношениях между народами этого региона..

Мирный процесс открывает перспективы развития торговли и научно-технического сотрудничества с арабо-мусульманским миром, что взаимовыгодно и создаёт большие возможности в преодолении отсталости большинства государств Ближнего Востока.

Целеустремлённость и убеждённость премьер-министра Израиля Эхуда Барака - недавнего воина, а теперь израильского политика номер один, воюющего на Земле обетованной за мир для современников и потомков, подкупает даже многих противников его курса. Мировое сообщество во главе с Америкой всё более поддерживают миролюбивые предложения еврейского государства, но лидеры палестинцев уклоняются от подписания мирного договора, требуя всё новых, порой абсолютно неприемлемых уступок. Кроме передачи половины Иерусалима под столицу своего независимого государства, они настаивают на возвращении миллионов арабских беженцев, что само по себе означает прекращение существования Израиля.

Глава палестинской автономии Ясер Арафат проявляет всё большую неуступчивость, чувствуя за своей спиной лидеров Сирии, Ирака, Ирана и других арабских государств, которые не раз демонстрировали своё враждебное отношение к Израилю. А неуступчивость в этом регионе неоднократно оборачивалась в прошлом кровопролитием.

Теперь уже многие ведущие политики мира и сами израильтяне понимают, что новое соглашение, если даже оно вступит в силу, не прекратит террор, не приведёт к прочному, стабильному миру, но дверь к нему вновь открыта. Путь войны - это дорога в никуда, а противостояние тяжким бременем лежит на маленьком еврейском государстве. Хочется верить, что в этом районе Земли снова не возгорится пожар войны, что враждебные миру силы не добьются своей заветной цели - уничтожить Израиль.

К сожалению, не только израильтяне, но и евреи, живущие в диаспоре, с тревогой вступают в новое столетие. Их одолевает прежняя проблема - антисемитизм. С ним, на жаль, до сих пор не покончено. Он приобрёл теперь иные формы. Сейчас мало кто осмеливается открыто признать себя антисемитом. Может даже показаться, что на земле больше не осталось антисемитов и у самого гонимого народа нет уже врагов.

Как я уже упоминал, те, кто раньше называл себя антисемитом, стали пользоваться термином «антисионист» Так называли себя те, кто арестовывал деятелей еврейской культуры в СССР. Так и сегодня называют себя те, кто отрицает существование еврейского народа, мечтая об уничтожении государства Израиль. Они утверждают, что евреев объединяет только вероисповедание. Все современные антисемиты говорят, что они противостоят только тем евреям, которые привержены своей национальности и вере. Лишь Гитлер и его фашистские сподвижники открыто признавали, что ненавидят всех евреев поголовно и потому всех подряд, без разбора, уничтожали.

Но теперешние антисионисты на самом деле мало чем отличаются от других разновидностей антисемитов и ведут политику, которая может привести к массовому уничтожению евреев.

Как и раньше, антисемитизм наиболее ярко проявляется на моей бывшей родине. Всё чаще звучит в России, Украине, Белоруссии слово «жид». В самом разном, но безусловно отрицательном контексте. Его используют взрослые, чтобы

выразить своё отношение к конкретным оппонентам или к евреям вообще. Слово это используют и дети. Это куда страшнее. Антисемитизм неизлечим и передаётся по наследству.

Если в СССР это мерзкое слово вслух произносили только пьяницы и невежды, то теперь его можно увидеть на страницах газет и журналов, услышать по радио или телевидению. Как я уже упоминал, оно произносится даже с трибуны российской Госдумы, где распоясавшийся генерал, депутат Макашов открыто призывал русский народ «к топору» и грозился отправить «всех жидов по списку». Нетрудно догадаться куда именно.

К сожалению, угрозы в адрес евреев не ограничиваются словесными призывами. В последнем году уходящего столетия имело место ряд открытых антисемитских террористических акций в Москве и других городах России. Жертвами их стали служители культа, деятели еврейских культурных центров.

Один из террористов, доставленный в милицию для допроса заявил, что он представляет армию российских национал-патриотов, чья цель - «очистить Россию от инородцев, в первую очередь - от евреев». На его груди была татуировка в виде фашистской свастики.

Эти происшествия - результат безнаказанности людей, в открытую призывающих к насилию. Конечно, такие случаи пока единичны. Нельзя отождествлять русский народ с антисемитами. Он в целом интернационален. Однако подобные вылазки очень опасны, особенно если учесть, что они имеют место не только в моём бывшем отечестве, но и во многих других странах, включая даже благодатную демократическую Америку. В том же году и здесь имело место потрясающее событие, когда мужчина вошёл в еврейский летний лагерь в Лос-Анджелесе и открыл стрельбу по маленьким детям (двоим из раненых было по шесть лет, одному пять).

Тем не менее, есть основания верить, что Холокост в 21-ом веке и в наступившем новом тысячелетии не повторится.

Немало проблем возникает в связи с быстрым ростом населения Земного шара. По подсчётам американского Бюро переписи населения в завершающем году уходящего века произошло историческое событие: родился 6-миллиардный житель планеты. Менее чем за 40 лет количество людей на земле удвоилось.

Потребовались тысячелетия, чтобы мировое население к началу 19-го столетия достигло миллиарда человек. Понадобилось только полтора века для увеличения численности людей в три раза. И вот - новый скачок. Демографы подсказывают, что к середине нового столетия в мире опять станет вдвое больше людей. И это вызовет огромные проблемы. Уже сейчас более 300 миллионов людей живут в регионах, где не хватает воды. Если нынешний уровень рождаемости сохранится, к 2050 году в таких условиях могут оказаться несколько миллиардов человек.

Росту населения будет способствовать увеличение средней продолжительности жизни. За последнее полстолетие в бедных странах она возросла с 40 до 60 лет, а в богатых - с 66 до 75. Сейчас в мире живут около 60 миллионов человек в возрасте от 80 до 90 лет и более 7 миллионов - 90-100 летних., а в 2025 году, по подсчётам специалистов, на земле будет около миллиарда людей старше 60 лет. Впервые число пожилых людей от 65 лет и выше приблизится к числу детей.

Серьёзную угрозу для человечества представляют расползание по странам и континентам ядерного оружия, нищета, голод и болезни, наиболее опасными из которых являются СПИД, туберкулёз, малярия.

Важную роль в решении проблем нового столетия-тысячелетия призвана сыграть Организация Объединённых Наций. С вызовами глобализации не может справиться отдельное государство или отдельно взятое правительство. Решать возникшие проблемы нужно сообща. Генеральный секретарь ООН Коффи Аннан выступил с инициативой созыва в 2000-ом году «Саммита тысячелетия» с участием глав государств и правительств для рассмотрения важнейших проблем и принятия по ним определённых рекомендаций и решений. Его призыв нашёл поддержку практически во всех государствах Земного шара. Народы мира доверяют своим лидерам решение их судеб.

Хотелось бы надеяться, что эти надежды оправдаются и люди Земли будут жить в новом столетии в достатке, мире и согласии.

Моя жизнь в новом веке, при любом раскладе, будет недолгой. Мечтаю только о здоровье, благополучии, спокойствии своей большой семьи.

В приветствии моего друга Жени Шусторовича к нашему 75 летию сказано:

Вечен мир и любовь тоже вечная.

Жизнь начавшись идёт без конца...

Не умрёт в детях память сердечная -

В них за нас бьются наши сердца.

Добрая память не поддаётся забвению. Хочется сказать детям и внукам, своим родным и близким: Спешите делать добро! Помогайте друг другу, старайтесь разделить чужую боль. Берегите память о тех, кто проявлял чуткость и заботу о Вас, ограждал от беды и любил Вас.

Жизнь продолжается, она становится краше, богаче, выходит на новые ступени развития. Её эстафету приняло новое поколение - наши потомки.

Пусть будут они счастливы!